

Михаил Бакунин

**Собрание сочинений и писем
(1828-1876)**

Бакунин Михаил
Собрание сочинений и писем
(1828-1876)

КЛАССИКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ
ДОМАРКСИСТСКОГО ПЕРИОДА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ И. А. ТЕОДОРОВИ-
ЧА

М. А. БАКУНИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

1828-1876

ОГЛАВЛЕНИЕ

общее для всего тома No 4: "Исповедь" ,

письма

Предисловие ...

No 534. Письмо Адольфу Рейхелю от 15 ок-
тября 1849

No 535. Письмо адвокату Ф. Отто I от нача-
ла ноября 1849

No 536. Письмо адвокату Ф. Отто I от 12 но-
ября 1849

No 537. Письмо Адольфу Рейхелю от 24 но-
ября 1849

No 538. Письмо Адольфу Рейхелю от 9 де-
кабря 1849

No 539. Письмо Матильде Рейхель от 16 ян-
варя 1850

No 540. Письмо Матильде Рейхель от 16
февраля 1850

№ 541. Письмо адвокату Францу Отто от 17 марта 1850

№ 542. Защитительная записка М. Бакунина от декабря 1849 апреля -1850

№ 543. Письмо Адольфу Рейхелю от 7 апреля 1850

№ 544. Письмо Адольфу Рейхелю от 11 мая 1850

№ 545. Письмо Матильде Рейхель от 11 мая 1850

№ 546. Заявление перед допросом в Ольмюце 15 апреля 1851 ...

№ 547. Исповедь от июля-августа 1851 (см. отдельно, ldn-knigi.narod.ru)

№ 548. Письмо родным от 4 января 1852

№ 549. Письмо родным от 4 февраля 1852

№ 550. Письмо родным от 13 апреля 1852

№ 551. Письмо родным от 16 мая 1852

№ 552. Письмо родным от 15 августа 1852

№ 553. Письмо родным от 29 сентября 1852

.....

№ 554. Письмо родным от 12 ноября 1852

.....

№ 555. Письмо родным от начала января 1853

№ 556. Письмо родным от 10 февраля 1853

.....

№ 557. Письмо Елизавете Васильевне Бакуниной от 9 апреля 1853 .

№ 558. Письмо родным от конца апреля 1853

№ 559. Письмо брату Павлу от конца апреля 1853

№ 560. Письмо родным от 4 июня 1853

.....

№ 561. Письмо к матери от 10 июля 1853

.....

№ 562. Письмо сестре Татьяне от 16 сентября 1853

№ 563. Письмо родным от 15 ноября 1853

.....

№ 564. Письмо родным от февраля 1854

.....

№ 565. Письмо родным от февраля 1854

.....

№ 566. Письмо сестре Татьяне от февраля 1854

№ 567. Письмо сестре Татьяне от начала мая 1854

№ 568. Письмо сестре Татьяне от июня 1854

№ 569. Письмо к матеря от 19 июля 1854

№ 570. Письмо к Е. И. Пущиной от июля 1854

№ 571. Письмо к Е. И. Пущиной от 6 сентября 1854

№ 572. Письмо сестре Татьяне от 9 октября 1854

№ 573. Письмо родным от 24 ноября 1854

№ 574. Письмо к Е. И. Пущиной от начала 1855

№ 575. Письмо к Е. И. Пущиной от мая 1855

№ 576. Письмо к матери от июля 1855

№ 577. Письмо к матери от августа 1855

№ 578. Письмо к Е. И. Пущиной от августа

1855

 No 579. Письмо к Е. И. Пущиной от осени

1855

 No 580. Письмо к матери от осени 1855

.....

 No 581. Письмо к Е. И. Пущиной от конца

1855

 No 582. Письмо родным от 18 января 1856

.....

 No 583. Письмо к Е. И. Пущиной от начала
апреля 1856

 No 584. Письмо родным от середины апре-
ля 1856

 No 585. Письмо к матери от конца мая 1856

.....

 No 586. Письмо к Е. И. Пущиной от конца
мая 1856

 No 587. Письмо к матери от августа 1856

.....

 No 588. Письмо к Е. И. Пущиной от конца
августа 1856

 No 589. Шифр для переписки

 No 590. Письмо брату Алексею от 3 февраля
1857

 No 591. Письмо князю В. А. Долгорукову от

3 февраля 1857

Но 592. Письмо князю В. А. Долгорукову от
14 февраля 1857 ...

Но 593. Прощение на имя Александра II от
14 февраля 1857

Но 594. Письмо князю В. А. Долгорукову от
22 февраля 1857 ...

Но 595. Письмо брату Алексею от 23 февраля
1857

Но 596. Подписка М. А. Бакунина от 5 марта
1857

Но 597. Расписка М. А. Бакунина от 27 марта
1857

Но 598. Письмо князю В. А. Долгорукову от
29 марта 1857 ...

Но 599. Письмо к матери от 29 марта 1857
.....

Но 600. Письмо генералу Я. Д. Казимирско-
му от 12 августа 1857 .

Но 601. Письмо к матери от 28 марта 1858
.....

Но 602. Письмо генералу А. Озерскому от 14
мая 1858

Но 603. Письмо князю В. А. Долгорукову от
16 июня 1858

- № 604. Письмо А. И. Герцену от лета 1858
.....
- № 604 бис. Письмо Адольфу Рейхелю от 15 декабря 1858
- № 605. Письмо М. Н. Каткову от 21 января 1859
- № 606. Письмо кузинам Е. М. и П. М. Бакуниным от января 1859 .
- № 607. Письмо кузинам А. М., Е. М. и П. М. Бакуниным от 4 марта 1859
- № 608. Письмо П. В. Анненкову от 25 февраля 1860
- № 609. Письмо М. Н. Каткову от 21 июня 1860
- № 610. Письмо А. И. Герцену от 7-15 ноября 1860
- № 611. Ответ "Колоколу" от 1 декабря 1860
.....
- № 612. Письмо А. И. Герцену от 8 декабря 1860
- № 613. Письмо М. Н. Каткову от 2 января 1861
- № 614. Письмо к Д. Е. Бенардаки от 14 января 1861
- № 615. Письмо к Н. С. Корсаковой от нача-

ла февраля 1861 . . .

Но 616. Письмо брату Николаю от 1 февраля 1861

Но 617. Докладная записка М. А. Бакунина генерал-губернатору Восточной Сибири от 13 мая 1861

Комментарий.

Именной указатель

В ТЮРЬМАХ И ССЫЛКЕ

1849-1861

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том собрания сочинений и писем М. А. Бакунина охватывает время с конца 1849 г. по 1861 г., т. е. один из самых трагических периодов его жизни, годы его тюремного заключения и ссылки. К этому периоду относится не только ряд чрезвычайно интересных и для тогдашнего состояния Бакунина характерных писем, но и несколько документов общественного значения, могущих (с поправками, необходимыми при оценке составленных в неволе писаний) дать немаловажный материал для биографии Бакунина вообще и для

характеристики его социально-политических взглядов в частности: мы имеем в виду его письмо к своему защитнику Отто от 17 марта 1850 года (в этом томе No 541), его защитительную записку, писавшуюся с декабря 1849 г. по апрель 1850 г. (в этом томе No 542), и в особенности его знаменитую "Исповедь" от июля-августа 1851 г. (No 547), не считая его писем к М. Н. Каткову (в этом томе NoNo 605, 609 и 613) и к А. И. Герцену (NoNo 610, 611 и 612). Некоторые из этих документов неоднократно использовались историками и в частности биографами Бакунина, будут использоваться ими и впредь в виду представляемого ими огромного интереса и содержащегося в них богатого материала, зачастую впрочем нуждающегося в тщательной проверке.

Отличием настоящего тома от предыдущих является то, что, несмотря на его сравнительно большой объем, он содержит всего 84 документа. Но зато, как мы выше указали, в числе этих документов имеется несколько весьма обширных, особенно "Исповедь". Все эти документы были уже опубликованы на русском языке. Так письмо к Отто впервые

опубликовано нами в I томе книги о Бакуни-
не в 1920 г. Письма к А. И. Герцену были опу-
бликованы в 1896 г. М. П. Драгомановым в Же-
неве с недоступных для нас оригиналов, хра-
нящихся до сих пор в Герценовском

архиве в Лозанне, так что нам пришлось
перепечатать их со всеми ошибками, которые
столь часты в небрежных изданиях Драгома-
нова (за исключением явных описок или опе-
чаток, которые мы исправляли по смыслу, в
каждом отдельном случае оговаривая наши
исправления). Защитительная записка Баку-
нина и письма его к Каткову публиковались
дважды: Вяч. Полонским (в журналах и в то-
мах I и II "Материалов для биографии Бакуни-
на"), но с рядом ошибок и искажений, так что
его текстом пользоваться опасно. Мы печата-
ем все эти документы с оригиналов кроме
"Защитительной записки", немецкий текст
которой, хранящийся в пражском архиве,
пришлось для перевода взять из книги В. Чей-
хана "Бакунин в Чехии" (этим же текстом
впрочем пользовался и Вяч. Полонский). "Ис-
поведь" также публиковалась дважды: а пер-
вый раз - редакцией журнала "Исторический

Архив" в 1921 г., второй раз в исправленном виде В. Полонским в томе I его "Материалов для биографии Бакунина". Однако и это второе издание не свободно от ошибок, подчас весьма грубых и искажающих смысл. В нашем издании она перепечатана с оригинала, хранящегося в Архиве Революции, и впервые появляется наконец в точном виде (если не считать транскрипции).

Наше издание отличается от прежних не только своею полнотою и точностью, но и подробным комментарием, сопровождающим все публикуемые тексты. Все перечисленные нами выше документы, и много других, вошедших в этот том, снабжены комментарием, стремящимся осветить все имена и события, упоминаемые в комментируемых писаниях Бакунина. Чтобы дать понятие о тщательности, с которою составлен этот комментарий, укажем, что к одной "Исповеди" сделано 270 примечаний, в том числе немало довольно обширных и детальных. Это конечно не значит, что нам удалось ответить на все вопросы, возбуждаемые этим незаурядным историческим документом, выяснить все факты и

всех людей, о которых он говорит или на, которые намекает, установить все связанные с ними даты и места. Этого не допускает состояние наших библиотек и архивов, по крайней мере поскольку выявлено их содержание. Мы не могли найти в них многих книг и словарей, газет и журналов, особенно старых, не только иностранных, но и русских и т. п. Тем не менее мы можем без риска быть опровергнутыми утверждать, что сделали в этом отношении почти все доступное, хотя не скрываем от себя, что многое здесь следовало бы еще добавить.

В заключение повторяем нашу просьбу к читателям : сообщать нам обо всех известных им материалах о М. А. Бакунине, в частности о неопубликованных еще рукописях, письмах, сочинениях, портретах и т. п., по адресу: Москва, площадь Свердлова 2/4. "Метрополь", 1-й. подъезд, кв. 12, Ю. М. Стеклову.

Ю. С.

5 июня 1934 года.

Москва.

М. А. БАКУНИН

В ТЮРЬМАХ И ССЫЛКЕ

Письма

Перевод с немецкого. №534.-Письмо Адольфу Рейхелю.

(15 октября 1849 года). (Кенигштейнская крепость).

Бедный друг, ты не долго был счастлив. Иетта (Первая жена Рейхеля.) умерла. Это известие меня потрясло, так неожиданно оно пришло. Я не стану пытаться утешать тебя; нет утешения для такой потери. Время - глупое утешение. Но ты имеешь сына, которому ты должен быть заодно отцом и матерью: это- живое наследство от нее. Это- еще счастье; ибо счастье-быть необходимым существу, которое любишь. Я тем лучше могу оценить это счастье, что у меня его совсем нет. Твое письмо 1 было для меня в моей пустыне словно каплею живой воды. Благодарю, друг, а впрочем зачем благодарить? Меньшего я от тебя и не ожидал, я ни на одно мгновенье не сомневался в твоей преданности и любви. Наша дружба - из таких, которые не могут ни уменьшиться ни увеличиться от времени и обстоятельств и не нуждаются ни в каком испытании.

Что касается меня, то я здоров и спокоен, много занимаюсь математикой, читаю теперь Шекспира и изучаю английский язык² - математика в особенности является очень хорошим средством для абстракций, а ты знаешь, что я всегда имел отменный талант к абстракции; а теперь я волей-неволей очутился в абстрактном положении. С тех пор как меня перевели в Кенигштейн, тот самый Кенигштейн, которым я много лет тому назад так любовался снаружи³, я чувствую себя - конечно, поскольку это возможно в тюрьме, - совсем хорошо. Со мною обращаются здесь чрезвычайно гуманно, а я со своей стороны стараюсь избегать всего, что могло бы послужить поводом к изменению этого-отношения ко мне, и если я не весел, то я также не чувствую себя несчастным и со спокойствием жду будущего, которое мне еще совершенно неизвестно. Это все, друг, что я могу тебе сказать о себе; когда мне плохо, то я вспоминаю мою любимую поговорку: "перед вечностью все ничто", и на этом баста.

Благодарю фрейлейн Эмму за ее поклон; утешительно знать, что ты не совсем вычерк-

нут из памяти всех друзей. Кланяюсь также ее брату, если ты его увидишь (По-видимому Эмма Гервег и ее брат Густав Зигмунд 4. А может быть, здесь для конспирации назван братом сам Г. Гервег (т. е. ее муж).)

Пиши мне часто. Ты это сделаешь, друг, я знаю. И сообщи мне, как тебе живется. Находятся ли Рудольф и Клара еще у тебя, или же при тебе только маленький Мориц (Сын Рейхеля от первого брака.)? У тебя ли еще старушка Паулина? Кланяйся ей от меня и скажи ей, что она изумилась бы при виде того, какой порядок царит у меня в моей здешней комнате.

Жив ли еще твой отец? Что делает Матильда (Сестра А. Рейхеля (по мужу Линденберг)), где она, имеешь ли ты сведение о нашей бедной Иоганне (Иоганна Пеокантини.) и о старой матушке Фохт? (Луиза Фохт). Ты можешь себе представить, что у меня теперь больше, чем когда-либо, досуга думать обо всем прошлом, и: что я часто думаю о всех наших милых. Кланяйся всем, кто помнит обо мне. Я скоро напишу тебе.

Твой

М. Бакунин.

15 октября, понедельник. Крепость Кенигштейн.

Что поделявает музыка? Сочинил ли ты что-нибудь новое? Как обстоит дело с обещанною мне симфонией? Бедный друг, теперь тебе снова приходится делать все в одиночестве, Иетты нет, она не может слышать твоих композиций. И все же что значат наши личные страдания в сравнении с тою великою мукою возрождения, которая ныне овладела всем миром! Мы большею частью все еще очень одиноки, но время велико, бесконечно велико, достаточно велико, чтобы самому слабому внушить веру и бодрость.

Будь здоров, старый и дорогой друг! А я возвращаюсь к своей математике.

Знаешь, я часто вспоминаю, как ты раз вечером в Дрездене пел перед моим окном испанскую песню.

Скажи фрейлейн Эмме (Гервег), что я тоже очень часто вспоминаю наши вечера на улице Барбэ-де-Тони.

Но 534. - Письма Бакунина к Адольфу Рейхелю заимствованы нами из трехтомной ли-

тографированной биографии Бакунина, написанной Максом Неттлау. Их всего пять и помещены они на стр. 119-123 книги Неттлау. Перевод с немецкого сделан Ф. Д. Капелюшем. Эти письма напечатаны у нас под номерами 534, 537, 538, 543 и 544.

Кроме того М. Неттлау впоследствии напечатал еще отрывки из трех писем Бакунина к сестре Рейхеля Матильде в No 7 зарубежного сборника "На чужой стороне", выходившего в Берлине - Праге под редакцией С. Мельгунова; полностью эти письма находятся в "Дополнении" (Supplement) к упомянутой литографированной биографии Бакунина, написанной М. Неттлау, но так как это "Дополнение" пока никому не доступно, то нам пришлось удовольствоваться теми отрывками-несомненно весьма краткими, - какие были опубликованы до сих пор Максом Неттлау, и при этом пользоваться плохим переводом, напечатанным в белогвардейском журнале, ограничившись исправлением отдельных слов. Эти письма Бакунина к Матильде Рейхель напечатаны у нас под номерами 539, 540 и 545.

Вместе с отрывками из писем к Матильде

Рейхель Макс Неттлау опубликовал в той же книжке "На чужой стороне" отрывки из пяти писем Бакунина к Адольфу Рейхелю. Как сильно по временам Неттлау сокращал эти письма, видно например из того, что из письма от 24 ноября 1849 он приводит всего 6 строк, тогда как в письме этом свыше трех страниц. Однако ничего не подозревавший об этом В. Полонский, не знавший, что письма к Адольфу Рейхелю полностью помещены в литографированной биографии Бакунина еще за 25 лет до того, как отрывки из них были напечатаны в "На чужой стороне", поспешил перепечатать эти скудные отрывки в No 7 редактировавшегося им журнала "Печать и Революция" за 1925г. как нечто совершенно новое и даже выразил в предисловии благодарность Максиму Неттлау за материалы, якобы "любезно предоставленные" ему, В. Полонскому, "д-ром Максом Неттлау"! Хотя мы еще 1926г. указали Полонскому на его промах в примечании к 2-му изданию тома I нашей книги о Бакунине (стр. 381-382), во втором томе "Материалов для биографии Бакунина", вышедшем в 1933 году и составленном тем же

Полонским, помещены те же произвольно выбранные М. Неттлау отрывки (стр. 364 сл.).

Как известно, Бакунин после сдачи Дрездена правительственным войскам выехал вместе с Гейбнером в Фрейберг, тогдашний центр саксонской горной промышленности с многочисленным боевым пролетариатом. Но так как ряд лиц, в том числе Р. Вагнер, советовали избрать центром дальнейшего сопротивления фабричный город Хемниц с многочисленными рабочими, то наши путники решили изменить свой маршрут. Они двинулись в Хемниц в надежде найти там опорный пункт для дальнейшей борьбы. Здесь вопреки совету Борна (Борн (Буттермильх), Стефан (1824-1898)-немецкий политический деятель; будучи мелкобуржуазного происхождения, учился в гимназии, затем стал наборщиком; в 1846 уехал в Париж, здесь познакомился с Энгельсом и вступил в "Союз Коммунистов". С конца 1847 г. жил в Брюсселе, а после мартовской революции 1848 вернулся в Берлин, где стал во главе рабочего движения. В августе-сентябре 1848 созвал съезд, положивший основание "Рабочему Братству", в ЦК которого

Борн был избран. С октября 1848 переехал в Лейпциг, где редактировал газету "Братства".
Всю эту работу Борн проводил в типично соглашательском, оппортунистическом, мелкобуржуазном духе, мало напомиавшем бывшего коммуниста. Принял участие в майском восстании в Дрездене и после пленения Гейнце назначен был главнокомандующим революционных сил, которые под его руководством совершили удачное отступление. После этого Борн бежал в Швейцарию и с тех пор уже не принимал участия в политической жизни. В Швейцарии Борн занялся журналистикой и педагогической деятельностью; был профессором по история литературы. В 1898 г. выпустил "Воспоминания участника 1848 года". ("Errinerungen eines Achtundvierzigers"). где имеются враждебные выпады против Энгельса, Бакунина и пр.)

путники остановились в гостинице, в ночь с 9 на 10 мая 1849 года были сонные схвачены мещанами, не желавшими подвергнуть свой город опасности военных действий, и на другой день выданы в Альтенбурге прусским военным властям. В опубликованных В. Полон-

ским материалах из Дрезденского архива (сначала в томе 27 "Красного Архива", а затем в томе II "Материалов", стр. 39 сл.) имеются следующие документы, относящиеся к аресту Бакунина: 1) отношение окружного директора фон Бройзема от 10 мая из Лейпцига на имя генерала Шульца, коменданта Дрездена, с сообщением о получении из Альтенбурга телеграммы полковника Блюменталю, что в 10-м часу утра 10 мая 1849 года саксонскими жандармами доставлены из Хемница член Временного правительства Гейбнер, русский Бакунин и двое неизвестных;

2) квитанция о приеме полковником Блюменталем арестованных, гласящая: "Королевский саксонский старший жандарм Вильгельм Людвиг Шютце в сопровождении королевского саксонского жандарма Шене, полицейского служителя Винтера, и доктора Бекера, регистратора Нейберта и надзирателя Гельмута из Хемница сегодня утром в 9,5 часов сдали нижеподписавшемуся следующих арестованных:

1. Оттона Леонгарда Гейбнера, окружного амтмана из Фрейберга, 2. Карла Августа Мар-

тина, придворного почт-секретаря из Дрездена, 3. Михаила Бакунина, не состоящего на службе, из Тверской губернии, 4. Карла Вильгельма Штиблера, седельщика из Радеберга, что сим удостоверяется; 3) список вещей, отобранных у арестованных, причем относительно Бакунина сказано только, что у него отобраны две записки (Записную книжку Бакунин успел уничтожить по дороге.). Кроме того у Бакунина были найдены деньги, а именно 13 талеров, 14 зильбергрошей и 2 пфеннига. По-видимому речь идет о личном обыске, произведенном при аресте. Позже в вещах Бакунина в Дрездене найдено было много бумаг, просмотр которых потребовал довольно большого времени, так что только через 4 месяца российский представитель при саксонском дворе Шредер мог отправить в Петербург копии с части этих документов и выписки из других (эти документы, поскольку они принадлежат Бакунину, использованы нами в третьем томе настоящего издания).

Бакунин был направлен в Дрезден и там 13 мая посажен в тюрьму, расположенную в старом городе (Альтштадт). Здесь он просидел до

24 мая, после чего был переведен в нейштадтскую кавалерийскую казарму, находящуюся в новом городе, где его продержали до 28 августа. С 29 августа 1849 до середины июня 1850 года Бакунин (равно как Гейбнер и Реккель) просидел в крепости Кенигштейн, расположенной над рекой Эльбой выше городка того же имени. Письма к Рейхелям написаны именно из этой крепости.

Австрийский писатель Фердинанд Кюрнбергер (1821-1879), принимавший активное участие в венской революции, затем бежавший в Дрезден и там попавший в ту же тюрьму в старом городе, где ему случайно пришлось встретиться в камере с Бакуниным, рассказал об этой случайной встрече в статье, помещенной в NoNo 406-407 газеты "Северо-германская свободная пресса" от 17 и 18 июля 1850 г. и затем несколько раз перепечатанной (мы заимствуем отрывки этой статьи из статьи Б. Николаевского "Бакунин эпохи его первой эмиграции в воспоминаниях немцев-современников", "Каторга и Ссылка" 1930, No 8,9, стр. 113 сл.). Вот что пишет Кюрнбергер:

"Во время моего заключения в Дрездене в мае месяце я попал на несколько часов в камеру к Бакунину. Шагавшая перед окнами и в коридоре стража нам понятно мешала. Я тогда было вздумал объясняться с ним по латыни, но Бакунин мне тотчас же без всякого смущения заявил: "Не говорите со мной по латыни: я этого языка не знаю. Я его не учил"... В те короткие часы, которые мне посчастливилось провести в тюрьме в его обществе, мы с ним очень скоро сошлись на следующем выводе: немецкие революции до сих пор оканчивались неудачами потому, что четвертое сословие, единственный творческий фактор нашего общества, было соращено с пути истинного или предано третьим сословием, буржуазией и доктриной. Разошлись мы с ним только в выводах. Я в моем тогдашнем негодования полагал, что немецкая цивилизация расслабляюще действует на людей, и желал для нашего гамлетовского народа немного той первобытной дикости, которая делает восточные народы, как например поляков и венгерцев, столь воинственными. Бакунин же стоял на противоположной точке

зрения. Так как немец не обладает ни темпераментом западного романца, ни дикостью восточного славянина, то ему, чтобы развить в себе воинственности, не остается ничего иного как до крайних пределов развить ему свойственную доктринерскую особенность: воодушевление идей. Эта доктрина должна проникнуть в самую глубину пролетариата, не изменяя его характера. Из такого союза силы и познания и должен явиться на свет тот вождь, которого до сих пор так не хватало немецким революционным битвам и который должен сочетать в себе дикий боевой клич пролетария с высоким полетом мыслителя: солдат и полководец в одном лице". И Кюрнбергер прибавляет: "Это краткое резюме нашего тогдашнего разговора можно рассматривать как основу бакунинского кредо и, если угодно, то и как его завещание. Вскоре после этого за ним закрылись тройные ворота Кенигштейна".

Содержание этой беседы подтверждается письмом того же Кюрнбергера к своему приятелю Бодо фон Глюммеру, участнику восстания 1849 года в Саксонии, отбывшему за это

каторжные работы; в этом письме, написанном в июне 1850 г. и напечатанном в сборнике писем Кюрнбергера ("Briefe eines politischen Flüchtling", вышел в 1920 г.), о разговоре с Бакуниным сказано: "Мы с Бакуниным, беседуя на темы современности, согласились, что только такие люди (соединяющие в себе активность, твердость воли с критическим пониманием истории и современности.- Ю. С.) освободят мир, и что 1848-й и 1849-й годы погибли потому, что не было ни одного человека, который был бы и величайшим философом духа и подлиннейшим пролетарием. Бакунин был достаточно скромн, чтобы не считать себя таким человеком, и он был прав. Даже Кошут не был им, хотя ему, может быть, не хватало для этого лишь пустяка". Само собою разумеется, что критиковать эти наивные рассуждения, в которых Кошут выставляется чуть ли не в виде самого выдающегося и крайнего деятеля 1848-49 гг., не приходится. Надо впрочем думать, что в деталях этого рассуждения, в общем и целом отвечающего позиции Бакунина, виноват все-таки преимущественно автор письма.

Некоторые подробности о пребывании Бакунина в саксонских казематах мы узнаем также из воспоминаний А. Реккеля, написавшего книгу "Восстание Саксонии и исправительный дом в Вальдгейме", которая была составлена им по выходе из тюрьмы и нами не раз цитируется в этом томе. Несмотря на разгул реакции, среди простых солдат находились люди, сочувствовавшие заключенным и в деле помощи им не останавливавшиеся даже перед огромным риском. Так во время сидения узников в заключении охранявшие их солдаты помогали им сноситься с волей, доставляли им газеты, письма, письменные принадлежности и т. п. Как рассказывает Реккель (стр. 197), "Бакунин вообще считался самым опасным из всех, ему даже приписывались как бы сверхчеловеческие силы. Прогулка на маленьком дворике, окруженном двумя зданиями и двумя высокими стенами, ему была разрешена только позже по предписанию врача, да и то на прогулку его выводили закованным в цепи, чего не делали ни с кем из остальных. Снимали ли с него цепи по возвращении а камеру, я сейчас не могу припом-

нить".

Считая, что замок Кенигштейн более приспособлен для строгого содержания арестованных и для полной изоляции их от внешнего мира, власти поспешили перебросить своих пленников туда. Но и там среди гарнизона нашлись элементы, на которые уже успели повлиять веяния, идущие с воли; там был даже составлен план побега узников, не удавшийся по рассказу Реккеля лишь вследствие простой случайности. Вот что он говорит в своих воспоминаниях. "В Кенигштейн нас перевели в интересах более надежной охраны. Однако опасность и трудность задачи не удержали значительную часть солдат от решения освободить нас. Гейбнер отклонил предложение, я и Бакунин изъявили свою готовность. Все было подготовлено, как в последний день случайность помешала выполнению плана и вдобавок внушила крепостному начальству такое сильное подозрение, что в ту же ночь в наших камерах произведен был обыск... Гарнизон был сменен; приняты были более строгие меры охраны, и здесь по крайней мере попытка больше не повторя-

лась" (стр. 213-214).

Несомненно сочувствие солдат отражало настроение более широких общественных слоев к участникам дрезденского восстания. В цитированной нами выше статье Ф. Кюрнберга о Бакунине (см. также том III) автор рассказывает о том, что общественное мнение было настроено в Саксонии в пользу подсудимых, и что даже худосочный саксонский сейм, созданный после подавления дрезденского восстания, не мог остаться глухим к этому голосу общественного мнения. "Саксонские палаты хлопотали в пользу майских заключенных. Это были те смиренно-демократические камеры, которые были открыты 1 ноября 1849 года и совсем недавно распущены (писано в июле 1850 года. - Ю. С.) ... Эти камеры неоднократно возбуждали вопрос о майских заключенных и принимали всякого рода постановления о них. Их рвение было тепло и похвально, но их мужество мало, их политика и последовательность были подобны блуждающему огоньку. Сначала они приняли предложение об амнистии, затем потребовали суда присяжных, потом заговорили

опять об амнистии; без всякого плана и последовательности они просили то о праве, то о милости, нетвердыми руками хватаясь вокруг за воздух, как человек, который с большим страхом, но без какого бы то ни было умения и с еще меньшею уверенностью в себе обороняется от нападения. И все-таки они выявляли настроение, которое существует в стране, отражали общественное правосознание. В то же время "Дрезденская Газета" подошла вплотную к самому вопросу о праве на смертную казнь и доказала из закона о введении в Саксонии основных немецких прав, что право на эту казнь более чем спорно и сомнительно, что оно даже при самом нетребовательном толковании - к сожалению правда нескольких предательских - параграфов является юридической и тем более моральной невозможностью".

В "Деле" Бакунина, хранящемся в саксонском государственном архиве в Дрездене (Akten Amtsgericht Dresden. No 1285e), находят следующие приметы Бакунина, снятые с него в Кенигштейнской крепости 26 января 1850 года (К. Керстен, цит. соч., стр. 97).

1. Фамилия: Бакунин.
 2. Имя: Михаил.
 3. Место рождения: Торжок Тверской губернии, Россия.
 4. Местожительство: в настоящее время крепость Кенигштейн.
 5. Сословие или занятие: литератор.
 6. Вероисповедание: греко-кафолическое.
 7. Возраст: 35 лет.
 8. Рост: 77 1/2 сакс. дюйма.
 9. Волосы; темные, курчавые.
 10. Лоб: открытый и широкий.
 11. Брови: темные.
 12. Глаза: сине-серые.
 13. Нос: удлиненно-пропорциональный.
 14. Рот: большой, губы несколько толстые.
 15. Борода, усы и бакенбарды: темные.
 16. Зубы: целые.
 17. Подбородок: круглый.
 18. Лицо: продолговатое.
 19. Цвет лица: синеватый.
 20. Сложение: сильное, огромное.
 21. Язык: немецкий, французский, русский.
 22. Особые приметы: не имеется.
- В этом описании возбуждают сомнение

пункты 9, 11 и 15, говорящие о "черных" волосах Бакунина (в подлиннике так и сказано schwarz; мы перевели смягченно "темные"; но ведь известно, что в юности Бакунин был блондином рыжеватого оттенка; когда же это он успел превратиться в брюнета?). Впрочем полицейские приметы никогда особо точностью не отличались. Сомнение возбуждает и синеватый (blau в подлиннике) цвет лица; вероятно здесь это слово употреблено в смысле бледный, землистый. Равным образом странно, как это российский нос "картошкой" Бакунина стал "длинноватым". В остальном приметы совпадают с обычным представлением о Бакунине, как оно создалось в результате описаний его наружности очевидцами.

Адольф Рейхель, который до самой смерти Бакунина сохранил к нему преданную дружбу, внимательно относился к своему приятелю во время сидения последнего в тюрьмах, писал ему и даже помогал материально из своих скудных средств. Во время сидения Бакунина в саксонских тюрьмах, помогали ему также сестра Рейхеля (Матильда Линденберг), Штальшмидт, А. И. Герцен, Г. Гервег, а также

его кэтенские друзья Кеппе, Габихт и пр. Помогал ему и его адвокат Отто, который доставлял ему деньги, сигары, книги и т. д.

1 Это письмо Бакунина является ответом на письмо А. Рейхеля из Парижа от 17 сентября 1849 года. О местопребывании Бакунина Рейхель узнал от адвоката Отто, который написал ему по поручению Бакунина. Рейхель написал Бакунину письмо (оно напечатано у Пфицнера, стр. 221- 222; по-русски в "Материалах для биографии", том II, стр. 369), в котором сообщал ему о смерти своей жены Иетты весною 1849 г. от холеры, старался поддержать в нем бодрость и посылал ему первую помощь в виде 100 франков, обещая посылать и дальше. Бакунин получил это письмо 13 октября, а 15-го уже написал печатаемый здесь ответ. Письмо Рейхеля впервые за все время заключения возбудило в душе Бакунина радостное настроение.

2 В тюрьме Бакунин кроме занятий математикою много читал, преимущественно по политической истории новейшего времени. Так он прочел там "Историю революции 1848 года" Ламартина, "Историю консульства и им-

перии" А. Тьера, сочинения Гизо и пр. Читал он и по беллетристике, как Шекспира, Сервантеса, Виланда и т. д. Книги доставлял ему главным образом его приятель, лейпцигский книгопродавец и издатель Кейль (см. о нем ниже, в комментарии к "Исповеди").

3 В начале 40-х годов, проживая в Дрездене, Бакунин с друзьями (Рейхель, А. Руге и пр.) часто ездил осматривать так наз. "саксонскую Швейцарию", где расположен и Кенигштейн.

4 Вероятно для конспирации Бакунин называет здесь Эмму Гервег "фрейлен" Эммой, так как в то время Гервег был для немецкой полиции слишком одиозной фигурой. Говоря одновременно о ее брате, т. е. он спрашивает: о фрейлен Эмме Зигмунд, ныне мадам Гервег. Густаве Зигмунде, Бакунин определенно намекает, о какой фрейлен Эмме

Перевод с немецкою.

№535.-Письмо к адвокату Ф. Отто I.

[Начало ноября 1849 года. Кенигштейн.]

Милостивый государь,

Я начну с благодарности Вам за присланные мне сигары, деньги, книги и газеты. Сига-

ры и деньги я получил; книги получу завтра.

Что же касается газет, то здесь произошло недоразумение: я напрасно думал, что мне разрешено читать газеты. Наоборот, как я сегодня узнал, военное министерство запретило мне их чтение, и мне дозволено будет получать только те газеты, которые будут мне необходимы для моей защиты. Но эти последние должны сначала передаваться Вами городскому суду, им - коменданту здешней крепости, и только тогда я их буду получать.

Распространяется ли это ограничение на меня одного или на всех заключенных в крепости или же на всех без изъятия здешних подследственных, мне разумеется неизвестно. Прошу Вас, уважаемый господин [защитник], переговорить по этому поводу с г. асессором Гаммером 1 и сделать в этой области все, что сделать можно. В этом отношении, как и во всех остальных, я всецело полагаюсь на Вас.

Для моей защиты, совершенно или по крайней мере непосредственно не затрагивающей собственно политических вопросов, требуется знакомство не только с настоящим,

но и с прошлым, ибо настоящее является утверждением прошедшего. И вместе с уверенением, что я не употреблю во зло разрешения, если таковое будет мне дано, я снова и весьма настоятельно прошу Вас предоставить мне все необходимые для моей защиты средства в такой полной мере, а какой это только возможно 2.

Но 535.-Черновик этого письма находится в пражском военном архиве, куда видимо были пересланы саксонским правительством бумаги по делу Бакунина. Оригинал был в свое время несомненно получен адвокатом Отто, но где он теперь находится, неизвестно. Мы заимствуем этот документ из книги Пфицнера (стр. 220).

1 Ассессор Гаммер, чиновник дрезденского уголовного суда, вел предварительное следствие по делу о майском восстании; именно он допрашивал Бакунина, равно как других главных подсудимых.

2 Газеты нужны были Бакунину для составления защитительной записки. Ведь суд, которому он подлежал, был не гласный, и судопроизводство было не устное, а письмен-

ное: все велось на письме,-допросы, свидетельские показания, обвинение и защита, а приговор выносился судебною коллегиею в отсутствие подсудимого. При таких условиях защитительная записка приобретала особенное значение, и как раз для такого подсудимого как Бакунин, для которого дело шло меньше о защите своей жизни, чем о выяснении своих политических целей и программы. А для политической мотивировки своих действий газеты были ему абсолютно необходимы. Отсюда та упорная борьба, которую он и его адвокат вели за право получения Бакунинским газет и которая увенчалась лишь частичным успехом.

Перевод с немецкого, No 536.-Письмо адвокату Ф. Отто I.

12 ноября [1849 года]. [Кенигштейн].

Милостивый государь,

По-видимому мне придется отказаться от собственноручного составления своей защиты вследствие того, что мне не только не стараются доставить к тому средства, но всячески меня таковых лишают. Несколько дней тому назад мне заявили, и в таком смысле я

Вам сообщил, что согласно постановлению военного-министерства все газеты и писания, кои городским судом будут признаны необходимым материалом для моей защиты и через его посредство будут пересылаться в здешнюю крепостную комендатуру, мне будут точно доставляться. Согласно этому постановлению посланный Вами мне несколько дней тому назад пакет был направлен в городской суд. Последний вернул весь пакет обратно с разрешением выдать его мне, и однако, несмотря на это разрешение, я мог получить только три номера "Dresdner Journal" (от 1, 2 и 3 мая).

На мой вопрос, отказал ли городской суд в выдаче мне остальных газет, крепостной адъютант вчера мне объявил, что хотя городской суд вернул обратно весь пакет целиком, мне согласно крепостным правилам (а не вследствие министерского распоряжения) могли выдать только те газеты, которые напечатаны были до 3 мая (т. е. до начала дрезденского восстания). Вот почему я получил только три упомянутые номера. Мне кажется, то последнее решение стоит в открытом противоречии

с тем первым, о котором я Вам уже сообщил, противоречии, которое я в моем теперешнем положении не в состоянии ни постичь и разрешить, ни устранить; и мне не остается ничего другого, как снова прибегнуть к Вашей помощи и совету. Надеюсь, уважаемый господин [защитник], что Вы не откажете мне ни в той, ни в другом.

Я нахожусь в действительном затруднении, не зная, что мне делать с переданными мне тремя номерами газет. Правда великий естествоиспытатель Кювье хвалился, что ему достаточно одной кости для того, чтобы полностью восстановить скелет животного. Но я - не Кювье и никак не могу на основании трех старых номеров газеты построить свою защиту.

Но 536.- К этому письму относится все то, что мы сказали о Но 535. Его мы также заимствовали у Пфицнера (стр. 220-221).

Отто протестовал против действий крепостного начальства на том основании, что Бакунин - не военный подследственный. Но после долгих споров ему удалось добиться лишь разрешения Бакунину получать "Аугс-

бургскую Всеобщую Газету" или отдельные ее номера.

Перевод с немецкого. No 537.-Письмо Адольфу Рейхелю.

24 ноября 1849 года. [Кенигштейнская крепость].

Дорогой мой, ты снова замолчал; а так как я нахожусь в плену, и ты конечно чувствуешь, как дороги и желательны для меня твои письма, то я должен заключить, что ты болен или и того хуже. В настоящее время человек слишком склонен ждать плохого, но я буду надеяться, что мои опасения неверны, и если даже твоя лень для меня обидна, я предпочел бы знать о тебе, что ты не болен, а просто ленишься. Итак пиши, я с жгучим нетерпением ожидаю твоего письма. Ты можешь мне так много рассказать, я же [тебе]-так мало. Мне не нужно говорить тебе, что я все еще остаюсь прежним, каким ты меня знал и любил, пожалуй богаче опытом, но с теми же убеждениями, с тою лишь разницею, что они пустили еще более глубокие корни в моем сердце и голове. Теперь я не занимаюсь ничем другим кроме математики; так как я в течение мно-

гих лет совершенно забросил ее, то я теперь снова прошел ее с начала, словно ничего не знал в ней, и теперь я уже сделал довольно большие успехи. Если хочешь услужить мне и если ты при деньгах, то постарайся добыть для меня следующие книги по математике, конечно, не все сразу, а постепенно.

1. Complement des Elements d'Algebre, par Lacroix. 4 francs (не смешивать с Les Elements d'Algebre, которые у меня имеются).

2. Traite complet de calcul differentiel et] integral, par Lacroix, 3 vol. in 4°. 66 франк.; цена ужасна, но я думаю, что на набережной у букинистов эту книгу можно получить гораздо дешевле.

3. Application de l'analyse a la Geometrie a l'usage de l'Ecole Polytechnique, par Monge.

4. Analyse algebraique, par Garnier, 1 vol. in 8°.

5. Lecons de Calcul differentiel et integral, 2 vol. in 8°, par Garnier.

6. Euler, Elements d'Algebre, 1817, 2 vol. in 8°-12 francs. La premiere partie contient l'Analyse determinee revue et augmentee de notes, par Garnier. deuxieme

partie contient l'Analyse indeterminee revue et augmentee de note;, par Lagrange.

7. Lagrange. Lecons sur le calcul des fonctions... in 8°, 7 francs.

8. Lagrange. Traite de la resolution des equations numeriques. 1 vol. in 4°, 15 francs.

9. Lagrange. Theorie des fonetions analytiques. 1 vol. in 4°, 15 francs.

10. Lagrange. Traite de Mecanique analytique. 2 vol. in 4, 36 francs.

11. Poisson. Traite de Mecanique, 2 vol. in 8°.

12. Ponisset. Cours de Physique

(1. Лакруа-"Дополнение к началам алгебры", 4 франка.

2. Лакруа - "Полный трактат дифференциального и интегрального исчисления", 3 тома in 4°.

3. Монж-"Применение анализа к геометрии", учебник для Политехнической школы.

4. Гарнье-"Алгебраический анализ", I том in 8°.

5. Гарнье - Лекции по дифференциальному и интегральному исчислению", 2 тома in 8°.

6. Эйлер-"Начала алгебры", 1817, 2 тома in 8°, 12 франков. Первая часть содержит опреде-

ленный анализ, просмотренный и снабженный примечаниями Гарнье. Вторая часть содержит неопределенный анализ, просмотренный и снабженный примечаниями Лагранжа.

7. Лагранж-"Лекции по исчислению функций", in 8°, 7 франков.

8. Лагранж - "Трактат о решении числовых уравнений", I том in 4°, 15 франков.

9. Лагранж - "Теория аналитических функций", I том in 4°, 15 франков.

10. Лагранж-"Трактат аналитической механики", 2 тома in 4°, 36 франков.

11. Пуассон - "Трактат механики", 2 тома in 8°.

12. Пониссе-"Курс физики").

И еще Коши и Ампер о дифференциальном и интегральном исчислении.

Еще раз повторяю: я вовсе не ожидаю, что ты мне добудешь сразу все эти книги, но постепенно, при случае. Имей только в виду, что если бы не занятия математикой, то я совсем не знал бы, что тут делать. Поговори с осведомленным человеком, покажи ему этот описок. Быть может, он даст тебе хороший со-

вет и назовет лучшие и новейшие сочинения вместо приведенных здесь. Быть может, он укажет тебе также, где можно их найти. В особенности мне хотелось бы иметь книжки, отмеченные крестиком, но мне кажется, что я все их отметил так 1.

А засим, мой дорогой, прощай, теперь четверть десятого, а в половине десятого свет полагается тушить. Письмо уйдет завтра. Пиши же, пиши и кланяйся всем друзьям. Имеешь ли ты известия от мадемуазель Евгении? Кланяйся в особенности фрейлейн Эмме и ее брату (По-видимому Эмма Гернег и Густав Зигмунд (или Георг Гервег)). Находится ли Александр в Париже? Как живется ему и его семье (Возможно, что здесь Бакунин осведомляется об А. И. Герцене2.)?

Прощай, будь здоров.

Твой

М. Бакунин.

Кенигштейн, 24 ноября.

Между моими оставшимися в Париже книгами ты вероятно найдешь Лагранжа или Лапласа; что найдешь-пошли господину Отто (Франц Отто - адвокат Бакунина.).

Я чуть было не забыл самую главную книгу, а именно таблицы логарифмов Лаланда, расширенные до 7 десятичных знаков Мари.

И пожалуйста сообщи мне точно свой адрес, не забудь этого.

№ 537.-См. комментарий к № 534.

Бакунин, вообще любивший математику, в тюрьме особенно много занимался этою отвлеченною, но строго логическою наукою, в которой он, быть может, искал забвения от неприятной действительности. Почти ежедневно он занимался в своей камере высшею тригонометриею, так что в конце концов набралась толстая связка тетрадей, содержащих его упражнения по математике. Находятся они сейчас в "Деле" Бакунина в пражском военном архиве (Пфицнер, стр. 199).

Герцен живо интересовался судьбою Бакунина. Сведения о нем Герцен получал из различных источников: от Г. Гервега, с которым был тогда очень дружен, от А. Рейхеля, который по-видимому показывал Герцену получаемые от Бакунина письма (как видно из письма-статьи Герцена "Михаил Бакунин"; см. ниже), от немецких политических эмигрантов и

пр. В письме к Т. Н. Грановскому, Е. Ф. Коршу и др. от 27 сентября 1849 из Женевы Герцен говорит: "Судьбу и историю Бакунина верно вы знаете: он, бедный, сидит еще в каземате Кенигштейнской крепости; вероятно его осудят *aux travaux forces a perpetuite* (на вечные каторжные работы), то есть до тех пор, пока саксонский король его сменит на каторге. Немцы называли (т. е. реакционеры) Бакунина "*der russische Bluthund*" (русский кровопийца). Мы теперь только нашли возможность ему помогать, да и то не знаю, верно ли. Он вел себя геройски" ("Сочинения" Герцена, т. V, стр. 291).

Каким путем Герцен оказывал Бакунину помощь в 1849 году, когда тот сидел в Дрездене и Кенигштейне, мы знаем лишь отчасти; так нам известно одно его поручение молодому Зигмунду выслать Бакунину из Берлина 250 франков. Возможно, что некоторые денежные посылки, которые Бакунин приписывал А. Рейхелю (в "Исповеди"), на самом деле шли от Герцена, располагавшего гораздо более крупными средствами, чем бедный музыкант, зарабатывавший себе пропитание соб-

ственным трудом. Герцен помогал Бакунину и позже, когда тот сидел в австрийских тюрьмах. Об этом можно судить по небольшому письму, написанному матери Герцена, Луизе Ивановне Гааг, 15 декабря 1850 из Праги и гласящему: "Милостивая государыня! Ваше почтенное письмо из Ниццы от 26 ноября 1850 года с приложением векселя на имя банкирского дома Леммель на триста французских франков я исправно получил; по размене я получил за вексель сто пятьдесят гульденов, каковая сумма будет употреблена в пользу Бакунина согласно Вашему и его желанию. Он просил меня передать Вам его благодарность. При этом могу сообщить Вам, что физически он чувствует себя прекрасно, вообще же его состояние настолько хорошо, насколько это возможно в его положении, которое по возможности, поскольку лишь это допустимо в пределах закона, для него облегчается. Прошу Вас принять уверение в моем совершенном почтении, с которым имею честь быть Ваш покорный слуга" (подпись неразборчива),.

Автором этого письма (опубликованного в

русском переводе в журнале "Голос Минувшего" 1913, No 1, стр. 185) был тот самый начальник пражской тюрьмы, где сидел Бакунин, а именно аудитор И. Франц, письмо которого к Георгу Гервегу от 2 ноября 1850 напечатано в неоднократно цитированной нами книге "1848", содержащей часть переписки Гервега. Вот это письмо Франца, вызванное присылкою Гервегом денег для Бакунина:

"Милостивый государь!

"Те двадцать пять талеров, которые Вы 2 августа сего года прислали мне из Турсница для г. Михаила Бакунина, исправно до меня дошли. Так как обстоятельства мои до сих пор мешали мне написать Вам, то я только теперь передаю Вам сердечное спасибо Бакунина за эту поддержку. Он очень нуждался в них, но вопреки моим благожелательным указаниям поступил крайне неумно, накупив себе на сравнительно большую сумму сочинений по математике, твердо убежденный в том, что получит обещанную с другой стороны помощь от адвоката Отто первого из Дрездена и бывшего министра Габихта из Дессау.

"Трижды уже писал я по этому поводу каж-

дому из этих господ, но до сих пор к сожалению не получил от них ни ответа, ни денежной помощи. Тем временем сумма в пять талеров, расходуемая по собственному усмотрению Бакунина, была истрачена, так что "течение самое позднее 14 дней у него не будет ни одного крейцера. А так как он - большой едок (он получает ежедневно двойную порцию), то он в продолжение этого времени будет испытывать нужду и принужден будет совершенно отказаться от своего единственного удовольствия, а именно от курения сигар. Одежда его превратилась в лохмотья, ему очень хотелось бы заказать себе халат, так как от его старого халата остались лишь жалкие обноски. В другом платье он в своем положении не нуждается, но халат для него крайне необходим, однако нет никаких средств заплатить за него.

"Находясь в таком плачевном положении, Бакунин, которому самому писать не разрешается, поручил мне просить Вас от его имени о новой денежной помощи, выразив при этом твердую уверенность в Вашей дружбе:

"Так как Вы сами в вышеупомянутом пись-

ме предложили мне во всем, что способно облегчить положение Бакунина, обращаться непосредственно к Вам, то я тем охотнее иду навстречу желанию Бакунина, что хотя с одной стороны я строго выполняю все мои обязанности государственного чиновника и судьи, никогда однако не переставал уважать человека и в преступнике и не упускать ничего могущего послужить ему в пользу, что только допускается моим долгом.

"Если Вам, в чем я не сомневаюсь, благоугодно будет удовлетворить просьбу Бакунина, прошу адресовать письмо к.-и. военному суду в Градчине.

"Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности Иос[иф] Франц, капитан и аудитор при к.-и. военном суде в Градчине в Праге".

Письмо это напечатано на стр. 361 -362 книги "1848. Briefe von und an Georg Herwegh".

Этот самый Иосиф Франц был членом военно-судной австрийской комиссии, рассматривавшей дело Бакунина, и собственноручно подписал вынесенный им и другими смертный приговор Бакунину (см. "Материалы для

биографии М. Бакунина", т. 1, стр. 92).

Перевод с немецкого. No 538, Письмо Адольфу Рейхелю.

(9 декабря 1849 года).

(Кенигштейнская крепость).

Рейхелю. Улица Св. Доминика, No 37. Сен-Жерменское предместье.

Дорогой мой, твое письмо сняло с меня тяжелый камень, ибо твое молчание казалось мне столь неестественным, что я мог приписать его только твоей болезни или чему-либо еще худшему. Слава богу ты здоров, это - самое главное, остальное тебе прощается, но только под условием, что ты не станешь грешить впредь. Если бы ты знал, каким счастьем являются для меня твои письма, и как я перечитываю сто раз каждую строчку, ты писал бы мне ежедневно. Но этого я и не требую, а пиши лишь раз в неделю, хотя бы по несколько слов: до такой степени ты мог бы преодолеть свою лень. Ведь вот я имею гораздо меньше тебе сказать, а между тем я уже пишу тебе третье письмо.

Итак ты снова совершенно один, но ведь ты свободен, милый друг! Надо посидеть в

тюремь, чтобы как следует оценить свободу. Благодаря некоторым друзьям я имею здесь почти все, чего можно желать, оставаясь в пределах благоразумия - удобную комнату, книги, сигары, и все же я согласился бы годы питаться одним черным хлебом и жить в лесу, только бы быть свободным. Но оставим эту бесполезную тему и поговорим о другом.

Ты значит занимался алгеброю и занимаешься теперь физикою. Это порядочный успех, не столько в смысле твоих знаний, сколько в том, что ты пробил себе свободную дорогу из злосчастливого заколдованного круга твоих старых, окоченелых представлений. Я теперь тоже не жажду ничего иного кроме положительного знания, которое помогло бы мне понять действительность и самому быть действительным человеком. Абстракции и призрачные хитросплетения, которыми всегда занимались метафизики и теологи, противны мне. Мне кажется, я не мог бы теперь открыть ни одной философской книги без чувства тошноты. Что скажешь ты на это, мой милый шлейермахерианец?

В моем последнем письме, которое ты, на-

деюсь, получил, хотя оно адресовано еще на твою старую квартиру, я просил тебя о многих книгах по математике. А теперь я обращаюсь к тебе с гораздо более серьезной просьбой: денег, денег, мой милый. Совершенно отрезанный от моих естественных источников, я все это время был бы в величайшей нужде, если бы мне не помогали некоторые друзья в Кэтене¹. От поляков мне нечего ждать, большинство из них сами находятся в нужде, а другие благоразумно отходят в сторону. Я мог бы кое-что порассказать о польской надежности и благодарности. Моими вернейшими друзьями все-таки остаются немцы; не удивительно ли, что славянин, русский находит своих последних друзей в Германии?! Теперь я живу на щедроты господина Отто. Я должен сказать тебе это для того, чтобы ты понял всю щекотливость моего положения, и чем более господин Отто любезен по отношению ко мне, тем менее я могу позволить чтобы он приносил жертвы для меня, который является для него почти совершенно чужим человеком. Не правда ли, какой абсурд: клиент, которому платит его адвокат (От слов "чтобы ты

понял всю щекотливость" до слов "его адвокат" по-французски в оригинале.). Где и как ты найдешь деньги, это-твое дело, но ты должен найти их. Ты не можешь себе вообразить, до какой степени господин Отто предупредителен и добр по отношению ко мне, поблагодари его от своего имени (От слов "ты не можешь" до слов "от своего имени" по-французски в оригинале.).

Итак Мария Эрн (Марья Каспаровна Эрн.) со своим глухонемым мальчиком (Сын Герцена, Коля.) в Цюрихе. Ты знаешь, что хотя мы виделись почти каждый день, мы были довольно чужды друг другу и расстались довольно холодно; это - не моя вина, ибо я поступил по отношению к ней гораздо справедливее, чем она по отношению ко мне; я думаю, что ее сестра Наталья много способствовала тому, что мы не могли лучше понять друг друга. Как бы то ни было, кланяйся ей от меня, если будешь писать ей. Дал ли ты ей рекомендацию к семейству Фохт? От Цюриха до Берна совсем недалеко.

Постарайся получить лучшие сведения о Иоганне (Пескантини.); бедная, она совсем по-

гибнет вследствие своего ложного положения . Кланяйся Матильде (Рейхель) и благодари ее за ее верную память.

Кланяйся еще фрейлейн Эмме (Гервег.). Итак ее брат (Густав Зигмунд или Георг Гервег.) совершает увеселительные поездки по Италии, этого я совсем не могу понять: Италия в настоящий момент вовсе не может выглядеть веселой; мне было бы понятнее сантиментальное путешествие а ля Иорик.

Ради бога не давай заглохнуть своей музыкальной жилке. Из всех видов искусства музыка одна имеет теперь право гражданства в мире, ибо там, где говорят пушки и сама действительность, поэзия должна молчать. Живописи пришлось бы живописать только безобразное, а о скульптуре я уж и вовсе не говорю, разве что г-н де Ламартин даст изваять себя как величайшую фразу века (От слов "разве что" и до "века" по-французски, в оригинале.). Архитектура еще не нашла нового божества, которому сна могла бы воздвигать храмы, и должна довольствоваться постройкою теплых и удобных зал для болтающих парламентариев. Музыка одна имеет место в нынеш-

нем мире именно потому, что не претендует на высказывание чего-либо определенного и выражает только общее настроение, великое тоскующее стремление, коим преисполнено наше время. Поэтому она должна быть великим и трагическим искусством. Теперь нет уже места для любовных песнопений. Представь себе Петрарку в наше время. Сколь смешон и невыносим должен был бы он казаться всем! Я вовсе не удивляюсь, что ты набросился на религиозную музыку. Ты знаешь мое пристрастие к этому виду искусства, и ты по истине не можешь меня упрекнуть в том, что я придаю хоть какое-либо значение той или иной из существующих религий. Я ничего не ненавижу так, как лицемерие подогретой лжи. Но мы все нуждаемся в религии, во всех партиях чувствуется недостаток ее. Очень немногие люди верят в то, что они делают, большинство или действует по абстрактной системе, словно живая жизнь - лишь применение для жалких абстракций, и потому они так бессильны, или же руководится своими материальными интересами. С этими дело обстоит еще лучше всего, ибо они, хотя бы на

данный момент, кажутся имеющими твердую почву под ногами, но эта почва давно уже подрыта и скоро поглотит реалистов вместе с рыцарями абстракции. Длительная P (Несть ли это первая буква слова реакция, которое заключенный не решился целиком написать?), усыпляющий шум растущей промышленности и наконец внутреннее разложение старого нравственного и религиозного мира, которое невидимо, но непрерывно тянется вот уже 50 лет, все это настолько окорнало человеческую природу, что большинство даже посреди великих бурь нашего времени не может представить себе, что происходящие ныне события это действительность, а не кошмар, не дурной сон. Подобно тому, как современные христиане являются верующими только для будущего, только в абстрактном состоянии, в настоящем же держатся не очень высокого мнения о могуществе своего бога, так и большая часть политиков переносят чудеса потрясения нашего мира только в прошлое и крайне удивлены, что нечто подобное могло произойти в наше время. Самую смешную роль играют при этом догматики,

профессора и ученые. Если так будет еще долго продолжаться, то они в конце концов все походят с ума. Это - момент для ловких людей, но именно только момент. Ты не ожидал от меня такой длинной и скучной диссертации;

я - тоже и потому кончаю, тем более что кончается страница.

Прощай. Пиши скоро и часто.

Твой преданный

М. Бакунин.

9 декабря 1849 года. Кенигштейн.

№ 538.-См. комментарий к №№ 534 и 537.

Рейхель в ответ на первое письмо Бакунина (см. № 534) написал ему письмо 3 ноября 1849 г. (оно помещено у Пфицнера, стр. 222-224; по-русски в "Материалах для биографии", т. 11, стр. 370-374), но отослал его только 21 ноября, так что Бакунин получил его лишь 4 декабря. Отсюда тревога Бакунина, выраженная в письме от 24 ноября (см. № 537). На второе письмо Рейхеля Бакунин отвечал настоящим письмом от 9 декабря.

1 Кеппе, Габихт, Бранигк и др.

2 Эрн, Марья Каспаровна или Кашперовна,

как иногда называет ее Герцен (1823-1916)-приятельница А. И. Герцена, с которой он познакомился в Вятке в 1835, куда она в 12-летнем возрасте приехала к брату, вятскому чиновнику и другу Герцена. Вместе с матерью она сделалась своим человеком в доме Герценов в Москве, куда уехала в декабре того же 1835 года. В 1847 уехала вместе с А. И. и Н. А. Герценами за границу. До конца сохранила дружеские отношения к Герцену, к его детям, а также к М. А. Бакунину, с которым сблизилась еще и потому, что в 1850 вышла за А. Рейхеля, второю женою которого и сделалась. На старости лет возвратилась в Россию, где и умерла. В 1909 Л. Э. Бухгейм напечатал в Москве "Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена" ("Материалы для биографии А. И. Герцена", вып. I). Куда девался архив Рейхелей, мы не могли установить.

3 Иоганна Пескантини (см. том III, стр. 449) жила не в ладах с мужем. В письме от 3 ноября 1849 года Рейхель сообщал Бакунину, что по слухам она снова уехала от мужа из швейцарского городка Нион к родным. Действи-

тельно она переехала в Данию, куда к ней приехала мать из Лифляндии. Узнав от Матильды Рейхель-Линденберг о заключении Бакунина, она пыталась обратить его в мистическую веру и писала для этого длинные письма. Умерла она в 1856 году.

У Пфицнера, 1 .с., стр. 224, напечатаны выдержки еще из одного письма Рейхеля к Бакунину от конца 1849 или начала 1850 года. В нем Рейхель извещает о посылке 100 франков, извиняя свое промедление тем, что А. И. Герцен дал поручение молодому Зигмунду, брату Эммы Гервег, выслать Бакунину из Берлина 250 франков, о выполнении какого поручения тот сообщил сестре в Париж; но убедившись из письма Бакунина и невидимому также письма Отто, что из Берлина ничего не получено, Рейхель поспешил послать пока хотя бы сто франков. Ответ Бакунина на это письмо нам не известен. Невидимому его и не было, так как это скорее записка, чем письмо, требующее ответа. О получении денег вероятно уведомил отправителя Отто.

Русский перевод этого письма .напечатан в "Материалах для биографии", т. II, стр. 393-

394. но без даты и совсем не на своем месте. И здесь приходится отметить, что письма, в оригинале не датированные, оставляются В. Полонским без даты, а так как он не пытался эту дату определить, письма разбросаны в его издании в полном беспорядке и без всякой системы.

Перевод с немецкою. No539.-Письмо Матильде Рейхель.

16 января 1850 года.

[Кенигштейнская крепость].

... Что касается моей здешней жизни, то она очень проста и может быть описана в немногих словах: у меня очень чистая, теплая и уютная комната, много света, и я вижу в окно кусок неба. В семь часов утра я встаю и пью кофе; потом сажусь за стол и до 12-ти занимаюсь математикой. В двенадцать мне приносят еду; после обеда я бросаюсь в кровать и читаю Шекспира или же просматриваю какую-нибудь математическую книгу. В два обычно за мною приходят на прогулку; тут на меня надевают цепь, вероятно для того, чтобы я не убежал, что впрочем и без того было бы невозможно, так как я гуляю между

двумя штыками, и бегство из крепости Кенигштейн кажется по крайней мере мне невозможным. Может быть, это тоже своего рода символ, чтобы напоминать мне в моем одиночестве о тех невидимых узах, которые связывают каждого индивидуума со всем человечеством. Как бы то ни было, но украшенный сим предметом роскоши, я немного гуляю и издали люблюсь красотами Саксонской Швейцарии. Через полчаса я возвращаюсь, снимаю наряд и до шести часов вечера занимаюсь английским. В шесть я пью чай я опять принимаюсь за математику до половины десятого. Хотя у меня нет часов, но время я знаю довольно точно, так как башенные часы отбивают каждую четверть часа, а в половине десятого вечера слышится меланхолическая труба, пение которой, напоминающее горькую жалобу несчастного влюбленного, служит знаком того, что надо тушить свет и ложиться спать. Понятно я не могу сразу заснуть и обычно не сплю за полночь. Это время идет [у меня] на всевозможные размышления, особенно о тех немногих любимых людях, дружбою которых я столь дорожу. Мысли

беспошлинны, не стеснены никакими крепостными стенами, и вот они бродят по всему свету, пока я не засыпаю. Каждый день повторяется та же история...

Теперь мой внутренний мир - книга за семью печатями, о нем я не смею и не хочу говорить. Как я сказал, я спокоен, совершенно спокоен и готов ко всему. Я еще не знаю, что со мною сделают; надеюсь скоро выслушать первый приговор. Я равно готов как снова вступить в жизнь, так я расстаться с нею. Теперь я ничто, т. е. только думающее, значит не живущее существо; ибо, как это недавно узнала Германия, между мыслью и жизнью - все же широкая пропасть...

№ 539.-См. комментарий к № 534.

Это письмо Бакунина, только небольшая выдержка из которого опубликована Максом Неттлау, а оригинал которого неизвестно где находится, является ответом на письмо Матильды Рейхель (в замужестве Линденберг) от 3 января 1850 г. из Грауденца. Это письмо, подсказанное уверенностью в неминуемой близкой казни Бакунина, написано в восторженном духе и показывает лишний раз, как

сильно Бакунин влиял на истеричных женщин. Сообщая Бакунину, что она пережила все его страдания, что она любит его теперь сильнее, чем когда-либо, и напоминая о том, что он некогда огненными буквами записал в ее духе и сердце учения, коим она вечно пребудет верна, она подчеркивает, что, отвергая его политическую деятельность и присущие ему революционные тенденции, тем не менее преклоняется перед ним как перед "великим и добрым человеком, полным любви и чистейшего стремления к истине". Далее она сообщает, что отыскала Иоганну Пескантини, находящуюся в Копенгагене, но еще не добившуюся свободы; "она любит Вас, Бакунин, она охотно отдала бы свою жизнь, чтобы облегчить Ваше положение и доставить Вам утешение".

Это письмо Матильды Рейхель опубликовано частично у Пфицнера, стр. 224-225, и по-русски с ошибками в "Материалах для биографии", т. II, стр. 376-378, при чем В. Полонский, видимо не зная имени Зеебек, уверяет, что это слово написано в оригинале "неразборчиво", что не помешало однако Пфицнеру пре-

красно его разобрать.

Из той части письма Бакунина, которая опубликована Максом Неттлау, и которую мы здесь приводим, не видно, что отвечал Бакунин на все эти излияния.

Перевод с немецкою. No 540. - Письмо Матильде Рейхель.

16 февраля 1850 года.

[Кенигштейн].

... Итак Вы уже знаете, что я приговорен к смерти. Теперь я должен сказать Вам в утешение, что меня уверили, будто приговор будет смягчен, т. е. заменен пожизненною тюрьмою или столь же продолжительным заключением в крепости. Я говорю "Вам в утешение", потому что для меня это - не утешение. Смерть была бы мне куда милее. Право, без фраз, положи руку на сердце, я в тысячу раз предпочитаю смерть. Каково всю жизнь пряхь шерсть или сидеть в одиночестве, в бездействии, никому ненужным в крепости за решеткой, просыпаясь каждый день с сознанием, что ты живо погребен, и что впереди еще бесконечный ряд таких безотрадных дней! Напротив смерть-только один неприятный момент, к

тому же последний, момент, которого никому не избежать, наступает ли он с церемониями, с законными заклинаниями, трубами и литаврами, или захватывает человека неожиданно в постели. Для меня смерть была бы истинным освобождением. Уже много лет нет у меня большой охоты к жизни. Я жил из чувства долга, смерть же освобождает как от всякого долга, так и от ответственности. Я вправе желать смерти, так как ничья жизнь не связана неразрывно с моею...

... Правда, за последние два года в Германии у меня было мало радости. Часто я бывал в самом затруднительном положении. Один, очень часто без денет, я был вдобавок ославлен как русский шпион, а в то же время с другой стороны на меня смотрели как на неистового, безумного якобинца. И то, что меня считали за русского шпиона, толкнуло меня на некоторые сознательно неосторожные шаги, запутавшие и скомпрометировавшие меня. Я мог, но не хотел бежать из Дрездена. Чего я хотел, я скажу Вам, дорогой друг, поскольку я могу позволить себе здесь говорить свободно: я бросился между славянами и немцами,

между двумя великими, но к сожалению взаимно друг друга ненавидящими расами, бросился, чтобы предотвратить гибельную борьбу и повести их соединенные силы против русской тирании, не против русского народа, нет, а для его освобождения. Это было гигантское предприятие. Я был один, не имея ничего кроме доброй, честной воли, и, может быть, меня могли упрекнуть в том, что с моей стороны было донкихотством думать о такой гигантской работе. Я же рассчитывал на более продолжительный прилив в движении. Я ошибся в расчете: отлив наступил раньше, чем я ожидал, и вот я засел в Кенигштейне на самой высокой точке Саксонии. Собственно Дрезден был для меня случайностью; но в нем-то как раз я и потерпел кораблекрушение...

Заслужил ли я смерть? По законам, насколько я их понял из объяснений своего адвоката, да. По совести моей - нет. Законы редко согласуются с историей и почти всегда отстают от нее. Поэтому-то на свете происходят и всегда будут происходить революции. Я действовал согласно своему искреннему

убеждению и для себя не искал ничего. Я сел на мель, как многие, лучшие - до меня, но то, чего я желал, не может погибнуть, не потому, что я этого желал, а потому что то, чего я желал, необходимо, неизбежно. Рано или поздно, с большим или меньшим количеством жертв, оно вступит в свои права и осуществится. В этом мое утешение, моя сила, моя вера. Дорогой друг, Вы мечтаете о царстве небесном на земле, Вы считаете, что довольно только слова, чтобы обратить мир, чтобы вести людей к человечности и свободе. Но откройте летописи истории, и Вы увидите, что малейший прогресс человечества, каждый новый живой плод произошел из облитого человеческой кровью - и потому мы можем надеяться, что и наша тоже не пропадет напрасно.

... Примирение [между лагерями революции и реакции] невозможно, как между огнем и водой, которые вечно борются между собою и все же силою природы принуждены жить вместе. Я знаю, Вы ненавидите бури, но правы ли Вы, вот вопрос. Бури в нравственном мире так же нужны, как и в природе: они

очищают, они молодят духовную атмосферу; они разворачивают дремлющие силы; они разрушают подлежащее разрушению и придают вечно-живому новый неувыдаемый блеск. В бурю легче дышится; только в борьбе узнаешь, что человек может, что он должен, и поистине такая буря нужна была теперешнему миру, который был очень близок к тому, чтобы задохнуться в своем зачумленном воздухе. Но она еще не прошла; я думаю, я твердо убежден, что пережитое нами является только слабым началом того, что еще наступит и будет долго, долго продолжаться... Час его [час "этого, так называемого цивилизованного мира"] пробил; его теперешняя жизнь не что иное как последний смертельный бой; но не бойтесь, дорогой друг, за ним придет более молодой и прекрасный мир. Жаль только, что я его не увижу, да и Вы тоже, потому что, как я сказал, борьба продлится долго и переживет нас обоих...

... Сейчас я нахожусь в положении пятнадцатилетней девочки, которая и строчки не смеет написать без папиного и маминого просмотра; не знаю, пропустят ли это письмо

многочисленные папаши и мамыши, блюду-щие теперь мою добродетель, - хочу наудачу сдать его завтра...

Но 540.-Это письмо Бакунина, также опубликованное Максом Неттлау лишь частично и в таком виде приводимое нами, является ответом на письмо Матильды Рейхель от 26 января (последнее напечатано у Пфицнера, 1. с., стр. 225-226; по-русски в "Материалах для биографии", т. II, стр. 379-380). Когда Матильда писала это письмо, она еще не получала письма Бакунина к ней от 16 января (см. Но 539) : оно по-видимому дошло до нее только в середине февраля, если судить по ее ответу на него, датированному 15 февраля 1850 г. и напечатанному у Пфицнера на стр. 226-227; по-русски в "Материалах для биографии", т. II, стр. 380- 385. Письмо ее от 16 января носит еще более восторженный характер, чем первое ее письмо в тюрьму. Объясняется это тем, что до нее дошла уже весть о вынесенном Бакунину смертном приговоре. От имени своего, Адольфа Рейхеля и Иоганны Пескантини она шлет Бакунину предсмертный привет и протягивает ему руку, говоря, что они, его

друзья, смыкаются вокруг него, неся ему любовь, утешение и веру. Бакунин спокойно старается вернуть взволнованную приятельницу на землю и мягко отстраняет ее мистические разглагольствования.

У Пфицнера напечатаны еще два ее письма к Бакунину: от 15 февраля, о котором мы упоминали выше, и от 22 марта 1850 г. в ответ на его письмо от 16 февраля, печатаемое нами под настоящим номером (стр. 227; по-русски в "Материалах", т. II, стр. 387-390, при чем оно там датировано почему-то 2 марта; возможно, что это-опечатка).

Все эти и последующие письма Рейхелей к Бакунину находятся в пражском военном архиве, куда они видимо были пересланы из Саксонии вместе с другими документами по делу Бакунина.

Когда Бакунин писал предыдущее письмо, он еще не знал, что за два дня до его написания он был саксонским судом приговорен к смертной казни вместе с О. Гейбнером и А. Рестелем. Подсудимые подали прошение о помиловании, и король заменил им смертную казнь пожизненным заключением в крепо-

сти. Гейбнер просидел в тюрьме до 1859, а Реккель до 1862 года.

Герцен, неизвестно на основании каких источников, пишет по этому поводу в письме к Мишле: "Арестованный через несколько дней после взятия Дрездена, Бакунин был судим военным судом и приговорен к смерти вместе с двумя своими храбрыми сподвижниками, Гейбнером и Реккелем. По прочтении приговора, который не могли привести в исполнение, так как смертная казнь для политических преступников, отмененная Франкфуртским парламентом, не была еще восстановлена, приговоренных обманули, предложив им подать просьбу о помиловании. Бакунин отказался и сказал, что единственная вещь, которой он боялся, это попасть в руки русского правительства, но так как его предполагают гильотинировать, то он не имеет ничего против, хотя и предпочел бы лучше расстреляние. Адвокат поставил ему на вид, что один из его товарищей, имевший жену и детей (Реккель.-10. С), вероятно согласился бы просить помилования, но отказывается от этого, узнав о словах Бакунина. "Так скажите

ему,- тотчас ответил Бакунин, - что я соглашаюсь, что я подпишу прошение". Больше на этом не настаивали и сделали вид, что смягчение наказания было самопроизвольным актом королевского милосердия" (Герцен, "Сочинения", т. VI, стр. 483).

А. Реккель в своей книге "Sachsens Erhebung", 1865, рассказывает об этих обстоятельствах несколько иначе. Предполагая, что смертный приговор вынесен ему и его товарищам для блезиру, и что реакция удовлетворится высылкою их за границу, Реккель после долгого сопротивления согласился на подачу его адвокатом вместе с адвокатами Гейбнера и Бакунина прошения о помиловании, каковым шагом он преследовал цель добиться разрешения на выезд в Америку (стр. 229).

Фактически положение обстояло так. 14 января апелляционный суд, рассмотрению которого подлежало дело о майском восстании, вынес приговор, коим Бакунин, Гейбнер и Реккель (их дела были решены в один день) были осуждены на смертную казнь. 19 января Гаммер сообщил подсудимым об этом вердик-

те, после чего Бакунин немедленно пожелал видеть своего защитника. Все три осужденных решили обжаловать приговор. Адвокат Бакунина, имевший с ним свидание в присутствии следователя 26 января, получил три недели на подготовку второй защитительной записки, но принужден был просить об отсрочке, так как Бакунин не представил ему вовремя нужных для того заметок (и здесь у подошвы эшафота Бакунин остался себе верен!). 11 марта (вместо назначенного 21 февраля) Отто представил свою вторую защитительную записку, не содержащую впрочем новых соображений, и только 17 марта Бакунин наконец представил свои замечания на первый приговор, которые пришли слишком поздно. Как и можно было предвидеть, высший апелляционный суд, в который перешло дело, подтвердил 6 апреля приговор первой инстанции. Только 3 мая подсудимым объявлен был новый приговор. После долгих переговоров осужденные решили подать общую просьбу о помиловании, не содержащую личных мотивов, что и было исполнено 16 мая. Но король заставил себя довольно долго

ждать: помилование последовало только 6 июня, а объявлено оно было осужденным только 12 июня. Объяснялось это промедление соображениями высшей политики. Дело в том, что на рассмотрении саксонских палат находился тогда внесенный правительством проект займа в сумме 13 миллионов; в надежде, что сейм даст согласие на этот заем, правительство избегало его раздражать (выдача же Бакунина Австрии наверно восстановила бы его против министров), а потому Бейст просил своего австрийского коллегу потерпеть неделки три, после чего Бакунина можно будет выдать без опасения. Вот почему помилование имело место только в июне.

В тот же день, как Бакунину было объявлено это помилование, он был увезен в Австрию. В ночь с 12 на 13 июня он в половине второго ночи был разбужен и закован в кандалы. Он думал, что его ведут на казнь, но скоро понял, что его только переводят в другое место. Под сильным конвоем он был доставлен на австрийскую границу, где ему сообщили, что его выдают австрийцам. "В продолжение всей этой процедуры Бакунин вел

себя молчаливо и сдержанно", как гласит донесение саксонского офицера, его сопровождавшего (Керстен, стр. 104). 14 июня Бакунин сидел уже в австрийской тюрьме в Градчине (часть Праги). С этого момента начинается австрийская часть бакунинского мартиролага (см. Пфицпер, стр. 205 сл.).

Перевод с немецкою No541.-Письмо адвокату Францу Отто I.

(17 марта 1850 года. Кенигштейнская крепость).

Я намерен был прежде прислать Вам все мое оправдание, надеясь гораздо раньше оное приготовить, но вижу теперь, что дело это не может идти так скоро. Записка моя (См. дальше No 542.), хотя больше чем вполовину готова уже, но не будучи в состоянии свободно выразаться по-немецки, я боюсь, чтобы она не заняла меня еще неделю, и потому для выиграния времени я решился послать Вам часть моего объяснения-о том, что относится лично до меня; остальное же, касающееся моральных причин моих действий, я доставлю Вам при первой возможности.

Я должен начать с того, чтобы Вам вкратце

изложить политические начала, на которых я основывался во всем том, что я писал и делал. Я не имею счастья быть с Вами знакомым, наше знакомство началось в тюрьме, где мы имели слишком мало случая говорить между собою, известности я не имею никакой, и потому я должен указать Вам основание, которым Вы, мой защитник, должны руководствоваться при Ваших обо мне суждениях, если желаете быть справедливым, в чем я разумеется нимало не сомневаюсь.

Я - русский и сердечно люблю мое отечество, но вольность я люблю еще более; а любя вольность и ненавидя деспотизм, я ненавижу русское правительство, которое считаю злейшим врагом свободы, благосостояния и чести России. Основание сих чувств я изложу Вам в следующем моем объяснении. Российское правление не имеет другой цели существования и другой возможности поддержать себя как только завоевывать свободные народы и обращать их в рабство. Оно должно уничтожать свободу и самостоятельность Европы во всей Германии, иначе само должно погибнуть. Таким образом оно покорило Польшу и

стремится тихим, но верным путем завладеть всеми славянскими поколениями в Австрии, Пруссии и Турции. Подробное доказательство сего Вы также найдете в следующей моей записке. Правительство это есть естественный враг свободы немцев, ибо она может иметь последствием единство и могущество Германии, за которыми неминуемо последует война с Россиею, а с нею восстановление Польши и уничтожение царства.

Здесь возникает вопрос; деспотическая Россия, усиленная славянами, задавит ли Европу и всю Германию, или свободная Европа с освобожденными и самостоятельными уже славянами внесет под покровительством Польши свободу в Россию? Последнее по моему мнению есть главная современная дилемма, которая не допускает другого решения, и так как я из всеобщей любви к свободе и из особенной любви к моему отечеству не желаю, чтобы русский кнут одержал победу над европейскою свободою, так как я знаю, что народ русский есть невольное орудие русского властолюбия, что его несчастье, его рабство усиливается с распространением границ

России, и что нестерпимое уже теперь состояние русского народа делается хуже с каждым новым завоеванием; так как я вообще завоевания в Европе считаю политикою безнравственною и гибельною для свободы, и так как я - враг русского правления и вижу, что все могущество оногo заключается только в насильстве, то я - и враг иностранной его политики.

Как враг русского правления я желаю всего, что противоположно настоящему стремлению России, и чистосердечно желаю Германии свободы, единства и могущества истинно германского. Это должно служить и ответом моим на замечание, сделанное в обвинительном акте вследствие принятого мною с двумя поляками участия, что не непризнание франкфуртского парламента, а что-нибудь другое было поводом "сражению в Дрездене: "Участие русского Бакунина и незадолго до него прибывших из Парижа польских выходцев Гельтмана (Виктор.) и Крыжановского (Александр.), которым едва ли можно доверить успех в деле германского уложения" (Т. е. Конституции) и проч.

Я желаю германского могущества и германского величия, но не угнетения славян Германиею. Знаю очень хорошо, что славяне не так легко могут сделаться германцами, тем менее еще искоренить свою национальность, ибо благодаря бога они - не североамериканские индейцы. В несправедливом к тому стремлении германцев я вижу величайшую опасность как для самой Германии, так и для общей свободы, ибо оно есть вернейший способ отдать всех славян в руки России. Кто знает славян хотя немного, тот не может сомневаться в том, что славяне скорее отдадут себя под защиту русского кнута, нежели согласятся обратиться в немцев. Итак скажу в нескольких словах, что единство и величие Германии и вместе с сим свобода и величие славян, дружеское обоим их согласие как в охранении цивилизации и прав человечества, так и в освобождении русского народа от деспотизма есть все, что я желал и чего желаю теперь с такою искренностью и силою воли.

Эти же самые мысли я говорил громко в Париже до февральской революции, 29 нояб-

ря 1847 г. в одном торжественном польском собрании (См. эту речь в т. III настоящего издания, стр. 270-279.). Я старался вразумить поляков, что устроить свою судьбу они могут только вместе с устройением судьбы России, и что они должны внести в Россию свободу и, дабы свергнуть русское иго, подать руку русским как единоплеменным своим братьям, несмотря на то что теперь они - их притеснители. Эта речь моя была переведена на немецкий язык, и вы этот перевод найдете может быть в Дрездене. Речью этою я навлек на себя большую грозу, - я приобрел себе через нее могущественного и непримиримого врага. Российский посланник (Н Д. Киселев.) потребовал сейчас же от бывшего тогда под влиянием России и Австрии министра иностранных дел Гизо моего изгнания из Франции, что и было обещано. Российское посольство не довольствовалось этим, оно уверило французское правительство, разумеется в большой тайне, что я был агент русского правительства, имел от оногo поручения, но выйдя из пределов данной мне инструкции, не мог быть терпим во Франции. Гизо вверил эту

важную тайну некоторым знатным полякам, и таким образом я прослыл русским шпионом 1. Когда же я приехал в Бельгию, я нашел там другой обо мне отзыв, полученный прямо из французского министерства к брюссельскому начальству: что я бежал из своего отечества не по политическому делу, но вследствие похищения мною ста тысяч франков.

После разразившихся в Париже, Вене и Берлине революций (В феврале и марте 1848 года.) все ожидали общей войны освобожденной Европы против России. Доказывать Вам то, что действительно так думали не только во Франции, но и в Германии и в самом Берлине, я считаю излишним. Каждый листок, даже консервативные газеты того времени наполнены нареканиями (В немецком оригинале сказано "Rodomontaden".) против русского царя и выражали симпатию к поляками. Ни о чем более не было тогда говорено, как о том, чтобы Россию отбросить в Азию. Мне как русскому было это слишком уже чувствительно. Я желал войны европейской, войны против русского правления для освобождения Польши, а не для уничтожения русского наро-

да, который я душевно уважаю. Я знал также, что не так легко уничтожить 40 миллионов народа, и я был уверен, что если подобная война против России будет предпринята, то она будет столь же неудачна, как была для Наполеона в 1812 году, и что через это самое деспотизм в моем отечестве еще более утвердится. Я думал и думаю еще теперь, что Польша только в согласии с русским народом может освободить себя и уничтожить русское царство. Чтобы содействовать такому согласию, я решился в конце марта 1848 года отправиться в Великое Герцогство Познанское с возвращавшимися туда поляками.

Как я был задержан в Берлине, Вам это уже известно. Там меня обвинили, что я - агент Ледрю-Роллена, и что я хотел отправиться в Польшу и Россию от Польского революционного комитета, чтобы посягнуть на жизнь российского императора. К большому моему удивлению нахожу я опять это самое обвинение в обвинительном акте, хотя комиссия неоднократно сама повторяла, что она этому не придает большой важности, потому что донос о сем поступил к здешнему начальству

от берлинской полиции без подписи и без доказательств.

В обвинительном акте значитсЯ:

"По акту стр. 65, под лит. В, Но 37, 1-й части Бакунин состоит эмиссаром Ледрю-Роллена для возмущения славянских народов, для обращения их в республику и для возбуждения войны между Пруссиею и Россиею; также послан от парижского революционного комитета с особенным поручением в Великое Герцогство Познанское и для убиения российского императора, и наконец в Берлине состоял в тесной связи с левою партией".

После того, что я слышал от комиссии, я мог бы избавить себя от труда возражать на столь нелепый донос. Но так как это помещено в означенном обвинительном акте и вероятно включено в оный не без намерения, то, я должен отвечать на это хотя в нескольких словах:

1) Мог ли кто-нибудь в продолжение моей жизни заметить во мне малейшую способность к человекоубийству?

2) Гласность моих поступков и всегдашняя откровенность, с какою я высказывал все же-

лания мои, согласуются ли с боязливою осторожностью убийцы?

3) Убийством я гнушаюсь, а над невеждами настоящего времени смеюсь, считая их сумасбродными.

4) Если бы я имел личное знакомство с столь замечательным человеком, как Ледрю-Роллен, я бы мог этим гордиться, но я должен по справедливости сказать, что во всю мою жизнь я только один раз и притом не более пяти минут говорил с ним.

5) Когда я прибыл в Бреслав[ль] из Берлина, я к сожалению должен сказать, что я узнал там, что демократические поляки распустили молву о том, что я русский шпион 4. Мне кажется этого довольно, чтобы доказать несправедливость сделанного на меня доноса.

К сему еще присовокупляю, что впродолжение кратковременного заключения в Берлине мне официально было сказано, что сей донос поступил от российского посольства, и что оно, как я узнал из полуофициальных источников, три раза впродолжение моего в Пруссии задержания, с начала мая до полови-

ны октября, требовало под теми же самыми предложениями выдачи меня, и что в этом было ему отказано 5; даже все это время с дозволения прусского правительства я мог оставаться в Пруссии, и только в октябре месяце без всякого основательного повода изгнан оттуда после столь долгого задержания прусскою полициею, которая однако ж, как мне известно и как само собою разумеется, следила за каждым моим шагом и ничего другого не могла на меня показать как только то, что значится в гнусном на меня доносе, а потому из этого можно заключить как о том, что объявление, сделанное против меня, есть ложное, также и то, как неоднократно я объяснял комиссии, что я никогда не вмешивался ни в какие дела Германии.

Что же касается до того, что я делал и что хотел сделать, будучи членом славянского конгресса в Праге, то Вы это уже знаете из моего воззвания к славянам и также из прежних моих показаний и из того,, что я в письме сем выше объяснил. Дальнейшее по этому предмету объяснение изложу Вам в следующей моей записке. После насильственного

разрушения славянского конгресса, возвращаясь в Пруссию, я оставался там, как выше сказано, до половины октября, если не ошибаюсь. Причины того, что я остался в Германии, легко можно объяснить: я ждал лучшей погоды и не хотел удаляться с театра, где только один я мог действовать. Вся деятельность моя в Германии заключалась в следующем: я старался употребить по возможности в пользу мои знания и отношения, чтобы привести в Германии в действие переворот мнений и образа мыслей славян. Почему я желал сего, это объясняется из вышесказанного. Что при этом я был более в сообществе с демократами, это объясняется тем, что эти люди вообще не разделяют мнения прочих партий в Германии относительно образа мыслей польских славян; что же касается того, что я до восстания в Дрездене не вмешивался ни в какие политические общества, это, я думаю, уже достаточно доказано.

Теперь о Саксонии. Относительно пребывания моего в Лейпциге и Дрездене до дрезденского восстания я сказал уже все, что знал, и не имею ничего прибавить к тому. Никогда

ни к какому саксонскому клубу и парижскому собранию я не принадлежал и никогда не слышал о каких-либо тайных движениях, приготовлениях или обществах и даже по сие время не знаю о существовании оных. Я не ожидал революции в Дрездене и ни словом, ни делом, ниже другим каким-либо способом не участвовал в оной. Она меня поразила удивлением, и первую моею мыслью было удалиться оттуда. Того же мнения, как мне известно, были Крыжановский (Александр.) и Гельтман (Виктор.), которые, как сами мне говорили, приехали из Парижа в Дрезден не по дрезденскому делу, но по делу Польши, которая, как известно, ближе к Дрездену, нежели к Парижу. Чтобы не удалиться от театра действий славянского предприятия и венгерского дела после вмешательства в оное России, я остался однако в Дрездене. Остальное Вам все известно, и я только сделаю еще некоторые замечания против моего обвинительного акта.

Оставаться без всякого в деле участия было мне невозможно. Об образе и о подробностях участия моего в дрезденской революции

я достаточно объяснил комиссии и повторяю еще раз: ничего более, ничего менее того, что я сказал. Я полагаю, что и следствием это подтвердилось, и поэтому меня удивило, когда я прочел в акте следующее против меня обвинение:

4.

"С сего времени, именно после удаления поляков, Бакунин один управлял войною, обнаруживая притом неограниченную власть".

В Полномочии, стр. 12, часть I, сказано: "Гейбнер (Отто Леонгард.) называет его начальником генерального штаба".

Я объяснил ясно и надеюсь доказать, что я никогда на себя начальства не принимал и не хотел оного принять. Никогда я не был предводителем войны и никогда не имел неограниченной власти. По моему убеждению и по всему, что я видел в этом сражении, не было в нем предводителя, ибо Гейнце 7 ничего хорошего не сделал, и никто не предводительствовал им. Что подразумевал Гейбнер под названием начальника генерального штаба, я не знаю, ко мне же это звание относиться не может, потому что мне неизвестна и местность

Дрездена. Полномочия на неограниченную власть я никогда не желал и не получал. Всякий шаг моих действий известен как из моих собственных показаний, так и из показаний других, и все это должно бы убедить, что я никогда не был предводителем в сражении. Из одного самолюбия я бы не должен был отрицать возведенное на меня обвинение в управлении сею войною, однакож я думаю все-таки, что сделал лучше, не приняв на себя этого звания, по незнанию мною военного искусства.

В этой войне я участвовал симпатиею и с помощью моих ограниченных сил делал все, что только мог, для пользы оной. Я не буду повторять моих прежних показаний, но я подтверждаю все без исключения, потому что в оных заключается совершенная истина. Я не был ни зачинщиком, ни предводителем сей революции; даже не знаю, имела ли таковых эта революция.

После удаления поляков я остался здесь потому, что, будучи русским, считал бегство позорным. Был ли я зачинщиком дрезденской революции, о том Вы можете лучше меня су-

дить, будучи юристом, я же в защиту мою более ничего не могу присовокупить. 8

Извините мне несвязность сего письма: сегодня я торопился и от этого хуже и неправильнее писал по-немецки, чем пишу обыкновенно; но я надеюсь, Вы будете более довольны моею следующею запискою, я буду стараться как можно скорее представить Вам ее.

Ваш покорнейший слуга
М. Бакунин.

Еще обращаюсь к Вам с частною просьбою: не можете ли Вы одолжить мне на некоторое время полное издание творений Виланда 9 (Кристоф Мартин) или купить мне его, если оно не слишком дорого? Заключение мое столь сухо, что я должен его хоть немного украсить присутствием граций, а Виланд — один из лучших немецких сочинителей. Еще желал бы иметь для моих занятий географию, статистику, в особенности Германии, Австрии, Италии и Турции, с картою. Извините меня, что беспокою Вас столь многими просьбами.

17 марта 1850 г[ода].

Но 541.-Оригинал этого документа находится в саксонском государственном архиве, а может быть в пражском военном, куда были пересланы из Саксонии бумаги по делу Бакунина (по крайней мере там находятся письма Отто к Бакунину, значит вероятно и обратное). В третье-отделенском "Деле" о Бакунине (часть I, лл. 295-306) имеется только русский перевод его, сделанный в 1850 году. Неизвестно, сделан ли этот перевод в России или в Германии, и находился ли он в числе документов, присланных в Петербург российским поверенным при саксонском дворе Шредером при письме от 5|17 апреля 1850 г. Несмотря на то, что перевод сделан не совсем удачно, мы все же даем его здесь, так как он написан тогдашним стилем, подделаться под который в настоящее время невозможно, и потому более соответствует бакунинскому слогу, чем этого мог бы достигнуть современный перевод (тем более, что немецкого оригинала или копии с него у нас нет).

Впервые "тот документ на русском языке был опубликован мною в первом издании моей книги о Бакунине (Москва, 1920), а затем

напечатан в первом томе "Материалов" под ред. В. Полонского.

Происхождение этого документа таково. 24 октября 1849 г. было закончено предварительное следствие по той части обвинений против Бакунина, которая касалась саксонских дел (последний допрос по австрийским делам был сделан Бакунину Гаммером лишь в конце февраля 1850 г.). Защитнику его предложено было подготовить защитительную записку, на что ему было дано три недели. По закону подсудимые имели право представить суду и свою собственную защиту: Гейбнер и Бакунин решили использовать это право в интересах политического освещения процесса. Но писал Бакунин свою записку (правда отчасти вследствие отсутствия нужных материалов, в частности газет) слишком долго, так что адвокат Бакунина, Франц Отто I, надеявшийся использовать материалы бакунинской самозащиты для своей записки, стал торопить его. Однако из этого ничего не вышло. 12 ноября 1849 г. он сообщил Отто, что если ему не предоставят нужных ему материалов, особенно газет, он принужден будет отказаться

от самозащиты. Как мы знаем, часть газет ему удалось доставить в камеру, но от этого дело мало продвинулось вперед. Отто должен был представить свою защитительную записку 13 ноября (а Бакунин к тому времени за свою еще и не принимался!), но он не успел ее составить, просил двухнедельной отсрочки и лишь 26 ноября представил суду свою записку, не упустив при этом случая протестовать против действий правительственных органов. В своей записке Отто доказывал моральное право Бакунина на революцию (на такой же по существу позиции стоял и Гейбнер, успевший в отличие от Бакунина представить свою самозащиту).

Записка Гейбнера была тогда же опубликована под заглавием "Selbstverteidigung von Otto Heubner". Она была подписана 10 ноября 1849 года. Мы пользовались вторым изданием, Цвиккау 1850. О Бакунине говорится на стр. 98-99 этой записки.

Вся "Самозащита" построена на наивной попытке доказать формально-юридическими соображениями, цитатами из древних и новых юридических авторитетов и т. п. право

народа осуществлять общую волю против частных волей и этим подтвердить законность образования Временного Правительства и правомерность майского восстания. Король мол сам уехал из столицы, власть оставалась вакантною, Временное же Правительство не ставило себе других целей кроме защиты законно принятой высшим в Германии учреждением- Франкфуртским парламентом-союзной конституции и т. п. Что же касается участия Бакунина и поляков, якобы доказывающего стремление инсургентов к низложению монарха и установлению республики, то Гейбнер заявляет, что с поляками он вообще не встречался, а Бакунин, с которым он впервые увиделся 4 мая 1849 г., ни разу в его присутствии не произносил такого слова, которое давало бы право заподозрить в нем такие стремления. Он занимался исключительно стратегическими вопросами и ни о чем другом не заботился. Участие Бакунина и подобных ему людей в движении его не удивляло; он объяснял его так: проведение в жизнь конституции сделало бы немецкий народ свободною и счастливою нациею, германское госу-

дарство мощным и благотворно влияющим на соседей; этих мотивов было достаточно для того, чтобы всякая свободолюбивая национальность сочувствовала борьбе за проведение имперской конституции и приняла в ней участие без всяких иных побочных целей.

Тогда же была сделана попытка популяризовать эти взгляды Гейбнера и его личность среди широких масс, и с этой целью было выпущено народное издание, точнее переработка записки Гейбнера. См. Eduard Sparfeld-"O. L. Heubner und seine Selbstverteidigung... fur das deutsche Volk bearbeitet". Zwickau 1850. На стр. 21 этой брошюры приводятся соображения Гейбнера о роли "Бакунина, которого считали инициатором всех насильственных мероприятий".

14 января состоялся приговор первой инстанции, осудившей Бакунина и двух его товарищей на смерть. Так как они обжаловали этот приговор, то судебная процедура продолжалась. Однако и теперь Бакунин не мог довести до конца начатого дела. Как мы знаем из Комментария к No 540, Отто должен был представить свою вторую защититель-

ную записку 21 февраля, причем ждал замечаний Бакунина для использования их хоть в этой записке. Тем временем рукопись Бакунина (она напечатана у нас под No 542) выросла до четырех печатных листов, автор отвлекся в сторону, и не видно было, когда он сумеет ее закончить. Ввиду настояний адвоката Бакунин, отложив на время в сторону расширенный проект записки наскоро составил более краткую ее редакцию, датированную 17 марта 1850. Адвокат по-видимому получил рукопись только 23 марта, судя по указанию М. Неттлау ("На чужой стороне", No 7, стр. 233), что в копии, сделанной у Ф. Отто Матильдою Рейхель, стоит дата 23 марта 1850. У В. Полонского в предисловии ж переводу большой записки Бакунина, напечатанному в "Каторге и Ссылке" 1928, NoNo 6 и 7, сказано, что Отто получил эту краткую записку 22 марта, а 27 марта сообщил Бакунину, что свою защитительную записку он уже вручил суду недели три тому назад. Таким образом и эта сокращенная редакция защиты Бакунина запоздала и в свое время использована не была. Эту краткую редакцию мы и печатаем

здесь.

Специально останавливаться на ее содержании и характере мы не будем, так как находим более правильным представить соответствующие разъяснения и фактические указания в комментарии к более полной редакции записки и особенно к "Исповеди" Бакунина, написанной в Петропавловской крепости (см. № 547).

1 Это место заслуживает быть отмеченным потому, что здесь, как и в других указанных вами местах (см. том 111, стр. 486-489, 504 сл.), Бакунин по свежей памяти приписывает возникновение позорящих его слухов русскому правительству с одной стороны (как здесь), польским демократам - с другой (как в ряде других мест). Впоследствии по соображениям партийной борьбы в I Интернационале он стал приписывать инициативную роль в этом деле немецким коммунистам, а за ним эту версию начали повторять все анархисты и находившиеся под их влиянием буржуазные и социал-демократические историки.

Говоря о знатных поляках, Бакунин имеет в виду графа Ледуховского, роль которого в

распространении позорящей его сплетни он отмечает в "Исповеди".

2 То же самое и почти буквально теми же словами Бакунин повторяет в ("Исповеди" перед Николаем I (см. ниже № 547). Значит не приходится подозревать Бакунина в неискренности и в желании подделаться под казенный патриотизм, когда читаешь аналогичные его заявления в "Исповеди", и нельзя думать, чтобы выражением своих "русских" чувств Бакунин стремился умиловить царя.

3 Оба эти обвинения действительно были лживыми и ни на чем не основанными. Против чих Бакунин энергично протестует и в "Исповеди".

Попали эти обвинения в саксонский обвинительный акт из сообщения берлинской полиции от 26 июня 1849 года, ныне преданного гласности. Это лживое сообщение основано вероятно не только на доносах собственных прусских шпииков, но и на сознательно извращенных сведениях, доставлявшихся прусской полиции российским дипломатическим представителем Мейендорфом. Приводим соответ-

ствующее извлечение из этого берлинского полицейского доноса (употребляемые в нем слова "другими путями" по-видимому намекают на российско-дипломатический источник этой клеветы).

"Другими путями было еще выяснено следующее. После вспышки февральской революции в Париже Бакунин из Бельгии отправился туда, примкнул к Ледрю-Ролену и стал эмиссаром последнего:

"1. в целях возбуждения стран славянского наречия и республиканизирования их;

"2. в целях возбуждения войны между Пруссией и Россией.

"Кроме того он получил от польского революционного комитета в Париже специальные поручения:

"1. для Великого Герцогства Познанского.

"2. для убийства императора русского.

"Прибыв в Берлин под фальшивым именем, Бакунин старался обставлять свои действия тайной, общался только с Цыбульским и Зигмундом (Цыбульский, Адальберт; Зигмунд, Густав; брат Эммы Зигмунд-Гервег. У Керстека здесь сказано "Siegesmund"; не зна-

ем, ошибка ли это его или полицейского протокола.) равно как с неким графом Замойским (Владислав Замойский, эмигрант.), и занят был подготовкою позднейших событий в Великом Герцогстве Познанском, в Венгрии и особенно революционного движения на севере Европы. Так как эта деятельность его была тайною, то невозможно точно установить ее подробности. Однако вряд ли Бакунину удастся оспаривать эту деятельность.

"Во время своего второго пребывания в Берлине в 1848 году Бакунин поддерживал ближайшие отношения с Дестером, Рейхенбахом, Шраммом, Иоганном Якоби, Вальдеком и привлекался к участию в самых секретных совещаниях крайней левой, часто встречался с известным Липским, оказывал содействие организации Центрального демократического комитета и вообще был душою революционных стремлений, проявлявшихся тогда в Берлине".

(Находится в Akta wider den Literat Michael Bakunin, том 1a, стр. 65; напечатано в немецком переводе "Исповеди" Бакунина под ред. Курта Керстена, Берлин 1926, стр. 97-98).

4 Здесь Бакунин указывает второй источник позорящих его слухов, а именно демократические польские круги. Мы считаем особенно нужным подчеркнуть это место, так как приезд Бакунина в Бреславль состоялся за три месяца до появления известной заметки о нем в "Новой Рейнской Газете" (о ней см. том III настоящего издания, стр. 505 сл.). Следовательно эту заметку признавать первоисточником клеветы на Бакунина никак нельзя.

5 Из полицейского "Дела" о Бакунине не видно, чтобы русское правительство имело какое-либо отношение к выставлению против него обвинения в подготовке царубийства. Равным образом отсюда не видно, чтобы российские дипломатические агенты добивались в тот момент высылки Бакунина из Германии или выдачи его русскому правительству. Но бакунинская информация, шедшая из германских демократических и либеральных кругов, в общем была довольно точною: попытки эти имели место, но не нашли отражения в названном "Деле". Как видно из нашего комментария к No 512 в томе III, рос-

сийская дипломатия, вспоможествуемая прусским дипломатическим представителем в Петербурге Роховым, всячески старалась скомпрометировать Бакунина. В частности обвинение в замысле на цареубийство выдвинуто было против Бакунина именно русским представителем при берлинском дворе Мейендорфом.

6 Гейбнер, Отто Леонгард (1812 - 1 893) - саксонский писатель и политический деятель либерального направления, юрист; в 1848 был членом Франкфуртского национального собрания, причем примыкал к левой; будучи членом первой палаты саксонского ландтага, возглавлял там умеренную оппозицию. В мае 1849 принял участие в дрезденском восстании, войдя вместе с Чирнером и Тодтом во Временное правительство; вошел в него с целью помешать левым захватить власть, был арестован вместе с Бакуниным в Хемнице. Приговоренный в 1850 к смертной казни, был помилован, причем казнь заменена ему пожизненным тюремным заключением. Освобожден по амнистии 1859 года, после чего снова занялся адвокатурой, а в 1869 снова

был избран в саксонскую палату депутатов.

7 Гейнце, Александр Кларус (1777-1856)- немецкий офицер, бывший подполковник греческой артиллерии; саксонский землевладелец и бывший член распущенной первой саксонской палаты; во время дрезденского восстания был главнокомандующим революционной армии. Был приговорен к смертной казни, замененной ему вечным заключением. Умер в Вальдгеймской тюрьме.

8 То, что Бакунин сообщает здесь о своей роли в дрезденском восстании, вполне совпадает с тем, что он говорит по этому поводу в "Исповеди" (см. ниже No 547). Совпадение это важно в том отношении, что придает изложению Бакунина значительную степень достоверности. Показание Бакунина перед саксонскою комиссиею (о котором мы подробнее будем говорить в комментарии к No 547) еще можно было бы заподозрить в том смысле, что страх подсудимого перед тяжестью грозящего ему наказания заставлял его преуменьшать свою действительную роль в саксонских делах; на таком же основании можно было бы отводить и его сообщение в письме к

своему адвокату, о котором мы здесь говорим. Но с таким мерилом никак нельзя подходить к тому, что Бакунин рассказывает о своем участии в дрезденских событиях в "Исповеди" перед русским царем, которого революционная деятельность Бакунина на Западе интересовала гораздо меньше, чем например его связи с поляками и его замыслы относительно возбуждения революционного движения в России. А между тем и в том и в другом документе Бакунин рисует приблизительно одинаковую картину своего положения в Дрездене и своей роли в майском восстании. В обоих случаях рассказ Бакунина расходится с двумя крайностями в исторической литературе — как с тою, которая пытается начисто отрицать роль Бакунина в дрезденских событиях (воспоминания С. Борна), так и с тою исторической легендой, которая приписывает ему главную роль в этих событиях и которая нашла даже некоторый отголосок в брошюре Маркса-Энгельса "Революция и контр-революция в Германии".

9 Виланд, Кристоф Мартин (1733-1813) — немецкий поэт, один из создателей новой

немецкой литературы; сначала выступал как идеолог немецкого бюргерства в умеренно-оппозиционном духе, а затем перешел на сторону старого помещичьего быта, став на позицию эпикуреизма и воспевания радостей дворянской жизни; отрекшись от временного увлечения либерализмом, выступал в защиту патриархальных отношений и дворянской монархии.

Перевод с немецкого.

№ 542. - Защитительная записка М. Бакунина.

[Декабрь 1849-апрель 1850 года. Крепость Кенигштейн.]

МОЯ ЗАЩИТА.

Господину адвокату Францу Отто.

Глубокоуважаемый господин [защитник] !

Я долго не решался посылать Вам свою самозащиту, да и вообще не решался таковую посылать. Должен ли я объяснять Вам причину этого колебания? Если бы мне пришлось защищать себя перед свободным публичным судом, перед судом присяжных, то я не колебался бы ни одной минуты, но когда придется иметь дело с закрытым судом, который

уже по самому своему существу скорее предназначен к вынесению приговора по букве старого закона, чем по живому духу современности, какую пользу может принести мне защита, которая содержит и может содержать единственно и исключительно моральную мотивировку моей деятельности в Германии?

Тем не менее я попытаюсь представить свою защиту и перед этим судом, и сделаю это в данном письме, а форме обращенной к Вам политической исповеди. Как я уже объяснил Вам в прежнем письме, также написанном в мою защиту, я всецело предоставляю Вашей благожелательной заботливости все то, что касается моего участия в дрезденских событиях. Я не могу ничего прибавить к тому, что уже сказал в дрезденской уголовной комиссии 1. В актах содержится чистая и полная истина. Я удовольствуюсь тем, что в конце настоящего писания коснусь только нескольких пунктов, которые по моему мнению в обвинительном акте представлены в .неправильном освещении. Моим главным стремлением будет выяснить Вам, а через Ваше посредство моим нынешним судьям, как я, иностранец,

русский, пришел к тому, чтобы принять активное участие в дрезденском восстании.

От поляка всегда ожидают чего-нибудь подобного; даже те, кто не слишком благосклонно относится к подобным движениям, признают за поляками своего рода право выступать повсюду, где происходят волнения; более того, в этом праве все настолько убеждены, что им охотно приписывают и такие дела, к которым они не имеют никакого касательства. Их проклинаят, их называют "европейской язвой", но все же очень мало кто не усматривает в их нынешних действиях руку Немезиды, историческую месть за совершенное над ними злодеяние.

Но русский!

Это участие русского во всеобщем стремлении к свободе представляется настолько странным, что многие не могут объяснить его себе иначе, как действием противоестественных причин. Так некоторые за последние два года считали меня шпионом русского правительства, напротив другие - наемным эмиссаром Ледрю-Роллена, завербованным для убийства русского царя. Ниже я покажу Вам,

что оба эти слуха возникли из одного и того же источника.

В обвинительном акте я среди других пунктов читаю следующее:

"Согласно указанию листа 65 акта под литерою В, No 37, тома 1-го, он (Бакунин) сделался эмиссаром Ледрю-Роллена для возбуждения стран славянского наречия и для установления в них республики, равно как для возбуждения войны между Пруссией и Россией, имел также от польского революционного Комитета в Париже специальные поручения относительно Великого Герцогства Познанского и относительно убиения русского императора, а в Берлине поддерживал теснейшую связь с крайними левыми".

Сначала я не предполагал отвечать на этот донос, который, как мне сообщила сама комиссия, был прислан здешним властям из Берлина тамошнею полициею без подписи и без дальнейших доказательств. Сама комиссия, казалось, придавала ему так мало значения, что даже не задавала мне в сущности вопросов по этому пункту. Несмотря на это, я по другому случаю дал ей некоторые разъясне-

ния, которые должны были еще более убедить ее в несостоятельности подобного обвинения, и тем не менее [я] нахожу его включенным слово в слово в обвинительный акт. Но для меня это обстоятельство оказывается кстати, так как с этим обвинением я хочу связать всю мою защиту. Оно, как Вы видите, содержит 3 различных пункта: во-первых, что я был эмиссаром Ледрю-Роллена; во-вторых, что какой-то Польский революционный комитет послал меня в Великое Герцогство Познанское для убиения русского императора, и наконец, что я поддерживал близкое знакомство с деятелями крайней левой в Берлине, - три пункта, из которых последний не давал бы никакого материала для обвинения, если бы берлинский доносчик не припутал его столь же ловким, сколь и хитрым манером к первым двум.

Итак начну с г-на Ледрю-Роллена; остальное выяснится само собою в течение настоящего писания. Конечно, если бы я имел честь ближе знать г-на Ледрю-Роллена, то я подобным знакомством гордился бы. Ибо он несомненно является одним из самых значитель-

ных и выдающихся людей нашего времени и очевидно будет занимать еще более видное место в судьбах своего великого отечества. Но случай захотел, чтобы за всю свою жизнь я встретился с ним один только раз и говорил с ним не более пяти минут (время слишком короткое для того, чтобы сделаться его агентом).

И вообще я решительно протестую против предположения, что я был чьим бы то ни было агентом, будь то одного лица или комитета. После вспышки третьей французской или скорее первой европейской революции я отправился в Германию по собственному побуждению. Что меня к этому побудило. Вы легко поймете, если позволите мне, уважаемый господин [защитник], изложить Вам мои политические воззрения, равно как мое отношение к своему отечеству.

Совершенно отрезанный от внешнего мира, я не знаю, какие ныне господствуют на свете настроения, и в какой мере можно позволить себе говорить правду. Но как бы велики ни были изменения, наступившие в Германии с 1848 года, дозволительно будет, даже сидя в немецкой крепости, высказать свою

любовь к свободе и ненависть к деспотизму. Нигде эти два чувства не расцветают так сильно, как в России, где свобода маячит в каком-то недостижимом отдалении, и только самая гнетущая тирания, рабство в самом отвратительном виде составляют действительность.

В других странах можно оспаривать право на революцию, но в России это право стоит вне спора. Там, где царит систематическая, организованная безнравственность, всякое возмущение представляется нравственным деянием; быть свободным это-не только право, но и высшая обязанность каждого человека.

Что в моем отечестве господствует самый невыносимый и самый пагубный деспотизм, известно в Германии каждому. За последнее время столько писали о России, что ни один образованный человек, мало-мальски претендующий на добросовестность, не вправе в этом сомневаться. Известно, что в России нет прав, нет признания человеческого достоинства, нет прибежища для свободной мысли. Сама религия составляет в России просто ору-

дие управления, кнут является символом самодержавной власти, а деньги единственным средством добиться правосудия или скорее удовлетворения, ибо о правосудии и не приходится говорить, оно давно поглощено болотом русского суда.

Гораздо менее известно то в высшей степени важное обстоятельство, что русская нация становится все более и более чуждою царскому государству и в настоящее время не имеет с ним в сущности ничего общего. Это отчуждение началось, собственно говоря, еще при Петре I, великом притеснителе русского народа. Петр насильно навязал некультурному, патриархальному, деморализованному татарским игом и последовавшею гражданской войною, раздробленному и все же связанному каким-то мощным инстинктом народу европейскую цивилизацию в той форме, в какой она тогда существовала в Германии, и которая, как Вы очень хорошо знаете, стояла не слишком-то высоко. В то время в Германии не интересовались ни нравственностью, ни человеческими правами; о самих народах совершенно не заботились, их продавали и тор-

говали ими как бездушными вещами. Божественное право царствовавших династий и округление географических границ, создание механически-мощных государств всеми возможными способами - таков приблизительно был весь политический кодекс в начале XVIII века, века политической безнравственности и бессовестности в Европе. Эта политика в России превратилась в постоянную систему, она и в настоящее время вдохновляет русских властителей.

Только Петр сделал Россию государством в собственном смысле слова, государством по тогдашним понятиям, направленным исключительно к насильственному расширению, машиною для порабощения иноземных наций, причем сам народ рассматривался не как цель, а как простое орудие для завоевания. На этой основе развивалось российское государство, и в течение одного столетия оно возвысилось до уровня величайшей европейской державы. Ныне его влияние простирается до отдаленнейших пунктов европейского материка. Но чем более оно расширяется вовне, тем более оно становится чуждым соб-

ственному народу. Это объясняется самым естественным образом.

Механическое, направленное исключительно на завоевания государство может требовать от своего народа только трех вещей: денег, солдат и внешнего спокойствия, относясь равнодушно к средствам, с помощью которых последнее поддерживается. Такое государство третирует свой собственный народ как народ завоеванный, оно является государством угнетательным внутри, как и вовне. Все управление обращается в полицию. Так например Петр Великий прикрепил к земле прежде гораздо более свободного крестьянина не из каких-либо политических принципов и не из желания усилить этим могущество аристократии - никакой аристократии он не признавал, и если в России некогда существовала таковая бояр уже до Петра часто по одному мановению царя били батогами, - то он ее совершенно искоренил, превратив ее в добываемое заслугами или точнее служилое дворянство. Крестьян же он закрепил просто по полицейским соображениям для того, чтобы возложить на помещиков ответствен-

ность за покорное поведение крестьян, за регулярную уплату ими налогов и поставку рекрутов.

В том же духе продолжали править и его преемники. Чем больше расширялись российские пределы, тем больше требовалось солдат и денег, тем притеснительнее становилось правительство. О цивилизовании народа, о поднятии его материального благосостояния, равно как о его духовном развитии, никогда серьезно не помышляли, и это по вполне понятным причинам: каждый успех народного сознания действовал бы чрезвычайно разрушительным образом на весь механизм подобного государства и потому должен был скорее подавляться, чем поощряться. В этом отношении знаменательны слова Екатерины II, великой императрицы и просветительницы России, прославленной всеми философами XVIII века. На письмо московского генерал-губернатора (не припоминаю его фамилии), который жаловался на недостаточное число народных школ, высокопоставленная дама отписала собственноручно: "Нам в нашем государстве нужны школы для того,

чтобы общественное мнение не выключило нас из числа цивилизованных наций; но мы не должны считать бедою то, что эти школы у нас плохо прививаются, потому что если бы наш народ действительно научился когда-нибудь читать и писать, то вряд ли я и Вы остались бы на своих местах".

Русский народ до сих пор еще не научился хорошо читать и писать, и тем не менее он сделал большие успехи, - но понятно успехи в смысле совершенно противоположном правительству и враждебном ему. Соприкосновение с Европою, в которое нас привели завоевательные стремления наших владык, оказали благодетельное влияние, несмотря на все предупредительные меры против "моральной чумы", несмотря на трусливый карантин, которым Россия ограждена в течение вот уже 25 лет.

В России появилось как среди дворянства, так и среди городского сословия большое число образованных людей молодого и более зрелого возраста, которые нетерпеливо и даже с чувством стыда переносят омерзительный гнет и с радостью будут приветствовать вся-

кую перемену, всякий шаг к освобождению и примут в них активное участие. Что указанное чувство - не простая фантазия и не благочестивое пожелание с моей стороны, а реальная действительность, это показывает подавленное восстание дворянства в 1825 году. В Германии и вообще за границей очень мало знают о характере этого восстания, его нередко и, разумеется, несправедливо смешивают с частыми дворцовыми или янычарскими переворотами, которые со смерти Петра Великого до убийства Павла почти всегда устраивались самими наследниками престола и стоили жизни многим русским царям. Восстание 1825 года имело совершенно иное значение. Оно вытекало из того же источника, которому Германия также обязана началом своего возрождения, а именно из столкновения народов между 1812 и 1816 годами. Оно ставило себе целью освобождение крестьян с наделением их свободною собственностью, свободное государственное устройство, освобождение завоеванной Польши и установление федеративной славянской республики. Оно не удалось, возможно потому, что было слиш-

ком зеленым и романтическим как юность. Оно было подавлено и подобно всем побежденным непризнанно и оклеветано. Но отголосок его в России остался, павшие богатыри посеяли семена, которые не погибли. Под строгим нажимом нынешнего правительства русская молодежь стала серьезнее и рассудительнее, а усиленная охрана способна была только усилить во всех сердцах любовь к свободе.

Еще гораздо более важною является великая перемена, которая за последние 40 лет наблюдается среди народа в собственном смысле. В Германии до сих пор принято говорить о фанатической приверженности русского народа к своему правительству. Нет ничего менее основательного, чем это утверждение. Религиозное почитание царя как видимого воплощения божеской воли относится к давно забытым временам. Нынешняя эпоха об этом и знать не знает, она одушевлена совершенно иными потребностями и чувствами. Напротив для большинства религиозных сект, которые подрывают русскую почву и вопреки всем религиозным преследованиям развива-

ют разрушительную пропаганду, царь как раз представляется антихристом, а время его правления - тем апокалиптическим испытанием, за которым должно наступить обетованное тысячелетнее царство. Таким образом царь является лишь верховным главою полицейской церкви, но последняя не пользуется ни малейшим влиянием на народ. Попы подвергаются насмешкам и презрению. Живая церковь или точнее церкви (ибо таковых в России существует бесчисленное множество) все настроены к нему враждебно. Каких-нибудь два года тому назад я имел в Праге случай снова убедиться в том, что даже староверы, самые смиренные из всех и до известной степени терпимые еще правительством, также в сильнейшей мере настроены против него 2. Правительство знает об этом очень хорошо и подвергает религиозных бунтовщиков самым безжалостным гонениям: сотни из них ежегодно подвергаются истязанию кнутом, много тысяч ссылаются в Сибирь или нездоровые местности Кавказа. Ничто не помогает. Фанатизм растет вместе с ростом гонений. Подвергнутые наказанию кнутом и

ссылке почитаются народом как святые мученики, на место одного изъятого вырастают десять новых, и ничто не может подавить этой грозной пропаганды, так как правительство не в состоянии проникнуть в замкнутую внутреннюю жизнь этих бесчисленных народных масс.

Чтобы показать Вам, какую энергиєю одушевлены русские сектанты, я расскажу Вам только об одном случае, имевшем место в 1838 году, во время моего пребывания в Петербурге. Один молодой крестьянин пришел пешком из отдаленнейшей губернии в столицу только для того, чтобы дать пощечину тамошнему митрополиту. Он очень хорошо знал, какая ужасная кара ожидает его за это, и радостно, с воодушевлением мученика умер под кнутом, гордясь своим поступком 3.

Если бы я захотел рассказать Вам обо всех замечательных сторонах русского сектанства, то должен был бы написать целую книгу. Я бы даже не позволил себе приводить и эти подробности, если бы они не нужны были для дальнейшего обоснования моей записки. В России существуют и коммунистические

секты, которые уже и сейчас осуществляют общность имущества и жен. Даже самый протестантизм не остался без влияния на русский народ. Существуют также анархистские секты, твердо убежденные, что всякая власть - от дьявола. В невежественной фантазии русского сектанта различные элементы перемешаны самым причудливым образом, нелепейшие представления - с гуманными принципами и глубочайшими предчувствиями лучшей не небесной, а земной будущности. Следует заметить, что как раз эта часть русского народа живет в достатке, в величайшей чистоте и в человеческой обстановке. Среди них уже имеется значительное число людей, умеющих хорошо читать и писать, и вообще они выделяются из массы более гуманным обхождением, известным чувством собственного достоинства и взаимным уважением. Это доказывает, что секты в России содержат живое зерно цивилизации, которое может получить большое значение в дальнейшем развитии этой страны. Но прежде всего я усматриваю в этом доказательство того, что в жизни русского народа не наступило

мертвого затишья, и что хотя он совершенно задавлен своим правительством и угнетается всеми возможными способами, тем не менее он стремится вперед собственными силами и сумеет собственными путями пробить себе дорогу к свету и свободе, несмотря на все виды полиции, на Сибирь и на кнут.

Политическое значение сект в России стало ясным уже во второй половине XVIII века. Пугачевское восстание еще не было во всем его значении оценено Европою. Это была первая крестьянская революция в России, но не последняя. В то время как Екатерина II была занята разделом Польши, Пугачев, простой донской казак, собрал на границе Сибири огромные крестьянские массы, провозгласил себя царем под именем Петра III, увлекая все за собою, громя все в своем молниеносном продвижении, довел свои растущие полчища до стен Казани, которую взял приступом и предал огню. Со своими недисциплинированными толпами он разбил дисциплинированные армии; вся империя дрожала при его имени, слух о котором распространялся в народе с быстротою электрической искры. В

Москве возбужденные массы уже ждали его с нетерпением, и если бы он дошел туда, кто знает, не повернулись ли бы тогда совершенно иначе судьбы Польши и России? Вначале его полчища состояли по большей части из сектантов. Лозунгом его было освобождение крестьян, а имя его и поныне живет в памяти русского народа.

1812 год также не остался без влияния. Россия освободилась от наполеоновского ига не столько благодаря сопротивлению своих армий (которые, собственно говоря, почти повсюду были им побиты), сколько благодаря восстанию своего народа. Даже суровый климат не мог бы победить Наполеона, если бы он нашел в России благоприятно настроенный народ, а вместе с ним продовольствие и зимние квартиры. Но народ повсюду поднялся массою, опустошая и сжигая собственные деревни: он бежал в леса, оставляя Наполеону пустые поля, и повел против него жестокую партизанскую войну. Таким образом он, по крайней мере на большую половину, способствовал освобождению страны. Это сознание прочно держится в народе. В 1813 и 1814 годах

во всех частях империи произошли крупные народные восстания: возмущившийся мужик заявлял, что он участвовал в изгнании неприятеля и таким путем заслужил себе волю, и не хотел больше возвращаться к подневольному труду. Произошло много кровавых выступлений, о которых за границей конечно очень мало известно, как вообще в Европе редко узнают о том, что происходит в этой империи. Можно доказать, что с 1812 года крестьянские бунты в России сделались постоянным явлением, они усиливаются и расширяются угрожающим образом, с каждым годом приобретая все больше энергии и глубины. Народ пришел к сознанию, он выработал общую, ясно выраженную волю, и прежде всего он требует освобождения от крепостного ига и свободного владения собственностью. Его требования стали настолько уже громкими и угрожающими, что даже нынешнее правительство, напугано ими, начало всерьез задумываться над средствами, которые могли бы хотя частично удовлетворить народ. Опасность слишком очевидна и слишком велика, так что она не могла не привлечь к

себе всего внимания правительства. Но правительство совершенно бессильно: его реформаторские попытки только ухудшают и без того невыносимое положение крестьянства.

Удивительно, в какой степени это деспотическое правительство, столь могущественное вовне, оказывается немощным, как только оно предпринимает какие-либо улучшения внутри страны. И не нужно думать, будто его добрая воля наталкивается на всевозможные препятствия, на какое-либо политическое сопротивление. К моему великому удивлению я довольно часто слышал от очень образованных людей в Германии разговоры о какой-то русской боярской аристократии, о каком-то сенате, которые якобы имеют право и силу держать в границах царскую волю. Так мало знают еще о России в Европе! Мне даже рассказывали, что существует основной закон, согласно которому цари, только процарствовав 25 лет, приобретают абсолютную власть и потому обычно умерщвляются высшим дворянством незадолго до истечения этого срока! В России не существует ни аристократии, ни другого привилегированного класса, который

как таковой имел бы законное право, силу и смелость каким-нибудь образом воспротивиться царской воле. Царь является самодержцем в самом широком смысле этого слова, а так называемые русские аристократы суть его всепокорнейшие слуги, которые живут его улыбкою, замирают при движении его бровей, и если пользуются влиянием, то это совершенно естественное влияние слуги на своего господина, влияние, которое может быть определено тремя словами: обмануть, обокрасть, ввести в заблуждение. Если таким образом попытки русского правительства облегчить положение народа кончаются сплошь неудачей, то а этом повинно не внешнее противодействие. Скорее они разбиваются о внутреннюю природу правительства, природу, столь тесно связанную со всеми главными пороками империи, что невозможно коснуться последних, не рискуя при этом задеть само правительство и даже окончательно его подорвать. В России каждая реформа есть только лишний шаг к революции. Полицейское государство в том виде, в каком его создал Петр [I] и в каком оно существует

до сих пор, не способно ничего улучшить, ничего освободить, ничего реформировать. Оно может только угнетать и мешать - мешать покуда возможно.

Так например устройство государственных крестьян должно было служить образцом для всех частных землевладельцев. Что же произошло? Государственным крестьянам живется гораздо хуже, они подвергаются гораздо большим притеснениям и ограблению, чем даже помещичьи крестьяне. Они управляются русскими чиновниками-и этим сказано все. Прежде чем подумать о проведении малейшей реформы в России, нужно было бы очистить авгиевы конюшни русского чиновничества. Но как? ими руками? Ведь нынешнее правительство не имеет никаких других органов, да и не может иметь никаких других кроме этих чиновников, от которых нельзя же ожидать самоубийства. Года четыре тому назад царь хотел сам предпринять эту геркулесову работу. Была учреждена особая комиссия под его собственным высочайшим наблюдением; все воры и преступники подлежали увольнению, обещанию, истреблению с

лица земли. Какой же получился результат?

Прогнали около 200 мелких чинушек, как раз наиболее невинных, которые еще [не] научились как следует замечать следы. Только 200! Капля в море! Комиссия же была закрыта, ибо вскоре убедились, что если действовать последовательно, то нужно было бы прогнать всю официальную Россию вместе с женами и детьми из страны. Эта язва России, этот рак, разъедающий правительство до мозга костей, словом это чиновничество не является случайным злом. Это - естественное и неизбежное порождение русской правительственной системы. Правительство не может его тронуть, не повредив самому себе, оно должно им пользоваться, оно должно позволять ему медленно вести себя к гибели, ибо это правительство не может иметь другого чиновничества. Деспотизм может обслуживаться только рабами, а от рабов нельзя требовать ни человечности, ни привязанности, ни честности.

И выходит, что даже самые лучшие намерения этого правительства при проведении их в жизнь влекут за собою еще более невы-

носимый гнет. Страдания, недовольство и нетерпение народа растут с каждым новым паллиативным средством, которое пытаются применить свыше для улучшения его положения. Но русское правительство может применять исключительно паллиативные средства, ибо употребление всяких других для него невозможно по самой природе и конечной цели его организации, созданной не для освобождения, а для подавления народов. Чтобы доставить народу существенное облегчение или действительную свободу, оно должно было бы подорвать основные устои своего собственного могущества, [так как] это могущество целиком и полностью основано на порабощении народа.

Как я уже выше заметил, Петр подчинил русский народ власти дворянства не для того, чтобы этим пожаловать последнее, а скорее для того, чтобы превратить всех помещиков в бесплатных царских полицейантов, служба которых при этой системе незаменима и без посреднических действий которых вся государственная машина должна была бы остановиться. Здесь дело обстоит не так, как в Ав-

стрии, где чиновники и помещики составляют два различные класса-разделение, которое в 1846 году кровавой памяти позволило этому аристократическо-монархическому государству проповедывать в Галиции коммунизм и извлечь временную пользу из жестокого мужицкого бунта. В России каждый помещик является, так сказать, чиновником, а все чиновники сами являются помещиками или по крайней мере их родственниками.

Русский народ ненавидит чиновников в собственном смысле еще сильнее, чем помещиков, так как последние особенно за последнее время, отчасти из страха, а отчасти под благодетельным влиянием растущего просвещения (что особенно заметно на младшем поколении), обращаются с своими крестьянами уже гораздо человечнее и проявляют по отношению к ним гораздо больше справедливости, чем прежде. Поэтому народная ненависть обратится прежде всего против царских чиновников, а засим частью и против дворян-помещиков, т. е. она парализует все органы правительства и уничтожит само правительство.

Австрийское государство в 1846 году могло по крайней мере рассчитывать на то, что возбужденная им гроза, ограничившись одною Галицией, даст ему возможность во все продолжение волнений извлекать необходимые правительственные средства из своих остальных провинций. Совершенно иначе обстоит дело в России. Здесь нет этих резких национальных разделений, сельское население почти во всех провинциях проникнуто одинаковым духом, вся империя охвачена одним и тем же движением. Откуда же в таком случае взять нужные деньги, откуда взять солдат? Ясно, что не путем добровольных приношений, не путем волонтерства из среды взбуряемого народа, который уже сейчас часто сам калечит себя, лишь бы избежать ужасных мук российской солдатчины. Наконец нужно заметить, что русский крестьянин - совсем не тот человек, что галицийский. Он обнаруживает гораздо больше энергии, самостоятельности, даже гораздо больше свободного сознания, чем последний, несмотря на то что он подвержен гораздо более суровому гнету, чем тот, какой когда-либо испытывал галиций-

ский крестьянин. В нем совершенно незаметно признаков той тупой ограниченности, которую можно объяснить только влиянием католицизма и которая превратила галицийского крестьянина в слепое орудие попов и других императорских креатур. Русский крестьянин не подвержен никакому казенному влиянию и, как я уже выше сказал, носит в себе целый самобытный мир, безграничный мир пожеланий, чаяний и мести. Крестьянская революция в России нанесет правительству смертельный удар, разрушит существующее государство, а такая революция неизбежна: ничто не в силах ее отворотить, рано или поздно она вспыхнет, и чем позднее, тем она будет ужаснее и разрушительнее.

Таково внутреннее положение моего отечества 4. Я попытался в кратких чертах обрисовать его здесь, ибо оно так тесно связано с внешней политикой русского государства, что нельзя понять последнюю, не зная первого. Я охарактеризовал его для того, чтобы доказать, что русский, любящий свое отечество, может ненавидеть русское государство, даже должен его ненавидеть. Ограничившись

только тем, что меньше всего известно за границую, я старался особенно подчеркнуть современное состояние и настроение собственно народа, так как полное незнакомство с последним дает повод к величайшим ошибкам в суждениях о России.

Это положение ужасно. Весь гнет, весь позор и вся жестокая несправедливость, какие деспотизм может только обрушить на оскверненную голову подвластной ему нации, все бесчестие рабства, самые вопиющие оскорбления всякой человечности и всякого человеческого достоинства сделались в моей несчастной отчизне повседневным, обыденным явлением. Более того, насилия этого правительства, развращенного сверху донизу, стали настолько чудовищными, настолько беспримерными, что о них в Европе нельзя рассказывать, ибо там просто этому не поверят. И из этого лабиринта позора и бедствий не осталось уже мирного выхода. Положение настолько отчаянное, что если бы Петр Великий, основоположник его, мог вернуться в мир, он с ужасом отступил бы и признал бы себя бессильным его исправить. Отдельная

личность, как бы велика она ни была, может пожалуй создать механическое могущество, может поработить народы, но не в силах создать свободный народ. Свобода и жизнь исходят только от народа, а в русском народе имеется достаточно элементов для великого человеческого будущего.

Нынешний владыка России является верным преемником политического направления, созданного Петром, и он проводит эту политику еще более последовательно, чем тот. Его правление есть не что иное как достигшая зрелости и самосознания система гениального творца российского государства, и никогда еще это государство не было столь угрожающим вовне и столь притеснительным внутри, как именно в наше время.

Россия есть направленное на завоевания государство. Это не приходится доказывать, об этом говорит история, об этом уже свидетельствуют Польша, Финляндия и часть Турции. Но каким образом она завоевала эти страны? Не так, как варвары, которые разрушили римскую цивилизацию, для того чтобы принести миру новую жизненную силу и да-

же новые элементы свободы: то было движение народов, движение юных, живых, богатых будущим, хотя и варварских масс. И не так, как магометане, которые обрушились на мир во имя пламенного религиозного увлечения и с присущей им фанатичностью. И не так, как Наполеон во главе своих воодушевленных полчищ, которые повсюду, где одерживали победу, бессознательно служили великой революции, разрушали последние устои феодализма, вводили свой гражданский кодекс, а вместе с ним буржуазное равенство. Наконец, не так, как в настоящее время северные американцы, которые неудержимо распространяются по американскому континенту в интересах цивилизации, демократии и труда. К завоеваниям России русский народ как таковой совершенно не причастен: его гонят в чужие страны тем же самым кнутом, который ныне еще употребляется дома для принуждения его к подневольной работе. Здесь нет и речи о каком-либо религиозном фанатизме, а еще менее о цивилизации, о равенстве, об интересах труда. Россия делает завоевания без страсти, без воодушевления,

она завоевывает исключительно в интересах деспотизма. Россия и есть жаждущая завоеваний нация, она есть жадное до завоеваний государство, государство, которое, будучи чуждо и враждебно самому народу, использует его для порабощения других народов - отвлеченный принцип, который тяготеет над русской нацией как над своим подневольным орудием и который уже обратил 60 миллионов человек в своих рабов, дабы с их помощью погасить светоч свободы, жизни и даже малейшую искру человеческого сознания в остальном мире.

Было ли хоть одно русское завоевание результатом порыва русского народа? Нигде и никогда! Все завоевания совершались исключительно государством с помощью хорошо дисциплинированных армий и еще больше с помощью дипломатии, которая уже приобрела слишком большую известность особыми приемами и выдержкою. Воевала ли когда-либо Россия во имя религии?

Также нет. Русский народ является скорее наиболее терпимым народом на свете, он совершенно мирно уживается с татарами, евре-

ями, католиками и протестантами, даже с язычниками, ибо в моем далеком отечестве представлены всевозможные религии, и никогда оно не помышляло об обращении этих иноверцев. Русские секты стали фанатичными лишь в результате гонений, но их фанатизм также обращается исключительно против казенного культа, т. е. против правительства. Напротив между собою сектанты очень хорошо уживаются друг с другом, несмотря на то, что их догмы отстоят одна от другой так же далеко, как небо от земли; никогда еще не слышно было о конфликтах между ними. Нетерпимость проявляет в России только правительство, да и последнее лишь из политических соображений. Еще недавно оно похвалялось тем, что по отношению к религиозным сектам является наиболее терпимым правительством и по сути дела оно еще и сейчас проявляет терпимость или точнее полнейшее равнодушие ко всем христианским и языческим догмам, доколе они не возбуждают особенного брожения и не вторгаются в строго заповедную область политики. Все религиозные как христианские, так и языче-

ские нелепости и ломания встречаются с его стороны одинаковое благоволение, если только они могут послужить как добрая доза опиума для морочения и усыпления народа, ибо религия для него является просто орудием управления. Так например оно никогда не давало себе труда обратить в христианство магометан или многочисленных проживающих в России язычников, что однако, казалось бы, составляет священнейшую обязанность правительства, столь пекущегося о православии. Но русскому правительству напротив очень хочется иметь среди своих подданных и магометан, так как через них оно может воздействовать на мусульман Турецкой империи. Совершенно иначе обращается оно с своими христианскими сектами. Последних оно преследует со всем тщанием и усердием, так как они обнаруживают опасные политические стремления. Совершенно иначе обращается оно также с католиками и униатами в Польше, Литве и Белоруссии. Униатство не в меньшей степени, чем родственный ему католицизм, представляется для православного русского государства, не признающего власти

папы, стеснительными и непокорными религиями, служащими орудием в руках поляков. Вот почему последние годы единоспасительное греко-православное вероисповедание, как известно, проповедывалось там с помощью картечи и массового избиения населения (В 1832 а 1833 годах я сам в качестве русского офицера был свидетелем этих кровавых обращений в губерниях Минской, Виленской и Гродненской-слава богу только свидетелем. Они продолжаютя до сих пор под руководством ренегата Семашко, бывшего некогда епископом униатской церкви, а ныне состоящего русским архиепископом. Униатство, как известно, возникло в результате неудавшейся попытки Флорентинского собора объединить греческую церковь с римской. Оно сохранило обряды греческого культа, соединив их с признанием папы, а позже оно благодаря стараниям польских иезуитов приблизилось к римскому культу. Униатство распространено по всей Западной России до Киевской губернии, включая сюда Литву, и с самого своего возникновения подверглось гонениям: сначала со стороны католической Польши, а в на-

стоящее время со стороны русского правительства. Официально оно в России больше не существует с тех пор, как созванный (кажется в 1838 г.) в Полоцке собор, состоявший из немногих отступников, оплаченных или подвергшихся принуждению униатских священников (ибо большая часть их находилась в Сибири или сидела по тюрьмам), торжественно его отменял. Но народ остался верен своей старой религии и не хочет до сих пор, несмотря на пушки и штыки, признавать русских или обруселых попов и вновь устроенных церквей, так что целые местности остаются без крещения, венчания и церковного погребения. Замечательно, что эти униаты суть те же самые диссиденты, за которых рьяно заступалась Екатерина II, к великой радости и восхищению философского мира (Вольтер писал ей по этому поводу поздравительные письма), и притеснение которых тогдашним послушавшимся плохих советов польским дворянством она избрала предлогом для вмешательства в дела Польской республики, а позже для ее раздела (Примечание автора).

Таким же точно образом недавно в Лиф-

ляндии, Курляндии и Эстляндии велась открытая пропаганда, и бедный темный протестантский люд склонялся лживыми посулами к переходу в греческую церковь, так как существуют опасения, что протестантизм может послужить лишним связующим звеном между Германией или Швецией и этими провинциями (Так всем обращенным обещалось свободное переселение со своим имуществом в южную Россию. Все это движение открыто исходило от тамошнего епископа Иринарха⁵, следовательно от самих властей. Целые общины захотели перейти в новую веру и переселиться, так что правительство вскоре увидело себя вынужденным пустить в ход пушки против этих бедных им же самим взбудораженных и соблазненных масс. Да и без того известно, как усиленно правительство старается русифицировать эти провинции (Примечание автора).)

Не требуется, кажется, больше доказательств для того, чтобы убедиться в том, что русский народ сам по себе никогда не предпринимал и не предпримет никаких завоеваний ни из религиозного фанатизма, ни из

других побуждений. Но в тем большей мере это следует сказать о российском государстве, не имеющем никакой другой цели кроме завоеваний и порабощения. Что оно при атом и не помышляет о цивилизовании покоренных им народов, ясно уже из того, что большинство из них гораздо более цивилизовано, чем Россия. Что оно напротив стремится задушить все зачатки жизни и цивилизации насильственной рукою, об этом в достаточной мере свидетельствуют события в Польше, Литве, Остзейских провинциях, равно как в Финляндии. Что случилось с университетами Варшавским, Виленским, Дерптским, что случилось с этими некогда столь цветущими странами? Они превращены в безмолвное кладбище, заваленное убитыми жертвами. Русское уголовное уложение и свод гражданских законов, русские чиновники, нищета, рабство, мрак и запустение - вот то, чем грозит это государство еще непокоренным народам.

Для чего оно делает завоевания и будет ли оно делать их впредь? Оно не может поступать иначе, оно должно действовать именно так. Оно должно делать это уже ради одного

своего самосохранения. Оно лишено всякой внутренней жизни, всякого движения, всякого прогресса, всякой цели внутри России. Вся его природа направлена на внешние проявления, и только благодаря этому постоянному распространению вовне, благодаря этому непрерывному стремлению ко все большему расширению своих границ оно сохраняет свою напряженную силу, свое противоестественное, смертоубийственное существование. В нравственном мире, как и в физическом, каждое существо живет лишь до тех пор, тюка оно выполняет свое внутреннее назначение; неподвижность равносильна смерти, а так как российское государство может развиваться только вовне, то оно должно умереть, как только прекратит свои завоевания. Я сказал, что русское государство не есть русская нация, а лишь абстрактный принцип, нависший над этою нациею. Это-принцип абсолютистской власти, служащей для себя самоцелью, принцип помрачения и подавления народов во имя божественного права. Это - отовсюду изгнанный бес деспотизма, который бежал в Россию и окопался в этой стране

как в своем последнем оплоте, дабы отсюда по мере возможности снова распространиться по всей Европе еще мрачнее и ужаснее, чем прежде. Я уже показал, что русский народ вовсе не так покорен и терпелив, как обычно думают; под снегом, покрывающим эту беспредельную империю, как будто обреченную на смерть, пламенеет вулкан, извержение которого можно задержать или вернее отсрочить только ограждением его от живого духа Европы. Эта опасность еще возросла с тех пор, как Польша была включена в состав России. Польша это страж русского народа, живой посредник между мим и Европою. Польша, по прекрасному выражению Ж. - Ж. Руссо, проглочена Россиею, но ею не переварена и никогда не будет ею переварена. Польша - это пятно на совести русской империи и самая чувствительная ее часть, это - ее больное место, которое сна не может от себя оторвать, не разрушая этим всего своего организма, но которое в случае сохранения заразит и разъест все остальные ее части. Деспотическая Россия рядом с свободною Польшею невозможна, но столь же невозможна порабо-

ценная Польша рядом с действительно свободною, самостоятельною и объединенною Германиею. Именно по этой причине российское государство является естественным врагом германской силы, германской свободы и чести, именно по этой причине оно не хочет немецкого единства. Вот почему она должна как можно дальше распространить свои завоевания и свое растлевающее влияние в Германии, оно должно стремиться, к этому в интересах самосохранения. Да, оно дошло уже до такого положения, что его точка равновесия, его главная опора находится скорее в Германии, а именно в Пруссии и Австрии, чем в самой России, и для сохранения этой опоры оно должно подчинить всю Германию если не прямо своей власти, то по крайней мере непосредственному влиянию.

Разве Россия и сейчас не хозяйничает в Германии? Я не хочу говорить от себя, пусть говорит за меня немецкая газета, газета, хорошо известная своими консервативными принципами и могущая по своему политическому положению быть названною германским "Journal des Debats", если бы в такой раз-

дробленной стране, как Германия, вообще мыслим был "Journal des Debats". Итак в No 86 "Всеобщей Аугсбургской Газеты" 6 за 1848 г., на странице 1369, я читаю следующее:

"Только через труп Польши Россия могла бы добраться до сердца Германии, только подавление всякой свободы в Германии могло бы обеспечить господство кнута и в Польше". "Излишне возвращаться здесь к старой несчастной истории насилий над Польшей, она памятна всему миру, упомянем лишь об одном эпизоде из целого ряда событий, обрушившихся за последние 80 лет на эту несчастную страну. В 1790 году Пруссия сообразила опасность, угрожающую ей в случае разгрома Польши, и заключила с Польшею, Голландией и Англиею союз для сохранения республики в ее тогдашнем состоянии. Через два года после того она снова позволила России оплести себя и уплатить себе за свое политическое предательство значительнейшую часть добычи. Доля Пруссии в третьем разделе [Польши] была максимальной, не шедшею ни в какое сравнение с долею Австрии и России, ибо тогда дело шло об удержании Прус-

сии в магическом кругу русской политики. Последствия этого известны. Пруссия снова потеряла большую часть своей добычи, а Россия добилась своей цели, не допустив сохранения самостоятельной Польши. Известно, к каким печальным результатам привела русская запретительная система, проведению которой Пруссия сама способствовала картельным договором, и мы готовы без всяких оговорок признать русскую политику прусского двора настоящею и почти единственною причиною революции. Народ глубоко чувствовал, что наследственный враг сидит у него на шее и что основная часть монархии почти беззащитна от его нападения; сверх того русская запретительная система была источником обнищания для большей части Силезии, для западной и восточной Пруссии. До тех пор, пока русская запретительная система изолирует Польшу, не приходится и думать о серьезном процветании этих провинций, и нетрудно себе представить, какое настроение создавалось и продолжало поддерживаться подобным положением вещей. Люди стремились к свободе не из теоретического предпо-

чтения (!?), а с целью освободиться при помощи общественного мнения от предательской дружбы России, которая по мнению народа имела своих оплаченных сторонников в самом королевском дворце".

В другой статье в No 80 того же года я снова встречаю следующие строки:

"В одной из последних статей мы, основываясь на современных отношениях, показали, что присоединение Германии к русским должно при всех обстоятельствах послужить нам во вред. При этом мы в известной мере оставались на теоретической почве, но мы можем также подтвердить сказанное на чисто практической почве опыта. В отношении русской помощи мы имеем за собою поучительное прошлое".

"Россия довольно скоро стала враждебно относиться к первой французской революции. Екатерина II в 1793 году выслала всех французов, не согласившихся отречься от принципов революционной Франции, из своей страны и признала графа Прованского⁷ регентом Франции. Сын Екатерины Павел в начале своего царствования запретил носить в

России французскую одежду. Он не позволял российской Академии рассуждать о переворотах небесного свода. В июле 1799 года он объявил "беззаконное" стоявшее у власти во Франции правительство "отверженным богом" и запретил датским судам и подданным доступ в Россию "за то, что в Копенгагене и во всей Дании существуют клубы и общества, разделяющие принципы, выдвинутые французскою революциею, а датское правительство это допустило". Вторая коалиция против республики 8 была если не прямо делом царя, то во всяком случае самым горячим его желанием. Но как только во Франции, отчасти в результате этой коалиции, начала возвышаться военная монархия, между нашим восточным и западным соседями начали уже завязываться отношения более мирного рода. Павел вступил в дружескую переписку с Бонапартом, в которой обсуждался вопрос о будущем устройстве Германии. Убийство русского императора ничего в этом отношении не изменило. Его преемник Александр считал более выгодным идти с французами, чем против них. В секретных статьях договора от 11

октября 1801 г. с.-петербургский и французский кабинеты договорились об общих действиях относительно Германии. 18 августа 1802 г. послы Франции и России передали имперской депутации план, составленный обеими державами в целях нового территориального деления Германии и при этом установили двухмесячный срок для окончания переговоров по сему предмету. План был принят, и первым последствием принципиальной" борьбы, которую Россия с Германиею начали против Франции, было то, что духовные курфюршества, Майнцское, Трирское и Кельнское, были уничтожены, все сохранившиеся еще епископства и аббатства, все самостоятельные мелкие графства и баронии, все свободные имперские города кроме шести утратили свою независимость, великий герцог Тосканский получил Зальцбург, а герцог Моденский - Бресгау. Первым последствием войны между Россиею и Германиею будет уничтожение мелких государств, но не в интересах немецкой свободы, а в интересах чужеземных правительств и абсолютистской власти.

"Громкие предостережения 1802 года не были услышаны германскими кабинетами. Когда Австрия снова выступала против Наполеона, остальная Германия с нею не поднялась. Наши государи ставили постыдный нейтралитет или еще более позорное увеличение своих владений выше общих интересов нации. В день битвы трех императоров (2 декабря 1805 года) рядом с австрийскими войсками стояла не прусские, а русские. Побитый лотарингец 9 не нашел в побитом вместе с ним Романове никакой по крайней мере сильной поддержки. Русские офицеры говорили о Германии как о самой презренной части земного шара (В этом отношении до сих пор ничего еще не изменилось. Ненависти, а особенно презрение к Германии старательно поддерживаются и возбуждаются в русском народе свыше. Когда русская гвардия возвращалась с знаменитых маневров в Калите10 (которые были устроены с определенным намерением сблизить русскую армию с прусской) в Петербург, их встретил тогдашний командир гвардейского корпуса, ныне покойный генерал-лейтенант фон-Бистром11, и после пер-

вых приветствий спросил их: "Ну, ребята, вы повидали немецких солдат; не правда ли, дрянь?" "Дрянь, ваше высокопревосходительство". "Ну, я так и знал", ответил генерал, который сам был немцем и не умел правильно говорить по-русски. Горе тому, кто позволил бы себе в России сказать, что император Николай - Голштейн-Готторп, а не Романов, что он немецкого, а не русского происхождения. Сибирь была бы для него еще легким наказанием. (Примечание М. Бакунина)).

У поистине не слишком патриотически настроенного Гентца¹² переворачивались его "немецкие" внутренности, когда он видел, как русские топчут ногами австрийцев, и слышал, как великий князь Константин третирует австрияков. И концом русско-немецкого союза был Пресбургский мир (21 декабря 1805 года). По этому миру австрийцы потеряли тысячу квадратных миль земли, три миллиона душ и пятнадцать миллионов гульденов дохода. Ослабление одной немецкой великой державы без непосредственной выгоды для России было вторым следствием русско-германской борьбы против Франции..

"Мы должны были пережить еще третье.

"У гроба Фридриха Великого прусский король и русский царь поклялись друг другу в вечной дружбе. Личные узы обоих государей, одинаковый страх перед Наполеоном, казалось, делал их союз против императора французов нерасторжимым. После сражения при Фридланде Александр все еще располагал слишком достаточными средствами для ведения продолжительной войны с французами в пользу Пруссии, но не считал нужным использовать эти средства. По Тильзитскому миру (7 и 9 июля 1807 года) Пруссия потеряла половину своих владений; зато Россия получила до тех пор принадлежавший Пруссии Белостокский округ (размером в 206 кв. миль) (И требовала еще уступки ей Данцига, на что Наполеон однако не согласился. (Примечание М. Бакунина).), а секретным пунктом договора устанавливалось, что если Порта, на владения которой Россия давно уже бросала алчные взоры, откажется принять посредничество Наполеона в ее войне с царем, то Франция и Россия совместно должны объявить ей войну и отнять у нее все ее владения кроме

Румелии и Константинополя. Третьим следствием немецко-русского союза было то, что вторая немецкая великая держава была ослаблена к непосредственной выгоде России, что Россия получила виды на Дунайские княжества, эту столь важную для нас область (А теперь именно Австрия отдает в руки России Дунайские княжества и Турцию вообще. (Примечание М. Бакунина).), и что Россия и Франция отныне вступали в союз.

"Если дружба России чуть не довела нас до гибели, то вражда ее угрожала окончательно свергнуть нас в пропасть. Несмотря на то, что по постановлению Тильзитского мира русские войска должны были быть выведены из Молдо-Валахии, они с согласия Франции остались в этих областях до Эрфуртского конгресса. На этом конгрессе Наполеон (12 октября 1808 г.) согласился на присоединение Молдавии и Валахии к Российской империи; вскоре после того это присоединение состоялось, чем у нашего германского юго-востока был бы перехвачен кровеносный путь, а 14 октября 1809 г. состоялось новое расширение царской империи непосредственно за счет Германии.

По Венскому миру Австрия уступила союзной с Францией России часть восточной Галиции с населением в 400 тысяч человек. Если бы союз Франции с Россией [продлился] еще несколько лет, Германия стала бы антикварным понятием, исторической реминисценцией. От такого несчастья нас спасла страсть Наполеона к завоеваниям, но прежде чем мы были спасены, мы должны были получить новые доказательства русских замыслов относительно Германии.

"Чтобы иметь достаточно сил для борьбы с Францией, Россия 24 марта 1812 г. заключила наступательный и оборонительный союз с Швецией, в третьей статье которого устанавливалось: Швеция получает Норвегию, которую Дания должна ей уступить; если Дания сделает это добровольно, то она получает за это соответствующую компенсацию в Германии. В четвертой статье Александр заставлял Швецию признать расширение русской границы до Вислы. В январе 1813 г. русские стояли в нашем отечестве; их прокламации дышали дружбою к Германии и ненавистью к Франции; в них можно было прочесть, что

"русский народ протягивает немцам руку а целях их освобождения", "продвижение русских войск диктуется целью, стоящею выше всяких корыстных расчетов". То обстоятельство, что вскоре после того в завоеванной Саксонии неограниченно распоряжался русский генерал-губернатор, который назначал офицеров ниже полковника, в то время как русский царь по его представлениям выбирал штаб-офицеров, в суতোлке событий не так бросалось в глаза. Зато заветные стремления России можно было усмотреть в более поздних переговорах между европейскими державами.

"Главным условием этих переговоров, приведших 30 мая к первому Парижскому миру, Александр поставил сохранение Эльзаса и Лотарингии за Франциею (Это он сделал правильно. В интересах цивилизации и свободы, равно как европейского счастья, великая Франция не должна подвергаться обкарнанию. Хотя Эльзас и Лотарингия происходят из германского корня, но по настроению и симпатиям они стали насквозь французскими, что они неоднократно доказали во время ре-

волюционных войн и позднее, когда союзники вторглись во Францию (Примечание М. Бакунина.)).

На Венском конгрессе Россия потребовала для себя всей Польши и утверждала, что "требование это составляет моральную обязанность для царской империи; оно необходимо для улучшения управления польскими подданными его императорского величества и для обитателей Герцогства Варшавского, которые в настоящее время в силу военной оккупации герцогства также являются его подданными" - указание, что при благоприятных обстоятельствах Россия может признать свою моральною обязанностью теперь, когда пробудилась идея панславизма. С большим трудом выступавшие против этого державы добились того, что Александр удовольствовался нынешним Царством Польским, которое в доброй своей части состояло из земель, уступленных Пруссиию, т. е. Германиею по Тильзитскому миру. Когда вслед затем Людовик XVIII вторично был возвращен во Францию с помощью собственно германских войск, Александр добился от нового короля

обещания, что он будет поддерживать русские планы относительно Польши и Востока, и в том, что второй Парижский мир (20 ноября 1815 г.) оказался для нас, немцев, не более благоприятным, кроме Англии повинна прежде всего Россия.

"В течение 23 лет с 1792 по 1815 г. Россия в качестве нашего принципиального союзника против Франции принесла нам больше вреда, чем в качестве открытого союзника Франции против нас. А сколько зла частью морального, частью материального принесла нам Россия в следующие 23 года с 1815 по 1848 г. также в качестве принципиального союзника против Франции, об этом в Германии знает каждый ребенок, об этом достаточно вразумительно свидетельствуют устья Дуная. Опасная сторона царской империи для нас заключается не в личности отдельного русского царя, а в направлении русской политики в том виде, как она определяется особенностями этого государства. Принципиальное нерасположение Павла к Франции кончилось стовором Франции и России против нас; принципиальное нерасположение Александра к Наполеону

кончилось соглашением обоих императоров, которое должно было отдать в руки одного восток, а в руки другого - запад Европы; принципиальное нерасположение царя Николая к конституционной Франции кончилось тем, что незадолго до июльской революции 1830 г. царь и Карл X сталкивались в том смысле, что один должен был расширяться на восток нашего полушария, а другой захватить левый берег Рейна. Признак того, что принципиальное нерасположение того же Николая к Луи-Филиппу с течением времени прошло, можно было явственно наблюдать в течение последних месяцев в связи с русскими займами. Если бы была написана секретная история изгнанного французского короля, то в ней было бы сказано, что эта новая дружба между востоком и западом была дружбою в ущерб Германии, и как бы теперь Россия принципиально ни ненавидела республику, тем не менее не преминет наступить день, когда республика и абсолютная монархия начнут действовать против Германии сначала тайно, а затем открыто" (Автор [статьи] судит о современной Франции и о нынешней Французской рес-

публике по первой республике, которая несла в себе возможность превращения в военную монархию. С тех пор и обстоятельства И Франция стали совершенно иными. (Примечание М. Бакунина).

Автор этой статьи заканчивает первую часть ее следующими словами:

"Мы будем поляками XVIII века, если в разгар нынешней мировой бури у нас не хватит решимости стоять на собственных ногах без посторонней помощи".

Так выражается "Аугсбургская Всеобщая Газета". Мне не приходится говорить, что я совершенно не согласен с тем духом, которым проникнута эта статья. Автор ее очевидно принадлежит к консервативной, тевтономанской, народо-ненавистнической партии, которая втайне преклоняется перед колоссальным эгоизмом русской политики и лишь сожалеет о том, что Германия не может занять место России, к той партии, которая не только хочет сохранить под властью Германии иноземные народы, еще стонущие под прусским и австрийским игом, но и готова лить слезы по поводу того, что не весь мир родился

немецким, - к партии, которая за последние два года как раз больше всего и способствовала тому, что справедливейшие чаяния Германии не осуществлялись. Но факт остается фактом, и последнее опасение автора, что Германию может постигнуть печальная участь Польши, не только основательно, но уже находится на пути к осуществлению.

Германия, взятая в целом, уже сейчас находится в таком же, а, быть может, и худшем внутреннем положении, чем Польша накануне первого раздела. Последняя была раздроблена и предана в руки своих врагов непатриотическим честолюбием своих магнатов; Германии же угрожают таким же концом противоречивые интересы ее 30 династий, непатриотичное настроение ее аристократии и должен ли я употребить это выражение? - лояльное, но непатриотичное настроение или ослепление ее военщины. Все эти обстоятельства, которые хорошо известны русским дипломатам, ими старательнейшим образом используются, и, употребляя выражение князя Меттерниха, которое он применил незадолго до французской революции в переписке с

лордом Пальмерстоном,¹³ говоря об Италии, для русского кабинета слово "Германия" давно уже является не политическим понятием, а "географическим термином".

Чтобы ознакомиться с заветными планами России относительно Германии, достаточно раскрыть знаменитое Port(o)folio, которое, как известно, содержит лишь вполне подлинные и официальные акты; интересные разъяснения можно также найти в не менее известной, по крайней мере для немецкой публики, "Пентархии"¹⁴. Политика петербургского кабинета может быть резюмирована в следующих немногих словах: держать Австрию и Пруссию под угрозой с помощью их немецких владений, равно как с помощью их взаимного соперничества, и защищать, южную Германию против обеих этих держав, особенно против Пруссии. Но на официальном языке России защищать значит деморализовать, разделять, подчинять своей власти. Так Россия защищала польских диссидентов от католической Польши, саму Польшу от Пруссии и Австрии, так она официально навязала себя в защитники Молдавии и Валахии и взяла под

свое высокое покровительство турецкую Сербию, так она защищает самое Турцию и Грецию, так же она защищает уже и Германию. Все завоевания России начинаются с такой защиты.

На этом языке "охранять" означает также разделять. Русский кабинет слишком скромнен для того, чтобы самому претендовать на все; обыкновенно он довольствуется в начале самую незначительную часть добычи, предоставляя своим пособникам наиболее значительную долю, но позднее он легко находит случай вознаградить себя за свою скромность. Несмотря на свои армии, русское правительство чувствует себя слишком слабым для удушения свободы и порабощения Европы, оно очень хорошо знает, что не может рассчитывать на симпатии собственных народов, и что требуется лишь решительное восстание народов Европы для того, чтобы вызвать взрыв в России. Русский кабинет чувствует и знает опасную сторону своего положения и потому продвигается с величайшей осторожностью; его главное стремление, равно как весь секрет его дипломатии, заключа-

ется именно в том, чтобы находить пособников, чтобы соблазнять самых сильных своих соперников и противников на участие в общем грабеже. На опыте с Польшею оно убедилось, как выгодна для него такая политика. Этим оно не только подрывает существование обреченной им на непосредственную смерть страны, но и подчиняет себе также дух, свободу движений и самостоятельность своих пособников, неудержимо втягивает их в "магический круг" своей тлетворной работы, убивает враждебный ему дух справедливости, человечности и свободы и распространяет свое тлетворное влияние далеко за пределы своего царства. А для этой России деморализовать значит завоевать.

О том, что Россия уже проделала с 1815 года для деморализации германских стран, знает, как выражается автор цитированной статьи, каждый ребенок, и, чтобы высказать всю правду без обиняков, Россия через посредство Австрии и Пруссии, равно как с помощью присвоенной ею себе роли защитницы южной Германии, была незримым руководящим гением Германского Союза. Но что России не

было чуждо и до сих пор не остается чуждым человеколюбивое намерение разделить Германию, об этом достаточно ясно свидетельствует приведенный тем же автором подлинный факт: действительно незадолго до июльской революции русский император и Карл X задумали не более, не менее как произвести первый раздел Германии. Да, если нынешний царь может в чем-либо упрекнуть своего предшественника Александра, то единственно в том, что тот не сумел лучше использовать готовность Наполеона. Всем известно аффектированное преклонение царя перед Наполеоном; недаром он отдал руку своей старшей дочери герцогу Лейхтенбергскому 15; он рассчитывал на появление во Франции второго Наполеона. В 1848 году падение Луи-Филиппа гораздо меньше его обеспокоило, чем движение в Германии; во Франции он надеялся на установление военной республики и вместе с нею на заключение франко-русского союза против Германии и Англии. Даже фактическое президентство господина Ламартина 16 было ему приятно, потому что последний, как известно, открыто высказался за

такой союз вскоре после своего возвращения с востока (В брошюре, озаглавленной "LOrient" ("Восток")), он в очень определенных выражениях высказывается не более, не менее как за раздел Турции между Франциею и Россиею, и притом так, что первая получает Сирию и Египет, а европейская Турция вместе с Константинополем предоставляется России; Бельгия и Рейнские провинции входили, разумеется, в план для его округления. Как известно, г-н Ламартин принадлежал к партии Моле 18, которого он в 1839 г. яро поддерживал против так называемой коалиции. Моле - это государственный деятель из школы Наполеона и горячий сторонник союза с Россиею; его орган "Presse" ("Пресса") находится или ;по меньшей мере находился на русском содержании. Во всех своих писаниях, особенно в своей "Истории жирондистов", г-н Ламартин выступал в качестве открытого врага Польши, что естественно [делало его еще более приятным в глазах русского кабинета. В качестве министра иностранных дел он также совершенно открыто предавал Польшу в интересах России. К этому последнему пункту я

ниже еще вернусь]. (Примечание автора.)

Взятые в прямые скобки слова Бакунин за-был вписать в свою "Защитительную записку", они заимствованы из черновых ж ней набросков.).

и с тех пор выступал в пользу его в своих речах и писаниях. Известно, какую активность проявила Россия в избрании господина Луи Бонапарта в президенты Французской республики, которое по глупому расчету русского кабинета и многих других должно было послужить для него ступенью к трону. Россия просчиталась: никогда демократическая Франция - а несмотря на все внешние и внутренние старания, другой Франции ныне не существует - никогда Франция не станет снова монархией или военной республикой, а скорее она заключит союз с Англией и с свободною Германиею (когда таковая появится) против русского деспотизма, чем с последним против немецкой и всеобщей свободы 17. Таким образом петербургскому кабинету придется отказаться от союза с Франциею. Он уже в этом утешился, он нашел против Германии другого, лучшего союзника. Этим союзником

является Австрия.

Я знаю, уважаемый господин [защитник], Вы не упрекнете меня в том, что я так свободно обсуждаю дела Вашего отечества. Как Вы видите, я при этом отнюдь не руководствуюсь каким-либо враждебным чувством. Но мне, пожалуй, следовало бы оправдаться перед моими судьями, которым такое хотя и чисто теоретическое вмешательство в защитительном документе иностранца, русского может показаться излишним и даже неуместным. Пусть же мои строгие судьи поразмыслят над тем, что нынешние судьбы всех европейских народов столь удивительно переплелись друг с другом, что никакая человеческая сила не в состоянии оторвать их одну от другой. В наше время существует не ряд отдельных историй, а одна единая великая история, в которой каждая нация играет свою роль, непосредственно обусловленную стремлениями и действиями [всех остальных наций]. Так я уже заметил, что главную опору российского государства следует искать скорее в Германии, чем в самой России. Ближайшее будущее России целиком и полностью зависит от того

оборота, какой примут события в Германии, и вот почему я не могу обстоятельно говорить о Российской империи и о славянах, не затрагивая при этом внутренних отношений вашего отечества.

Никогда, пожалуй, Германия не находилась в таком критическом положении, как ныне.

Какая восхитительная страна! Народ, насчитывающий около 35 миллионов человек (германские шовинисты мечтают уже о 70 миллионах, но как славянин я естественно не могу с ними солидаризоваться), одаренный всеми возможными элементами цивилизации, богатства, прогресса, обладающий общим и глубоким образованием, какого не встретишь нигде ни в какой другой части света; все условия для процветания и силы, кажется, объединились в этой благословенной стране, чтобы сделать ее одною из самых цветущих, самых могущественных и самых счастливых! И тем не менее Германия не является ни нацией, ни силою. У нее нет еще народа, а без народа в настоящее время не может быть ни прочной силы, ни жизни. Как

немецкий народ дошел до того, чтобы в сущности не быть народом, об этом вы знаете лучше меня и хорошо понимаете, что я этим хочу сказать: у него нет единого сознания, единого политического бытия, а потому и политического самочувствия, силы достаточной для проявления им своего гения, для охраны своих разрозненных, друг от друга оторванных членов от постороннего влияния, завоевания и раздела. Ибо ни одна отдельная часть Германии сама по себе не обладает достаточными силами для того, чтобы длительно сопротивляться все более угрожающему и все более дающему себя чувствовать напору Российской империи.

Стоит например вообразить себе войну между отдельною Пруссией, которая все же является самым могущественным немецким государством, и Россией. Независимо от трудностей, которые неизбежно возникнут для Пруссии в связи с ее польскими владениями, она, несмотря на свой ландвер и на свою превосходную военную организацию, должна будет пасть под повторными ударами русского оружия. Я говорю это, разумеется, не под влия-

нением патриотического угара, так как я поистине не питаю ни малейшей симпатии к завоеваниям российского государства. Последнее задавило бы Пруссию просто своею массою, и Пруссия снова должна была бы, как в 1813 году, воззвать к своим немецким братьям, даже к германскому народу, а это означало бы германскую революцию, - существующая же Пруссия боится таковой больше всего. И вот, если подумать, что между Пруссией и Россией лежит вся Польша, и что Пруссия владеет куском этой расхищенной страны, и что невозможно себе представить, чтобы Польша осталась спокойной свидетельницею и не сделала новой попытки освободиться, то придется признать, что такая война должна для Пруссии кончиться или вынужденною уступкою ее польских провинций России, или же освобождением их против России: таким образом в обоих случаях Пруссия потеряет эти провинции, а вместе с ними свое нынешнее равновесие, условия своего нынешнего уклада и мощи. Она принуждена будет, по слову своего королевского владыки в 1848 году, действительно раствориться в Германии.

Пока Пруссия намерена уклоняться от радикального преобразования политических отношений в Германии и оставаться отдельным внегерманским государством, она должна избегать всякой войны с Россиею, она должна терпеть наглое вмешательство последней в немецкие дела, она должна оставаться зависимою от России.

В Германии она раствориться не желает, напротив она охотно опруссачила бы всю Германию. Она охотно бы это сделала, но не может, не может потому, что подобное усиление Пруссии с помощью Германии, как и усиление Германии с помощью Пруссии, не отвечает русским видам относительно Германии и Пруссии; она не может этого сделать потому, что Австрия этому всемерно противится, и наконец потому, что последние два года вряд ли много способствовали ослаблению сильного нерасположения германских народов к Пруссии. С обоими первыми препятствиями, а именно с Россиею и Австриею, Пруссия пожалуй еще справилась бы, если бы только сумела снискать симпатии немецкого народа, — все это, разумеется, при предположении, что

она, найдя в Германии новую поддержку своей мощи, решится противопоставить свободную Польшу деспотическому царизму. Не исключена также возможность того, что народы Германии в конце концов решатся пожертвовать своею ненавистью к Пруссии ради основного интереса общего отечества, ибо народы обыкновенно руководствуются великими инстинктами и бывают готовы к великим жертвам. Но никогда многочисленные династии, ныне делящие между собою Германию, не согласятся добровольно признать гегемонию Пруссии, так как не подлежит ни малейшему сомнению, что такая гегемония в конечном счете положит конец их верховенству, а в последней инстанции и самому их существованию. История не знает еще примера добровольного политического самоубийства в интересах общего благополучия, да такое явление было бы противоестественным. Всякая власть, как бы ограничена и ничтожна она ни была и хотя бы она являлась самою неправою и самою вредною на земле, стремится удержаться как можно дольше. Германские династии наверное не составляют

исключения из этого правила, и в этом заключается препятствие, которое очень хорошо используется Россией и Австрией и преодоление которого на легальной почве представляется для прусской дипломатии невозможным.

Таким образом современное состояние Германии чревато серьезными опасностями. При всех предпосылках величия и мощи она в конечном счете оказывается бессильною и беззащитною против всяких внешних влияний, я мог бы пожалуй сказать - против всякого нападения извне.

У Германии есть страшный враг, который подобно прожорливому коршуну подстерегает ее гибель. Чтобы дать отпор этому врагу, она нуждается в объединении всех своих сил, во всем напряжении своего порыва к свободе, но до сих пор она тщетно стремится к этому объединению, к превращению в целостный народ: она разделена больше чем на 30 кусков, и эти части управляются таким же числом независимых монархов, династические интересы которых резко расходятся с общими интересами Германии. Последняя для сопро-

тивления русскому натиску нуждается в единстве, ей нужна действительная и решительная концентрация, и прежде всего ей требуется живое и длительное движение для обновления своей старческой больной крови, ибо только свежие жизненные соки способны скрепить в одно живое, сильное целое ее растерзанные и вследствие длительного отделения почти омертвевшие члены. Напротив инстинкт самосохранения царствующих династий нуждается в покое и в сохранении или точнее в восстановлении старины: всякое изменение, выходящее за рамки пустой видимости, грозило бы смертью их самостоятельному существованию. Поэтому органическое единство Германии может быть создано только немецким народом, ибо только в народе имеются кровь, сок, жизнь, тогда как немецкие монархи могут в лучшем случае осуществить механическое объединение, да и последнее еще весьма проблематично.

Но что же мешает, могут мне возразить, что мешает немецким монархам стовориться для спасения Германии? Ответ прост: их взаимное, вполне обоснованное соперничество.

Сущность дипломатии заключается не в доверии, а в подозрении, и никто лучше самих дипломатов не знает, как мало у них основания доверять друг другу. Разговоры о бескорыстном единомыслии немецких правительств звучат, разумеется, очень красиво, но я только спрошу: кто этому верит? Во всяком случае не сами правительства, иначе им пришлось бы игнорировать собственное положение и совершенно забыть историю. Не одни Франция и Россия выросли за счет Германии; кому не известна история расширения Пруссии? Может ли например Австрия позабыть, что Пруссия в конце прошлого и в начале настоящего столетия с своекорыстным злорадством следила за постоянными поражениями Австрии от французского оружия, и что она даже воспользовалась победою Наполеона и несчастным положением австрийской монархии для того, чтобы добиться пожалования ей великим победителем в дар провинции Вестфалии? Может ли ганноверское правительство забыть, что Пруссия бросала алчные взоры и на Ганновер, и что в 1806 году, хотя и на короткое время, она действительно завладела

им с разрешения французского императора? Может ли саксонская дипломатия забыть, что та же самая Пруссия, использовав великое общегерманское воодушевление освободительной войны, в 1815 году захватила большую половину Саксонии? И наконец разве южно-германские правительства не поняли многозначительного намека, данного им в 1814 году оккупацией Рейнской провинции? И кто поверит, кто может поверить тому, что если бы этой самой Пруссии ныне снова представился случай завладеть куском Германии, то она простерла бы свою скромность до того, что не воспользовалась бы этим случаем, что ее удержало бы от такого шага идиллическое правовое чувство или мягкая деликатность по отношению к своим германским союзникам? Кто не убежден в том, что гегемония или даже только кратковременная диктатура Пруссии в Германии должна была бы повлечь за собою постепенное ослабление остальных германских монархов в пользу прусской державы, а вскоре и их медиатизацию?

Весьма возможно, что новое расширение Пруссии за счет германской территории по-

служит на пользу Германии; по крайней мере не подлежит никакому опору, что Германия могла бы тогда занять по отношению к России гораздо более независимую позицию, но столь же несомненно, что остальные немецкие монархи в результате такой перемены потеряли бы много, если не все, и потому их нельзя слишком уж сильно упрекать в том, что они выказывают недоверие к Пруссии. Они гораздо увереннее чувствовали бы себя на первое время под верховною властью Австрии, ибо в настоящий момент Австрия заинтересована в защите этих монархов и их легитимных прав от свободолюбивых и объединительных стремлений германского народа, равно как от властолюбия Пруссии. Но австрийская гегемония это - тоже особая статья: во-первых Австрия-уже не немецкая держава, ее нынешние притязания на Германию прямохонько направлены против безопасности, мощи и свободы немецкой нации - все эти положения я постараюсь в дальнейшем доказать. Австрия стала слишком зависимою от России, в гораздо большей мере, чем Пруссия; последняя при известных условиях может

еще освободиться от удушающей дружбы с-петербургского кабинета, Австрия же этого уже не в состоянии сделать. Кроме того она связана необходимостью считаться с подавляющею массою своих ненемецких, особенно же славянских подданных, которым она дала определенные обещания. Одним словом, несмотря на свои недавние победы в Венгрии и Италии, она больна, она уже не движется, с прежнею свободою, ибо она поражена в самое сердце и отведала верно-убивающего яда русской помощи.

Сверх того Пруссия столь же мало станет терпеть австрийскую гегемонию в Германии, как Австрия терпела бы прусскую. С тех пор как Пруссия стала королевством, т. е. около 150 лет, она не переставала стремиться к тому, чтобы вытеснить Австрию из Германии и самой занять ее место. Все ее действия систематически подсказывались этим неизменным планом и для достижения этой цели она, как я выше показывал фактами, не стеснялась и не боялась ни союза с Французскою республикою и с Наполеоном, носившего тогда в высшей степени антигерманский харак-

тер, ни союза с Россией. Даже самый Германский таможенный союз 19, независимо от его бесспорной и большой пользы для всей Германии, она направляла в таком же смысле, т. е. против Австрии. И теперь она сразу бы отказалась от всех плодов столь рассчитанной и трудной работы и от всех преимуществ, достигнутых ценою стольких кровопролитий и других жертв, и этим позволила бы снова воскреснуть отмирающему влиянию Австрии в Германии и согласилась бы подчиниться ее преобладанию? Подобный образ действий был бы чистейшим самоубийством. Пруссия вынуждена остаться и продолжать идти по тому пути, на который она уже вступила, она должна выступать против влияния Австрии в Германии до тех пор, пока ей не удастся всецело его разрушить, она должна еще более округлять свои владения в Германии: в противном случае она не могла бы долго удержаться на достигнутой ею высоте.

Пруссия далеко еще не достигла своей конечной цели; в настоящее время она еще находится на полпути к ней. Правда она уже возвысилась до положения первоклассной

державы, но чтобы удержаться на этой высоте, она должна затрачивать невероятные усилия. Этим положением она обязана не своим естественным условиям, а своей искусственной и, можно сказать, напряженной военной организации, ловкости своей дипломатии и прежде всего сильной моральной поддержке остальной Германии, которая, несмотря на свою решительную антипатию к прусскому укладу и на неоднократные разочарования, ждет еще от Пруссии в будущем своего освобождения. Ведь Пруссия насчитывает только 16 миллионов душ, в то время как Австрия-37 миллионов, Франция свыше 35 миллионов, Россия около 60 миллионов жителей, не говоря уже об Англии, которая кроме своего 25-миллионного населения обладает в своем островном положении, в своем флоте, богатстве и торговле еще рядом добавочных элементов силы и безопасности от внешних врагов. Итак мы имеем чрезвычайно невыгодное отношение для Пруссии, причем эта невыгода даже не перевешивается благоприятным географическим положением, ибо последнее, как известно, благодаря слишком большой

растянутости и недостаточной широте территории является в стратегическом отношении самым неблагоприятным в мире. Она также отнюдь не компенсируется особою сплоченностью прусских провинций, ибо, не говоря уже о ее польских владениях, узы, связующие вновь присоединенные области с прусским государством, можно напротив назвать довольно непрочными; эти области держатся скорее механическою военною связью, но долго еще не сольются с основным ядром Пруссии посредством исторической привычки, интересов и симпатий. Кто например не знает, что Рейнская провинция и южная, гораздо большая половина Вестфалии настроены враждебно к Пруссии и тяготеют к южной Германии, что саксонцы, насильственно оторванные от своего основного ствола в 1815 году 20, радостно приветствовали бы воссоединение с последним? И никто не обвинит меня во лжи, если я заявлю, что даже в Силезии, по крайней мере в Бреславле и за Бреславлем, настроение далеко не благоприятно Пруссии, на что имеется немало оснований - религиозных, политических, промышленных и пожа-

луй даже национальных, распространяться о которых подробно здесь было бы не у места. Итак рассматриваемая даже с чисто материальной стороны, Пруссия по меньшей мере втрое слабее России и вдвое слабее Австрии. В отдельности взятая, она не в силах противостоять ни французскому, ни русскому оружию, а тем более конечно объединенным силам России и Австрии. О победах Фридриха Великого²¹ здесь не приходится говорить, так как во-первых подобные герои рождаются не часто, а во-вторых мощь России с тех пор необычайно возросла. Сжатая между Россиею и Австриею, Пруссия находится таким образом в постоянной опасности быть ими раздавленной и уничтоженной; положение чрезвычайно критическое, делающее для нее необходимым беспрестанное, в высшей степени утомительное напряжение. Известно также, что Пруссия расходует свыше трех частей своих ежегодных доходов на свои военные силы. В случае нужды Пруссия, считая ландвер обоих призывов, может пожалуй выставить армию численностью в 500.000 человек, правда огромную массу, но этим исчер-

пываются последние средства Пруссии: промышленность и сельское хозяйство после мобилизации такой армии были бы совершенно лишены рабочих рук, и еще большой вопрос, в состоянии ли Пруссия действительно поднять такую массу чисто административными средствами, без народного одушевления и без народного сочувствия. Но известно, какими средствами и какими жертвами покупаются в наше время воодушевление и симпатии народов.

Из всего этого следует, что Пруссии придется много еще сделать для того, чтобы действительно и естественно стать державою первого ранга. До сих пор она удерживалась на достигнутой высоте во-первых благодаря своей из ряда вон выходящей военной организации, во-вторых благодаря благоволению России, в интересах которой было не допускать чрезмерного возвышения Австрии, в-третьих благодаря упомянутой выше моральной поддержке Германии, которая за последнее время впрочем сильно ослабела и дальнейшее сохранение которой зависит от определенных, неустранимых условий. До сих пор

Пруссия счастливо и действительно ловко лавировала между всеми подводными камнями, стараясь в то же время удовлетворять следующим трем условиям своего существования: она направила свое главное внимание на усовершенствование и усиление своей военной мощи и этим показала, что не собирается отказаться от своего основанного исключительно на военной силе государственного устройства; она оказала России всю возможную поддержку в деле угнетения Польши и вообще присоединилась самым решительным образом к реакционной политике России в Европе; но в то же время она заигрывала с германским либерализмом и с германскими стремлениями к единству, стараясь выставить себя в качестве будущего восстановителя германской свободы и чести. Она так глубоко сознавала необходимость снискать симпатии Германии, что уже в 1845 году, т. е. за три года до революции, ввела у себя особый род лжеконституционализма 22.

Теперь время выжидательной политики прошло; лавировать дальше уже невозможно, и Пруссия должна принять определенное

решение. Уже в 1845 году Россия именно вследствие этого заигрывания Пруссии с Германией) и свободою повернулась к ней спиною и в настоящее время решительно стоит на стороне Австрии. Довольно долго Россия охраняла, подготавливала, подкапывалась и убеждала, теперь она хочет пожать плоды. Двинуться прямо на Германию она еще не может, - этот плод еще слишком зелен и должен под ее незримым попечением еще созреть; но она явно решилась двинуться на Турцию, и весьма правдоподобно, что она желает заполнить еще гораздо большую часть прежней Польши. Прежде всего она должна подавить вольный дух, который так внезапно поднял голову в Европе и имел достаточно бесстыдства, чтобы постучаться в ворота ее собственной империи. С другой стороны и немецкий народ стал более бдительным, он чувствует свое опасное положение и уж не дает себя обмануть мнимыми уступками и посулами журавля в небе. Теперь он требует от своих друзей прямых, решительных действий, и никакою другою ценою нельзя завоевать его симпатий, его активной поддержки. Таким обра-

зом налицо имеются два лагеря: с одной стороны Германия и свобода, а с другой-Россия и Австрия. Пруссия должна сделать свой выбор между ними. Такою, как она есть, отъединенною она не может оставаться; она должна иметь союзников, она должна стать гораздо сильнее; ее нынешнее состояние не отвечает критическим требованиям времени, она должна округлиться так или иначе, а для этого ей представляются два пути: она должна или снова полностью столкнуться с Россиею и Австриею, дабы вместе с ними предпринять частичный раздел Германии, причем России придется дать удовлетворение в Турции, Галиции и Великом Герцогстве Познанском; или же она должна решиться стать во главе германской нации против России и Австрии, подкрепляя себя поддержкою всей Германии, то ли опруссачив Германию, то ли сама растворившись в Германии, что в конечном счете привело бы к одному и тому же результату. Третьего пути для Пруссии не существует, а о согласовании первых двух сейчас не приходится и думать. Оба пути возможны, но оба несвободны также от опасности.

Что Россия и Австрия с великою радостью примут в свой дружественный союз отпавшую от них по указанным причинам, а ныне раскаявшуюся Пруссию, это не подлежит никакому сомнению. Этим была бы отрублена голова постепенно растущей в Германии силе и воздвигнута новая плотина против духа свободы. Россия ничего так не желает, как восстановления прежнего тройственного союза, так как последний представляет основной базис, на котором основывается и развивается вся ее внешняя политика. С другой стороны, хотя Австрию отделяет от Пруссии сильная и вполне основательная антипатия, однако эта антипатия существовала не в меньшей степени в конце XVIII века, когда все три северные державы объединились для совместного разбоя над Польшей - доказательство того, что взаимное соперничество не может мешать временному соглашению, когда его требуют взаимные выгоды. Сейчас же Австрия настолько пленена российской дружбою и в скором времени принуждена будет заплатить за эту дружбу такими значительными жертвами, что ей ничего другого

не остается, как расширить свои пределы и компенсировать себя в Италии и в Германии, а для этого ей необходимо соглашение с Пруссией и ее поддержка, ибо в таком случае Австрия будет иметь против себя не только Германию, но и Францию и Англию. Россия и Австрия сами по себе недостаточно сильны, чтобы отважиться на принципиальную борьбу со всею Европою и в особенности с Европою, одушевленною идеями свободы.

Для такой цели Пруссия может заключить особый договор с обеими северными державами, своими естественными соперницами, не нарушая этим своих принципов, не изменяя своей традиционной политики и не прекращая своей борьбы на жизнь и на смерть с Австрией. Эта борьба будет только отсрочена на более позднее время, а обе державы постараются использовать этот построенный на чисто временном интересе союз для того, чтобы объегорить друг друга и занять выгодные позиции в предвидении неминуемого в будущем конфликта 23 . Чтобы не ходить далеко за примерами, сошлюсь на раздел Польши, который показывает нам, что такая политика

возможна и нисколько не противоречит ни природе, ни принципам, ни широкой совести прусского государства. Раздел Польши доказывает также, что Пруссия может вступить на этот путь, не подвергаясь опасности со стороны Австрии и по крайней мере непосредственной опасности со стороны России. Опасность грозит в совершенно другом направлении: она заключается в современном настроении не только остальных германских народов, но и самого прусского народа, который выказал решительную антипатию к русско-австрийскому принципу, который решительно хочет свободы, восстановления германской независимости и чести, а в настоящее время, что бы там ни говорили и как бы ни чванились убедительною силою штыков, настроение и волю народа нельзя игнорировать. Союз между Россией, Австрией и Пруссией неизбежно бросил бы подавляющую часть остальной Германии, даже самих германских монархов, интересам которых такой союз явно угрожал бы, в объятия Франции, т. е. в объятия революции.

Второй путь был бы для Пруссии совер-

шенно новым. В нем имеется много притягательных сторон, но он влечет за собою опасности весьма серьезного характера. Становясь во главе Германии, Пруссия этим самым немедленно объявляет войну России и Австрии, но она делает своими врагами не только их, но и всех остальных германских монархов и принуждает их искать защиты у обеих этих северных держав. Таким путем Пруссия сама высказывается за дело революции, ибо без обращения ко всему германскому народу, без поддержки Франции и Англии такой резкий поворот невозможен, а бог весть как далеко может завести эта революция! Мы видим пролог ее и теперь переживаем ее первый акт, а кому не известно, как ненавидит революцию и как боится ее нынешняя Пруссия!

Таким образом оба пути исполнены трудностей и опасностей, а Пруссии приходится выбирать только между ними, так как она обязательно должна округлиться, укрепиться, никаких же других средств к этому кроме указанных двух путей не существует. Она должна решиться. Недалеко то время, когда

немецкий вопрос должен разрешиться тем или иным способом, сильной внутренней или внешней катастрофой, а, может быть, и обеими вместе, и горе тем, кто будет застигнут врасплох новою неизбежною бурей !

На этом я прерываю свое изложение. Как Вам известно, я уже в течение года не читал газет 24 и потому не знаю, что происходит на свете. В настоящее время один год значит больше, чем десять лет в другую эпоху, а кто вздумал бы конструировать историю а priori, рисковал бы впасть в серьезные ошибки. До сих пор я основывался на природе вещей, а потому не думаю, чтобы я сильно ошибался. Я хотел только показать, что Пруссия и Австрия, без взаимного соглашения которых остальные немецкие князья вряд ли в состоянии будут создать что-либо долговечное и прочное, никак не могут договориться для блага германской нации, а напротив могут столкнуться только во вред ей, т. е. лишь в смысле раздела Германии; что бы Пруссия ни предприняла, выступит ли она совместно с Россиею и Австриею" против остальной Германии или же во главе Германии против Рос-

сии и Австрии, ее политика неизбежно будет угрожать самостоятельности и даже существованию остальных германских династий. Об особой позиции Австрии по отношению к Германии и России я еще буду иметь случай высказаться обстоятельно, и, мне думается, нетрудно будет доказать, что политика Австрии безусловно и непосредственно направлена против безопасности и против интересов германской нации, а посредственно также против самостоятельного существования германских государей. Чтобы закончить картину немецкой смуты и, простите мне это выражение, немецких бед, я должен был бы сказать еще несколько слов относительно особой политики Баварии, но это завело бы меня слишком далеко, и теперь, как я думаю, я с полным правом могу повторить мое прежнее утверждение, что самая добрая воля немецких правительств, вместе взятых, никогда не в состоянии будет осуществить действительное, мощное, от русского влияния независимое германское единство.

Только германский народ может осуществить такое единство, но и ему придется пре-

одолеть величайшие трудности. Долго мечтал он о своем единстве, наконец он проснулся и передал в руки своих ученейших мужей великое дело своего освобождения. Последние собрались во Франкфурте и в качестве настоящих ученых не преминули сразу же испортить доверенное им святое дело 25. Но тогда народы Германии, части единого неорганического целого, снова поднялись и попытались собственными силами подать друг другу руки. Вы знаете, милостивый государь, какой им был дан на это ответ. Что последовало вслед за сим, я не знаю. Но смею сказать Вам и даже моим судьям, что картечь, которою осыпали в мае 1849 года народ в Дрездене, отхватила также кусок германского единства и мощи.

Задавался вопрос, какой интерес может быть у иностранца, у русского в возрождении Германии. Искренность моих пожеланий в отношении Германии взята была под сомнение; а между тем дело представляется мне столь простым, что я не могу взять вдомек, как другие его не понимают. Я уже раз заметил, и здесь снова повторяю, что прошло, дав-

но уже прошло то время, когда судьбы народов не зависели друг от друга; они солидарны в счастье и в горе, в прогрессе культуры и промышленности, а прежде всего в деле свободы. Свобода и величие Германии разумеется в ее действительно немецких границах, а не вне их не в романтическом охвате тевтонманской патриотической песни²⁶ - составляют необходимое условие общеевропейской свободы, необходимую предпосылку освобождения России. Предрассудки и увлечения узкого патриотизма в настоящее время утратили всякий смысл и могут быть теперь понятны только у поработанных народов, как-то итальянцев, венгерцев, поляков и других еще угнетенных славян. Россия, хотя и погрязла в глубочайшем рабстве, не поработана никаким иноземным народом, а напротив сама играет роль угнетателя, хотя и делает это против своей воли, будучи принуждена к этой позорной и поистине никакой выгоды не приносящей роли с помощью кнута, и только освобождение уже угнетенных ею народов, только пробуждение и самоопределение народов, свободе коих она уже угрожает, в част-

ности Германии, а также австрийских и турецких славян, может сломать этот кнут, первую несчастною и, должен прямо сказать, опозоренною жертвою которого она сама является. Мне кажется, что этих мотивов вполне достаточно для того, чтобы оправдать мое действительное, искреннее горячее сочувствие преуспеянию говорящих по-немецки народов, если только это сочувствие вообще нуждается в оправдании.

Ясно, что Германия уже не может долго оставаться в своем современном виде. Ее внутренний нарыв созрел, ее старые формы настолько обветшали, что никто кроме людей, лишенных смысла, ничему не научившихся, ничего не забывших и никогда ничего не понимавших, не может о них и думать, а бушующие вокруг бури слишком всемогущи для того, чтобы она, находясь во власти опасной болезни, могла быть ими пощажена. Впрочем Германия издавна была тою ареною, на которой находили свое разрешение величайшие исторические вопросы, и, уже теперь охваченная всеобщим движением, она или будет счастливым кризисом исцелена и спа-

сена и вскоре превратится в великую свободную державу или же погибнет; сначала она будет медленно чахнуть, теряя кусок за куском свои лучшие земли в пользу наследственного врага и его союзников, а затем, как некогда Польша, будет окончательно уничтожена смелым ударом или, пользуясь классическим и здесь пожалуй более подходящим выражением, смелой хваткой. В Германии всем известно, что этот наследственный враг есть русское государство, а теперь я должен показать, что Австрия является главным союзником России против Германии.

Для каждого древне-немецкого сердца при-
скорбна необходимость признать, что Австрия перестала быть частью Германии!

Великие исторические воспоминания и вся германская романтика связаны с именем Австрии: германский император, бывшее германское великолепие, когда имя Германии гремело в половине Европы, и романтика будущего, в сиянии которой весь покоренный мир уже казался лежащим у ног вновь возвеличенной Германии и вторил знаменитой песне Арндта (Здесь у Бакунина описка:

Arend's вместо Arndt's. Бакунин явно имел в виду не баснописца Леопольда Аренда, а Э. М. Арндта, автора патриотических песен (см. ком. 26 к "тому документу").

Прискорбно народу проснуться всего только 35-миллионным после того, как в течение столь долгого времени он воображал себя нацией в 70 миллионов! Отпадением же Австрии затрагиваются не только грезы, но и интересы более важного характера и более действительного значения: судоходство по Дунаю, т. е. вся южно-германская торговля, торговля с Италией, Адриатическое море, а вместе с ним и половина германского флота, целая половина германского судоходства - великолепное будущее! Более того, эта великолепная, миром овладевающая Германия, будучи не в состоянии вследствие своей злощастной раздробленности оградить свою собственную неприкосновенность, привыкла с 1815 года при всех извне грозящих опасностях рассчитывать только на Пруссию и Австрию, рассматривать их как единственных хранительниц от всяких вражеских нападений; и в этом распределении охранительных

обязанностей величайшая и бесспорно тягчайшая доля доставалась Австрии; Австрия должна была противодействовать растущему могуществу России, мешать дальнейшему проникновению ее в Турцию, освободить устья Дуная от ее господства; взамен она должна была открыть врата Востока для германских интересов, германского политического влияния и торговли, помогая им укрепиться в этой столь важной части света, на которую с некоторых времен обращено главное внимание всей европейской политики. А теперь Германии приходится отказаться от всех этих преимуществ, от этой защиты, от этой помощи!

Замечательно, что австрийская помощь и австрийская охрана от России никогда не существовали в действительности, а лишь и фантазии немецких мечтателей. Не говоря уже об участии Австрии в ограблении Польши, кто способствовал завоеваниям Екатерины II в Турции, и вместе с нею даже предпринял, а наполовину и осуществил первый раздел этого государства? Австрийский император Иосиф II. Разве царь Павел не был вплоть

до 1800 года союзником Австрии? Между 1800 и 1815 годами Австрия сама находилась в очень затруднительном положении, и это может служить для нее извинением в том, что в продолжение этого периода она не могла лучше защитить Турцию от русских посягательств; но в 1815 году она снова обрела свободу движений и все свое могущество, теперь она могла повернуть свою политику против России и вправе была в таком случае полностью рассчитывать на активную поддержку Англии. Почему же Австрия этого не сделала? Почему она стала вернейшим союзником России? Почему она терпела русские захваты в Турции (1829 г.) и Польше (1831 г.)? А разве теперь она не привязана душой и телом к России? Разве она не делает всего того, что хочет Россия? Разве она не поддерживает Россию в Молдавии и Валахии? Разве она не предает ей и не закрепляет за нею устья Дуная, которые должны были быть немецкими? И кто может сомневаться в том, что она купила себе русскую помощь в Венгрии только обещанием слепо подчиниться русской политике в Турции? Это ли поступки первой и сильнейшей

хранительницы Германии?

Собственно уже с Вестфальского мира Австрия начала отделять свою политику от интересов Германии. С 1806 года и 1815 года она совершенно перестала быть немецкою державою. Ее место заняла Пруссия.

Стоит только взглянуть на карту: на 38 приблизительно миллионов подданных австрийская монархия едва насчитывает 8 миллионов немцев, - и эти 8 миллионов должны были онемечить остальные 30 миллионов? Дело шло, пока австрийские властители были одновременно и германскими императорами, пока они носили на голове блестящую римскую корону, пока они могли опираться против друг друга ненавидевших и не прекращавших бесконечной взаимной борьбы славянских, мадьярских, валашских и итальянских племен на если и не очень компактное, то все же кое-как удерживаемое единство 25 миллионов немцев: тогда перевес был на стороне немцев, а различные австрийские народы, частью покоренные оружием, частью приобретенные по договорам и избирательным капитуляциям²⁷, были постепенно при-

нуждены склониться перед преобладающим влиянием Германии. Ныне же отношение изменилось в обратную сторону: теперь немцы стали меньшинством, а остальные 30 миллионов, как всякий мог убедиться в этом за последние два года, далеко еще не были онемечены.

Вместо объединенной силы, насчитывающей около 25-30 миллионов немцев, в настоящее время имеется только раздробленная, податливая чуждым влияниям Германия, а вместо Римской империи на севере возникла страшная и угрожающая, называющая себя славянской держава с 60 миллионами населения, неудержимо притягивающая к себе 16 миллионов живущих в Австрии славян. Вправе ли еще нынешняя Германия надеяться на то, что ей удастся онемечить эти ненемецкие я никогда не бывшие немецкими народы?

Я здесь совершенно отвлекаюсь от вопроса права. Я не спрашиваю, будет ли такое предприятие соответствовать понятиям о свободе или справедливости, общим интересам человечества,- я ставлю только вопрос о средствах и о возможности его осуществления.

Неужели же ненемецкие народы в Австрии действительно настолько слабы, настолько полностью лишены самостоятельности и собственной силы, что ими можно помыкать по усмотрению? И не имеет ли каждый из них за исключением мадьяр крепкую точку опоры и притяжения за пределами австрийской монархии: ломбардо-венецианцы-Италию, славяне-Россию! Вы разрешите мне, уважаемый господин [защитник], сделать краткий обзор этих народностей. Я начну с Ломбардии.

Не приходится тратить много слов там, где история уже изрекла свой приговор. Кто после событий последних двух лет может еще сомневаться в том, что итальянцы Ломбардо-венецианского королевства 28 ненавидят австрийское иго, что они со всею энергиею и страстью южного темперамента стремятся к объединению с общим итальянским отечеством, тот заранее твердо решил не видеть самых очевидных фактов и не слышать самых неотразимых аргументов. Ломбардцы доказали даже больше, чем это: они показали в марте 1848 года, как свободолюбивый и патриотически настроенный народ может без

оружия побить и выгнать из прочно укрепленных позиций армию в сто, в тысячу раз более сильную. Это - славнейшее деяние в летописях свободы, это - блестящий факт, которого никакою софистикою не замажешь и никакою заматерелою во лжи и пресмыкательстве диалектикою не заговоришь. Эта победа далее доказала, что в славной борьбе приняли участие и этим выказали свою волю к освобождению от австрийского рабства и к слиянию с Италиею не одни только города, как утверждали некоторые консервативные германские газеты, но и сельское население, крестьяне, а значит и весь ломбардский народ. Правда ломбардо-венецианское население благодаря предательству итальянских спада (Военачальников, военщины.) снова подпало под прежнее рабство, правда его вожди снова подверглись преследованию, изгнанию, смертной казни, повешению и расстрелянию по судебным приговорам или, что еще гораздо хуже, заключению в австрийских тюрьмах. Но право же все это - жалкие аргументы против проснувшегося сознания народов! Свобода питается кровью своих мучени-

ков, и чем больше число павших за нее героев, тем вернее, мощнее и блистательнее ее будущее. Первый крупный шаг сделан: ломбардский, итальянский народ проснулся, он действительно ощутил свое живое единство, никакие песни сирены не в состоянии больше погрузить его в старый сон, и из его оплодотворенной пролитой кровью земли восстанут новые, лучшие вожди.

Чтобы удержать Ломбардию, Австрия должна была бы уничтожить всю Италию, подчинить ее своему игу; ибо до тех пор, пока будет существовать независимая от Австрии Италия, все симпатии, интересы, чаяния и пожелания ломбардо-венецианского населения будут естественно обращаться к ней; до тех пор, пока будет существовать Италия, ломбардо-венецианцы никогда не примирятся с ролью подножия для ненавистной австрийской силы или германского краснбайства. Для достижения своей цели Австрия с 1815 года применяла в Италии совершенно ту же самую политику, которая так удалась русскому кабинету в Германии - политику, которая может быть сформулирована в следующих

немногих словах: при помощи их собственных правительств деморализовать народы, разделять, обессиливать их И, усыпляя, приводить в рабство. Кто не знает истории австрийского влияния в Турине, в мелких итальянских княжествах, в Риме и Неаполе, в котором это влияние, как известно, старательно поддерживалось русским кабинетом? Прошу Вас, милостивый государь, прошу моих судей позволить мне при этом случае сделать следующее маленькое замечание.

Факты, о которых я говорю и о которых я здесь просто упоминаю, известны, они достовернее официальных фактов; всякий, к какой бы партии он ни принадлежал, должен признать их истинность, по крайней мере перед своею совестью, если таковая у него имеется. Какие только средства не употреблялись под влиянием Австрии и России итальянскими правительствами против итальянского народа, для того чтобы навеки удержать его в состоянии незрелости? Ложь, лицемерие, растление, жестокие убийства, расслабление воли, денежный подкуп, застрачивание, угроза нищетою, сеяние суеверий, поповское умопо-

мрачение словом все, что в состоянии придумать на пагубу и несчастье народов хитрейший и отвратительнейший иезуитизм, не забывая при этом и самих иезуитов. Стоит только напомнить о неаполитанских лаццарони²⁹, которые под руководством камарильи³⁰ и попов во всех великих кризисах неаполитанского королевства играли решающую роль. Эта пагубная политика, с 1815 года слишком хорошо известная под названием Реставрации³¹ и Священного Союза³², распространилась не только в Италии, не только в Австрии, Польше и России, но и по всей Европе. Я не намереваюсь огласить списки грехов за последние 35 лет и напомнить все позорные деяния, которые под официальным покровом совершались во всех концах Европы. Я сам со страхом отступаю перед тем зловонием, которое может явиться в результате такого копания в гнилом, хотя и недалеком прошлом, и не хочу еще более раздражать своих и без того раздраженных противников, подставляя им зеркало. Я хочу только слегка осветить природу этой реставрации.

После напряженного и лихорадочного сна

средневековья европейские народы впали в мертвенную апатию, которую можно назвать золотым веком абсолютизма. Целиком погруженные в иезуитские или пиетистские мудрствования, они, казалось, утратили всякую силу, всякое живое побуждение, можно сказать - даже самую тень свободного человеческого сознания. В течение этого периода упрочилась европейские монархии, с неограниченной властью царствовали государи над безжизненными, рабскими массами, помыкая ими по своему усмотрению, деля их между собою, грабя и продавая их, как будто бы эти народы только на то и существовали, чтобы служить низшим орудием власти и чувственных вожделений для немногих привилегированных семейств, как будто гордость и жизнь государей обуславливались (У Бакунина здесь описка: сказано "bedient" вместо "bedingt.") поруганием и смертью народов (В доказательство я сошлюсь на классическое произведение вашего превосходного немецкого историка Шлоссера "История XVIII века"³³. Почти все страницы этого 8-9-томного сочинения наполнены рассказом о княже-

ских сатурналиях к о порабощении народов. (Примечание М. Бакунина).). Просвещение XVIII века, порожденная им Великая Французская Революция, а позднее победы Наполеона пробудили наконец народы от их губительного сна. Они проснулись к новой жизни, к самостоятельности, к свободе, к нравственности; повсюду дали себя почувствовать новые запросы, новые потребности; родился новый мир, мир человеческого самосознания, человеческого достоинства (У Бакунина неразборчивое слово), короче сказать, родилось само человечество в самом священном и глубоком смысле этого слова, величайшая и единственная цель всякого общежития и "сей истории. До того народы были разделены, часто восстановлены и враждебно настроены друг к другу благодаря нелепым и искусственно привитым предрассудкам. Теперь они почувствовали потребность в взаимном сближении; правильный инстинкт подсказал им, что великая цель их освобождения, их очеловечения, к которой они все стремятся, может быть достигнута только объединением всех сил. Так постепенно сложилось общеевропейское дви-

жение, которое, то зарываясь далеко вглубь, то снова прорываясь на поверхность в виде какого-либо громкого деяния, способствуемое успехами общей культуры, особенно же непрестанно растущим расширением промышленности и торговли, незримо, но мощно сплотило все враждебные народы в один великий нераздельный организм и постепенно создало среди них ту солидарность, которая составляет характернейший признак, основную черту новейшей истории. Вы догадываетесь, уважаемый господин [защитник], что я имею в виду либерализм, который я прошу не смешивать с либерализмом нашего времени, так как последний представляет лишь безжизненный труп первого. В ту пору либерализм был еще полон свежей силы и жизни; он еще не выполнил своего великого предназначения, будущее принадлежало ему; он мог немного потерять, выиграть же мог все, поэтому он не страшился еще никакого движения и был еще чрезвычайно далек от той столь же эгоистичной, сколь и глупой мизантропии, до которой ему суждено было в конце концов опуститься как вследствие сво-

его старчества, так и вследствие достижения им своих специфических целей. В то время он верил в человечество, стоял в оппозиции и сильно способствовал просвещению, эмансипации и даже возмущению масс. Для противоборства этому вновь пробужденному духу, для удушения этого нового мира человечности и свободы в его колыбели был в 1815 году заключен между всеми царствующими династиями Европы пресловутый Священный Союз, который стремился не более, не менее как к возвращению народов в рабство, к мертвечине XVII и XVIII веков, к старому безнравственному варварству, и который был не чем иным как перманентным заговором объединенной дипломатии Европы против цивилизации, против прогресса, против благосостояния и чести человечества (Я не думал, чтобы здесь следовало приводить доказательства: кому же неизвестна эта печальная история Реставрации? Но если бы потребовались доказательства, то я сошлюсь на письма Берне³⁴ и на собственное знание моих судей, а если этого покажется мало, то на самые консервативные германские газеты 1848 года с

февраля по май, например на "Всеобщую Аугсбургскую Газету" (Примечание М. Бакунина).).

Это так называемое дело реставрации, этот по-видимому только в шутку окрещенный именем "священный" союз, лишь надорванный, но не разорванный июльской революцией, просуществовал до 1848 года, и я вероятно не очень сильно ошибусь, если выскажу предположение, что сейчас снова работают над его восстановлением.

Итак, милостивый государь, во всех цивилизованных странах, как Вам очень хорошо известно, существуют законы, строго карающие преступника, который совращает малолетнего примером, наставлением или другими средствами; но разве преступление, выражающееся в погублении целых народов, держании их во тьме и втоптывании их в грязь, не является в тысячу раз более тяжким, более возмутительным и более наказуемым, чем преступление против одного ребенка? Или же преступление перестает быть таковым, когда оно из низших областей жизни поднимается в просвещенные сферы официальной де-

тельности? Или же по отношению к сильным мира сего не существует правосудия?

Гнев божий-конечно фикция, но народный гнев не является таковою. Над положительным правом, милостивый государь, стоит более высокое право истории, и последнее страшно мстит за попранное достоинство народов. А тогда говорят, что народ еще недостаточно созрел для свободы! Как будто бы при данной системе он когда-либо может созреть, как будто бы эта система не рассчитана как раз на то, чтобы не дать ему никогда созреть, и как будто бы существует другая система воспитания к свободе помимо самой свободы. И тем не менее, несмотря на эту систему затемнения, несмотря на все старания-и какие старания! и поддержанные какими страшными, сильными средствами! -несмотря ни на что, европейские народы за последние три года показали, что они хотят свободы, что они достойны свободы и даже что они умеют завоевывать свободу, когда им не предоставляют ее добровольно. Ядовитые испарения умирающего мира могут еще в течение некоторого времени заволакивать небосклон, но жгу-

чее солнце свободы скоро разгонит эти тучи.

Мое замечание оказалось более длинным, чем я хотел. Теперь я возвращусь к Италии и Австрии.

Натура народов оказалась сильнее того яда, которым ее поили в течение 35 лет. Вопреки всем стараниям Австрии уничтожить Италию последняя сильна и здорова. Энергия и пыл, с которыми она поднялась в 1848 году, повергли в изумление даже ее врагов и превзошли все ожидания. С такою Италией Австрия никогда не справится, даже в том случае, если Франция и впредь будет по-прежнему держаться чудовищной политики своего русофильствующего президента, что представляется совершенною невозможностью. Серьезнейшие и важнейшие интересы Франции не позволяют ей допускать перевес австрийского могущества в Италии, и недолго еще будет все более проникающийся демократическими настроениями французский народ равнодушно взирать на страдания и угнетения прекрасной соседней страны. В скором времени-позволю себе сделать предсказание-Италия будет независима и свобод-

на, а ломбардо-венецианское королевство составит часть свободной Италии назло всем австрийским и русским штыкам - я говорю "русским штыкам", так как не подлежит никакому сомнению, что Россия всемерно будет поддерживать итальянскую политику Австрии. Ибо главное ее стремление сводится к тому, чтобы передвинуть центр тяжести австрийского могущества от Турции к Италии и Германии.

Нет поэтому никакой надежды на то, чтобы Италия когда-либо стала немецкою. Остаются мадьяры, галицийские поляки и остальные славяне, не говоря уже о валахах, которые в Австрии не имеют большого политического значения, т. е. в целом население примерно в 22-23 миллиона, столь же мало поддающихся онемечиванию.

Начну с Галиции, ибо эта провинция подобно Ломбардии принадлежит еще к тем, на которые ненасытный аппетит германских шовинистов притязает сравнительно мало. Но ведь подобные притязания были бы слишком смешны, так как за исключением императорских чиновников, кучки лавочников-по

большей части евреев, говорящих по-немецки, но также и по-польски, в Галиции нет ни одной немецкой души. Как эта провинция стала австрийскою, известно; известно также, какие жестокие средства применялись австрийскою политикою для удержания своей власти над этою провинциею, и несколько занозно признать эту политику немецкою. Правда и в самой Германии имелось достаточно добродушных людей, тайком радовавшихся "великому социальному разрыву", который резня 1846 года должна была вызвать между крестьянами и дворянами. Надеялись, что дворянство, напуганное этою кровавою демонстрациею, откажется наконец от своих стремлений к восстановлению единства Польши; с другой же стороны рассчитывали навеки привязать крестьян к австрийской монархии, а через нее и к Германии. В обоих отношениях глубоко ошиблись: дворяне и горожане Галиции а массе столь же страстно желают восстановления польской отчизны, как и прежде. Надо совсем не знать поляков, чтобы сомневаться в этом: нужно было бы перебить всех поляков, мужчин, женщин и де-

тей, чтобы положить конец этим стремлениям, и если позорная, варварская демонстрация 1846 года 35 принесла кому-либо пользу, то не Германии и не Австрии, а одной только России. Галицийская аристократия, которая до тех пор была достаточно непатриотична для того, чтобы поддерживать добрые отношения с венским двором, сразу отвернулась от него и открыто начала заигрывать с петербургским двором. Уже в 1846 году появились польские брошюры, которые совершенно открыто говорили, что всякая надежда на восстановление свободной и независимой Польши с помощью Европы отныне должна быть признана нелепою, что немцы являются гораздо злейшими противниками польской национальности, чем даже русские, и что поэтому необходимо хотя бы на некоторое время отказаться от русофобства и всяких дальнейших планов и помышлять только о воссоединении польских провинций, доставшихся Австрии и Пруссии, с Царством Польским под владычеством России (Имеется в виду письмо маркиза А. Велепольского к гр. Меттерниху (см. комментарий 45 к настоящему докумен-

ту).

Известно также, какой неодинаковый прием оказан был в Кракове в 1846 году русским и австрийским войскам: русских встретили почти с радостью - явление, которое уже тогда вызвало некоторые неприятные трения между австрийским и русским офицерством. Мне не приходится говорить о том, что польская демократия сильно боролась с такою переменою настроений в пользу России, но что она была чрезвычайно желательна для русского кабинета, и насколько ему позволяла это его деспотическая природа, он старался использовать ее к своей выгоде: бежавшим тогда из Галиции в Царство Польское дворянам было оказано всякое покровительство, - разумеется постольку, поскольку они не принимали участия в тогдашнем восстании; напротив тарновские крестьяне, посмевшие перейти границу Царства Польского, были избиты плетьюми. Я уже старался объяснить, почему русское правительство не могло и не может последовать австрийскому приему: крестьянское восстание в Царстве Польском неизбежно вызвало бы такое же восстание в

Литве и в России, а этого правительство правильно боится больше всего. Кроме того не так легко возбудить восстание крестьян против дворянства в Царстве Польском, где крестьяне, хотя еще и лишены собственности, но почти свободны, настроены гораздо более патриотично, чем в Галиции, живо помнят еще о революционных боях 1831 года, в которых принимали участие, и ненавидят русское господство, хотя бы из-за рекрутчины. Таким образом, делая из невозможности добродетель, Россия в 1846 году выступила перед лицом Австрии в качестве защитницы преимуществ и прав той части польских помещиков, которые оставались чужды политике, и попыталась использовать эгоизм галицийского дворянства в своих интересах. Впрочем не один только эгоизм, но и другие чувства и соображения нашли свое выражение в упомянутых выше брошюрах.

Если бы поляки действительно когда-либо пришли к убеждению, что им для восстановления своей отчизны нечего больше ожидать от справедливости, понимания и симпатии более свободных народов Европы, если бы им

пришлось отказаться от мысли добиться своего освобождения от преобладающего русского могущества, то все, все они были бы тогда одушевлены единственным желанием: объединиться под скипетром России для того, чтобы обратить против Германии накопившуюся вековую жажду мщения.

Это - не мечта, милостивый государь, не пустое воображение, а действительная, угрожающая опасность, и я говорю об этом с такою уверенностью потому, что я имел случай лично ознакомиться с чувствами, настроениями и стремлениями поляков. Они конечно ненавидят русскую тиранию, они ненавидят русских как ее орудие и открыто выражают эти чувства, так что поляк повсюду известен как наследственный враг России. Но в глубине своего сердца они ненавидят своих немецких владык с еще большею силою, и немецкое иго для них еще более ненавистно: оно оскорбляет, возмущает их национальную гордость еще намного больше, чем русское.

Причина этого чрезвычайно проста: поляки - славяне. В русском они ненавидят просто орудие, а не его природу, так как их собствен-

ная природа при некоторых отличиях представляет известное родство с нею, несмотря на различие тенденций и неодинаковость образования, а также несмотря на все историко-политические антипатии. Русский говорит на очень сходном языке, почти на их собственном: они нередко понимают друг друга с полуслова, так как основная окраска, основной тон их житейских воззрений как в высших классах, так и в народе являются одними и теми же. Несходство и расхождение в религиозных понятиях, равно как и в области интеллигентской мысли наблюдаются часто, так как поляк более склонен к религиозной мечтательности и мистицизму и обладает большею силою воображения и фантазии, русский же практичнее; но в естественных порывах сердца и во всем том, в чем непосредственно проявляется сила природы, они почти неразличимы друг от друга. Русский и поляк друг друга уважают 36. Совершенно иным является отношение поляка к немцу. Немец поляку глубоко чужд, его натура ему даже антипатична, все его существо, его образ жизни, его привычки, его неистоимое

терпение, равно как его самодовольство, его космополитический, направленный исключительно на заработок ум, а с другой стороны его безмерное, всепоглощающее трудолюбие, которое под покровительством немецких правительств захватывало все больше и больше почвы в польских областях, следовательно самые его достоинства представляются поляку или смешными или враждебными. Одним словом это - отношение добродетельного и педантичного, несколько сухого и сурового школьного учителя - ибо немцы в Великом Герцогстве Познанском (1848 год) показали свою суровость-к сангвиничному, нетерпеливому и несколько беспорядочному юнцу. Но если подумать, что в Великое Герцогство Познанское и в Галицию посылались не самые добродетельные и честные школьные учителя, и что немцы в этих провинциях по большей части были представлены самым космополитичным народом в мире, а именно онемеченными евреями 37 или, что еще гораздо хуже, чиновниками и чиновничьими семьями, то легко будет дополнить эту картину.

Поляк чувствует по отношению к своему

немецкому властителю не только ненависть, но и, употребляя наиболее мягкое выражение, пренебрежение, и в этом чувстве поляк оказывается настоящим славянином. Этим я затрагиваю в высшей степени чувствительный и щекотливый пункт, уважаемый господин [защитник], и охотно обошел бы его молчанием, если бы только он не имел такого большого, серьезного политического значения, - а именно ненависть к немцам и презрение к ним, которыми одинаково проникнуты все славянские племена: русские, поляки, чехи, моравы, силезцы и словаки, все южные славяне не только в Австрии, но и в Турции. Эти чувства подобны могучему инстинкту, который ими всеми владеет и образует между ними нерасторжимую, хотя и чисто отрицательную связь. На этой антипатии славян к немцам зиждется весь план русского панславизма 38.

Должен ли я говорить Вам, что я со своей стороны в высшей степени не сочувствую этой антипатии, поскольку она направлена против всей немецкой нации, а не только против немецких притеснителей? Вы это зна-

ете, а в следственных актах Вы найдете доказательства тому, что я рьяно против нее боролся. Не говоря уже о несправедливости такого чувства, мне не требовалось уроков, данных событиями последних двух лет, чтобы знать, что расовая ненависть между славянами и немцами может и должна была повлечь за собою самые печальные последствия для общего дела человечества и свободы, равно как для блага обеих рас. Но что могут сделать усилия одного человека, даже целого ряда отдельных лиц против столь могучею, вкоренившегося, исторически обоснованного чувства, охватившего массу 80 миллионов славян? Ибо эта ненависть к немцам не является внезапною вспышкою преходящего гнева и не свалилась с неба; она порождена историческими событиями, питалась бесконечным рядом оскорблений, несправедливостей, притеснений и жестоких страданий и в течение нескольких столетий созрела и превратилась в действительный факт, (Эта ненависть столь велика, что слово "немец", одинаково произносимое на всех славянских языках, считается у всех без исключения народов этого пле-

мени величайшим ругательством. Слабее всего эта антипатия выражена у русских, но и у этого народа, который является наиболее космополитичным из всех славян и имеет меньше всех их оснований ненавидеть немцев, она все-таки существует и, как я уже выше указывал, при случае поддерживается правительством, несмотря на то, что у него на службе состоит так много немцев-обстоятельство, немало способствующее поддержанию и упрочению этой немцефобии. Состоящие на русской службе немцы, без сомнения лучшие царские слуги, всячески стараются скрыть свое немецкое происхождение и обычно разыгрывают самых пламенных русаков. Нет ничего смешнее, когда слышишь, как такой немецкий чиновник в России ругает немцев и на сквернейшем русском языке клянется "великим Союзом русским"-в известных случаях излюбленный оборот в официальных кругах. (Примечание автора.), который словами и писаниями может быть в известной [мере] 39 поколеблен, но разрушен может быть только историческими делами, уничтожен и прекращен может быть только актами спра-

ведливости и свободы. Ведь в конце концов немцы должны же признать, что как они ни гуманны по своим представлениям и по всему своему воспитанию, но до сих пор они во всех своих отношениях к другим народам выступали в качестве величайших притеснителей: в Италии, против поляков, против остальных славян. Повсюду, куда они приходили, они приносили с собою рабство. Конечно они действовали просто в качестве орудия своих правительств; но ведь такое же оправдание может привести и русский, так как и он также был и до сих пор остается не чем иным как орудием своей деспотической чело-веконенавистнической власти. И наконец у русских еще не было Франкфуртского парламента, который по собственному побуждению декретировал противное договорам и оскорбительное для национального чувства включение Великого Герцогства Познанского [в состав Германии] 40 и радостно приветствовал победы Радецкого над населением Ломбардии, боровшимся за свою свободу, не говоря уже об австрийских славянах, которых он признавал естественными слугами имею-

щей еще быть им созданной немецкой нации. Правда, эта вопиющая несправедливость первого немецкого парламента была вполне перевешена благодарственным адресом, посланным немецким консервативным, кажется даже аристократическим, берлинским обществом бану Елачичу в то самое время, когда тот в пражской "Славянской Липе" писал, что "он со своими кроатами пошел на Вену и принял участие в бомбардировке и штурме этого города не потому, что там происходило революционное брожение, а только потому, что он был местопребыванием немецкой партии" (Это письмо было в то время широко известно и упоминалось в большинстве газет.)

В Германии только демократы признавали свободу остальных народов условием своей собственной свободы, и поскольку это от них зависело, способствовали ей, и им одним, как я думаю, суждено окончательно победить злосчастную, но не совсем безосновательную ненависть славян к немецкой нации. Последние события, показавшие славянам, что они от падения немецкой Вены и поражения мадьяр в Венгрии, которому они сами содей-

ствовавали, не только ничего не выиграли, но напротив ускорили гибель их собственной молодой свободы, а с другой стороны уяснившие немцам, что включение Великого Герцогства Познанского [в состав Германии] и кровавое подавление освободившейся Ломбардии были не чем иным как первыми шагами к возвращению всей немецкой нации под иго старой неволи, - эти события, говоря, вероятно не пройдут совершенно бесследно для обеих рас. А теперь я снова возвращусь к полякам.

Эта антипатия ко всему немецкому присуща полякам в такой же мере, как и остальным славянам. Среди народных масс, не исключая и галицийских крестьян, она настолько преобладает и выступает настолько открыто, что нужно сознательно закрывать глаза, чтобы ее не замечать. Попробуйте сказать галицийскому крестьянину, что он - немец; его энергичный ответ покажет вам, как оскорбительно для него такое наименование. Напротив у образованных классов это чувство обыкновенно отодвигается в глубину сердца влиянием искусственного образования и жи-

вет там, будучи часто даже неосознанным, но редко совершенно подавленным. Пока поляки надеялись, что им удастся отвоевать свою свободу от России с помощью Германии, они старались подавлять в себе эту врожденную антипатию. Теперь же они начинают замечать, что немецкое владычество гораздо более опасно для их национальности, чем даже русское. Русские по крайней мере не денационализуют Польшу, напротив, так как они сами обладают меньшим образованием, то, приходя в соприкосновение с поляками, они многое перенимают у них, и все старания петербургского правительства ввести русский язык в Царстве Польском обычно приводили лишь к тому, что русские чиновники сами научались польскому языку и через несколько лет пребывания там в конце концов предпочитали говорить по-польски. Таким образом о русификации Польши не приходится и думать. Напротив германизация ее представляется гораздо большею опасностью по той причине, что орудиями ее являются не только правительственные мероприятия, но и могучее действие сильно распространившейся во

все стороны культуры и прежде всего неутомимое, всепоглощающее немецкое трудолюбие и немецкая промышленность. Поляк же охотнее перенесет самые жестокие мучения, чем даст себя онемечить: мысль о превращении в немца для него столь невыносима, что он для избежания этой опасности тысячу раз предпочтет броситься в объятия России.

Немцу нелегко будет понять возможность такого акта отчаяния. У немца много разума, но мало страсти; он никак не может понять страстности славянской природы. Немец, собственно говоря, - космополит, что для ближайшего будущего может оказаться большим достоинством, но для настоящего времени это качество является источником слабости, так как оно отнимает у немецкого народа одно из сильнейших побуждений к концентрации. Только свобода, только новое, так сказать религиозное, одушевление общечеловеческим правом в противовес внутреннему и внешнему, особенно же русскому деспотизму, только могучие моральные и духовные интересы демократии в состоянии объединить немецкий народ и дать ему политическое единство; но

этого не может сделать его национальное чувство, которое слишком слабо и едва существует. За последнее время немец много мудрствовал о своей национальности, но мало ее ощущал; до сих пор он чувствовал себя как дома повсюду, где ему хорошо жилось, даже там, где он испытывал в остальных отношениях невыносимый гнет, если только он мог честным путем зарабатывать свой трудовой хлеб: не только в Америке, но и в России. Немецкие колонии существуют в южной России, даже в Сибири, даже в Испании, в Греции; весь мир покрыт теперь немецкими колониями, не ставши от этого немецким, так как немецкий народ наряду с почти безграничной способностью к экспансии не обладает почти никакою способностью к концентрации. Как уже сказано, это-в одно и то же время достоинство и слабость: достоинство для будущего, вероятный демократический дух которого явно ведет нас к полному слиянию всех национальных противоречий в чистой среде общечеловеческого, а в ближайшее время европейского общества; и слабость для настоящего времени, когда движущая и связую-

щая сила узкого патриотизма пока еще не заменена в достаточной мере никакою другою.

Почти во всех отношениях, особенно же в этом пункте славянин есть антипод немца. Для него национальное чувство стоит превыше всего, даже выше свободы; а за любовью к своей собственной отчизне следует у него равное чувство: независимость и могущество всего славянского мира пред лицом чужих, особенно же немецких притязаний и захватов. Трудно представить себе, с какою упорною страстью славянин держится за эти чувства; для них он готов пожертвовать всем, для них он в случае нужды способен ринуться под власть самой жестокой тирании, если только она не будет носить немецкого имени. Они составляют его религию, его суеверие, ибо славянин в отличие от немца весь состоит из чувства и инстинкта. Мышление приходит к нему лишь после ощущения, а часто в своей чистой форме и вовсе не приходит; славянин почти не знает, что значит размышлять: его поступки, хорошие или дурные, почти всегда вытекают из цельности его натуры. Что эта натура столь же мало совершен-

на, как и натура немца, понятно само собою, и я отнюдь не намерен возвеличивать ее за счет последней. Славянин обладает всеми недостатками и достоинствами, каких нет у немца; и то, что он с такими задатками легко может, если только заранее не примет предохранительных мер, сделаться орудием гнетущего деспотизма, русским кнутом против Европы и против себя самого, должно было бы быть ясным всякому, даже если бы события последних двух лет не оправдали в столь грустной форме этих опасений. Таким образом я вовсе не намерен пускаться здесь в апологию славян; я просто констатирую здесь резкое различие между немецкою и славянской натурами как в высшей степени важный и бесспорный факт, который должен служить основою для моих дальнейших рассуждений.

Из всех славян одни только поляки за последние два года боролись в рядах защитников свободы. Позже я постараюсь выяснить, что парализовало свободолюбивые стремления остальных славянских народов, а часть этих народов бросило даже под стяг абсолю-

тизма. Здесь я хочу только заметить, что поляки в отношении освободительного движения поставлены по-видимому в более благоприятное положение, чем остальные славяне, ибо в то время, как продвижение революции в Европе угрожает или точнее якобы угрожает совершенно уничтожить национальную самостоятельность этих последних, восстановление польской независимости-по крайней мере так надеется и думает еще подавляющее большинство поляков - обеспечивается успехами революции. "Немцы, - говорят другие славяне, т. е. чехи, моравы, силезцы, словаки, южные славяне, - немцы, - говорят они, - станут нас угнетать тем сильнее, чем более свободными они сами будут становиться; их свобода будет нашим рабством, их жизнь-нашею смертью; они захотят насильно нас немечить, а это для нас более невыносимо, чем самое отвратительное рабство, и даже хуже смерти". "Немцы, - говорят напротив поляки, - волей-неволей будут принуждены даровать нам свободу для того, чтобы в качестве живой стены выставить нас против русского засилья: их собственная безопасность заставит их

даровать нам свободу"-Этим самым, очень хорошо обоснованным аргументом могли бы в конце концов утешиться и остальные славяне; но их положение более запутано и не так легко поддается пониманию, как положение поляков: число тех немцев, которые могут представить себе Германию без Польши, которые даже считают освобождение Польши абсолютным условием германской свободы и сочувствуют полякам, чрезвычайно велико; напротив число тех, которые могут представить себе Германию без двух третей Богемии и Моравии, чрезвычайно ничтожно. Этим славян слишком уже привыкли считать принадлежностью Германии, а к этому присоединяется еще теория округления: говорят, что Богемия врезается клином в сердце Германии, и при этом не помышляют о том, что опасность станет гораздо более серьезною, если этот клин превратится в русский клин.

Отсюда ясно, почему каждый поляк является сторонником революции, и почему даже такие люди среди поляков, которые по своему происхождению, богатству, воспитанию и привычкам кажутся предназначенными к то-

му, чтобы быть самыми консервативными среди консерваторов, да и выступали бы в качестве таковых, если бы родились в другой стране или в независимой Польше, теперь выступают в качестве крайних вольнодумцев и даже относятся благожелательно к тенденциям демократии. От революции, от демократии они ждут освобождения своего отечества из-под иноземного ига, а лучшие и них настолько любят свою отчизну, что действительно готовы пожертвовать ради ее возрождения своими личными привилегиями и даже своими предрассудками. Я далек от желания утверждать, что все польские демократы являются демократами только потому, что видят в демократии средство к восстановлению Польши; я говорю только об известной части их и очень хорошо знаю, что главная масса польской эмиграции и молодежи в самой стране искренно и, так сказать, со своего рода религиозным воодушевлением склоняется к демократическим взглядам. Жуткая история Польши со времени ее первого раздела до нашей эпохи была весьма суровою но вместе с тем весьма поучительною школою за-

конченного демократического воспитания, какой конечно не прошел ни один народ на земле. Очищенная своими вековыми страданиями как бы огнем, Польша с неутомимой выдержкою, с беспримерным и непоколебимым героизмом боролась против своей трагической судьбы, ни разу не отчаялась в своей будущности и этим завоевала себе великие права на эту будущность. Это - бесспорно самая свободомыслящая, одаренная в максимальной степени электрическою движущею силою славянская страна, и в качестве таковой она призвана играть крупную роль среди славян, вероятно даже возглавить их борьбу - не против России, а против русского деспотизма, рука-об-руку с русским народом.

И несмотря на все это попробуйте взять сто самых свободомыслящих поляков и задать им следующий вопрос: предполагая, что Германия никогда не признает Польшу независимую странюю, что бы они предпочли: сделаться немцами и в качестве таковых пользоваться свободными демократическими учреждениями, разумеется при условии, что с этого момента они отказываются от всякого

польского обособления и признают себя нераздельною составною частью германского отечества вроде Эльзаса во Франции, или же подпасть под суровое русское иго? По меньшей мере девяносто из ста, а вероятно и все сто, не задумываясь ответят, что они предпочитают русское владычество, как бы жестоко оно ни было. Ибо самый решительный польский демократ все-таки остается всегда поляком, а в качестве поляка - славянином, ни один же славянин никогда не решится сделаться немцем. В качестве русского подданного он остается по крайней мере славянином, а так как все русское государство представляет чисто механическую машину, которая вследствие постоянно и неизбежно возрастающей нагрузки рано или поздно должна разлететься на куски, он вместе с тем сохраняет надежду на то, что со временем станет свободным поляком - надежда, которая путем воссоединения всех польских провинций под единым, на первое время хотя бы под жестоким русским владычеством, бесконечно много выигрывает в смысле перспектив и обоснованности.. Тогда Польша стала бы единым целым, а

русское правительство, которое уже не в состоянии подавить непрекращающееся брожение умов и мятежные традиции даже в нынешнем небольшом Царстве Польском, в еще меньшей степени сумеет помешать могучему и в своих действиях неподдающемуся учету подъему польского духа, который явится неизбежным результатом объединения разтерзанных членов этой неумирающей страны 41.

Но мне могут возразить, что эгоизм, личные интересы польского дворянства наверное не позволят ему променять гуманное прусское господство на жестокое русское. Эгоизм? Я вовсе не собираюсь игнорировать его влияние в людских делах; но с другой стороны со мною согласятся, что существуют могучие страсти, которые по временам охватывают целые народы, способны даже заставить их подняться выше своих временных интересов, и что любовь поляков к своей несчастной отчизне, их горячий порыв, их неутомимое стремление к ее восстановлению составляют именно такую страсть. И если бы в истории не существовало никакого другого примера,

то Польша служила бы доказательством этой истины, - доказательством, которое длится вот уже целое столетие и с каждым годом не только не ослабевает, но напротив приобретает все больше энергии и величия; я имею в виду эту непрерывно растущую массу польской эмиграции, по большей части землевладельцев, т. е. поставивших и до сих пор еще продолжающих ставить на карту не только свою жизнь, но и то, что в наш век ценится дороже жизни, а именно свое имущество; это множество жертв, населяющих австрийские, русские и прусские тюрьмы, равно как и Сибирь, и украшающих собою русские и австрийские виселицы. Но к чему перечислять дальше?! Кто не знает, что Польша ежегодно поставляет богатую жатву мучеников, дабы этим самым как бы возвестить миру, что она далеко еще не сдалась?

Но и с точки зрения его личных интересов эта замена принесет польскому дворянству лишь самые ничтожные убытки, а галицийскому дворянству прямо-таки никаких. "У кого есть деньги, тому везде хорошо", - говорит старая и очень правильная пословица;

поэтому галицийские аристократы и plutократы наверное будут так же хорошо чувствовать себя под властью самодержца всероссийского, как и под австрийским владычеством. Ведь с конституцией, обещанною в 1848 году Галиции наряду с остальными странами Австрии, дело наверное будет обстоять не очень то блестяще, да в конце концов зачем этим господам конституция? Конституция их редко устраивает, так как у них в распоряжении имеются совершенно иные средства для удовлетворения своих личных интересов. Напротив под властью России они могут обрести успокоение в весьма важном для них вопросе, а именно под защитою русского правительства, покуда у него еще останется сила, они будут обеспечены от тарновских сюрпризов и коммунистической пропаганды австрийских чиновников. Что же касается патриотической части галицийского дворянства, то и она ничего не потеряет: как уже сказано, австрийская конституция, если таковая и будет существовать, не может быть не чем иным как обманчивым миражом, лжеконституциею. Австрия в своем нынешнем состоя-

нии не может при наилучших намерениях предоставить своим народам какие-либо серьезные права, и эта конституция ни в коем случае не будет благоприятствовать восстановлению Польши, единственной цели всех польских патриотов. И я не вижу, чем немецкие и австрийские бомбардировки, осадные положения, экзекуции, военно-полевая юстиция, обыкновенные и чрезвычайные уголовные суды, тюрьмы и виселицы гуманнее русских. Совершенно иначе обстоит дело в Великом Герцогстве Познанском. Там управление бесспорно в тысячу раз гуманнее и либеральнее, чем в Царстве Польском. Эта провинция не отрезана от Европы; помещики, образованное сословие пользуются там всеми преимуществами и удобствами цивилизации европейских стран, а этим сказано немало. Но как раз в этой провинции ненависть к немцам сильнее, чем где бы то ни было, потому что опасность онемечения здесь больше, чем в другом месте. За последние два года эта ненависть настолько усилилась, что немец, не живущий в самом Великом Герцогстве, едва ли может составить себе о ней представление.

Дворянство и народ в этом чувстве вполне солидарны. Апрельские и майские события 1848 года 42, неслыханная грубость немецкого и еврейского населения, франкфуртский декрет об инкорпорации 43 оставили в сердцах познанских поляков непримиримое раздражение, которое рано или поздно прорвется либо при помощи германской революции, либо при помощи России. Я сам, уважаемый господин [защитник], вскоре после этих событий, после бомбардировки Кракова, Праги и Лемберга, которая, как Вы знаете, вскоре последовала одна за другою и вместе с тем послужила прелюдиею к бомбардировке Вены 44, я сам имел часто случай спорить с разными поляками из Познани и Галиции, с большою горячностью утверждавшими, что у них не остается никакого другого выхода кроме ожидания и даже призыва русской помощи и перехода под власть России; и смею Вас уверить, что если бы в то время русской политике заблагорассудилось выкинуть панславистское знамя, то не только немецко-польские провинции, но наверное и подавляющее большинство австрийских славян с расовым

бешенством обрушились бы на живущих среди них немцев.

Я не говорю, что все поляки держались того же мнения. Конечно в обеих провинциях было много польских демократов, которым это лекарство казалось наводящим на размышления и даже более опасным, чем сама болезнь, но они оказывались всегда в меньшинстве, и как раз те, кто самым решительным образом выступал против этого и на мой взгляд чрезвычайно пагубного течения, часто в горьких, почти отчаянных выражениях жаловались передо мною на то, что немцефобия и руссомания сделались настолько преобладающим настроением в Великом Герцогстве Познанском, особенно среди народа собственно, среди крестьян, что прихода одного русского полка с дозволением бить немцев и евреев было бы достаточно, чтобы превратить всю прусскую Польшу в русскую Польшу 45.

Совсем иным было тогда положение, а значит и настроение народа в Галиции. Народ только в 1848 году добился окончательного освобождения от барщины и других обязательных работ и денежных повинностей в

пользу помещиков, ему ни в какой мере не угрожало насильственное онемечение, а потому у него не было никакой причины быть недовольным. Известно, как австрийское правительство сумело обработать галицийского мужика: землевладельческое дворянство имело на него феодальные и, должно признаться, чрезвычайно обременительные для крестьянина права, очень похожие на те, которые ныне существуют еще в России; оно жило потом бедных крепостных и таким образом держало их в вечной нищете. Такое отношение, что бы ни говорили в его защиту поклонники старого, золотого, патриархального уклада, было противоестественно, в высшей степени несправедливо, для обоих классов губительно и не могло служить источником любви и взаимного доверия между обращенным в вьючный скот народом и его праздными господами. Это чувствовала также просвещенная часть галицийского дворянства, которая постепенно привлекла к своим более правильным взглядам большинство помещиков. С 1831 г. не проходило почти ни одного года, чтобы галицийское дворянство во всеподдан-

нейшей петиции не просило разрешения изменить это положение и освободить народ от его тягот: без высочайшего соизволения монарха в этом самодержавном государстве такой реформы нельзя была осуществить; это было бы государственною изменою. Известно, что этого дозволения никогда дано, не было. Австрийское правительство имело свои особые виды; оно хотело не смягчить, а усугубить ненависть мужика к дворянству, - с какою целью, мне не приходится разъяснять: она слишком ясна, - и нужно признать, что австрийское правительство шло к своей цели чрезвычайно умело и добилось ее. В то время как поневоле угнетательское дворянство принуждено было обременять бедный народ работою, в то время как оно отвечало перед правительством за уплату крестьянами налогов и поставку рекрутов своим имуществом и своею личностью, благодаря чему, как это само собою разумеется, оно становилось для народа еще ненавистнее, правительство учредило особых чиновников для охраны прав народа от дворянства именем императора (Лет 12 тому назад в России захотели ввести ана-

логичный институт: был учрежден особый вид сельской полиции для посредничества между крестьянами и помещиками. Но так как отношения в России резко отличались от галицийских, и этот институт дал прямо противоположные результаты. Он только усилил ненависть народа к правительству, и русский мужик ничего так не боится, как этого варварского и дорогостоящего посредничества. (Примечание М. Бакунина.)

Для бедного, темного, вдобавок обработанного иезуитами мужика все угнетение шло от дворянства, а освобождение и надежда - от императора. Такое фальшивое и натянутое положение неизбежно должно было доводить лучших и либеральнейших помещиков до самых возмутительных поступков, а что среди них имелись и такие, которые угнетали народ в силу дурной привычки и эгоистических намерений, это было в природе вещей, ибо ничто не портит так человека, как предоставленная ему возможность поработать другого человека. Но, как мы видим, главное зло заключалось в упорно проводимой политике венского кабинета, который в 1846 году

не преминул пожать плоды своей жатвы. Отставной солдат Шеля, чудовищный вожак тарновской резни, которая своею каннибальскою жестокостью приводит на память самые мрачные и позорные дни человеческой истории и даже оставляет за собою столь охаянные сентябрьские дни Дантона, Шеля получил тогда в награду за доблесть и верность медаль и пожизненную пенсию от австрийского правительства, этим отличием признавшего себя вдохновителем галицийских зверств перед всем миром 46. Дело, которому нет имени и которое так долго подготавливалось этим правительством, совершилось. В смущении от испуга и нечистой совести, в которое австрийское правительство ввергнуто было краковским восстанием и, надо правду сказать, очень плохо проведенною подготовкою к восстанию в Галиции, оно выпустило свою последнюю и вместе с тем самую опасную мину, - самую опасную не столько для тех, в кого эта мина была пущена, сколько для того, кто ее пустил; ибо для того, чтобы расшевелить крестьян, австрийские чиновники не останавливались ни перед какими

посулами; не только освобождение от всякой барщины, но и раздел помещичьих имений были от имени императора обещаны всем тем, кто примет участие в избиении дворянства. Но как можно было сдержать эти обещания, раз не считали даже целесообразным отменять барщину? Уже в 1848 году усердие обманутого народа в отношении императора и его чиновников заметно убавилось, когда новая буря заставила наконец на этот раз еще более испугавшееся правительство весной этого рокового года провозгласить отмену всех принудительных работ и других повинностей. В этом году галицийский крестьянин сделался свободным, совершенно независимым землевладельцем, но вместе с тем резко изменилось его отношение к дворянству и к императорским чиновникам. Дворянство сохранило только право и средства делать ему добро, и в большинстве случаев оно этого хочет. Вся полицейская служба, собирание податей и особенно ставший за последние два года столь обременительным рекрутский набор остались теперь в ведении одних чиновников; всякий гнет исходит от них, т. е. от импе-

ратора, коего представителями они являются, и уже не дворянство, а император представляется отныне естественным врагом народа. Уже в конце 1848 года стало заметно сближение народа с дворянством и растущее недоверие его к чиновникам; пройдет еще несколько лет, и придется признать, что тарновский эксперимент не принес никакой пользы, а только вред и срам австрийскому правительству. Для всякой монархии, особенно же для такой, как Австрия, опасно играть с демократическим оружием, оно легко ранит неопытную руку, а ранение его смертельно.

Но чтобы вернуться к своему предмету, я должен здесь заметить, что половина жителей Галиции, русины, по языку и обычаям весьма родственны живущим в России малороссам, принадлежат в большинстве к греко-униатскому, но в значительной степени также к греко-православному вероисповеданию, что их духовенство в течение многих лет с крайним упорством и выдержкою - с упорством и выдержкою, вообще присущими русской политике, - обрабатывается русскими духовными эмиссарами, попами и монахами,

и что среди этого духовенства даже существует уже весьма сильная русская партия. Все это-неопровержимые факты, с очевидностью доказывающие (если это еще нуждается в доказательстве), что Россия имеет виды на Галицию. А теперь я оставляю Галицию с тем по моему достаточно обоснованным предсказанием, что если австрийская и прусская части Польши не получат в скором времени своей свободы от немецких мероприятий, если им перед лицом России не будут развязаны руки для борьбы за восстановление Польши в полном объеме. то в скором времени они обе подпадут русскому владычеству и в русских руках превратятся в весьма опасное орудие против Германии. Что от этого выиграет Германия, о том я предоставляю подумать самим немцам.

Та же опасность, хотя и не столь непосредственно, угрожает немецкой нации со стороны остальных славян. Они будут либо независимыми и свободными, либо русскими. В первом случае они будут выступать против русского деспотизма в союзе с примиренною дружественною Германиею; а во втором случае

они будут самыми непримиримыми врагами Германии. Что это не произвольно придуманная, а действительная, на бесспорных фактах основанная дилемма, я попытаюсь теперь доказать.

(На этом рукопись обрывается).

№ 542.- В комментарии к № 541 мы говорили о той подробной защитительной записке, которую Бакунин готовил для своего адвоката Ф. Отто, с своей стороны составлявшего записку в саксонский апелляционный суд, которому предстояло рассмотреть дело Бакунина и его сотоварищей по дрезденскому восстанию. Не написанная к сроку (октябрь-ноябрь 1849 года), записка не могла попасть в суд первой инстанции, но продолжала видимо писаться для суда второй инстанции, куда осужденные обжаловали приговор. Когда именно Бакунин начал ткать эту записку, трудно установить с полной точностью (вряд ли это могло иметь место раньше конца ноября 1849 года), но во всяком случае она продолжала писаться в феврале - марте 1850 года. Так как адвокат, нуждавшийся для составления своей второй записки в фактических сообщениях Бакуни-

на, торопил своего подзащитного, то последний, отложив в середине марта в сторону растянувшуюся защитительную записку, набросал для Ф. Отто ту короткую записку от 17 марта, которая напечатана у нас под No 541). Судя по письму к А. Рейхелю от 7 апреля 1850 года (см. No 543), Бакунин продолжал писать свою большую записку и в апреле, но она все-таки осталась незаконченной. Была ли рукопись ее у Бакунина отобрана крепостным начальством или же она стала ненужною вследствие окончания следствия, неизвестно, но, как сообщает Чейхан (цит. соч., стр. 99-100), в июне 1850 года защитительная записка Бакунина через посредство австрийского посла графа Куфштейна была саксонским военным министерством на время передана австрийской военно-судной комиссии. расследовавшей дело в Праге, с тем чтобы с нее была снята копия. Но австрийская следственная комиссия не озаботилась снятием этой копии, а просто приложила оригинал к протоколам по делу Бакунина, связанному с заговором в Чехии. Позже эти протоколы были сданы на хранение военному министерству в Вене (В

Вене эти протоколы были временно предоставлены в распоряжение проф. Грюнберга, но он не мог узнать из них о существовании защитительной записки.)

Там записка в течение многих лет оставалась погребенною и недоступною исследователям. Не знали даже о ее существовании. Правда, в "Исповеди" имеется фраза, которая могла бы навести на мысль о наличии такого документа. А именно на стр. 87-88 первого издания сказано: "я мало знаю Россию, и что знал об ней, высказал в своих немногочисленных статьях и брошюрах, а также и в защитительном письме, написанном мною в крепости Кенигштейн". Однако внимание читателей "Исповеди" на этом не останавливалось. А когда была найдена в 1920 году опубликованная мною в первом издании тома I моей книги о Бакунине краткая защитительная записка, т. е. письмо Бакунина к Ф. Отто от 17 марта 1850 г., то это письмо и было принято за ту защитительную записку, о которой Бакунин говорит в приведенном месте "Исповеди", а данное им в этом письме обещание доставить адвокату продолжение записки бы-

ло признано неисполненным.

Записка Бакунина пролежала в австрийском архиве до распада монархии Габсбургов в результате мировой войны. После того дело Бакунина в числе других документов, до Чехия относящихся, было передано новому государству Чехо-Словакии и ныне находится в архиве военного министерства в Праге. Отсюда и извлек ее молодой чешский историк Вацлав Чейхан, опубликовавший ее в приложении к своей книге "Бакунин в Чехии", вышедшей в 1928 году в Праге. (Dr. Vaclav Seuchan - "Bakunin v Cechach", стр. 95-189). Из этой именно книги, а вовсе не с оригинала и заимствовал ее В. Полонский, напечатавший ее русский перевод, далеко не свободный от пропусков и ошибок, в NoNo 6 и 7 "Каторги и Ссылки" за 1928 год. Мы сделали новый перевод с немецкого текста, напечатанного в книге Чейхана.

Оригинал этой записки на немецком языке (латинскими буквами) существует в двух видах: 1) в виде тетрадки, содержащей предварительные наброски записки, и 2) в виде начисто переписанного Бакуниным экзем-

пляра, занимающего 26 страниц большого формата. Чейхан опубликовал полностью чистовик записки, который мы и даем здесь в переводе. Что же касается черновика, то он отличается от чистовика лишь в стилистическом отношении; в случае более серьезных различий Чейхан в примечаниях приводит и текст черновика. Наиболее существенные из этих разночтений приведены и у нас.

Кстати озаглавлена записка "Meine Verteidigung. An Herrn Advokat Franz Otto", т. е. "Моя защита. Господину адвокату Францу Отто", как и переведено у нас. Заглавие Политическая исповедь" придумано произвольно В. Полонским.

Эта записка Бакунина, равно как и короткое письмо его к Ф. Отто, важны как существенное дополнение и корректив к "Исповеди", написанной для Николая I в Петропавловской крепости. В основном и главном все эти документы совпадают, что придает значительную степень достоверности сообщаемым в них фактам. Но между ними имеется и немаловажное различие. Во-первых в последнем из них, именно в "Исповеди", слышится

некоторая нотка усталости и разочарования, тогда как в первых замечается больше бодрости, свежести и веры в близкое возобновление революционного движения. Конечно в разочаровании, выражаемом "Исповедью", много деланного, притворного: как известно, Бакунин обманывал николаевских жандармов в расчете, что таким путем ему удастся скорее вырваться на свободу и снова приняться за революционную работу. Но вместе с тем приходится допустить, что с одной стороны долговременное мыкание по тюрьмам австрийским, саксонским и российским не осталось без известного влияния на настроение Бакунина, а с другой-и это главное-нарастание реакции и убывание шансов на скорое возобновление революции к моменту писания "Исповеди" выяснились гораздо сильнее, а это, разумеется, не смогло не оказать своего действия на самочувствие узника. Во-вторых разница между документами той и другой группы заключается в том, что в первых двух Бакунин обращается к европейской публике, преимущественно демократической, а в третьем - к русскому царю, вследствие чего в них

выпячены различные по существу моменты. Обращаясь через головы своих немецких судей и адвоката к европейской демократии, Бакунин в письмах к Ф. Отто старается выяснить перед нею свои заветные политические стремления и рассеять существовавшие в некоторых ее кругах на его счет предубеждения. Вот почему Бакунин в этих документах усиленно затушевывает свой панславизм и наоборот подчеркивает свою ненависть к царизму, свои симпатии к полякам и европейской демократии вообще, "частности и в особенности свое сочувствие борьбе немецких демократов за освобождение и объединение Германии. Напротив в "Исповеди" Бакунин, приспособляясь к господствовавшей в русских дворянских и официальных кругах идеологии, выпячивает свою антипатию к немцам, свой русский патриотизм и славянские чувства, договариваясь до разглагольствований о "гнилости Запада", т. е. до взглядов, которых он вообще вовсе не разделял. Не следует впрочем забывать, что все эти документы одинаково, хотя и в различной степени, писались из-под палки, сиречь в тюремных каме-

рах, потому в них надлежит внести поправки
сообразно этой обстановке их составления.

1 Следствие против Бакунина велось уголовным отделением Дрезденского городского суда. Показания его перед саксонской следственной комиссией, оригинал которых находится в деле о Бакунине, хранящемся в Государственном дрезденском архиве, опубликованы частично в русском переводе В. Полонским в № 7 54 "Пролетарской Революции" за 1926 год (стр. 166-226). Здесь напечатаны протоколы допросов с 3 августа 184 по 28 февраля 1850 года. Замечательно, что ряд вопросов предлагало" Бакунину немецким судом по просьбе российского посольства, причем немецкие чиновники ничуть не постеснялись увековечить это свидетельство своего холопства в следственных протоколах. Другая часть допросов Бакунина, связанная с дрезденским восстанием, опубликована тем же лицом" в № 27 "Красного архива" (стр. 162-188). Здесь мы имеем протокол" допросов от 14 мая по 20 октября 1849 года. Все эти допросы перепечатаны во втором томе "Материалов для биографии Бакунина", стр. 112-184..

2 Бакунин повидимому имеет здесь в виду свою встречу с попом Алимпием Милорадовым на пражском славянском съезде (см. ниже в "Исповеди").

3 По сообщению В. Бурцева в "За сто лет" такой случай произошел с молодым духобором Лямсом, посаженным за оскорбление Серафима в духовную тюрьму. На самом же деле у Бакунина речь идет не о молодом духоборе, прибывшем из Саратовской губернии, а о сорокалетнем крестьянине Улеборгской губернии Петре Лямсе, беспоповце, фанатике, служившем работником у извозчиков, ударившем Серафима в его доме во время официального приема 11 августа 1839 года. По приказу Николая I Лямс, очень смело державшийся на допросах, был административно посажен, но не в духовную тюрьму, а в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где и умер в 40-х годах. Замечательно, что Бурцев ссылается на тот самый источник, из которого мы и заимствовали эти сведения, но в который он видимо не заглянул: мы имеем в виду заметку М. М. "Петр Лямс" в "Русской Старине" 1875, сентябрь, стр. 204-209.

Серафим, в мире Степан Васильевич Глаголевский (1757- 1843) - митрополит Новгородский, Петербургский, Эстляндский и Финляндский; с 1813 член синода; с 1821 получил новгородскую и петербургскую епархии, которыми правил в течение 24 лет. Вместе с Аракчеевым, архимандритом Фотием и т. п. возглавлял реакционную партию; вел борьбу с мистиками, масонами, либералами и пр., способствовал закрытию Библейского общества; во время восстания 14 декабря 1825 года выходил крестом увещевать инсургентов, а затем во время суда над декабристами настаивал на применении к ним смертной казни.

4 Вся предыдущая характеристика внутреннего состояния николаевской России совпадает иногда буквально с тем, что говорится по этому же поводу в бакунинской брошюре "Русские дела", напечатанной в третьем томе настоящего издания.

5 Иринарх, в миру Яков Дмитриевич Попов (1790-1877)-русский церковный деятель; кончил Петербургскую духовную академию; с 1817 г. пострижен в монашество; 15 сентября 1836 г. назначен епископом в Ригу, где пытал-

ся обратить эстов и латышей в православие. Пробыл на этом посту до конца 1847 года, когда был переведен в Острогжскую епархию (Воронежской губернии); позже был епископом вологодским и кишиневским В 1845 г. возведен в сан архиепископа; в 1866-67 был рязанским архиепископом. Известен как проповедник.

6 "Journal des Debats" - старая французская газета, основанная 29 августа 1789 Бодуэном, типографом Национального Собрания, для печатания отчетов о его заседаниях. С 1799 превратилась в настоящую политическую газету. В 1805 захвачена Наполеоном I, который отдал ее в руки своих полициантов и сам в ней сотрудничал. Во время первой Реставрации ее владельцы Бертэны вернули газету себе, но во время Ста дней она снова попала в руки бонапартистов, а в период второй Реставрации снова стала на сторону Бурбонов. Умеренно-либеральная с сильным консервативным оттенком, газета выражала настроения крупной цензовой буржуазии и во время Июльской монархии защищала правительственную политику. Во время февральской

революции 1848 года поддерживала генерала Кавеньяка, душителя парижского пролетариата; во время Второй Империи оказывала бонапартовскому правительству слабую оппозицию, а после сентябрьской революции 1870 года примкнула к консервативной республике, защищающей интересы крупных собственников. Продолжает существовать и теперь в виде мало-распространенной вечерней газеты, утратившей былое влияние и вытесняемой реакционной бульварною прессою демагогического пошиба.

"Allgemeine Zeitung" ("Всеобщая Газета") - немецкая политическая газета умеренно-либерального направления, основанная в 1789 году в Штутгарте И. Коттою. Запрещенная вюртембергским правительством, она в 1803 перекочевала в Ульм, в 1810 в Аугсбург, где оставалась до 1882 года (отсюда ее название "Вс. Аугсбургская Г."), - это была эпоха ее расцвета, - а с этого года перенесена в Мюнхен. Переменив много издателей, она с 1912 до 1914 года выходила в Берлине только один раз в месяц. В свое время в ней сотрудничали выдающиеся немецкие литераторы. в том

числе Г. Гейне, Берне, Гуцков и др.

7 Титул, который носил до смерти дофина ("Людовика XVII") будущий французский король Людовик XVIII, восстановленный на престоле союзными монархами в 1815 году.

8 Вторая коалиция против французской республики составила в 1799 году. В нее вошла Англия, Россия, Турция, Австрия и Неаполь. Она была разрушена победою Наполеона I при Маренго, за которую последовали в 1801 и 1802 Люневильский и Амьенский трактаты.

9 "Битвою трех императоров" (австрийского, русского и французского) прозвали французские солдаты сражение 2 декабря 1805 под Аустерлицем, где Наполеон I на голову разбил соединенные армии австрийцев и русских. "Лотарингец" означает здесь австрийского Императора Франца II, ввиду того что габсбургский дом, владевший Австро-Венгрией, был в последнее время габсбурго-лотарингским, каковым он стал благодаря браку герцога лотарингского Франциска III с Марией Терезией, императрицей австрийской (в 1745 г).

10 Калишские маневры были устроены в 1835 году под Калишем Николаем I. Здесь собрано было много русских войск, всего около 54.700 человек, и царь встречал своего верного союзника и друга, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, который с своей стороны назначил для участия в маневрах около 4.800 человек. Решено было таким путем ознаменовать "ту дружественную связь между войсками российскими и прусскими, коей следствием были: для войск сих-неувядаемая слава, для Европы-мир и независимость", т. е. разгром революции. Подготовка к маневрам шла с июля, а состоялись они с 5 по 10 сентября в присутствии царской семьи и ряда немецких князьков. В память этой контр-революционной монархической демонстрации был сооружен под Калишем особый памятник.

11 Бистром, Карл Иванович (1770-1838) - русский генерал, выдвинулся в боях против Наполеона I, в 1825 был назначен командующим всею пехотою гвардейского корпуса, а в 1837 - помощником командира гвардейского корпуса.

12 Гентц, Фридрих (1764-1832)-немецкий публицист, пруссак, продажная натура, за деньги служил монархам против свободы, писал памфлеты против французской революции, за которые ему платили правительства Австрии и Англии; с 1802 перешел на австрийскую службу и с 1812 стал другом и советником Меттерниха; играл немалую роль на Венском конгрессе, продавая свои услуги французам и англичанам; позднее редактировал все акты германской реакции, в частности Карлсбадские постановления и т. п.

13 Пальмерстон, Генри Джон Темплъ, виконт (1784-1865) - английский государственный деятель, дипломат, с 1807 член парламента; сначала примыкал к тори, перешел затем на сторону вигов и в 1830 стал министром иностранных дел, повсюду стараясь распространить влияние английского капитала и для этой цели используя растущий в разных странах либерализм. Несколько пошатнул свое положение быстрым признанием государственного переворота Луи Бонапарта. В 1855 премьер-министр и один из главных виновников Восточной войны. После по-

кушения Орсини на Наполеона III внес из-за угодничества перед французским императором в 1858 билль о заговорах, возбудивший во всей Англии величайшее негодование. Его политика вызывала ненависть К. Маркса, который даже подозревал Пальмерстона в продажности в пользу петербургского кабинета, что впрочем вряд ли может быть доказано.

14 "Портофолио" (Port[o] folio)- основанное в 1835 году Давидом Уркартом издание дипломатических актов российского правительства, разоблачавшее захватнические планы царизма и произведшее повсюду большое впечатление.

Под "Пентархией" Бакунин очевидно понимает вышедшую в 1839 г. в Лейпциге в издании Виганда книгу анонима "Die europäische Pentarchie", (стр. VI+442), написанную в духе восхваления внешней политики российского царизма. Впоследствии было установлено, что автором книги является Гольдман (1798-1863), саксонский выходец, немецкий публицист, прозванный за свою книгу, наделавшую в свое время большого шума, "Пентархистом", одновременно бывший русским надворным

советником и директором полиции в Варшаве. Под Пентархией вообще понимается союз пяти держав, образовавшийся после наполеоновских войн и состоявший из России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии; эта пентархия (т. е. пятидержавие) играла руководящую роль в Священном Союзе и следовательно в европейской политике того периода вообще. Она распалась после Веронского конгресса 1822 года.

15 Речь идет о браке между дочерью Николая I, Марией Николаевной (1819-1876), и герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817-1852), отцом которого был пасынок Наполеона I, Евгений Богарне, сын императрицы Жозефины от первого ее брака. Свадьба состоялась 14 июля 1839 года (см. Маркиз де Кюстин "Николаевская Россия", Москва 1930, стр. 81 ел.).

16 Ламартин, Альфонс (1790-1869)-французский поэт и политический деятель, в литературе сентиментальный романтик, в политике умеренный либерал. В 1847 выпустил "Историю жирондистов", представляющую апологию этих выразителей буржуазного либера-

лизма. Из монархиста Ламартин постепенно развился в бледно-розового республиканца.

Примкнув к революции 1848 года, вошел в качестве министра иностранных дел во Временное правительство, фактически возглавив последнее. Фразер и мастер по напусканью тумана, он сыграл роковую роль, усыпляя внимание мелкобуржуазных и даже рабочих масс Парижа, создавая передышку, которую крупные помещики и капиталисты использовали для накопления сил и для перехода в наступление против трудящихся масс. После этого буржуазия отвернулась и от самого Ламартина. Сближение последнего с генералом Кавеньяком, палачом парижского пролетариата, окончательно подорвало популярность недавнего кумира мещан. После государственного переворота Луи Бонапарта отошел от политической деятельности и умер в нужде.

17 Это предсказание Бакунина не оправдалось: как известно, 2 декабря 1851 года президент республики Луи Бонапарт произвел государственный переворот, а через год объявил себя императором под именем Наполеона

18 Моле, Луи Матье, граф (1781-1855)-французский политический деятель консервативного направления, беспринципный охотник за высоким положением. Крупный чиновник Первой Империи, он был возведен Людовиком XVIII в пэры и голосовал за казнь своего недавнего соратника маршала Нея. Несколько раз был министром (морским, ин. дел) при Реставрации и Июльской монархии. В 1836 и 1837 составил два консервативных министерства, находившихся под личным воздействием Луи Филиппа, и в 1839 был низвергнут коалицией Тьера, Гизо и Одилона Барро, после чего палата была распущена. Был депутатом Учредительного и Законодательного собраний в 1848-1851 гг. и принял участие в протесте против государственного переворота Луи Бонапарта. С 1840 года был членом Французской Академии.

19 Германский (собственно северо-германский) таможенный союз был основан с 1834 года и объединял 18 германских государств во главе с Пруссией, подготавливая таким образом грядущее политическое объединение Гер-

мании под прусской гегемонией.

20 За поведение саксонского короля во время наполеоновских войн Венский конгресс отобрал у него значительную часть территории и передал ее Пруссия ("прусская Саксония").

21 Фридрих II, прозванный Великим (1712-1786)-пруссский король с 1740 года, способствовал усилению Пруссии как своею колонизационною политикою, так и войнами с Австрией, Францией, Россией; при разделе Польши присоединил К Пруссии значительные территории.

22 Бакунин имеет в виду половинчатые уступки требованиям буржуазии, выразившиеся в согласии Фридриха-Вильгельма IV на то, чтобы ландтаги (провинциальные собрания вроде наших земских) собирались каждые два года, а в промежутках между ними действовали "соединенные комиссии" от каждого ландтага с правом совещательного голоса. Впрочем первый же опыт с этими комиссиями кончился неудачно: они отказались утвердить заем до представления им точных сведений о состоянии финансов" после чего

были отправлены по местам.

23 Пророчество Бакунина оправдалось: в 1866 издавна назревавшая война между Австрией и Пруссией за гегемонию в Германии разразилась и закончилась поражением Австрии и исключением ее из Германского Союза, а через 5 лет после того Пруссия, разгромив Францию, объединила остальные германские государства вокруг себя и под своим главенством.

24 Находясь в заключении, Бакунин не мог получать газет, вышедших после 3 мая 1848 года, так как ему позволялось получать только газеты, вышедшие не меньше чем за год до совершения им преступления, в котором он обвинялся, т. е. до дрезденского восстания. Номера "Всеобщей Аугсбургской Газеты", на которые он ссылается в настоящем документе, были доставлены ему в тюрьму адвокатом Ф. Отто.

25 Общегерманское Национальное собрание собралось 18 мая 1848 года во Франкфурте-на-Майне в числе около 600 депутатов, среди которых было много представителей ценовой интеллигенции, особенно профессоров,

что вызвало известные шуточные стихи: "Funf und siebzig Professoren- Vaterland, du bist verloren" ("Профессоров семьдесят пять - отечество, надо умирать!").

26 Вероятно Бакунин имеет здесь в виду известную патриотическую песнь Эрнста Морица Арндта (1769-1860) "Was ist des Deutschen Vaterland" ("Что такое отечество немца?"), сочиненную во время освободительной войны немцев против Наполеона I и добившуюся большой популярности в Германии (так называемая "Отечественная песнь").

27 "Избирательные капитуляции" это пункты, соблюдать которые должен был присягнуть вновь избранный германский император и которые постепенно отнимали у императоров одну привилегию за другою. В последний раз такую присягу принес император Франц II в 1792 году.

28 Согласно решению Венского конгресса в 1815 году две северные провинция Италии, Ломбардия и Венеция, были отданы Австрии: они составили Ломбардо-венецианское королевство, управлявшееся на началах абсолютизма. Неоднократные заговоры и восстания

населения, за небольшими исключениями не желавшего примириться с австрийским игом, не приводили ни к чему. Даже революция 1848 года не могла разбить этих цепей. Только после поражения австрийского абсолютизма в войнах 1859 г. с Францией и 1866 г. с Пруссией власть Австрии в этих провинциях была сломлена, и они вошли в образовавшееся позже объединенное королевство Италии.

29 Лаццарони-деклассированные элементы Неаполя, нищенский пролетариат, получивший свое название по имени прокаженного евангельского нищего Лазаря; в XVIII и XIX веках играли в истории Неаполитанского королевства роль орудия реакционного правительства против либералов у вообще освободительного и революционного движения, представляя нечто вроде российской черной сотни эпохи Николая II. Отчасти эту роль нищенского пролетариата Неаполя и вообще Италии, а также Франции и Испании имел в виду Маркс, когда в "Коммунистическом Манифесте" давал известную резкую характеристику роли этой социальной группы в истории.

30 Камарилья - испанское слово, означающее "малую палату", "малую камеру"; применено было сначала в Испании, а затем и в других монархических странах к узкой придворной клике, оказывающей тайное влияние на монарха в интересах ограниченных привилегированных кругов.

31 "Рестаурация" (франц.) - восстановление, обычно восстановление низвергнутой династии или уничтоженного революцией порядка, в частности восстановление монархии Бурбонов на французском престоле после поражения Франции в войнах с коалицией европейских монархий. Рестаурация разделяется периодом Ста дней (возвращение Наполеона I с острова Эльбы) на две части: первая-апрель 1814-март 1815 и вторая-июль 1815 до июльской революции 1830. Рестаурация характеризовалась попыткой дворянства и связанных с ним кругов буржуазии восстановить дореволюционные порядки и проникнута была крайне реакционным духом. Низвергнутая в 1830 революцией, она уступила место июльской или мещанской монархии Луи-Филиппа Орлеанского.

32 "Священный Союз"-союз между русским царем Александром I, прусским королем и австрийским императором, заключенный по договору в Париже 26 сентября 1815; позже к нему присоединились большинство европейских монархов (кроме Англии и папы; султан турецкий не был в него допущен). Священный Союз ставил своей целью поддержку реакции против революции, тирании против свободы, религии против разума, господствующих классов, преимущественно земельной аристократии, против трудящихся масс и либеральной промышленной буржуазии. Во главе С. Союза стояли с одной стороны австрийский министр Меттерних, а с другой - русский царь (сначала Александр I, а затем Николай I). Революция 1848 года нанесла ему смертельный удар, и к середине XIX века он фактически прекратил свое существование.

33 Шлоссер, Фридрих Христоф (1776-1861)-немецкий историк прогрессивного направления, отражавший в своих многочисленных работах идеи, внушенные либеральному немецкому бюргерству французской революцией конца XVIII века. Хотя и не имеющие

особого научного значения, сочинения Шлосера оказывали в свое время благотворное влияние "а молодежь благодаря проникающему их духу уважения к героизму, свободе умственной и политической. Главные его произведения "Всеобщая история" и "История XVIII века" были в 60-е годы переведены на русский язык.

34 Берне, Людвиг (1786-1837)-известный немецкий писатель радикального направления, один из лидеров "Молодой Германии"; после революции 1830 года подобно Гейне уехал во Францию, откуда в 1830 - 1833 гг. писал свои знаменитые "Парижские письма", проникнутые революционным и демократическим духом и доставившие автору европейскую известность.

35 Бакунин имеет в виду избиение польской шляхты в Тарновском округе темными галицийскими крестьянами под предводительством отставного солдата Шели (см. ниже прим. 46) по подстрекательству агентов австрийского правительства во время краковского восстания 1846 года. После поражения краковской революции в Краков вступили

как австрийские, так и русские отряды. Вскоре после того вольный город Краков, последний остаток свободной польской территории, перестал существовать и был присоединен к Австрии.

36 В черновике у Бакунина имеется иной вариант нижеследующего текста; приводим его.

"Совершенно иначе обстоит дело с немцами. Немец поляку глубоко чужд, его натура ему даже антипатична. Не одна ненависть, но и известное презрение, чтобы употребить наиболее мягкое выражение, сквозит более или менее явственно в отношении почти каждого поляка к немцу (а между тем он принужден признавать в последнем своего повелителя, и это господство оскорбляет его самое заветное чувство национальной гордости). Среди народной массы, не исключая и галицийских крестьян, это чувство настолько преобладает и так наглядно проявляется, что должно броситься в глаза каждому, кто не хочет намеренно закрывать глаз. Напротив среди образованных сословий оно под влиянием искусственного воспитания загоняется в

глубь сердца и живет там, часто безотчетно, но весьма редко подавляется.

"Только с величайшей неохотой мог я, милостивый государь, решиться на обсуждение этого крайне щекотливого пункта, и я бы его не коснулся, если бы не был убежден в том, что он имеет самое широкое и весьма важное политическое значение. В этом отношении к немцам поляк выступает в качестве настоящего славянина, так как эта ненависть и это презрение к немцам общи всем славянским племенам, и они сильнее всего там, где соприкосновение с немцами наиболее часто, как в Великом Герцогстве Познанском, в Галиции, Богемии, Моравии (эта фраза у Бакунина незакончена.-Ю. С).

"Лишь с величайшей неохотой, милостивый государь, мог я решиться на то, чтобы затронуть столь чувствительный, столь щекотливый пункт. Я бы не стал о нем вовсе упоминать".

Там же у Бакунина имеются и другие, сокращенные варианты того же текста, но ничего нового и оригинального они не представляют.

37 На этот "славянский" источник бакунинского антисемитизма мы считаем нужным обратить внимание. Он впоследствии встретится нам в его писаниях неоднократно, в частности в "Государственности и анархии", где он касается вопроса о германской революции 1848 - 49 гг. я где он снова отмечает, что против славянских и крестьянских требований (которые он в качестве "крестьянского революционера" часто отождествляет, хотя они далеко не всегда совпадают в действительности) рядом с немецкою буржуазиею выступали и евреи, т. е. еврейская буржуазия.

38 Как в 1848 году, так и позже Бакунин всегда противопоставлял свои славянские взгляды, получившие у немецких демократов название "революционного панславизма", казенному панславизму российского правительства и тех кругов русского общества, преимущественно дворянских, которые этот панславизм поддерживали. Официальные руководители чешского национального движения, панслависты вроде Палацкого, Ригера, Ганки и т. п., также близкие им по духу вожаки хорватского, словацкого и пр. славизма

стояли гораздо ближе к российскому реакционному панславизму, чем к революционному панславизму Бакунина, за которым шли немногочисленные чешские демократы и поляки, поскольку последние вообще интересовались славянским движением как таковым. Бакунин пытался слить освободительное движение славян с общим движением европейской и в частности немецкой демократии, тогда как представители официального панславизма противопоставляли его демократическому движению и старались поставить его на службу как австрийскому, так и российскому правительствам. Они-то ж являлись фактическими заправилами славянского движения 1848 - 49 гг., которое под их влиянием и сыграло столь плачевную роль в судьбе революции и возбудило среди революционеров законное недоверие ко всякому панславизму (ср. ниже прим. 65 и 67 к "Исповеди", No 547).

39 В тексте, напечатанном у Чейхана на стр. 173 (а другого мы не знаем, ибо перевод, опубликованный В. Полонским в "Каторге и Ссылке" 1928, NoNo 6 и 7, сделан с того же текста Чейхана, точнее с гранок его книги,

несмотря на заявление Полонского, что он видел оригинал документа в архиве!), итак в тексте Чейхана сказано: "welches wohl durch Worte und Schriften bis zu einem Gewissen geruttelt, aber nur durch neue geschichtliche Thaten zerstort,... werden kann". Слово "gewissen" напечатано у Чейхана с прописной буквы, во в таком виде фраза не имеет никакого смысла. Здесь какая-то ошибка: или Бакунина, пропустившего одно слово после gewissen (например Masse или Grade, т. е. мере или степени), и в таком случае ясно, что слово gewissen является не существительным, а прилагательным и должно быть написано с строчной буквы; или Чейхана, не прочитавшего стоящего в оригинале слова Masse или Grade и принявшего слово gewissen за имя существительное. Мы не сомневаемся в том, что Чейхан впал в заблуждение, или не заметив стоящего у Бакунина слова, или не заметив допущенного Бакуниным пропуска, если таковой действительно имеет место. В переводе В. Полонского, который вообще не любит задумываться над неясностями, это место передано так: "факт этот при посредстве слов и

литературы всколыхнул совесть". Мы думаем, что доказывать бессмыслицу этого перевода не приходится. А между тем В. Полонский, по его словам державший в руках оригинал, не считал нужным? делать перевод с этого подлинника, предпочтя по своему обыкновению более легкий путь: "для ускорения (?) работы,-пишет он,-чтобы не делать второй копии с архивного оригинала, мы воспользовались гранками издания, любезно предоставленного нам... пражским издателем рукописи" ("Кат. и Ссылка" 1928, No 6, стр. 41). Метод практически удобный, что и говорить, но для научных целей не совсем подходящий!

40 27 июля 1848 года Франкфуртское Национальное собрание высказалось за включение Западной Пруссии и части Великого Княжества Познанского в состав Германии, несмотря на протесты поляков и сопротивление демократической левой во главе с Р. Блюмом; А. Руте, Шузелькой, К. Фохтом и др. Таким образом всегерманский парламент подтвердил постановление прусской монархии, которая еще 22 апреля 1848 года решила включить западную часть В. Кн. Познанского

в состав Германского Союза, - мера, которая при своем проведении в жизнь вызвала восстание поляков под руководством Мерославского.

41 Дальше у Бакунина следует незаконченный вариант следующего абзаца. Приводим этот вариант, замененный позже более полным, данным у нас в основном тексте.

"Но интересы, могут пожалуй возразить, собственные интересы польской шляхты наверно не позволят ей променять гуманное немецкое владычество на жестокое русское. Я разумеется далек от того, чтобы игнорировать мощное влияние эгоистических интересов в людских делах; но с другой стороны со мною согласятся, что существуют такие страсти, которые время от времени охватывают целые народы и которые способны даже заставить их подняться выше своих временных интересов, и что любовь поляков к своей несчастной отчизне, их горячий порыв, их стремление к ее восстановлению составляют именно такую страсть. Одно доказательство этой истины, которое длятся вот уже целое столетие и которое, вместо того, чтобы с течением

нием времени становиться слабее, приобретает с каждым годом все больше энергии и величия, кажется мне достаточным для того, чтобы убедить самого закоренелого скептика: это-с каждым годом растущая масса польских эмигрантов, по большей части владевших у себя на родине землей, то есть людей, поставивших на карту не только свою жизнь, но и то, что в наш век ценится еще дороже жизни, а именно свое имущество; это-масса жертв, которые [наполняют] австрийские, прусские [тюрьмы]"...

42 Под апрельскими и майскими событиями Бакунин понимает восстание позчавских поляков, толчок к которому дан был распоряжением прусского правительства об инкорпорации западной части Великого Княжества Познанского в состав Германского Союза (см. выше прим. 40). Согласно этому распоряжению от княжества отрезалось две трети, причем к немецкой части нередко прирезались общины, в большинстве населенные поляками. Восстание продолжалось недолго: инсургенты, по большей части вооруженные косами, не могли при всей своей храбрости дер-

жаться против обученных и хорошо снабженных прусских войск. 30 апреля Мерославский разбил пруссаков при Милославе, но 11 мая потерпел поражение при Рогалине, при чем отряд его рассеялся, а сам он попал (ненадолго) в плен. 12 мая при Эксине поляки были снова разбиты, и на этом восстание закончилось.

43 Постановление Франкфуртского парламента см. выше в прим. 40.

44 Все упомянутые Бакуниным акты свидетельствовали о переходе реакции в наступление и имели место: 1) бомбардировка Кракова 26 апреля 1848 года; она закончилась капитуляцией населения, обезоружением национальной гвардии и высылкою эмигрантов-поляков; 2) бомбардировка Праги 14-15 июня 1848 по приказу Виндишгреца; она закончилась поражением повстанцев, в числе которых находился и Бакунин; 3) бомбардировка Лемберга (Львова) 1-2 ноября 1848 года; она вопреки словам Бакунина была не третьего, а четвертою по счету, так как венская предшествовала ей на несколько дней; 4) бомбардировка Вены войсками Елачича и Виндишгре-

ца 23-30 октября 1848 года; она закончилась поражением революции.

45 Как известно, высшая польская землевладельческая аристократия всегда готова была пожертвовать своими национальными интересами для сохранения своих экономических привилегий и склонялась к примирению с царизмом, который в обмен должен был обеспечить ей власть над крестьянами и сохранение в ее руках принадлежавших ей латифундий. Выразителем этих настроений явился в 1847 году маркиз А. Велепольский, который в своей анонимной брошюре "Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich" ("Письмо польского дворянина князю Меттерниху") доказывал, что Польша не может всерьез рассчитывать на помощь Европы и потому ей нужно примириться с Николаем I, подчиниться ему без всяких условий, соединиться с ближайшим и сильнейшим из трех своих завоевателей, а затем с его помощью отомстить двум другим, т. е. Пруссии и Австрии, за свое унижение. Гнусное поведение правительств прусского, выдававшего политических в руки царизма, и австрий-

ского, устроившего галицийскую резню в 1846 году, заставило симпатии польской шляхты склониться на сторону России. В 1846 году население Кракова оказало русским войскам более дружественный прием, чем австрийским. Еще через три года, в 1849 г., галицийская шляхта и мещанство при вступлении русских войск в Галицию не скрывали пожелания видеть Галицию присоединенной к России (цитата из воспоминаний Мартина Залеского, приводимая в известной книге Б. Лимановского о польской демократической эмиграции, стр. 350). Подобные настроения господствовали и в княжестве Познанском; носились даже слухи, что графы Дзялынский, Пониньский и Мытельский вели по этому поводу какие-то переговоры с российским послом в Берлине, Мейендорфом. Еще более усилились эти русофильские настроения после крушения надежд, возлагавшихся на революцию 1848 года. Под влиянием проявленных немецкою буржуазиею великодержавных тенденций славянские народы, особенно славянская буржуазия и мещанство, ринулись в объятия реакции, и даже; в польских провин-

циях Пруссии и Австрии стало наблюдаться москвофильство. Реакционные, предательские, а может быть и провокаторские элементы спешили использовать это настроение в интересах царизма: так по всей Польше была распространена брошюрка "Слово правды народу польскому", в которой рисовалась перспектива победы славянства под эгидою царизма и доказывалось, что в объединенной под российским стягом славянской семье Польша обретет счастье. Но у Бакунина это настроение части поляков слишком обобщено и преувеличено, особенно в "Исповеди", как увидим ниже.

46 Шеля, Якуб (1777-1860)-мазовецкий крестьянин, русин, бывший солдат, возглавил галицийскую гайдамачину в 1846 году. Родился в Тарновском округе, долго служил в австрийской армии, вел от имени своей деревни, в которой был старостою и видимо кулаком, длительный процесс с помещиком Богушем, принуждавшим крестьян к лишним барщинным работам По польским источникам, оспариваемым его защитниками, осужден за уголовное преступление на тюремное

заклучение, но в 1846 г. по распоряжению окружного исправника Брейнля освобожден и стал во главе разбойничьих банд, состоявших из отпущенных арестантов и отпускных солдат для избиения шляхты и парализования надвигавшегося восстания. Первую банду Шеля составил у себя на родине из своих родных и соседей. Избивали шляхту без разбора и без пощады, а в лучшем случае доставляли ее избитою и связанною к начальству. При этом громилы не клали охулки на руку, и сам Шеля грабежом своих жертв составил себе крупное состояние. По выполнении возложенной на него задачи Шеля получил орден от австрийского правительства и приобрел себе крупный земельный участок на Буковине. В австрийском казенном "Biografisches Lexicon", том 42, стр. 32 сл., напечатана аполוגия этого кулака-бандита, изображающая его в виде какого-то мужицкого апостола

Централизация Демократического Общества постановила начать в 1846 году восстание во всех трех частях Польши. Но восстание приняло более или менее серьезные размеры только в Краковской республике, последнем

остатке бывшей Польши, в феврале 1846 года. Опасаясь того, что восстание перебросится в Галицию, австрийское правительство, используя ненависть крестьянства к панам и выставляя демократическое движение в Кракове как плод панской интриги, возбудило страшную жакерию обманутых крестьян, которые особенно в Тарновском уезде произвели страшную резню шляхты, не щадя женщин и детей. При этом погибло несколько тысяч человек, зверски умученных разъяренными хлопами, которым была за это обещана чиновниками императорская благодарность и награда. Одним из главных предводителей этого избиения шляхты крестьянами и был Я. Шеля. Когда он после выполнения возложенной на него кровавой задачи начал наивно требовать обещанного издания императорского манифеста об отмене барщины, ему пригрозили тюремным заключением, на что он ответил: "Попробуйте, и тогда от Тарнова не останется камня на камне". Австрийское правительство, чувствуя, что дальнейшее пребывание этого человека в Галиции становится для властей неудобным, поспешило пе-

реправить его в Буковину, где он в награду получил большой надел из казенных земель.

Несколько лет тому назад вышла в свет поэма польского коммунистического писателя, переведенная затем на русский язык: Бруно Ясенский-"Галицийская жакерия (Слово о Якове Шеле)". Драматическая поэма. Предисловие т. Домбалья. Изд. "Московский Рабочий". Москва, 1931.-Как поэма Ясенского, так и предисловие т. Домбалья 1) идеализируют Шелю как борца за крестьянскую революцию; 2) называют движение 1846 года крестьянской революцией, "освободительной вооруженной борьбой крестьянских масс", "героической страницей борьбы польского крестьянства за землю"; 3) обвиняют буржуазно-шляхетскую историографию в замалчивании второго этапа восстания, длившегося почти два года (1846- 1848) и носившего характер партизанской войны против правительственных войск. Однако т. Домбаль признает, что эта "крестьянская революция" была "временно (?) использована австрийской бюрократией для реакционных целей". То же предисловие (стр. 19) сообщает, что австрийское

правительство "не решалось (?!) расправиться сразу с пойманным Шелей", и что "только некоторое время спустя, фактически под давлением шляхты (?), Шеля был отправлен в ссылку на Буковину, где был убит втихомолку, из-за угла" (!). Все это более чем спорно.

Характерно, что апологию Шели мы встречаем и в русской полицейской "литературе". Так известный В. Ратч, автор нескольких исторических "исследований" в духе Муравьева-Вешателя, на стр. 174 своей книги "Польская эмиграция до и во время последнего мятежа" восхваляет Шелю говоря:

"Славный крестьянин Яков Села своим поведением во время кровавого мятежа приобрел известность; когда затихли народные страсти, его имя стали произносить в Галиции с уважением". Поговорив далее о человеколюбии Шели, Ратч возмущается тем, что "перьями эмигрантов Села явился на европейских газетах извергом, два раза уже находившимся под уголовным судом". Защита таких писателей, как Ратч, говорит много.

47 Образовавшийся в апреле 1848 года в Кракове (в этот момент составлявшем уже

часть Австрийской монархии) польский национальный комитет, понимая, что для успеха национального возрождения необходимо привлечь на сторону революции крестьян, составлявших главную массу польского народа, начал готовить почву для отмены обязательных отношений крестьянства к помещикам в годовщину конституции 1791 года, т. е. на 3 мая. Проведав об этом, австрийское правительство, которое до тех пор преследовало крестьян, требовавших отмены барщины как бунтовщиков и запрещало помещикам освобождать своих крестьян от барщины под предлогом защиты интересов их кредиторов, вдруг опубликовало 25 апреля указ министерства внутренних дел, фальшиво помеченный задним числом 18 апреля 1848 г. согласно которому в Галиции (и только в Галиции) с 15 мая отменялись все оброки и повинности, связанные с крепостным состоянием. А затем, считая, что этим антиконституционным актом упрочена старая изолированность крестьянства от других классов и в частности от молодой демократической шляхты, правительство приступило к ряду реакционных

мер в Галиции (высылка эмигрантов, разоружение населения, бомбардировка Кракова), положивших начало общему переходу контрреволюции в наступление.

Перевод с немецкого No543.-Письмо Адольфу Рейхелю.

(7 апреля 1850 года. Кенигштейнская крепость).

Мой дорогой, я хотел бы, чтобы ты по крайней мере каждые две недели получал известие, что я расстрелян: тогда ты мне наверно писал бы, живому же ты не хочешь писать. Только тогда, когда я умер, ты мне пишешь 1. Спасибо, спасибо за твою дружбу, я не сомневался в ней, несмотря на твое молчание, но я не скрою от тебя, что мне было от него очень больно. Я не требую длинных писем, только нескольких строк, как в твоих последних двух письмах, которые бесконечно обрадовали меня.

Итак мне не нужно говорить тебе, что я жив; в моем положении здесь ничего не изменилось с тех пор, как я тебе его описывал. Что меня ожидает, я еще не знаю. Я стараюсь быть готовым ко всему. Смерть, если она мне

суждена, не страшит меня. Она была бы мне милей, чем продолжительное заключение, т. е. живой гроб. Впрочем по всем видимостям мне не придется умереть так скоро. Мое настроение в общем довольно хорошее, я стараюсь удержать себя в равновесии путем работы и внутренней выдержки, хотя должен сказать тебе, что пенсильванская система - самая возмутительная моральная пытка и могла быть придумана только протестантами 2. О моем материальном положении и моем вероятном будущем тебе господин Отто (Франц Отто I, адвокат.) вероятно уже писал. Дорогой мой, прошу тебя, постарайся, чтобы он был вознагражден за весь свой труд и старания, за потерю времени и денег, это теперь - моя единственная забота, все остальное я уже давно предоставил року.

Письма и дружба Матильды (Матильда Рейхель-Линденберг) являются для меня истинною отрадою в моем заключении. Она хочет приехать в Дрезден и добыть себе разрешение посетить меня здесь. Мне нечего говорить тебе, что это было бы для меня громадную радостью, но я боюсь, что ей не разрешат

видеть меня. Иоганна (Иоганна Песканти-ни.) - прекрасная душа, как всегда, этим сказано все хорошее и плохое. Она все еще теологизирует и слишком много занята своим душевным спасением - как ты знаешь, лучшее средство никогда не достигнуть его. Она все еще как бы исповедуется; итак все еще старая болезнь, которая разлагает и делает бессильным ее благородный характер.

Я пишу теперь свою защиту, длинная и бесконечно долгая работа; ты знаешь, как неохотно и тяжело я пишу, но все же это скоро придет к концу 3. Больше я не могу тебе ничего сказать о моей здешней жизни: она не богата событиями. Я люблю тебя с тою же теплотой, искренностью и преданностью, как прежде, надеюсь лишь, что ты мне будешь чаще писать. Кланяюсь всем, кто помнит обо мне. Прощай.

Твой

М. Бакунин.

7 апреля 1850 года. Кенигштейн.

Но 543. - Это письмо Бакунина, также опубликованное в литографированной биографии его, написанной Максом Неттлау, представля-

ет ответ на письмо А. Рейхеля от конца марта 1850 года. Оригинал этого письма Рейхеля, подобно другим письмам его и сестры его Матильды к Бакунину в кенигштейнскую тюрьму, находится в пражском военном архиве. Выдержка из него размером в несколько строк напечатана у Пфицнера на стр. 228; (порусски письмо напечатано в "Материалах для биографии", т. II, стр. 390-391): она гласит: "Ну-с, дружище, раз мы еще дышим и можем черкнуть словечко, воспользуемся этим для того, чтобы вспомнить, что, пока мы жили, мы любили друг друга я многих, которые тоже останутся нам верны до последней минуты. Привет тебе, старый, милый друг. Твоя жизнь была и есть ненепрасной, - в этом будь твердо убежден". Этот торжественно-прощальный тон письма объясняется тем, что Рейхель был в тот момент уверен в близком расстреле Бакунина, как явствует из следующей приписки адвоката Отто от 30 марта 1850 г.: "Судя по строкам, обращенным проф. Рейхелем ко мне, во французских газетах появилось сообщение о том, что Вы в ближайшие дни будете расстреляны, если это уже не слу-

чилося. Я сейчас же написал ему, что это-чепуха, и сообщаю Вам об этом лишь для того, чтобы сделать для Вас понятным это письмо".

1 Бакунин, равно как Гейбнер и Реккель, были приговорены к смерти судом первой инстанции 14 января 1850 года; приговор был утвержден 6 апреля высшим апелляционным судом, и только 6 июня король помиловал осужденных, заменив им смертную казнь пожизненным заключением. Тем временем распространился слух, что король утвердил приговор военного суда и даже что осужденные уже казнены. На этот слух, которым нашел отражение и в дневнике Варнгагена (т. VII, стр. 108), где в записи 20 марта 1850 г. говорится, что Бакунин и Реккель уже расстреляны, и о распространении которого Бакунин возможно узнал в тюрьме, невидимому и намекает данное письмо. На неверный слух об утверждении королем приговора и неизбежной в связи с этим близкой казни заключенных откликнулся я Р. Вагнер, которому удалось уйти от ареста и который находился в это время в Бордо. В марте 1850 года он написал своим друзьям восторженное письмо в

крепость Кенигштейн, напечатанное по-русски в приложении к его мемуарам. Приводим из него следующие извлечения: "Пишу не затем, чтобы говорить слова утешения, так как знаю, что в утешении вы не нуждаетесь... Братья, я хочу признаться в своем малодушии: из любви к вам я мечтал о том, чтобы вам даровали жизнь. Теперь я понял; величину и мощи вашей соответствует жестокий жребий, уготованный для вас врагами... Вы вправе гордиться собою. Дорогие братья! Что казалось нам самым необходимым для того, чтобы люди могли переродиться в настоящих людей? Необходимо, чтобы нужда заставила их стать героями. И мы видим теперь перед собой двух таких героев, которые, влекомые святой потребностью любви к людям, поднялись до радости истинного мужества. Привет вам, дорогие. Вы показываете нам, чем могли бы быть мы все. Умрите с радостным чувством того значения, которое вы приобрели для нас... Мой Михаил, мой Август! Милые, дорогие, незабвенные братья! Вы будете жить! Слух о вас все шире и шире распространится среди людей, и имена ваши станут символом любви

и блаженства для будущего человечества. Примите же смерть, окруженные удивлением, поклонением и любовью!.. Итак, дорогие братья, обнимаю вас со всем жаром любящей души. Этим моим поцелуем и этой моей слезой приобщаюсь к тому величию, которым вы осенены сейчас в моих глазах! Радостно и гордо, как вы, хочу и я когда-нибудь отдать свою жизнь на алтарь нашей дружбы!" ("Письма", т. IV, стр. 548-549).

2 Пенсильванская система заключения названа так потому, что впервые применена была в построенной в 1818 году в г. Филадельфии (штат Пенсильвания) исправительной тюрьме (пенитенциарии). Для воздействия на психику заключенного здесь введено было строгие одиночное заключение, и в течение всего дня не допускалось между арестантами никакого общения. Для усугубления моральной пытке что мучение сопровождалось посещениями арестованных членами местной администрации, судьями, представителями обществ попечения о тюрьмах и тому подобными лицемерными и жестокими ханжами: все это предназначалось для разложения психи-

ки заключенных. Бакунин имеет здесь в виду строгое одиночное заключение, которому он и его товарищи подвергались в Кенигштейнской крепости.

3 Судя по этому месту, можно полагать, что Бакунин продолжал свою работу над составлением большой защитительной записки и в начале апреля 1850 года, но после состоявшегося в апреле решения апелляционного суда, подтвердившего приговор суда первой инстанции, записка утратила смысл и осталась незаконченной (она напечатана у нас под No 542).

Перевод с немецкого. No 544. - Письмо Адольфу Рейхелю.

(11 мая 1850 года. Кенигштейнская крепость).

Дорогой друг, ты очень ошибаешься, если думаешь, что я требую от тебя целых статей, - я сам не люблю ни писать их, ни читать. Мне нужна только весточка от тебя или хотя бы знак того, что ты называешь твоей не жизнью, ибо человек живет даже тогда, когда он думает, что не живет. Когда любят человека, то любят не абстрактный, общий снимок с

него, не чистые мысли как верное выражение общей истины, а его жизнь, какою бы она ни была, и его мысли, лишь поскольку они отягощены его индивидуальностью и являются действительным выражением настоящего настроения. Рассуждения, умные замечания и т. д. мне от тебя не нужны, но от тебя самого я не могу и не хочу отказаться, ибо я тебя люблю больше, чем ты думаешь, и время от времени мне необходимо видеть тебя перед моими духовными очами, только тебя, будешь ли ты в хорошем или плохом настроении, веселый или скучный, совершенно пустой или полный истины. Например мне было очень приятно узнать, что ты снова берешь уроки английского у мастера Аллена. Я вижу, как вы сидите вместе и иногда говорите также обо мне. "Желаете ли папиросу?" "Да, сэр, и я возьму одну". Кланяйся ему сердечно от меня и скажи ему: "Жизнь в тюрьме очень неприятна, а свобода-величайшее благо в свете". Кланяйся ему и дай ему выкурить папиросу в память обо мне. А что делает твой французский учитель Бокэ (Жан-Батист, французский педагог, демократ, после 1848 года эмигрант,

приятель Бакунина я Герцена.), видишь ли ты его еще или он тоже унесен бурною волною? Если ты его видишь, то кланяйся.

Матильды я не видал, как тебе это вероятно уже известно, следовательно она не могла мне также дать ключа к твоей тайне, но мне достаточно знать, что ты любишь и любим 1. А ты имеешь еще смелость, ты, неблагодарный, вечно недовольный, жаловаться на пустоту своей жизни! Дорогой мой, дозвожь мне одно небольшое замечание; наша общая ошибка заключалась всегда в том, что мы слишком распускали себя, были морально ленивы и без малейшего усилия с нашей стороны ожидали внушений святого духа свыше в образе печеных картошек. Человек есть не только то, что из него сделали природа и обстоятельства, но также и то, чем он себя сам делает на данной почве; и никогда не поздно, куда человек живет и обладает свободой. Мой милый, не презирай этой свободы, сколь бы отрицательной она тебе ни казалась. Она - как хлеб насущный, и (потому ее часто мало ценят, пока не лишатся ее. То же самое относится к обществу. Надо прожить целый год в

одиночном заключении и подобно мне иметь впереди еще бесконечный ряд таких же лет, тогда поймешь и почувствуешь, как необходимо для счастья, для развития и для нравственности каждого отдельного человека общение с людьми. Ибо в чем величайшая цель человеческой жизни? В человечности. А ее точно так же нельзя развить в себе "не общества, как нельзя научиться плавать вне воды. Общение даже с наихудшими людьми лучше и действует более облагораживающим образом, чем одиночество. Конечно христиане, в особенности протестанты, думают совершенно иначе. Но они - также великие враги я разрушители человечности. Сказать ли тебе мое искреннее мнение? Если человек настроен так болезненно, что чувствует отвращение к человеческому обществу, то чтобы стать здоровым, он должен для начала заставить себя жить в обществе-редко другие намного хуже, чем мы сами, а так как мы все равно должны переносить самих себя, что, как ты знаешь, очень утомительный долг, то мы должны также научиться переносить других, переносить их, пока они не становятся угнетателями

и довольствуются тем, чтобы быть свободными на собственный манер. Ведь ты занимаешься теперь физикой, чтобы познать природу, а где природа богаче сконцентрирована и развита в большем совершенстве, чем в разнообразии человеческого общества, где она нам ближе? Но чтобы изучить ее в этой высшей степени, необходимо жить в обществе, сноситься с людьми; я знаю, что это именно потому тяжелее, что люди тем ближе. Мы часто их ненавидим, потому что имеем потребность любить их; мы презираем их, потому что хотели бы уважать их, мы ничего не находим в них, потому что ищем в них всего. Но попытаемся требовать меньшего, и, я думаю, мы найдем больше, а главное - мы в их обществе освободимся от нас самих.

Однако я уже слишком много написал рассуждений. Дорогой друг, еще одна просьба. Если старый Бернацкий (Алоизий.) еще жив, пойди к нему и скажи ему, что я очень часто думаю о нем, а также о его друге Тони на улице Нового Люксембурга. Мне приходится еще просить трющения у моего старого друга за то, что я так неразумно вовлек его внука в необ-

думанный поступок. Я надеюсь, он стростит мне это, ибо он достаточно знает меня, чтобы быть уверенным, что я совершил этот необдуманый шаг в тогдашней всеобщей лихорадочной атмосфере и из чистейших побуждений. Вряд ли я когда-либо его еще увижу, и для меня была бы невыносимой мысль, что он умрет с этим упреком против меня. Скажи ему, что я очень его уважаю и люблю и прошу его поклониться от меня его другу. Прошу тебя, сделай это.

А теперь, мой друг, прощай. Моя судьба скоро решится. Ни в коем случае я не жду для себя ничего хорошего 2. Что касается тебя и твоих сердечных дел, то я повторяю тебе слова, которые так часто говорил тебе: кто любит я любим, для того нет ничего невозможного.

Твой

М. Бакунин. 11 мая 1851 года (Надо читать: 1850.). (Итак уже год тюрьмы). Кенигштейн.

Но 544. - Это письмо Бакунина (также из числа помещенных Неттлау в его литографированной биографии) является ответом на письмо Рейхеля от 19 апреля 1850г., большие отрывки из которого напечатаны у Пфицнера

на стр. 228-229 его книги (по-русски письмо напечатано в "Материалах для биографии", т. II, стр. 390-393). В этом письме Рейхель наряду с обычными выражениями симпатии и надежды передавал Бакунину некоторые новости об общих знакомых, например Прудоне, Герцене, Эмме Гервег и пр., а также высказывал сожаление по поводу мистицизма, в который впала Иоганна Пескантини и о котором он узнал из письма Бакунина от 7 апреля 1850 года.

В книге Пфицнера напечатаны выдержки еще из двух писем Рейхеля к Бакунину; одно из них относится вероятно к концу (а не к середине, как думает Пфицнер, стр. 230) мая 1850 г. (по-русски письмо напечатано в "Материалах для биографии", т. II, стр. 400-402) и является ответом на письмо Бакунина от 11 мая, а другое, стр. 230-231 (по-русски оно напечатано в "Материалах для биографии", т. II, стр. 368-369), относится: по-видимому к началу июня того же года. В первом Рейхель впервые называет Марию Эрн своею невестою и таким образом выдает свой секрет, а во втором он говорит о вновь распространившемся слухе

относительно близкой казни Бакунина " с ужасом отвергает эту мысль, стараясь поддержать бодрость духа в узнике и уверяя его, что он не умрет, а будет жить. На это письмо Бакунин уже не мог ответить, так как был вскоре увезен в Австрию, где ему переписываться уже не позволялось.

1 Матильда Рейхель-Линденберг, желая добиться свидания с Бакуниным, приезжала в начале мая 1850 года в Дрезден для хлопот по этому поводу. Но свидание ей разрешено не было. У Пфицнера (стр. 229-230) напечатаны выдержки из дрезденского письма ее к Бакунину от 8 мая 1850 г., невидимому последнего. Письмо не представляет особенного интереса; в нем снова повторяются мистические фразы и говорится об Иоганне Пескантини, старую симпатию к которой Матильда старается пробудить в душе Бакунина (по русски письмо напечатано в "Материалах для биографии", т. II, стр. 396-398)

Тайна А. Рейхеля, о которой здесь говорит Бакунин, заключалась в том, что он сошелся с Марьей Каспаровной Эрн, другом дома Герценов, которая стала его второю женою.

2 Бакунин в это время дожидался ответа на прошение о помиловании, поданное на имя саксонского короля им и двумя его сопроцессниками. Ответ, как мы знаем, был им сообщен 12 июня. Бакунин не ждал для себя ничего хорошего в том смысле, что полного помилования он не ожидал, замену казни вечным или продолжительным заключением не считал для себя большим выигрышем, а сверх того опасался своей выдачи австрийцам или, что еще хуже, России.

Перевод с немецкого. No545.-Письмо Матильде Рейхель.

11 мая 1850 года. [Крепость Кенигштейн].

... Вообще у меня нет ни малейшего интереса к теории, ибо уже давно, а теперь больше, чем когда-либо, я почувствовал, что никакая теория, никакая готовая система, никакая написанная книга не спасет мира. Я не держусь никакой системы: я - искренно ищущий. Правда теперь искания для меня несколько затруднены, ибо чтобы постигнуть или вернее уловить жизнь, надо прежде всего жить, а, как я Вам раз писал, я больше не верю теоретическим умозрениям, тем паче умозрени-

ям одиноким, равно как и вдохновению одиночной жизни; в одиночестве уж слишком бываешь склонен принимать призраки за духов.

В будущем, если позволит мое еще очень неопределенное положение, я попытаюсь составить для Вас свое исповедание веры...

Но 545. - Не знаем, на какое письмо Матильды Рейхель отвечает здесь Бакунин, возможно на письмо ее от 22 марта, напечатанное частично у Пфицнера на стр. 227 его книги (по русски в "Материалах для биографии", т. II, стр. 387-390).

Перевод с немецкого.

Но 546. - Заявление перед допросом.

[15 апреля 1851 года. Ольмюц.]

Как известно, я приговорен был в Саксонии к смертной казни за государственную измену и помилован с заменой смертной казни пожизненным заключением в исправительном доме. Как сказано в относящихся к этому приговору мотивах королевского саксонского высшего апелляционного суда в Дрездене, я мог быть присужден к смерти в Саксонии только в качестве саксонского гражданина:

таким образом я вынесенным мне смертным приговором признан саксонским гражданином и помилован в качестве такового. Затем я в качестве осужденного саксонского гражданина был выдан Австрии, чему я не усматриваю никакого юридического основания, поскольку меня как уже осужденного саксонского гражданина снова предадут суду австрийского трибунала. Хотя я знаю, что этот протест не принесет мне пользы, однако я по совести считаю себя обязанным заявить, что я не могу признать австрийский суд правомочным производить по отношению ко мне следственные и судебные действия.

№ 546. - Оригинал находится в допросах Бакунина, производившихся между 15 апреля и 14 мая 1851 года в Ольмюце, и хранится в архиве военного министерства в Праге. Русский перевод этого заявления и текста допросов Бакунина в Австрии см. в томе II "Материалов для биографии Бакунина" под ред. Вяч. Полонского (стр. 414 ел.).

К моменту допроса Бакунина привлеченные: по делу о подготовке восстания в Богемии уже успели дать свои показания, по

большей части довольно откровенные: в этих показаниях роль Бакунина была достаточно освещена, и ему пришлось признать почти все инкриминировавшиеся ему действия; но при этом он поставил себе за правило не выдавать других и не распространяться насчет своих сопроцессников. Эту линию он выдержал до конца.

Какого правила он старался держаться в своих показаниях перед следственными комиссиями, видно из его заявления, сделанного им в ответе на 14-й вопрос, заданный ему в Ольмюце. Там следователь задал ему общий вопрос о его отношениях к братьям Страка в надежде, что, отвечая на заданный в столь неопределенной форме вопрос, обвиняемый невольно проговорится и сообщит что-либо неизвестное следователям. Вот что на это отвечал Бакунин:

"Я должен здесь заявить, что вдаваться в подробности относительно отдельных лиц совершенно противоречит моему принципу, однажды мною уже высказанному. Я допускаю, что многое стало известным благодаря показаниям лиц, допрошенных во время след-

ствия. Если например братья Страка многое рассказали, то они и отвечают за содержание своих речей. Я же могу отвечать только на определенные вопросы, но отнюдь не на вопросы общего характера, ибо могло случиться, что то или иное обстоятельство, то или иное лицо вообще ускользнули от следствия, и ответами общего характера я рисковал бы кого-нибудь скомпрометировать".

Австрийское правительство давно имело против Бакунина зуб за участие его в пражском славянском съезде и в святодуховском восстании; особенно же оно раздражено было его двумя воззваниями к славянам и организацией заговора, направленного к возбуждению вооруженного восстания! в Богемии и к разрушению австрийской империи. Точка зрения австрийских властей на Бакунина выражена в докладе председателя пражской следственной комиссии, генерала Клейнберга, от 11 марта 1851 года из Праги от имени областного военного командования эрцгерцогу - верховному главнокомандующему австрийскою армиею; там о роли Бакунина сказано:

"После того как выявилась наличность революционных происков в мае 1849 года и начато было по этому поводу следствие, скоро выяснились данные, не оставлявшие сомнения в том, что замышленная здесь революция была скомбинирована с грандиозным движением, задуманным в Германии, и что русский Михаил Бакунин, проживавший тогда тайно в Дрездене" стоял во главе этого предприятия". И дальше: "Приходится признать, что русский Бакунин является по-видимому тою осью, вокруг которой все вертелось".

Неудивительно, что в австрийских тюрьмах с Бакуниным обращались гораздо строже, чем в саксонских; этому впрочем содействовала меньшая культурность Австрии в сравнении с демократической Саксонией, а также большая обостренность классовой борьбы в двуединой монархии, где она осложнялась ожесточенной национальной распрей. В Саксонии он считался гражданским подсудимым, имел защитника, право переписки с друзьями и пр.; здесь он лишен был права переписки, предан был военному суду, не имел защитника и т. п. В австрийских тюрьмах ему

помогали материально. Герцен, Рейхель, Гервег; проживавшие в Австрии люди, даже сочувствовавшие Бакунину, боялись проявить свои чувства, так как это было просто опасно: ведь австрийские власти взяли под подозрение как "пособников" не только таких приятелей Бакунина, как Рейхель или Габихт (бывший дессауским министром с революции 1848 г. по июль 1849 г.), но даже его дрезденского защитника Отто и банкирский дом Леммель в Праге за то, что через него переводились Герценом деньги для Бакунина. О плачевном положении, в каком очутился Бакунин в австрийских тюрьмах, свидетельствует то письмо аудитора Франца, которое мы приводим выше,

в комментарии 2 к No 537. Зато здесь ему позволили читать правительственные газеты, чего в Саксонии он не мог добиться. Слухи о том, что он выдержал 14-дневную голодовку с целью уморить себя. что его били на допросах и т. п., принадлежат очевидно к категории выдумок. Пфицнер. (стр. 213) приводит из дневника министра полиции Кемпе разговор с ним эрцгерцога Альбрехта от 25 марта 1851

года. Этот солдафон будто бы рассказывал следующее: "Он хотел в Праге уморить себя голодом и 14 дней не принимал ничего кроме воды; только тогда, когда ему дали читать романы Поль де Кока, в нем проснулась охота к жизни и еде. Слабое создание!". Пошлость чисто эрцгерцогская (Перевод Бакунина в Ольмюц, в руки кровожадных австрийских властей, где он исчез за стенами крепости, подействовал удручающе на его друзей. Отражением этого настроения является дневник Варнгагена. Там (том VIII, стр. 108, 119, 179) говорится, что о судьбе Бакунина нет никаких точных сведений. Однако автор дневника все же надеется на то, что рано или поздно он увидит свободу: "Такая благородная душа, такой железный дух не может погибнуть в бесплодном мученичестве". Дальше отмечается слух о помиловании Бакунина в Австрии, но вместе с тем о предстоящей выдаче его русскому правительству.)

Австрийские власти опасались попыток к освобождению Бакунина. На этой почве возникали всякие нелепые слухи, и у Бакунина в камере неожиданно производились обыски.

Перед дверью его камеры No 2 в нижнем этаже стоял часовой; другой стоял в саду перед окном. Справа и слева по сторонам камеры расположена была стража. Наружное окно было кроме прочной решетки забрано деревянным щитом. Чтобы помешать ему уйти через потолок, поставлен был часовой также над его камерой. С конца. 1850 года вследствие распространения новых слухов о готовящемся побеге строгости усилились: из 18 человек караула половина, в том числе фельдфебель, капрал, разводящий и 6 рядовых, предназначена была исключительно для охраны камеры No 2. Слухи о готовящемся насильственном освобождении Бакунина, "после Маццини самого опасного человека в Европе", поддерживались и берлинскою полициею, которая сообщала в Вену о международном заговоре революционных вожаков, заручившихся для этой цели содействием ряда высокопоставленных лиц, преимущественно женщин. В результате всех этих нелепых слухов и сплетен Бакунин в ночь с 13 на 14 марта под сильным военным эскортом был неожиданно переведен в крепость Ольмюц,

причем, как рассказывает Герцен, конвоем отдан был приказ застрелить арестанта при малейшей попытке к его освобождению. Здесь приказано было никого к нему не допускать кроме врача, не давать ему письменных принадлежностей и приставить к нему строгую стражу. Бакунин был совершенно изолирован от других заключенных и охранялся большим караулом, состоявшим из фельдфебеля, капрала, двух ефрейторов и 22 рядовых, причем им придан был еще резерв в виде капрала, ефрейтора и 18 рядовых. Но материально положение его в Ольмюце, если не считать первой поры, было не таким уже плохим: по его просьбе ему дали сигары и книги, им получено было от друзей новое платье, комендант крепости приказал выдавать ему двойной паек и т. п.

Так как Россия настойчиво добивалась выдачи Бакунина, то Шварценберг хотел поскорее отделаться от Бакунина. Особенной пользы он австрийским следователям принести не мог, так как все главное было уже выдано другими подсудимыми, Бакунин же держал себя на допросах чрезвычайно осторожно, и

от него следователи ничем существенным поживиться не рассчитывали. На ряд вопросов, интересовавших австрийскую полицию, он дал уже ответ в Саксонии, власти которой допустили к участию в следствии присланного из Австрии чиновника. Первый общий допрос сделал был пражскою комиссиею Бакунину 15 июня 1850 г., т. е. на следующий день по водворении его в австрийскую тюрьму; он основывался на показаниях, данных его сопроцессниками, арестованными еще в мае 1849 года. После того допросы на долгое время прекратились. Лишь по переводе Бакунина в Ольмюц приказано было закончить следствие о нем, и на этом основании аудитор Франц подверг Бакунина допросам с 15 по 18 апреля 1851 г., а затем окончательно допросил его 14 мая. Вот перед допросом 15 апреля 1851 г. Бакунин и сделал то заявление, которое мы печатаем под настоящим номером.

14 мая 1851 г. Бакунин был допрошен в последний раз, а уже на следующий день,

15 мая, он был военным судом приговорен к повешению за государственную измену по отношению к Австрийской империи. Затем

смертная казнь была заменена ему, как в Саксонии, пожизненным заключением. Но все это было не чем иным как лицемерною прелюдиею к давно задуманной выдаче его российскому правительству, которое настойчиво домогалось этой выдачи и подготовилось к ней.

No547 Исповедь - дается отдельно!!! (ldn-knigi.narod.ru)

Но 548. -Письмо родным.

(4 января 1852 года.) [Петропавловская крепость.]

Любезные родители и вы, милые братья и сестры! Мне позволили отвечать вам. После стольких лет разлуки, молчанья, хоть и незабвенья, после всех происшествий, приведших меня моею собственною виною в настоящее положение, лишивших меня решительно всякой надежды когда бы то либо возобновить с вами семейные, сердечные отношения, такое позволение для меня - великая милость и великое счастье. Благодарю вас, добрые родители, благодарю вас от глубины сердца за ваше прощение, за ваше родительское благословение, благодарю вас за то, что вы приняли ме-

ня, вашего блудного сына, что вы приняли меня вновь в свой семейный мир и в семейную дружбу. Свидание с Татьяною и с братом Николаем возвратило мне мир сердца и теплоту сердца; оно перестало быть равнодушным и тяжелым как камень, оно ожило, и я не могу теперь жаловаться на свое положение; я теперь живу хоть и грустно, но [не] несчастливо; беспрестанно думаю о вас и радуюсь, зная, что в семействе нашем царствуют мир, любовь и счастье. Свиданье мое с братом и сестрою было недолговременно, но достаточно, чтобы убедить меня, что Николай - добрая, верная и крепкая опора для всех близких, добрый сын, добрый брат, добрый муж и отец и хороший хозяин, что он соединяет в себе одним словом все те главные качества и достоинства, которые делают человека человеком; это успокоило меня насчет всех вас и утишило несколько угрызения моей совести, которая часто напоминает мне, что я совсем не умел исполнить священных обязанностей. Мои заблуждения по крайней мере не принесли никому кроме меня большого вреда, - вот мое утешенье (Дальше в ори-

гинале по-французски.).

Я читал и перечитывал те несколько слов, которые велел мне передать отец, и я глубокими чертами запечатлел их в своем сердце. Да сохранит нам его господь надолго! Я не могу и не должен надеяться снова свидеться с ним когда-нибудь, но знать, что он живет среди вас, это - такое счастье, за которое я готов отдать свою жизнь. Что касается Вас, дорогая матушка, спасибо, спасибо Вам за то, что Вы хотели приехать; я был глубоко неправ по отношению к Вам и живо чувствую, сколько великодушия и любви содержится в Вашем прощении. Я чувствую себя достойным его-по крайней мере по тому, что чувствую к Вам; чувства - вот единственная монета, которую я могу еще располагать, так как действия теперь для меня недоступны.

Пожалуйста пишите мне так часто, как это будет нам позволено, и сообщайте мне о мельчайших происшествиях вашей семейной жизни: нет скучных подробностей, если они касаются любимых людей. Мои письма будут короче ввиду крайнего однообразия моей жизни, не дающей материала для длинных

описаний, и давно уже прошло то время, когда я любил вдаваться в бесконечные рассуждения. Дорогая матушка, еще просьба: избегайте говорить о нашей переписке безразличным людям; думаю, что для вас и для меня будет лучше, если за исключением небольшого числа людей, сердечно интересующихся мною, мир совершенно забудет о моем существовании. Ты, Татьяна, будешь писать мне чаще всех, я знаю, ведь ты-моя крепостная (Слова - "ведь ты моя крепостная" по-русски в оригинале.); Николай не напишет мне ни строки, он-лентяй, это-его бесспорное право, приобретенное давностью и не могущее ни с чьей стороны вызвать возражений. Но вы, остальные братья и сестры, а также моя свояченица Анюта (Анна Петровна Ушакова, жена Николая Бакунина.), пишите мне по нескольку строк хотя бы для того, чтобы я мог видеть ваши успехи в каллиграфии. Настоящее письмо покажет вам, что я-то никаких успехов в этой области не сделал (Отсюда до конца по-русски в оригинале.).

Прощайте, прощайте! Ваш сын, брат и друг
М. Бакунин.

1852.-1-го января.

№ 548. - Письмо это впервые опубликовано в первом издании тома I нашей работы о Бакунине, М. 1920, стр. 325-326, затем у Корнилова, т. II, стр. 461-462, и в "Материалах для биографии Бакунина", т. I" стр. 249-250. Оригинал его, по которому мы даем здесь выверенный текст, находится в Прямухинском архиве в б. Пушкинском Доме, а в "Деле" о Бакунине имеется писарская его копия, с которой мы и опубликовали его впервые в 1920 году.

Николай I по прочтении "Исповеди" разрешил Бакунину свидание с отцом и сестрой Татьяной. Но отец Бакунина не мог воспользоваться этим разрешением: ему уже было 84 года, он совершенно ослеп и ослабел и дальней дороги вынести не мог. Вместо него допущен был в крепость сын его Николай, за политическую благонадежность которого старик поручился.. Свидание Бакунина с братом Николаем и сестрой Татьяной состоялось 28 октября 1851 г. в присутствии коменданта крепости Набокова. Вскоре Бакунину разрешена была и переписка. В декабре 1851 г. мать написала Бакунину письмо через III От-

деление. В январе 1852 г. Бакунин написал данный ответ, который был лично прочтен царем и с его разрешения отправлен по назначению. С этого момента связь Бакунина с внешним миром, хотя временами и прерываемая, установилась довольно прочно и много помогла ему в дальнейшем.

Письмо отчасти проникнуто тем духом раскаяния в своих "прегрешениях", каким пропитана "Исповедь", и в известной мере окрашено даже религиозными тонами, столь же притворными, как и его мнимое раскаяние. Бакунин старался выдержать характер и дурачить своих тюремщиков до конца. Но так как несмотря на всю конспиративность его родных (вероятно не всеми ими выдерживаемую полностью) слухи о письмах Бакунина как-то проникали в публику, сначала российскую, а затем и заграничную. то неудивительно, что на основе этих якобы религиозных деклараций Бакунина сложился слух, будто Бакунин в крепости стал христианином. Насколько такой слух распространен был среди демократической публики, видно из того, что Герцену (который кстати и сам имел слыш-

ком преувеличенное представление о льготах, предоставленных Бакунину в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях) пришлось не раз опровергать его: так в письме к М. Мейзенбут от 8 сентября 1856 г. Герцен, сообщив сначала, что Бакунину в Шлиссельбурге живется недурно, что он обедает якобы у коменданта, гуляет по крепости, имеет книги, бумагу и даже фортепиано (кроме книг все остальное неверно), прибавляет, будто Бакунин, "написал письмо, чтобы опровергнуть, будто он стал христианином. В письме к Карлу Фохту от 9 апреля 1857 г. Герцен, вынужденный видимо вернуться к этой теме, заявляет, что "Бакунин вполне опроверг пущенный слух, будто он стал пиетистом" (см. также "La vie d'un homme. Karl Vogt par William Vogt. Paris - Stuttgart 1906, стр. 109, где приводится это письмо Герцена). Возможно, что поводом к распространению слуха об обращении Бакунина в христианство послужили хождение его в тюремную церковь и говение, о чем он сообщал своим родным из крепости в письме от 22 апреля 1853 года и что могло через них проникнуть в публику. Но

возможно, что слухи такого рода распространялись жандармами с целью деморализации революционных элементов примером показавшегося грешника.

Для характеристики тех слухов, которые распространялись на западе о Бакунине во время его сидения в Петропавловке и Шлиссельбурге, довольно типичными представляются записи в дневнике Варнгагена фон Энзе, относящиеся к этому предмету. Варнгаген, не перестававший интересоваться Бакуниным и болеть за него душою, подхватывал и заносил на бумагу всякий слух, ходивший о нем в немецкой интеллигентской среде. 19 октября 1851 г. он сообщает в дневнике слух, что при передаче русскому конвою Бакунин был якобы жестоко избит, что ему топтали лицо и в тот же день повесили: так погиб Бакунин-"один из благороднейших, великодушнейших, храбрейших людей!" (т. VIII, стр. 385).

Интересно, что за границей почему-то сразу решили, что Бакунин посажен в Шлиссельбургскую крепость, в то время когда он сидел первые три года в Петропавловской: вероятно этому способствовала мрачная репутация

Шлиссельбурга, куда Романовы предпочитали запрягивать своих врагов. Слух о том, что Бакунин попал в Шлиссельбург, исторгает у Варнгагена восклицание: "Человек, столь пламенно стремящийся к свободе, в неволе!" (т. IX, стр. 195). Через несколько недель распространился слух о смерти Бакунина. 26 октября 1851 г. Варнгаген отмечает появление в "Национале" заметки о том, что Бакунин после недолгих страданий недавно скончался в Шлиссельбургской крепости, а через две недели, 8 ноября, он записывает, что газеты подтверждают известие о смерти Бакунина в Шлиссельбурге; перед смертью он якобы выразил пожелание, чтобы прах его был перевезен во Францию. Но уже 9 декабря того же года Варнгаген заносит в дневник газетное сообщение о том, что Бакунин жив (т. VII1 стр. 394, 413 и 463).

Преувеличенный пессимизм слухов о Бакунине быстро уступает место необоснованному оптимизму. 26 октября 1852 года Варнгаген записывает сообщение, полученное газетой "Nationalzeitung" из Праги, что Бакунин переведен на Кавказ и сдан в солдаты; скоро

его произведут в офицеры, и тогда перед ним открытая дорога; при этом отпускается подобающая похвала по адресу русской незлопамятности (т. IX, стр. 392).

Затем Бакунин надолго исчезает со страниц варнгагеновского дневника: по-видимому за эти годы о нем мало доходило до Берлина слухов. Но со смертью Николая I, когда в России повеяло новым духом, а сообщения с Западом облегчились, Бакунин снова появляется на страницах дневника. В записи 4 июня 1856 г. выражена радость при известии о помиловании Бакунина, заимствованном из "Volkszeitung". На этот раз известие оказалось преждевременным, но самая ошибка здесь характерна, равно как характерна и другая ошибка, а именно указание, что за Бакунина хлопотал победитель Карса Муравьев. Это показывает, что слухи были уже не так беспочвенны: знали, что за Бакунина хлопочут, и в частности его родственники Муравьевы (позже, как мы знаем, за него действительно хлопотал Муравьев, только не Карский, а Амурский). Через два месяца мы находим в дневнике поправку под 6 августа 1856 г.: Бакунин

не свободен. Он находится в Шлиссельбурге, но живет в доме коменданта (по-видимому извращенная передача факта свиданий его с родными на квартире коменданта.), хорошо содержится, имеет книги. И наконец под 19 июня 1857 г. передается сообщение газет, что Бакунин отпущен к родным в Тверь для поправки, особенно зрения, а затем он будет проживать в южной Сибири, где будет свободно жить в большом городе (т. XIII, стр. 33, 112 и 427).

Как мы увидим в следующем томе, слухи о вольготной жизни Бакунина то на Кавказе, то в Шлиссельбурге на квартире коменданта дали материал его врагам для нового клеветнического похода.

Но 549. - Письмо родным,
4 февраля 1852 [года.] [Петропавловская крепость.]

Добрые родители, милые сестры и братья, вы не знаете, какое благодееянье для меня ваши письма; они отогревают, животворят меня.

Бедный, бедный Николай, бедная Анна! 1
Милый брат, я не буду стараться утешить те-

бя; против смерти нет лекарства и нет утешения: вера... надежда... а больше и вернее всего любовь, любовь оставшихся, которая растет и разжигается со всяким новым требованием от нее; время только притупляет, а не уничтожает горе, но вместе оно притупляет также и живость чувств в человеке, а потому время не есть утешенье. Но любовь наша окружает, обнимает и поддержат тебя; она откроет тебе новую цель, новое поле для действия и возвратит тебе новую охоту к жизни; ты нужен так многим, тебя столько любят, ты - главная опора нашего семейства; ты свободен, силен, можешь быть полезен, можешь действовать, и потому я за тебя спокоен. Ты легко поверишь мне, когда я скажу, что я охотно отдал бы свою бесполезную жизнь, если бы мог выкупить ею жизнь твоего сына. Теперь ты должен вдвойне любить Анну (Отсюда до конца абзаца по-французски в оригинале.): в жизни-как на войне: чем больше теряешь соратников, тем теснее приходится смыкать ряды, не смущаясь неприятельскими пулями.

Теперь обращаюсь к Вам, моя милая новая сестра, и начинаю с того, что без всяких око-

личностей обнимаю и целую Вас от всей души как новый брат и новый друг. Вы вошли в семейство, милая Лиза², не богатое и не блестящее, но в котором зато царствует, как Вы сами видите, тесная, неразрывная, горячая, искренняя любовь, а с этим сокровищем Вы будете счастливы (Отсюда по-французски в оригинале.). Знаете ли Вы, как все Вас уже любят? Если бы Вы прочли письма маменьки, Вариньки и Татьяны, Вы сами были бы убеждены в том, что Вы-прекрасный ангел, сошедший с небес для счастья человечества; одаренная высшими достоинствами.

Вы принесли нашей семье новый элемент счастья, любви и радости; будьте же тысячу раз благословенны, милая добрая сестра, будьте счастливы, как Вы того заслуживаете. Что касается меня, то я намерен последовать хорошему примеру папеньки, который, как говорят, немножко за Вами ухаживает, а потому покорнейше прошу Вас, сударыня, включить меня в список Ваших поклонников. И уж не знаю, что сказать, если мы вдвоем не сумеем окончательно закопать Александра: папенька потому, что, принадлежа к славно-

му веку, он сохранил все ценные традиции истинной галантности, у меня же за неимением других заслуг будет тот плюс, что я буду отсутствовать. Я нахожусь в довольно романтическом, хотя, по правде сказать, весьма скучном положении, скучном, как все романтическое; но главное-на моей стороне будет огромное преимущество оставаться для Вас совершенно неизвестным, что, сообщив свободный полет Вашему несомненно благородному воображению, позволит Вам наделять меня всеми положительными качествами, у меня не имеющимися, без всякого для меня риска когда-либо разочаровать Вас, - драгоценное право, каким, надеюсь, Вы не преминете воспользоваться, ибо чем более блестящ поклонник, тем больше чести он приносит предмету своего поклонения. Мне нарисовали такой живой Ваш портрет, дорогая сестрица, что мне кажется, будто я Вас уже знаю, и уже люблю Вас всем сердцем. Вы осчастливите Александра, так как миссия ангелов заключается в доставлении счастья, а он никогда не перестанет Вас любить и уважать. Наряду с многими превосходными качествами у него,

говорят, имеется один маленький недостаток, недостаток, который я поистине не очень-то вправе осуждать, ибо во мне он в свое время был очень большим, и, бог весть, не я ли и оставил ему это печальное наследство: говорят, что он несколько влюблен в немецкую метафизику. Как видите, это - соперница, но по моему не очень-то опасная, ибо нужно было бы действительно быть безумцем, чтобы предаваться гегелианским абстракциям и категориям, имея подле себя такую очаровательную реальность, реальность с большими изумрудными очами, как весьма поэтически выражается моя сестра Татьяна. Что же касается меня, то все, что я приобрел от продолжительного изучения философии, это - глубокое отвращение ко всему абстрактному, и мои философские мечтания закончились не в сладкой области любви, а в узкой тюремной камере (Дальше по-русски в оригинале.).

Поздравляю тебя и радуюсь с тобою, брат Александр: ты теперь сделался человеком, освободился от эгоизма, от безотрадной пустоты одинокого существования и живешь двойною, т. е. полною, совершенною жизнью.

Дай бог тебе силы, доброй воли, любви, ума, а особенно здравого смысла (Отсюда по-французски а оригинале.). До известной степени можно чудить и безумствовать, пока живешь один; правда, наказание рано или поздно придет, это видно по моему примеру; но оно постигает зато одного; и это последнее оправдание безумства утрачивается с того момента, как дополняешь свою жизнь жизнью любимой женщины. Ответственность мужа велика, но в то же время это безмерное счастье и великое достоинство (Дальше по-русски в оригинале.). Не бойся же, друг, верь в свое сердце, верь в спасительную силу любви и с благословением наших добрых родителей, с нашим братским благословением, рука об руку с Лизой, ступай смело и весело вперед к исполнению твоего нового, прекрасного призвания. Блуди за собою, но не мучь ни себя ни ее пустыми страхами, фантазиями; недоверие к себе, беспрестанное углубление и (прости выражение: оно грубо, но живописно и верно), беспрестанное ковыряние в своей душе, в своих мыслях, в своих ощущениях так же вредно, чуть ли даже не вреднее легковерной и

слепой самоуверенности. Блюди только себя от эгоизма, от эгоизма в сердце, в уме, а пуще всего от эгоизма в привычках; я говорю пуще всего, потому что в сердце твоём эгоизма слава богу нет; от головного эгоизма вылечит тебя действительный мир и любовь Лизы, но от последнего эгоизма, самого скучного, если и не самого злого, и без всякого сомнения самого противного семейному счастью, - от эгоизма в привычках и в ежедневных мелочах жизни, от этой склонности, естественной всякому человеку, предпочитать свое спокойствие, свои забавы, свои коньки спокойствию, забавам и фантазиям другого, Лиза не только что не может вылечить тебя, но напротив, следуя любви и той потребности самопожертвования, которая живет в сердце каждой благородной женщины, она способна укрепить тебя в нем, и если сам не будешь блюсти за собою, ты сделаешься мало по малу, хотя и сам не замечая, самым скучным деспотом (Отсюда по-французски в оригинале.).

Не довольствуйся же тем, чтобы быть хорошим мужем, старайся также быть любез-

ным мужем: любезность есть прелесть сердца, как правдивость - его добродетель. Никогда не будь с Лизой ни расфранченным, ни в халате как наружно, так и внутренне; старайся всегда производить на нее приятное впечатление, как в первый день вашей встречи: для того, чтобы любовь была живою, ее нужно каждый день заново заслуживать; она достигается только путем взаимных уступок и постоянного жертвования своим я. Ты знаешь Лизу и вместе с тем ее не знаешь. Так, как натура человека по своей сущности бесконечна, то человеческое сердце можно сравнить с книгою, которая пишется по мере того, как ее читают, и не кончается, пока живет. Нельзя нанести человеку большего оскорбления, чем сказав, что знаешь его как свои пять пальцев. Человека знаешь только, поскольку его любишь. Изучай же Лизу внимательно; изучай ее с любовью, с уважением, изучай ее впечатления пристальнее, чем свои собственные, постоянно старайся угадать ее радости, фантазии, желания и относись к ним по крайней мере с такою же деликатностью, какую инстинктивно проявляют по отношению к дви-

жениям собственного сердца. Никогда не будь ни наводящим скуку, ни скучающим: ничто так не деморализует, как скука. Не считай себя выше ее потому, что ты - ее муж, и никогда не разыгрывай оракула; предоставь самой Лизе признать твое мнимое или действительное превосходство: любящие женщины естественно склонны к преклонению; все женщины-идолопоклонницы. С своей стороны никогда не забывай, что в любви, как и в мудрости, мужчина не может дать женщине больше того, что сам от нее получает. Здесь царит полное равенство. На стороне мужчины наблюдается более логическое развитие мысли, сила абстракции, наружная энергия воли и физическая сила; но зато женщина приносит ему взамен много здравого смысла, героическую преданность, естественное благородство, врожденную деликатность, к которой он сам неспособен, инстинктивную интуицию красоты, правды и истины, она приносит ему красоту и изящество, das ewig Weibliche (Вечно женственное (по-немецки в оригинале), как говорит Гёте, без каковых вся сила мужчины была бы низменною, а его ум-

вечно ложным. Будь всегда прям, искренен, честен, но не доводи никогда искренность до грубости; не только промолчать иногда о том, что считаешь истиною, но и исказить эту истину подчас бывает более человечно, деликатно, а следовательно правдиво, чем грубо и бесцеремонно высказать правду; педанты истины все тщеславны, они делают палаческое дело и вреднее лжецов, ибо правда является живою и истинною только тогда, когда идет как из головы, так и из сердца, когда она соответствует людям и обстоятельствам, настроениям момента, и особенно когда она свободна от всякой суетности.

Когда ты почувствуешь припадок слабости, милый Александр, не пренебрегай поддержкою и помощью своей жены, - женщины так сильны, когда любят, - не бойся унижить себя перед нею признанием своей относительной или временной слабости, не думай, чтобы твое мужское достоинство и обязанности мужа требовали от тебя горделивого одиночества силы. Женатые люди должны делить все пополам: силу, ум, преданность и любовь. Не следует питать смешной, суетной

и обидной претензии давать больше, чем получаешь; нужно не поддерживать, а опираться друг на друга, нужно не поучать, а вместе учиться, нужно не ораторствовать, а беседовать, что гораздо веселее; в любви все должно быть диалогом, а не монологом. Словом люби Лизу и уважай ее, для того чтобы она с своей стороны тебя любила и уважала. Gruble nicht, aber denke, liebe und handle das ist alles ("Не мудрствуй, а мысли, люби и действуй - это все" (по-немецки)). Пусть твои занятия будут не только научными, но и реальными, не прячущимися от света, связанными с повседневными обязанностями, заботами и борьбою; будь реальным человеком на реальной почве, верь в ваше счастье, в ваши удвоенные любовью силы и, отбросив далеко от себя все сомнения и болезненные колебания, плод твоего прежнего безделья, постепенно приучайся, милый друг, к сладостной привычке любить, действовать и жить.

Итак, советуя тебе обращать надлежащее внимание на мелочи и детали жизни, имеющие столь важное значение в браке, особенно вначале, когда ваша совместная жизнь еще

не отлилась в прочные и определенные формы, я одновременно рекомендую тебе не делаться паникером, трусом и не доводить деликатности ваших отношений до подозрительной обидчивости, что стало бы источником всех могущих постигнуть вас несчастий. Не пугайся малейшей тучки, которая бросит тень на ваше супружеское счастье; весело покорись судьбе в таком случае и, если недоразумение произошло по твоей вине, признай это, если по ее вине, прости ей. В конце концов вы ведь не стеклянные, и несколько небольших толчков, неизбежных при всякой совместной жизни, не разобьют ни вас, ни вашего счастья, ни вашей любви; напротив они научат вас лучше знать и больше любить друг друга. Есть немало очень хороших семейств, счастье которых поддерживается только путем ежедневных потасовок; и, уверяю вас, лучше дать друг другу по несколько хороших шлепков, чем вечно дуться друг на друга: при сильной любви эти демонстративные беседы питают любовь. Но в таком случае, чтобы все было в порядке, когда муж поднимает руку для удара, жена непременно

должна пускать в ход ногти и на всякий получаемый ею шлепок отвечать доброй царапиной-все по принципу солидарности; а так как ногти представляют естественное выражение женской грации, кулак же-выражение мужского ума, то они служат друг другу взаимным дополнением. Итак полное равенство во всех отношениях - в нежности, как и в гневе, в шлепках, как и в ласках, - таков высший закон брака.

Вы видите, что я в своей теории брака последователен до конца, и разве вас не поражает, как она применима ко всем обстоятельствам жизни? Посему, дорогие друзья, никогда не дуйтесь долго друг на друга, следуйте точно евангельскому правилу, предписывающему не ложиться спать, не очистив сердца от всякого дурного чувства; но если вы почувствуете желание вцепиться друг другу в волосы - на словах или в более выразительной манере, можете спокойно позволить себе эту прихоть: неправда-ли вы слишком сильно любите друг друга, чтобы опасаться дурных последствий от такой стычки? Но посердившись, посмейтесь хорошенько, детки, ибо ве-

селье есть последнее слово высочайшей мудрости.

Прости мне, дорогой брат, это длинное нравоучение. Я не собирался тебе его прочитать, я хотел только ответить на те несколько слов, которые ты высказал мне относительно твоего нынешнего настроения, и не знаю как написал целый трактат. Если мои рассуждения правильны, это не значит, что я умнее тебя: всегда легче рассуждать о чужом положении, чем о своем собственном; между дачею хороших советов и их выполнением, как тебе известно, целая пропасть, и вот почему критика легка, а искусство трудно (Дальше по-русски в оригинале.).

Вот Илья например пишет, что ты односторонен и что все убеждения твои ложны. Может быть, он и прав, а ведь я уверен, что когда он сам будет в твоем положении, то равно как тот офицер (в повести Гоголя), которого старая тетка женила так неожиданно, он пришел бы в тупик и убежал бы от жены на колокольню (Отсюда по-французски в оригинале). Итак снова прошу у тебя прощения за эту длинную проповедь, это-проповедь потерпев-

шего кораблекрушение: никогда не знаешь так хорошо, что должны делать другие, как если сам делал прямо обратное тому, что следовало делать. Мне остается поблагодарить тебя, мой добрый Александр, за то доверие, с каким ты говоришь мне о себе; это-большое доказательство дружбы, я благодарю тебя за него от всего сердца. Будь же счастлив, счастливеец ты этакий! (Дальше по-русски в оригинале.).

Я рад, что ты решился вместе с братом Николаем заняться хозяйством - не говоря уже о существенной пользе, которая произойдет от такого совокупления ваших сил для целого семейства, я уверен, что ты найдешь в сельской жизни и в сельских занятиях полное удовлетворение всем потребностям твоего ума, твоей воли и твоего сердца. В Западной Европе земледелие перестало быть простою рутиною, но приняло почетное место в ряду серьезных, положительных наук; его право на это название и место оказалось в многочисленных применениях, утвердилось успехом и выгодною, несомненною меркою во всех хозяйственных теориях и предприятиях; и

ничего нет мудреного: земля, равно как и индустрия, производит по неизменным физическим, химическим, органическим законам, открытие которых необходимо должно влиять на сельское хозяйство. Только земледелие в применении великих новых открытий не шло ровным шагом с индустриею по двум причинам; во-первых потому, что индустрия обещала сначала большой и скорейший барыш, так что все умы и капиталы обратились к ней исключительно, до тех пор пока конкуренция не восстановила равновесие, а во-вторых потому, что земледelec, равно как и земля, с которою он живет так тесно, что, можно сказать, с нею отождествился (В оригинале "отождестворился"), потому что земледelec, говорю я, любит шагать медленно, мало по малу и не терпит нетерпеливых прыжков. Всякий земледelec есть консерватор, любящий старое, не терпящий новизны, риску и требующий несомненных, глаза колющих доказательств для того, чтобы решиться на какое-нибудь нововведение. Вследствие этого земледелие, хотя и сделало в последнее время

большие успехи, находится еще относительно к другим хозяйственным наукам в детстве, в России, кажется, более, чем где-нибудь. Теоретическое изучение этой науки, обнимающей столько других, даст тебе несомненно в тысячу раз более действительного, живого, утешительного знания, чем вся немецкая философия взятая вместе, последнее слово которой, равно как и последнее слово всякой метафизики, есть слово Montaigne: "Que sais-Je!" (Слово Монтеня (философа-скептика): "Что я знаю?").

Но теории одной недовольно; главное и труднейшее дело состоит в применении. Я помню, что уже в мое время было в России много земледельческих нововводителей, и что они большею частью все обанкротились; это не есть доказательство против самой теории, но доказательство их поверхностного знания, самого вредного, как ты знаешь, и, что еще хуже, доказательство отсутствия здравого смысла в сих так называемых рациональных хозяйствах. Я уверен, что нет такой теоретической истины, которая бы не была удобоприменяема везде и повсюду; но спо-

события применения бесконечно различны и должны сообразоваться с климатом, с почвою земли, с средствами, с обстоятельствами, а прежде всего с характером, привычками, степенью образованности, даже с предрассудками крестьян, без доброй воли которых никакой успех невозможен. Открыть эти способы никакая теория не может; познание их приобретается только посредством долгого размышления, с помощью здравого смысла, опытом, сметливостью, практическим знанием людей, самых трудных на деле, одним словом действительною и умною жизнью в действительном мире. Если бы ты был один, я бы тебе ни за что в мире не предложил быть хозяйственным реформатором; ты еще, кажется, слишком влюблен в теорию, а поэтому мог бы наделать много глупостей, а, предоставленный себе одному, вероятно разорился бы в пух, так как и я сам разорился в другом отношении. Но подле тебя брат Николай, которого нелегко тебе будет поднять на ноги; он будет тебя слушать да улыбаться и не подыметя с места, пока ты не убедишь его совершенно, так что твоя теоретическая прыть найдет

приличную границу в его здоровом рассудке у в его практической лени. Кроме этого ты к счастью живешь с нашим добрым, умным, многознающим отцом, советы и опыт которого не будут для тебя потеряны так, как они были потеряны для меня, и потому ты можешь без всякой опасности предаться теоретическим изысканиям; а я уверен, что они не будут бесплодны.

Но с сельским хозяйством неразрывно связано еще другое великое и святое дело: попечение о благе крестьян. Великая (т. е. крупная.) собственность везде налагает священную обязанность печься о неимущих, но нигде так, как в России, где помещик, обладая землею, обладает также отчасти и волею обрабатывающих ее людей (Дальше по-французски в оригинале.), и я полагаю, что по самому духу наших учреждений эта привилегия не должна рассматриваться ни как синекура, ни как источник обогащения, но как публичная функция, как своего рода служение, политическое и вместе с тем моральное, почти религиозное, временно возложенное правительством на дворян-помещиков скорее

в качестве долга, чем права, долга, который честно и добросовестно выполняется к сожалению очень немногими помещиками. В своих отношениях с крестьянами дворянин-помещик в большинстве случаев выступает одновременно в качестве судьи и заинтересованной стороны: он судит без права апелляции и сам выполняет свои приговоры. Это положение крайне затруднительное и весьма щекотливое, требующее большой честности и сильно развитого чувства справедливости от помещика, желающего выйти из него с честью. Но когда его желание искренно, его положение дает ему возможность делать много добра: все зависит от умения приняться за дело и не гнаться за невозможными улучшениями, пренебрегая теми, осуществить которые легко. Я знаю, что задача эта связана с множеством трудностей, и первая из них заключается в неизбежно частом столкновении интересов помещика и его крестьян. И вот, не доводя самоотречения до донкихотства, что впрочем привело бы к плохим результатам, я думаю, что помещик должен часто жертвовать своими интересами: в его исключительном поло-

жении, при присвоенных ему чрезмерных правах это представляется священным долгом. Я даже полагаю, что поступать таким образом должны в конечном счете заставить его правильно понятые его интересы: что теряешь в процентах, то выигрываешь в доброй воле, а последняя в конечном итоге всегда принесет проценты. Только невежды и злонамеренные могут еще отрицать, что благосостояние и довольство крестьян составляют существенное условие процветания помещика. Вторая трудность заключается в естественной недоверчивости крестьян, в их упрямстве, невежестве, фанатизме, их предрассудках. Что касается недоверчивости, то это по видимому - качество, присущее всем земледельцам в мире: с ним встречаешься во Франции, в Бельгии, в Швейцарии, равно как в России; все крестьяне хитры, упрямы, замкнуты; все боятся быть обманутыми, может быть потому, что сами чувствуют себя слишком склонными к обману. Никакое доказательство *a priori* не действует на них; чтобы убедить их, требуется много доказательств *a posteriori* - без каламбура (Намек на телесные

наказания (a posteriori значит также сзади)). Но они хорошо умеют ценить вещи по их результатам, и хотя отличаются медлительностью в движениях, всегда готовы пуститься в путь. Чтобы сделать крестьянам действительное добро, не следует насиловать их чувств и предрассудков, а нужно их обходить; а для борьбы с ними необходимо взять их же за исходный пункт и точку опоры: нужно в самой природе крестьянина и в его привычках найти средства убедить его и двинуть вперед. Как видишь, я рекомендую тебе сократический метод и платоновскую диалектику, но только упрощенные и примененные к практическим потребностям. Я думаю, что в каждом человеке, даже самом необразованном, можно найти несколько пунктов, за которые его можно взять; нужно только уметь их открыть. Правда, это - метод несколько медленный, требующий не только много настойчивости и старания, но и много любви. Метод, состоящий в применении насильственных мер, более скор, но я предпочитаю свой, ибо он менее резок, более достоин, а кроме того должен давать более верные и более длительные ре-

зультаты, так как основан на убеждении и на добровольном согласии тех, к кому и для блага кого он должен быть применен.

Чтобы делать крестьянам добро, их нужно немножко любить, дорогой Александр; отношение помещика к слуге должно быть не отношением молота к наковальне или эксплуататора к производительной материи, а отношением человека к человеку, бессмертной души к бессмертной душе - без нарушения различия положений, образования и пр. Крестьяне чаще всего - большие дети, дети по своему невежеству; опека просвещенная, благожелательная и нередко строгая для них необходима; но при всем том они достойны любви, да, достойны уважения, ибо это всегда та же бессмертная сущность, те же горести, те же радости, те же бесконечные устремления, а часто под их грубою корою скрыты высокие качества. Я уверен, что изучение крестьянина в целях улучшения его материального и морального состояния, изучение, сопряженное с большими трудностями вследствие взаимного недоверия между обеими сторонами, может стать полным очарования и несомненно

в тысячу раз более полезным, чем все неприменимые и абстрактные занятия.

Я не проповедую слабости, напротив я убежден, что наряду с большою благожелательностью и особенно наряду с неуклонною справедливостью абсолютно необходима большая строгость. Русский мужик считает промахом не обмануть там, где он может обмануть, он презирает тех, кого обманывает, и, будучи человеком широкого размаха, почти одинаково сильно ненавидит простецкую слабость одних и несправедливый гнет других. Хотя я - не очень-то большой любитель телесных наказаний, я думаю, что они к сожалению пока еще совершенно необходимы. Вели же, милый друг, сечь, вели сечь, но сам не секи никогда; это мерзко. И наказывай всегда так, чтобы крестьяне были глубоко убеждены в справедливости понесенного наказания. Когда они убедятся, что ты справедлив, когда они увидят, что ты добр и вместе с тем решителен, они в конце концов станут тебя уважать, а затем и любить, и тогда ты сможешь делать с ними все, что захочешь. Знаю, что все это легко советовать, говорить, но очень

трудно выполнять, но трудность вещи ничего еще не говорит против нее, и мало-мальски серьезное предприятие сопряжено с тысячею затруднений. Прежде чем добиться успеха, прежде чем открыть правильный путь, ты несомненно испытаешь тысячу неудач, совершишь тысячу промахов, словом проделаешь бесконечный труд, но разве сделаться отцом, другом и благодетелем сотен бессмертных душ, одновременно заботясь о благосостоянии и процветании собственного семейства, разве это - не достойная цель и не святое дело? 3

Видишь, дорогой Александр, какая трудовая жизнь открывается перед тобою. Не прав ли я был, говоря, что она даст достаточную работу всем способностям твоего ума, сердца и воли? Вступай же на этот новый путь с твердою решимостью, без задних мыслей и без запоздалых сожалений. О чем бы ты стал жалеть? О своей утраченной свободе, о своих абстрактных занятиях, о своих бесполезных и бесцельных фантазиях? Но ведь это была пустота, а теперь ты сменил ее на жизнь, одновременно очаровательную и полезную, ис-

полненную любви, радостей, обязанностей и реальных дел. Поверь мне, Александр, в тысячу раз лучше быть целостным человеком, т. е. жить, любить и действовать, чем быть метафизиком или мечтателем и гоняться за китайскими тенями. Уверяю тебя, одна искорка этих прекрасных, знакомых тебе изумрудных очей в тысячу раз ценнее и содержит в тысячу раз больше сокровищ и живого, истинного знания, чем вся Александрийская библиотека, сожженная, как тебе известно, одним мусульманским филантропом 4. А затем ты не рожден философом, да и я тоже в чем я убедился к несчастью несколько поздно. Если только человек не является великим гением, от чего да сохранит тебя небо в интересах твоего счастья и особенно счастья Лизы (ибо жена гениального человека непременно должна стать несчастной), если только он не является прирожденным философом, то философом нельзя стать безнаказанно. Великие люди знания и науки созданы не так, как обычно; они устроены так, что для себя самих-они ничто, а для других-всё; это-книги, абстракции, логические дедукции, ходячие

счеты и созерцания, если угодно - возвышенные, по это почти не люди. Несмотря на все свое величие, а быть может именно благодаря ему это- незаконченные существа, выродки природы; их личная жизнь всегда бывала бедною и ничтожною, часто даже сметною. Ньютон например никогда не знал женщины. У тебя нет ни этой слабости ни этой силы, - будь же человеком, будь целостен, реален, счастлив.

Еще раз прошу у тебя извинения за эти бесконечные рассуждения, дорогой Александр. Но так как мне кажется, что между нашими натурами есть много сходства, я хотел бы, чтобы мой печальный опыт не совсем пропал для тебя (если только опыт одного человека может пригодиться другому), я хотел бы еще указать тебе несколько опасностей, которых я не сумел избежать. Абстрактные умы вроде наших настолько поглощены собственными мыслями, что мы подобно шахматистам, не видящим ничего кроме своей игры, не обращаем никакого внимания ни на то, Что совершается в действительном мире, ни на мысли, чувства и впечатления окружа-

ющих нас людей. Отсюда во-первых вытекает то, что мы составляем себе массу ложных идей: человек никогда не бывает так глуп, как тогда, когда он думает только про себя; но, что еще хуже, мы ежеминутно, сами того не желая, задеваем и оскорбляем массу людей и превращаем их в наших врагов. Такова моя история; ты помнишь, ведь я был в Прямухине пугалом для всех чужих (Подчеркнутые слова по-русски в оригинале, причем сказано "пугалою"). Против этого зла существует одно только средство : это - почаще выходить из своей замкнутости, это - заставить себя быть наблюдателем. Это не невозможно, так как в каждом человеке по существу содержатся все необходимые достоинства и все недостатки, с тою только разницею, что одни совершенно естественно и без всяких усилий обладают тем, что другим дается лишь после значительного труда. Попробуй и ты увидишь, что эти выходы во внешний мир, которые к тому же будут своего рода гимнастическим упражнением, весьма благодетельным для твоего ума, доставят тебе множество маленьких радостей; нет человека, который не представ-

лял бы известного интереса, когда удастся его разгадать. Ты знаешь, что естественные науки не презирают ничего, что они с уважением и любовью изучают малейшее микроскопическое насекомое, а разве изучение человека не составляет продолжения этой науки, осложненного только всеми неисчерпаемыми сокровищами и глубинами, которые приносит туда его бессмертная сущность? (Отсюда по-русски в оригинале). Поэтому и Михаил Николаевич Безобразов даже интересен; зачем например он живет, как он живет? зачем он так расставляет ноги? Как в нем образуются мысли и чувства? Что он думает о том, о другом, и зачем его бессмертная душа выбрала такую телячью наружность? 5 Вот найди-ка ты в Гегеле разрешение всех этих важных вопросов (Дальше снова по-французски в оригинале.).

Но я рекомендую тебе изучение окружающих тебя людей не только как естественную науку, но и как моральный и общественный долг. Ибо долгом всякого человека является быть приятным для других, проявлять внимание ко всем, дабы никого не оскорблять и не

задевать ничьих привычек, если только это - не извращенные и не вредные привычки, так как ни в каком случае нельзя доводить снисходительность до соучастия и даже до терпимого отношения к несомненному злу. Учись, совершенствуйся во Всех отношениях, ты можешь от этого только выиграть, но никогда не подавляй никого своим превосходством и не поражай никого своими знаниями. Пусть твое превосходство состоит в том, чтобы быть, а не казаться, старайся напротив казаться меньшим, чем ты есть на самом деле. Проявляй свой ум в том, чтобы давать блистать уму других, и чтобы в твоём присутствии выступали все их хорошие качества; обращайся не к дурным, а к хорошим сторонам каждого человека, чтобы всякий вблизи тебя становился лучше, что будет делать лучшим и тебя самого: в таком случае твоего общества будут искать, тебя будут любить, а так хорошо и полезно быть любимым! Не поддаваясь убийственному действию скучных людей, умей иногда их выносить: это - тоже очень хорошее упражнение для воли и для сердца, это - тоже долг, и вдобавок, как ча-

стенько говаривал мне папенька, не существует столь невежественных, и глупых людей, от которых нельзя было бы чему-нибудь научиться. А затем, когда свет становится слишком надоедливым, остается одно средство - смеяться над ним, что вовсе не составляет греха, ибо напротив, когда смеешься, то никогда не сердишься. А чтобы доказать мне, что ты принял мои советы как добрый брат, прошу тебя, Александр, сообщать мне обо всех лицах, с которыми вы видаетесь, об их наружности, платье, манерах и в особенности передавать мне все сплетни, смешащие папеньку. Ну, разве это - не целый ливень советов? Это-естественное излияние рассудочного и болтливового, долго сдерживаемого языка; к несчастью для тебя он избрал именно тебя. своею жертвою. Кончаю, оставляя тебе в качестве последней капли совет заглядывать в прекрасные лизины очи всякий раз, когда силы тебя оставят, - вот универсальное средство против всех головных и сердечных болей. А засим прощай всерьез (Отсюда по-русски в оригинале.).

Теперь добираюсь до тебя, любимый брат

Илья. Ты написал мне несколько слов и ничего о себе не сказал; говоришь только, что Александр односторонен; он это и сам знает: всякий человек более или менее односторонен и всякий тянет на свою сторону; какая же твоя сторона? Вот Александр женился и вместе с Николаем занимается хозяйством. Павел ломает камни, Алексей служит, музыкальничает, естествознательничает и тешит отца своими письмами; я сижу за грехи или, лучше сказать, торчу здесь как столп с предостерегательною надписью: "не ездите по этой дороге". А ты что делаешь, чем занимаешься или чем хочешь заняться? Ведь без всякого дела жить нельзя. Жду твоего ответа и покамест обнимаю тебя крепко и благодарю и за несколько слов, написанных мне тобою.

Сестру Анну (Явная описка вместо "Александру" (или "Сашу"): именно она рассказывала Бакунину в детстве сказки; она же была замужем за Г. Вульфом, который упоминается тут же рядом.) много раз целую и с нетерпением жду от нее письма; ведь она, милая, уже давно не сказывала мне своих сказок; Габриелю 6 рекомандуюсь как брат и прошу его

дружбы, а племянникам и племянницам рекомендуюсь как дядя; ведь у меня теперь столько их, что я должен просить вас пересчитать их подробно, с означением их лет и качеств. Павел и Алексей, надеюсь, напишут мне также несколько слов.

Милая, милая Варинька, вот я и опять переписываюсь с тобою; ведь уже давно мы не говорили друг с другом. Мы разошлись было и расстались холодно; мы были тогда оба *im Werden begriffen* (Складывались, формировались.), оба тянули на свою сторону и друг друга не понимали; я был во многом виноват против тебя, но ты уже меня простила; накинём же вечное покрывало на время нашего обоюдного сумасшествия ⁷ и вспомним самое старое время, время нашего детства ⁸. Помнишь, как *Mes-yeux Rictoir* (Фамилия учителя "Mes-yeux Rictoir" - детская переделка "Monsieur Rivoire" (фамилии учителя Ривуара.) рассказывал нам историю и ты умоляла его за меня, когда он награждал меня на несколько *tem[p]s*: "j'ai fait, une tache sur mon habit ot on m'a donne un tem[p]s a ecrire, -tu as fais une tache etc." ("Упражнений: я сделал пят-

но на платье и мне задали письменное упражнение; ты сделал пятно и т. д."), а ты просила его: "Mes-yeux Rictoir, pardonnez!"? ("Простите, господин РякТуар!"). Помнишь, как мы вставали рано по утрам перед заутренней и гуляли по нашему милому прямухинскому саду и любовались паутинами, расстилавшимися по листьям и между деревьями, и ходили на мельницу посмотреть, как мельник вынимал рыбу? Помнишь, как по вечерам при лунном сиянии мы прохаживались гуртом подле сирень и пели: "Tout est calme et tout dort" или "Au clair de la lune" ("Все спокойно и все спит или "При лунном сеете:"). Помнишь, как по зимним вечерам с папенькою мы читали "Robinson Suisse" ("Швейцарский Робинзон" - детский роман (см. т. I, стр. 443-44) и ты была влюблена в Фрица? Помнишь, как ты ревела, задавив своего ручного воробья, и как мы его торжественно хоронили, и как тетенька Варвара Михайловна качала головкой, смотря на твои горькие слезы, и как ты обиделась, когда Vorhert (Борхерт, гувернер в доме Бакуниных) осмелился написать покойному воробью эпитафию? Не знаю помнишь

ли ты все это, но я ничего не позабыл, и когда я вспоминаю время нашего детства, мне становится свежо на душе. Нет, Варинька, мы не могли и не можем разлюбить друг друга, напротив наша любовь будет теперь крепче, потому что оба мы стали умнее. Мы оба перестали жить своею жизнью; ты живешь в сыне, я во всех вас. Ты любишь мужа и он тебя любит, обними же его за меня и скажи ему, что и я хочу также любить его, хочу быть ему добрым братом.

Благодарю тебя за подробности и прошу у тебя еще больше: кто такое Вася, по какому побуждению и с какою мыслью ты приняла его и что ты ему готовишь, и каким образом ты приобрела себе еще третьего сына Роберта Карловича, и какой у него вид и сколько ему лет? 10 Ты видишь, мое любопытство не имеет границ. Я не думаю, чтобы Саша¹¹ помнил меня; да оно и лучше: я не умел еще тогда быть для него добрым дядею. Ты пишешь, что он ленив и слаб характером; он еще в таких летах, что его еще можно и от того и от другого с его содействием вылечить. И я собирался было много писать тебе об этом предмете; но

дело не к спеху, письмо это уж и без того переполнено рассуждениями и советами, и я боюсь, чтоб оно не сделалось похоже на книгу нашего покойного дяди Александра Марковича Полторацкого 12. А пронос (Кстати.), что делает сынок его, наш Cousin Pierre ? (Кузен Пьер (Петр Александрович Полторацкий) Он перестал к Вам ездить; слышал я, что супруга его Marie (Мария.) сбежала; экая какая! Неужели нашла еще хуже Петра! Впрочем для него потеря не большая; она ему недорого стоила: только пять фунтов Жукова табаку да несколько глупо-трогательных фраз насчет будущности и благосостояния только что тогда купленных им крестьян, которых они потом оба лупили. Я помню, как Любаша бранила меня за эту торговую сделку. Что ж делает он теперь? Пьет или играет в карты? Должно быть, пьет: ему нет другого выхода. Я непременно должен знать об этом. Варинька, он твой сосед, ты мне за него отвечаешь; к тому же ведь он отчасти также и твой воспитанник, ты во время оно сильно заботилась об обращении его на путь истины. Мне очень хочется заставить тебя, мою набожную и свя-

тую, немножко позлословить; а так как о Петре нельзя верно сказать нескольких слов, не сказав дурного слова, то я налагаю на тебя обязанность писать мне об нем самые подробные рапорты.

Николай, твой муж, а мой брат 14, должен также писать мне, только о предмете более приятном, о человеке, которого мы оба любим, о Вертеле¹⁵. Я с радостью узнал, что дружба их вынесла пробу времени; это делает им обоим честь; рад был также узнать, что Verteuil (Француз Вертэй, знакомый Бакуниных.) - майор и что он женится, хотя, говорят, Оресту нашему это и не очень нравится. Поет ли еще Verteuil "Objet chéri" ("Предмет любви"), а Николай "Fliesen die Tage"? ("Дни бегут". Впрочем это заглавие романа в оригинале написано неразборчиво; ясны только последние два слова "Die Tage", первое же слово разбирается с трудом. (У В. Полонского в томе I "Материалов", стр. 267, напечатано здесь нечто совсем невразумительное: "Juliane du Bose").

Теперь обращаюсь к тебе, моя Татьяна. Если б я хотел высказать все, что я к тебе чув-

ствую, все, что я о тебе думаю, как я люблю тебя, то я никогда не кончил бы, а потому лучше я не стану начинать; ты ведь и без слов поверишь и почувствуешь. Ты больше, чем все другие, - моя, моя крепостная девочка или, лучше сказать, старушка; мученица за всех и лучшая из всех; ты так же, как и я, живешь не своею жизнью, с тою только разницею, что жизнь твоя не ограничивается чувствами, а есть непрерывное, живое, благодетельное дело самой святой и горячей любви. Поцалуй за меня дочерей Николая.

К последним обращаюсь к вам, мои добрые, добрые родители; я не знаю, где найти выражения для того, чтобы выразить всю мою горячую благодарность за вашу любовь; она-мое утешенье, моя опора, моя сила, мое счастье, да, в самом деле счастье: я был счастлив, вполне счастлив, когда читал ваши письма. Вы хотите, батюшка, чтобы я занялся переводами; я не думаю, чтобы это было возможно; да сказать ли вам правду, оно стыдно, но прежде всего должно быть откровенным: во мне умер всякий нерв деятельности, всякая охота к предприятиям, я сказал бы всякая

охота к жизни, если бы не нашел новую жизнь в вас; я не унываю, но также и ничего не надеюсь, у меня нет ни цели, ни будущности, я не жил бы, если бы не жил вашей жизнью. Когда я не думаю о вас, я стараюсь совсем не думать, мысли слишком мучают и гнетут меня поздним и бесплодным сожалением прошедшего, поздним раскаянием - я курю сигаретки, читаю романы и рассказываю себе сказки (Дальше по-французски в оригинале.). Это до известной степени жизнь курильщика опиума, вечный сон, иногда дурной сон потерпевшего крушение Дон-Кихота, иногда фантастический сон в духе Гофмана, за которым к великому для меня счастью довольно часто следует живая и благодетельная беседа с вами, всегда оживляющая меня и возвращающая меня к сознанию действительности (Дальше в оригинале снова по-русски.). Вот вся моя история в коротких словах; но не упрекайте меня ни к унынию ни в ропоте, мои любезные родители; я право не унываю и креплюсь посильно; что ж касается до ропота, то я должен бы быть дураком или сумасшедшим, если бы считал себя вправе роп-

тать. Я должен бы был быть совсем деревянным, иметь каменное сердце, чтобы не чувствовать глубокой, искренней благодарности к тому, который, вместо того чтобы казнить меня по закону, - а я знаю, что я заслужил по законам, - передал меня в руки одного из добрейших людей в России (Отсюда снова по-французски в оригинале.). Сознаюсь, что когда я сидел в крепости за границею, я больше всего, гораздо больше, чем смерти, боялся быть переведенным в Россию; так вот то, что я считал величайшим несчастьем, становится для меня счастьем, истинным счастьем; не говоря уже о данном мне разрешении переписываться с вами, нигде я не встречал такого Гуманного обращения, такой деликатной доброты. Я решительно ни в чем не нуждаюсь; я живу здесь как бы в семейной обстановке. Вы знаете генерала, поэтому я говорить о нем не стану¹⁶. Но все прекрасно ко мне относятся, начиная с капитана, ежедневно навещающегося ко мне по несколько раз, и вплоть до последнего солдата. Капитан это - превосходнейшая и оригинальнейшая натура, какую только можно встретить; веч-

но с веселым словцом в запасе, и хотя без большого образования, но с тою сердечною добротою, которая и составляет истинную тонкость. Не печальтесь же слишком о моей участи, дорогие родители, я имею гораздо меньше того, что я заслужил; позвольте мне по-прежнему предаваться своим фантастическим мечтам и сосредоточит" то, что во мне осталось от жизни, способностей и действительности, на вас и на вашем семейном благополучии.

Вы понесли большую утрату. Я понимаю печаль Николая, я понимаю, что он слил себя с будущностью своего сына и, видя, как тот умирает, чувствовал, что умирает сам. Понимаю также и вашу печаль. Вы так его любите, что чувствовали подобно ему. Эта потеря должна была поразить вас вдвойне: и в его сердце и в ваше, тем более что с возрастом потери становятся болезненнее; никогда не привыкаешь к смерти любимых людей. Зато господь послал вам утешение: это-Лиза. Право, когда я читал все, что Вы, дорогая маменька, о ней говорите, и все, что говорят о ней сестры, мне представлялся лучезарный ангел, сошед-

ший с небес нарочито для вашей поддержки: новая дочь для вас, новая сестра для нас. Да благословит ее бог и да благословит он также вас в вашей новой радости!..

Смею сказать, что, несмотря на все горести, какие небу угодно было вам ниспослать, несмотря на вечно незаменимую потерю Любаши (Слово Любаша по-русски в оригинале.), бывшей поистине как бы олицетворением грации, мира и любви в нашем семействе, несмотря на горе, причиненное вам нами и особенно мною, несмотря на все это, вы - счастливые родители: с такою большою семьею, каждый член которой вас обожает, семьею, столь тесно спаянную в радости, как и в горе, и состоящую из столь благородных и столь добрых людей... А тут к вам приходит еще и новая дочь, дабы принести вам новую молодость, новую любовь и новое счастье! Теперь вы живете как добрые патриархи, окруженные и обслуживаемые своим многочисленным потомством, пожиная, наконец, после стольких бурь плоды своих трудов и бесчисленных жертв... Один я составляю некоторый диссонанс в этой гармонии; но я - козел

отпущения в семействе, знаете - тот, которого евреи ежегодно изгоняли в пустыню, нагрузив его грехами всего мира.

Повторяю, дорогие родители, не горюйте обо мне. Уверяю вас, что я не несчастен; я спокоен, я совершенно смирился, а когда думаю о вас, то и совсем счастлив. Я счастлив сознанием права называться теперь вашим сыном и пользоваться долей в вашей любви: сердце мое и дух мой очистились в одиночестве; клянусь вам, что у меня не осталось ни одной дурной мысли в голове ни одного дурного чувства в сердце; я преисполнен любви к вам и признательности к тому, кому я обязан признательностью (Николаю I ("Тому" в оригинале написано с прописной буквы)). Клянусь, что если бы мне сейчас предложили свободу на условии снова начать мою прежнюю жизнь блуждающего огонька, вовремя прерванную еще слишком счастливо для меня, я не согласился бы на это. Вы можете поэтому вполне спокойно назвать меня вашим сыном и другом, и, хотя разлученный с вами, я - всегда с вами; мы все собрались вокруг вас, чтобы вас любить, дорогие, добрые родители,

благословите же нас всех вместе и будьте счастливы нашею любовью (Отсюда по-русски в оригинале.).

Жаль только, что Павел и Алексей так далеко от вас живут; не могут ли они к вам приехать на светлый праздник? Ведь вам будет веселее, а потому и мне веселее. Я с нетерпением жду от них писем; теперь знаю про всех, только они остались еще несколько в тени. Напишут авось и они.

Я рад, что Марья Николаевна и Хиона Николаевна¹⁷ живут с вами: они нас всегда любили. Только вот что меня смущает: неужели я должен перестать называть Хиону Николаевну Фоминькою? Нет, буду уж называть по старому. Вот если бы она вышла тогда замуж за майора Зайчонку, так была бы майоршею, почетною дамою; но погнушалась им, а потому и осуждена век оставаться Фоминькою. Я надеюсь, что она по старой дружбе - ведь я был во время оно ее фаворитом, - надеюсь, говорю я, что она мне напишет. Должно быть, она знает всю современную историю Новоторжского уезда, пусть же она мне ее мало помалу расскажет, начиная с истории Алексан-

дры Ивановны Лошаковой¹⁸ и ее любезных племянниц.

Прощайте, прощайте...

Ваш

М. Бакунин.

Вопросы: где деревня Мишук? На каком месте стоит домик Александра? Сколько у сестры Симы детей и как их называют? Кто такая Марья Карповна Львова?

Но 549. - Напечатано, но в плохом переводе и с пропусками в "Материалах", томе I, стр. 251-272. Частично было опубликовано в томе I нашей работы о Бакунине (впервые) и у Корнилова, II, 465-467.

Это письмо, своими размерами и рядом рассуждений, в которых жандармы могли усмотреть или насмешку (как разглагольствования о сечении крестьян) или неподобающие опасному "арестант)" мудрствования, было задержано и по адресу не отослано, причем узнику было указано, что писать можно кратко и только о здоровье. Бакунину пришлось на время замолчать и только через три месяца он написал родным новое письмо, на сей раз краткое и свободное от "философии".

Это задержанное письмо полно выражений раскаяния в грехах и таких выражений и мыслей, которых Бакунин не мог разделять в самые тяжелые моменты своей тюремной жизни. Раз мы теперь знаем, что все его покаянные заявления преследовали вполне определенную цель дурачения жандармов, дабы таким путем скорее вырваться на свободу, то мы не можем разумеется принимать всерьез и таких его заявлений, как оправдание крепостного права, признание пользы сечения крестьян и т. д. Но тем не менее приходится признать, что тактом Бакунин не отличался; должен же был он понимать, что такими неприличными выходками он во-первых, рискует ввести в заблуждение своих братьев, и без того не отличавшихся особым либерализмом или тем более радикализмом, а во-вторых, роняет святое звание революционера перед заклятыми врагами трудящихся. Но видно, что в тюрьме, как и в молодости, а также в старости, Бакунин с такого рода соображениями не считался и людей не очень-то уважал.

Письмо это во французском переводе было

напечатано в № 4 выходившего под редакцией Б. Суварина журнале "La Critique Sociale" за 1931 год под заглавием "Неизданное письмо Бакунина" и с предисловием, в котором содержание этого письма ставится на счет "крестьянскому социализму". Автор предисловия указывает, что крестьянский социализм по существу реакционен, как между прочим явствует мол и из данного письма, и совершенно противоречит духу пролетарского революционного движения. Отсюда делается вывод, что глупы синдикалисты, которые готовы счесть Бакунина своим родоначальником. Все это, может быть, и хорошо, но вся беда в том, что ничего общего с крестьянским социализмом это письмо Бакунина не имеет, и что попала впросак редакция "Социальной критики", вообразив, что рекомендация выгодно вести крепостное хозяйство и помаленьку сечь крестьян составляет один из пунктов программы крестьянского социализма.

1 У Николая умер сын, и Бакунин старается утешить и его и жену его Анну Петровну (урожденную Ушакову).

2 Елизавета Васильевна Виноградская, с

1850 г. невеста, а с 1851 г. жена брата Александра (Бакунина).

3 Этими самыми аргументами отстаивали рабство крестьян все крепостники. Бакунин не мог конечно разделять такие взгляды. Он и здесь дурачит врагов, но прибегает для этого к слишком рискованным приемам.

4 Бакунин имеет в виду легенду о сожжении знаменитой Александрийской библиотеки арабским халифом Омаром.

5 Безобразов, Михаил Николаевич - бедный дворянин, брат сестер Марии и Фионы Безобразовых, приживалок в имении Бакуниных.

6 Вульф, Гавриил Петрович - муж Александры Бакуниной (сестры М. Бакунина).

7 Имеется в виду "борьба за освобождение Вариньки", предпринятая Бакуниным в молодости (1836-1840) и приведшая к охлаждению между ним и сестрой Варварой, которую он хотел во что бы то ни стало заставить развестись с ее мужем, Н. Н. Дьяковым (см. в первых трех томах настоящего издания).

8 Последующие строки напоминают соответствующие места из письма Бакунина к от-

цу от 15 декабря 1837 года, где он также вспоминает годы детства в Прямухине (см. том II, стр. 104-106).

9 Бакунина, сестра старика Бакунина.

10 Вася Ревякин - мальчик, которого взяла к себе на воспитание Варвара Дьякова, любившая заниматься воспитанием детей. Роберт Карлович - какой-то знакомый Бакуниных по Тверской губернии: впоследствии он находился в Риге вместе с Павлом Бакуниным (во время Крымской войны). Точнее установить эту личность не удалось.

11 Александр Дьяков-племянник Бакунина, сын его сестры Варвары.

12 Полторацкий, Александр Маркович - известный под литературным псевдонимом Дормидонт Прутиков. Бакунин имеет в виду его книгу "Провинциальные бредни", вышущую в свое время В. Белинским (см. том I, стр. 446).

13 Из этих слов видно, что Бакунин в свое время способствовал этому браку П. А. Полторацкого с Марьей Федоровной Бояркиной (см. том I, стр. 143, 151 и 177).

14 Николай Дьяков-муж Варвары Алексан-

дровны Бакуниной.

15 Вертэй - старый знакомый Бакуниных по Тверской губернии, француз по происхождению, служил на русской военной службе; вероятно из гувернеров.

16 Речь идет о генерале И. А. Набокове, коменданте Петропавловской крепости (см. выше).

17 Безобразовы (см. прим. 5 в настоящем комментарии).

18 Тверская помещица, соседка Бакуниных.

Но 550. - Письмо родным.

13 апреля 1852 [года. Петропавловская крепость.]

Христос воскрес! любезные родители и вы, братья и сестры, я жив и здоров и благодарю бога, что вы также все живы и, надеюсь, теперь все здоровы. Берегите отца, и пусть он сам бережется, жизнь его для нас всех драгоценна. Надеюсь, что кашель его прошел, и что летом он совсем поправится. Письмо Алексея невыразимо порадовало меня; почерк его в самом деле изменился; теперь он пишет как порядочный человек, не так, как я,

Илья да еще брат Николай, который вероятно потому и писать не любит, что пишет так, что никто прочесть не может. Алексей обещает приехать к вам на лето и привезти с собою Павла. Я рад за вас и за него. Ведь они оба также давно не были в Прямухине.

Милая Саша, спасибо тебе за приписку. Да, много воды утекло с тех пор, как мы расстались; для тебя-к лучшему, а для меня - как ты сама знаешь. Вообрази себе, я все думал, что ты вышла замуж за Jean (Иван) Вульф, и с радостью узнал, что не он, а Гавриил Петрович - твой муж. Поклонись ему от меня и обними за меня и детей твоих поцелуй.

Что еще сказать вам? В последний раз я написал вам бесконечно долгое письмо, которое, кажется, истощило меня надолго, так что сегодня напишу вам только несколько слов. Ведь в чувствах своих уверять мне вас незачем, вы и без слов верите и чувствуете, что я люблю вас и если живу, то живу единственно только в вас. Я никогда не расстаюсь с вами. Анну, детей ее, Лизу и всех прочих сестер обнимите. Марье Николаевне и Хионе Николаевне (Безобразовым) мой усердный поклон, а

вы, добрые, бесценные родители, благослови-
те меня.

Ваш

М. Бакунин.

Долго ли пробудет Николай в Казани? 1

Вы не следуйте моему худому примеру: пи-
шите сколько возможно подробнее и чаще;
помните, что вся моя жизнь-теперь в ваших
письмах. Я вас всех, всех горячо люблю, всех
хочу знать живыми, здоровыми и счастливы-
ми, и любовь каждого из вас для меня есть по-
требность. Прощайте, прощайте! Прощай, моя
Татьяна! Когда увидишь Алексея " Павла,
крепко обними их за меня 2.

Но 550. - Напечатано у Корнилова, том II,
стр. 468.

1 Николай уехал в Казань 24 февраля и
оставался там до октября 1852 года. В его от-
сутствие имением управлял брат Александр,
ревностно принявшийся за дело, как это вид-
но из следующего письма Бакунина в том ме-
сте, где он обращается к Лизе, жене Алек-
сандра.

2 Вскоре по написании этого письма, а
именно в середине апреля 1852 г., скончался

комендант крепости генерал И. А. Набоков. Дочь его Екатерина Ивановна была замужем за Алексеем Павловичем Полторацким, по матери родным братом В. А. Бакуниной-старшей (т. е. матери М. Бакунина). Таким образом, Набоков был дальним родственником Бакунина. Другая дочь Набокова, Елизавета Ивановна Пущина, впоследствии много заботилась о Бакунине, когда он сидел в Шлиссельбурге. Бакунин сносился с нею через какого-то неизвестного посредника (вероятно служившего в крепости) еще тогда, когда был заключен в Петропавловке. Об этом можно судить по письму Е. И. Пущиной к Татьяне Бакуниной, написанному вскоре после смерти И. А. Набокова. Там, между прочим, говорится: "Покуда еще тело стояло у нас в доме, "милый друг" пришел ко мне с просьбою от вашего [брата], чтобы за него поклонилась телу и поцеловала ручку, что он в нем потерял отца" (Корнилов, т. II, стр. 475).

№551.-Письмо родным.

16 мая 1852-го года. [Петропавловская крепость.]

Добрые родители, сестры и братья!

Еще письмо от вас, еще знак любви, еще утешение. Благодарю вас. У меня не достало бы слов, если б я хотел выразить, как глубока, как горяча моя благодарность, как горяча моя любовь к вам. Впрочем, вы легко поверите; любя вас, я люблю самого себя. Что бы была моя жизнь, если б меня не оживляла любовь к вам?

Теперь скажу каждому несколько слов особенно. *A tout seigneur tout honneur*. Итак начинаю с Гавриила Петровича (Вульфа.):

благодарю тебя, брат, за приписку и, предлагая тебе от искреннего сердца свою бесполезную дружбу, прошу тебя дать мне взамен твою. Дом и все местоположение Зайкова я помню очень хорошо. Когда мы были детьми, когда жила еще наша добрая, незабвенная тетушка Варвара Михайловна (Бакунина.), которую ты не знал, но о которой верно много слышал, нам был такой же праздник ездить в Зайково, как твоим детям теперь в Прямухино. Только вряд ли угощают их в Прямухине так же хорошо, как нас в Зайкове. Нас там закармливали. Спасибо тебе за то, что ты взял старые портреты под свою протекцию. Я их

также помню и думаю, что комната в 26 шагов длины, которую ты так хвалишься, не что иное как старая галерея, соединенная с коридором, которые оба вели из гостиной в кухню. Я уверен впрочем, милая Саша, что ты завела у себя и сад; ведь без сада в деревне жить нельзя. Природа, предоставленная сама себе, в Тверской губернии скупа на цветы, а кто провел свое детство в Прямухине, тот не может не любить цветов. Только что за фантазия пришла вам всем сушить их! Они, бедные, едва только что ожили после долгих и тяжелых зимних испытаний, а вы, жестокие, не дав им даже вздохнуть, давай их сушить. Из-под снега прямо на печку или, что еще хуже, под пресс. Недаром говорит Мефистофель, что наука - враг жизни. Милая Саша, спасибо тебе за твою любовь (Дальше в оригинале по-французски.) и за твои добрые, твои ласковые слова. Продолжай говорить мне их время от времени. Это не значит, что мне нужны слова, чтобы верить твоей дружбе, но так приятно слышать, когда часто повторяют, что ты не безразличен для тех, кого сам любишь. Обними твоих детей, моих племянниц, и моего

племянника, а также и Габриеля за меня (Дальше в оригинале по-русски.).

Теперь к тебе, милая Анна. Не унывай, друг, ты еще так молода. Я не верю в неизлечимость твоей болезни и в безвозвратную утрату твоих сил. Будь бодра, верь, хотя быть здоровою И ты будешь здорова (Дальше в оригинале по-французски.). Поддерживаемая любовью Николая, нашею дружбою и своею собственною силою, старайся только сохранять всегда ясность твоего сердца и твоего ума, сохранять вид и при дурных обстоятельствах, и ты снова обретешь все те силы, которые ты потеряла (Дальше в оригинале по-русски.), и будешь опять так же мила, так же обворожительна, жива, весела и любезна, как тому назад 12 лет, когда я знал тебя в Твери острой девочкою. Что сестра твоя Catherine, чудеснейшая Катенька? (Ушакова Екатерина Петровна.). Восторгается ли попрежнему? И верно кого-нибудь обожает. Прощай, милая сестра, надеюсь, что ты мне писала не в последний раз (Дальше в оригинале по-французски.).

Вот, дорогая Лиза, что значит сделаться

женою деревенского жителя; видеть, что тобою пренебрегают и тебя забывают и ради чего же, боже мой! ради такой ужасной вещи, которая служит для удобрения полей (Дальше в оригинале по-русски.). Ты с книгою сидела и верно с интересною и все-таки ждала его, а он позабылся, стыдно сказать, у кучи навоза! Впрочем я рад, что он так ревностно принялся за хозяйство. Хозяйство не легкое дело, а всякое занятие требует сначала исключительного внимания с пренебрежением всех прочих занятий, однако не с пренебрежением такой милой супруги, как ты, судя по описаниям (Дальше в оригинале по-французски.). Впрочем, я думаю, что тут нет никакой опасности; искры ваших прекрасных изумрудных глаз, сударыня, сумеют предохранить его ум от слишком большой доли позитивизма и в то же время будут поддерживать его сердце в надлежащей температуре (Дальше в оригинале по-русски.). Милая сестра, я-люблю тебя, не зная тебя; это - не пустая фраза, я право люблю тебя.

Алексей, ты вероятно уж в Прямухине. Неужели Павел не приехал с тобой? Уважаю

его твердость, но вряд ли последовал бы его примеру. Постоянство в делах хорошо, а любовь лучшее время, потерянное для дел, можно вернуть; что потеряла любовь, никогда не возвращается. Я рад, что ты продолжаешь заниматься музыкою, Алексей. Музыка была и есть мое любимое искусство; она пробуждала во мне всегда религиозное чувство, веру в жизнь и охоту к жизни. Я люблю ее даже более цигар, а это много сказать! Вот в таком порядке: сперва музыка, потом цигары или папиросы из турецкого табаку, потом книги, а потом уж хлеб насущный. Ты видишь, в каком почете стоит у меня музыка. Напиши мне, пожалуйста, потешное письмо и заставь немного посмеяться. Ты, говорят, мастер на это дело. Алексей, постарайся приобрести несколько партитур духовной и даже оперной музыки старой итальянской школы, например Псалмы Marcello, сочинения Pergolesi, Durante и много других, которых я позабыл имена 1. Ты увидишь, как много они доставят тебе наслаждения. В германской музыке у вас недостатка нет, а итальянская - мать и богатый источник всех прочих - у вас слишком в

забросе. Ты верно знаком и с генерал-басом и с контрапунктом, - ведь они тебе необходимы. Достань еще партитуру моей любимой оперы из всех опер без исключения "Iphigenie en Tanride" Риттера Глюка² (nicht zu verwechseln mit seiner- "Iphigenie en Aulide") ("Не смешивать с его "Ифигенией в Авлиде"). Варинька и ты, Павел, помните ли, как мы ее слушали в Берлине? Помнишь ли, Павел, как мы в первый раз слушали с тобой "Норму" во Франкфурте ("Норма" опера Беллини 3.)? Помнишь ли нашу прогулку из Hanau (Ханау, город в Германии при впадении Кинцига в Майн.) во Франкфурт, по берегу Майна, как мы бежали, оба заряженные двумя бутылками рейнвейна?

Татьяна, ты, моя крепостная, пишешь мне, как должна, хорошие, долгие письма, а я храню гордое молчание. Ведь ты знаешь, что я люблю тебя больше всего на свете.

А вам что скажу, добрые родители? Живу и креплюсь вашею любовью и вашим благословением. Будьте здоровы, продолжайте жить нас всех вашей любовью. Благословите меня вместе со всеми другими, сестрами и

братьями, живыми и отшедшими. Мы неразрывно связаны любовью к вам и силою любви всегда в вашем присутствии, как бы ни были разбросаны и рассеяны судьбою.

Ваш

М. Бакунин.

Марье и Хионе Николаевнам (Безобразным.) мое нижайшее почтение. Алексей, скажи мне, поет ли Павел, как прежде, симфонии Бетховена? Если между нами бывали споры, так только за них, особенно за C-moll Symphonie, которую он необыкновенно как портил. Кстати, знаешь ли ты "Les soirees musicales" de Rossini? ("Музыкальные вечера" Россини - Россини, Джоакино (1792-1868) знаменитый итальянский композитор, с 1824 г. переселившийся в Париж; автор множества опер, среди которых назовем "Танкредда", "Севильского цирюльника", "Вильгельма Телля"; писал и церковную музыку, в том числе "Stabat Mater", мессы, кантаты.)

Я могу тебя уверить, что это - прекрасная музыка.

Я так счастлив, так оживляюсь, освежаюсь, молодею, когда пишу к вам, и грустно

мне расстаться с этим письмом: мне кажется, что я расстаюсь с вами. Прощайте, прощайте.

№ 551.-Напечатано у Корнилова. II, стр. 475-477.

1 Марчелло, Бенедикт см. том III, стр. 450.

Порпора, Николо (1687-1766)-итальянский композитор, автор нескольких опер, а также других музыкальных произведений, в том числе месс, псалмов и т. п.; основатель известной музыкальной школы в Неаполе, выпустившей ряд знаменитых певцов.

Дуранте, Франческо (1684-1755)-неаполитанский композитор духовной музыки; автор многочисленных произведений; глава так наз. неаполитанской школы.

2 Глюк, Христоф Виллибальд (1714-1787)-знаменитый немецкий композитор, деятельность которого больше всего была связана с парижской оперой; написал много опер, в том числе "Семирамиду", "Орфея", "Ифигению в Авлиде", "Ифигению в Тавриде".

3 Беллини, Винченцо (1802-1835) - итальянский композитор, автор ряда опер, в том числе "Капулетти и Монтеки", "Сомнамбула", "Норма" (1831), "Пуритане".

№ 552. - Письмо родным.

(15 августа [1852 года]). [Петропавловская крепость.]

Любезные родители, братья и сестры!

У меня также есть праздничные дни: это, когда я получаю ваши письма. Уж я их читаю, перечитываю и право знаю их почти наизусть. Слава богу, что вы все здоровы и счастливы и веселы - и мне за вас весело. Будь вам хорошо, так и мне будет легко. Обо мне не горюйте, - право, мне относительно, при моих обстоятельствах и после того, что вы знаете, очень хорошо: я всякий день благодарю бога за то, что он возвратил меня в Россию, а там будет, что бог даст 1. Я не надеюсь, но также и не отчаиваюсь, а живу вашею жизнью и счастлив вашим счастьем. А потому пишите мне как можно чаще и как можно подробнее.

Алексея, Татьяна, обними, хоть он и не писал мне, я знаю, что он меня любит. Спасибо тебе, милая Анна, за твои строки, приободришь только, [и] ты будешь здорова. При твоей болезни, сколько я понимаю, сильная воля, ясное спокойствие духа - уже половина

выздоровления. Хоти - и выздоровеешь. Была у лебедей, теперь пойди в маленькую рощу, а мне пиши всякий раз. Тебе, Лиза, не пишу, потому что сердит, зачем говоришь ты мне "Вы", ведь я тебе - брат и, если нам судит бог когда увидеться, верно буду тебе другом. А ты, Александр, кстати поколоти Лизу, это будет ей полезно; а ты таким образом узнаешь на опыте, как должно поступить с мужиком, который прибил свою супругу. Варинька, обними за меня своего Александра и непременно поселись возле Прямухина. Ты, Саша, рассказывай своим детям сказки; ведь ты, милая, уж давно мне никаких не рассказывала. Наташу поблагодарите за память.

А вы, мои добрые родители, благословите и любите меня. Ваша любовь, ваше благословение, ваше прощение - для меня неоценимые сокровища.

А главное, будьте все здоровы. Обнимите за меня Павла, когда он приедет 2
15 августа.

Ваш М. Бакунин.

Но 552. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 478.

В папке писем Бакунина той поры, хранящихся в Прямухинском архиве, находящемся в б. Пушкинском Доме, оригинал этого письма отсутствует; вместо него там имеется копия на машинке, никем не удостоверенная и не сопровождающаяся никакими пояснениями. По-видимому, это-результат хозяйничанья покойного Корнилова.

1 Незадолго до отправки этого письма Бакунин имел второе свидание с сестрой Татьяной, которая в конце июля 1852 г. приезжала с братом Алексеем в Петербург, где они оставались три недели. В письме к брату-Павлу от 4 августа 1852 г. Алексей, сообщая об этом, прибавляет: "она виделась с братом Мишелем, который здоров и переносит свое положение как должно" (Корнилов, том II, стр. 478).

2 Брат Павел находился в это время в Киве, где занимался поставкою камня для шоссе.

Но 553.-Письмо родным.

(29 сентября 1852 года). [Петропавловская крепость.]

Грустно мне было получить известие о

кончине Николая (Дьякова1.), тем грустнее, что я во многом был против него виноват, не знал я не понимал его. Варинька, я не стану утешать тебя; одно только время не утешит, но успокоит тебя: и мысль, что у тебя остался сын (Александр Дьяков (Саша).), и чувство, что мы все, оставшиеся, глубоко, горячо любим тебя и нуждаемся в твоей любви. Обними за меня твоего сына; он теперь должен быть всем для тебя и верно не изменит своему назначению. А вы, мои бедные, добрые родители, всякий год вам горе, вы страдаете за всех и за себя вдвое. Чем старше человек, тем тяжелее для него такие потери, ибо в старости уже ничто не возобновляется. Но нас еще много, и мы все любим вас горячо, горячо. Я же с вами беспрестанно. Не проходит дня, чтоб я не думал о вас и не беседовал с вами душою. Берегите себя, будьте здоровы и счастливы в любви нашей. Ведь вы теперь ждете нового гостя, которого подарит нам Лиза (жена брата Александра) для Вас, маменька, новые хлопоты, но зато и новая жизнь; ведь вся жизнь Ваша-в отце да в нас; бог да благословит Вас и наградит за Вашу любовь к нам.

Татьяна, обними за меня всех.

29-го сентября 1852-го года.

Ваш

М. Бакунин.

Но 553.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 479-480.

1 Николай Николаевич Дьяков, муж Варвары Бакуниной-младшей погиб от последствий несчастного выстрела на охоте в августе 1852 года. Бакунин вспоминает о тех неприятностях, которые он причинал этому простодушному, доброму человеку, когда вмешался в его семейную жизнь, добиваясь "освобождения Вариньки" и уговаривая ее разойтись с мужем, что в конце концов ему не удалось.

Но 554. - Письмо родным.

(12 ноября 1852 года). [Петропавловская крепость.]

Слава богу, что батюшка поправился! Бог да сохранит его нам. Я с ним на этом свете не увижусь, но жизнь его для меня столь же необходима, как и вам всем. Я счастлив тем, что он - между вами, и пусть он долго, долго не оставит нас. Я рад, что Варинька теперь с

вами. Быть с вами не может ей не быть утешением. А когда Саша отправится в Москву, намерена ли она совсем там поселиться? Скоро ли приедет Павел? Теперь его только одного недостает между вами. Я уверен, что он приедет и навсегда простится с глупыми камнями. Мне приходило на ум: уж не останавливает ли его там другая, сердечная причина? Впрочем пусть он не обижается; это так, пустая мысль от безделья. А Илья скоро ли женится? Ведь пора: строит дом, так и жениться надо. Если ж не хочет жениться, так пусть служит. Право лучше служить, чем жить одному мелкопоместным бездельным дворянином. Впрочем пусть и он не обижается; это я только так, пошутил. Спасибо тебе, Анна, за приписку. Обними за меня Катеньку (Свою сестру Екатерину Ушакову.). Марью Сергеевну (Вероятно Львову.) поблагодарите за память.

Вам, маменька, и тебе, Татьяна, скажу только, что вас, равна как и всех прочих, от всего сердца люблю. Более об себе говорить нечего.

Обнимаю вас и прошу родительского бла-

гословения. Ваш М. Бакунин.

Марье Николаевне и Хионе Николаевне
(Безобразовы.) мое нижайшее почтение.

12 ноября 1852.

Но 554. - Напечатано у Корнилова, II, стр.
480.

Но 555. - Письмо родным.

[Начало января 1853 года. Петропавлов-
ская крепость.]

Любезные родители, сестры и братья! По
обычаю 1 поздравляю вас с минувшими
праздниками и с наступившим новым годом.
Желаю вам спокойствия, здоровья и тихого
веселья. Жду с нетерпением разрешения Ли-
зиной загадки (Предстоявшие роды.) и обе-
щаю любить племянника или племянницу.
Александр с непривычки должно быть теперь
ни жив ни мертв. Рад, что Анна крепнет и
дерзает на дальние походы. Рад, что Павел к
вам приехал, и что он, равно как и Алексей,
будут жить и служить от вас вблизи 2. Павла
и Вариньку благодарю за короткую, а милую
Александрину (Сестра Александра Алексан-
дровна Бакунина.) за длинную приписку. Что
Татьяна мне пишет, само собою разумеется: я

ее за это даже не благодарю, а люблю от всей души. Любезные родители, что же сказать вам еще? Я здоров и переваливаю дни как пень через колоду. Вас люблю и помню; благословите меня 3.

Ваш сын, брат, дядя и друг
М. Бакунин.

Илья скоро женится?

№ 555.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 480-481.

1 Эти слова "по обычаю" можно было бы понять как нарочитое подчеркивание Бакуниным своего безверия, быть может даже ответом на дошедшие в его тюремную келью слухи об его "обращении" (о чем он мог узнать на свидании с Татьяной), если бы в последующих письмах он не сообщал о своем хождении в церковь и говений. Впрочем, возможно, что такими выражениями, как "по обычаю", он хотел дать понять тем, кто им интересовался, что не следует истолковывать таких его действий, как хождение в тюремную церковь и т. п., в смысле уступки враждебной идеологии, а видеть в них лишь акты, предназначенные к одурачению тюремщи-

КОВ.

2 Алексей поступил чиновником особых поручений Тверской казенной палаты, управляющим которой был его дядя Алексей Павлович Полторацкий.

3 В этом письме уже сказывается душевная усталость Бакунина, начавшего терять былую бодрость, вероятно в связи с ослаблением надежд на скорое освобождение. Письма его становятся все короче и короче. Здесь мог разумеется действовать и прямой запрет жандармов, недовольных многоглаголением узника и его философическими излияниями, а потому требовавшими писем коротких и только о здоровье. Но вернее здесь действовал и упадок духа, невольно овладевавший узником по мере того, как он убеждался, что его заключение затягивается и грозит сделаться бесконечным.

Но 556.-Письмо родным.

(10 февраля 1853 года.) [Петропавловская крепость.]

Ну, Лиза, поздравляю тебя. И тебя поздравляю, Александр 1. Ты теперь в глазах моих стал важным человеком, и я считаю уж тебя

не младшим, а старшим братом. Не давай Лизу Лаврову (Врач.) в обиду, ухаживай за ней сам; ведь должно быть большое наслаждение ходить за женою, которую любишь.

И Вас поздравляю, добрые родители, со внуком. Я думаю, что маменька теперь не отходит от него, а Танюша составляет уж для него новый план воспитания по теориям Павла. Благодарю тебя, милый брат, за твое письмо. Рад, что хоть каракули твои не изменились; в них по крайней мере я узнал старого Павла и думаю, что, если б нам пришлось свидеться, мы, несмотря на долгую разлуку, все-таки узнали бы друг друга. Ведь я любил тебя, Павел, хоть любовь моя и никакой не принесла тебе пользы. Буду надеяться, что любовь твоя (Дальше вымарано несколько слов, которых нельзя разобрать)... независимо от твоей практически-эстетической метафизики, тем более желаю этого, что с своей стороны совершенно притупел и охладел ко всему, что хоть несколько пахнет догматизмом и абстрактною доктриною. Всех обнимаю. Прощайте.

Ваш

М. Бакунин.

Надеюсь, что Марья Николаевна (Безобразова.) теперь здорова. 10-го февраля 1853-го года.

№ 556.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 481-482.

1 20 января 1853 г. Лиза родила сына Алексея, но сама уже не вставала с постели и вскоре умерла от туберкулеза.

№ 557.-Письмо Елизавете Васильевне Бакуниной.

(9 апреля 1853 года). [Петропавловская крепость.]

Милая, милая Лиза, выздоравливай скорей! Тебя все так любят, что кажись одной этой любви должно бы было быть достаточно для того, чтобы тебя поставить на ноги, не говоря уже о докторах, которые, как слышно, кормят тебя как маленького ребенка. Вот и весна наступила, все цветы готовятся к новой жизни, охорашиваются, для того чтобы блеснуть красотой, - неужели ж ты, наш милый, прекрасный, прямухинский цветок, отстаешь от других? Надеюсь, верю, что письмо это застанет тебя уже выздоравливающей. Жаль мне тебя, бедный брат Александр, но

так уже жизнь устроена, что с каждым счастьем сопряжено свое горе. Отрекомендуй меня пожалуйста своему сыну.

Тебя Сашу и тебя Анну (Анна - жена брата Николая.) благодарю за письма, вы обе - умные и добрые девочки,-обнимите за меня ваших детей, ваших деток, как писала бывало наша незабвенная, святая Варвара Мих[айловна] (Бакунина.). Желал бы я посмотреть на Николая в оранжерее: должно быть тепло ему там, а ведь он русский человек, в тепле же и полениться можно, не правда ли Николай?

Ты, друг Татьяна, поцалуй за меня у бабушки руку и поблагодари, хорошенько поблагодари его за любовь и память; обними также и добрую маменьку, которая верно хлопчет теперь об огороде.

Милая Варинька, успокоилась ли ты хоть немного и долго ля намерена еще пробыть в Прямухине? Тебе бы никогда не расставаться с ним, а сыну пора уж становиться на свои собственные ноги, - чем раньше, тем лучше. Хорошо бы было, если б было возможно Павлу сделаться его ментором; он вместе умел бы и присмотреть за ним и путеводить его и ува-

жить самостоятельность его характера. Последнее обстоятельство по-моему очень важно, но вряд ли оно совместно с характером Лангера (Федор Федорович (см. том I, стр. 472)., Пусть Александр (Дьяков, сын Варвары (Саша).) твой посвятит несколько времени на гимнастические упражнения, чтобы вместе с умом образовать также и телесную силу и ловкость: да не будет он только ученым, но также и светским человеком, совершенным [д]жентльменом, не утрачивая однако же ни доброты, ни прямоты, ни чистоты, ни простодушия и избегая, как безобразия, всякой вычурности и фанфаронства (Подчеркнутые слова в оригинале вставлены в примечание.), А главное пусть работает сам над собою и приучает себя понемногу к самопознанию, к отчетливости в желаниях и мыслях, к постоянству в целях, к самоограничению, признаку силы, без которого нет успеха ни в чем, к самообладанию, терпению, пусть создаст себе умную, добрую, сильную волю и будет человеком.

Прощай, я заболтался. Напишите мне скорей, что Лиза выздоровела. Ваш М. Бакунин.

Рад, что Марья Ник[олаевна] (Безобразова.) поправились; поклонитесь им от меня.

9 апреля 1853 года.

№ 557.-Напечатано в "Материалах для биографии Бакунина", т. I, стр. 271-272. Оригинал находится в "Деле" о Бакунине, часть II, лист 147.

Письмо это по каким-то причинам было задержано жандармами: возможно, что их рассердили "неуместные" рассуждения о воспитании, содержащиеся в письме. Судя по датам, именно этим письмом вызвано распоряжение Л. Дубельта следующего рода: "Исправляющий должность коменданта С.-Петербургской крепости г. генерал-лейтенант Корсаков при отношении от 10 апреля № 44 препроводил ко мне письмо содержащегося в Алексеевском равелине Бакунина на имя отца его. Усмотрев в сем письме рассуждения, несвойственные настоящему положению Бакунина, я признал необходимым письмо сие удержать и вместе с тем покорнейше просить Ваше высокопревосходительство не изволите ли приказать предупредить Бакунина, дабы он на будущее время ограничивался сообще-

нием своим родственникам только таких сведений, которые необходимы для успокоения их на его счет, и что в противном случае письма его будут удерживаемы в сем (т. е. Третьем.-Ю. С.) Отделении". Ответом на это распоряжение был рапорт, в котором говорилось, что до сих пор никому не было говорено, чтобы Бакунин меньше писал; что в инкриминируемом письме, хотя оно и пространно, нет ничего, кроме сведений о семействе. За этим рапортом следует карандашная приписка: "отправить, но просить, чтобы меньше и четче писали".

Отсюда можно заключить, что кроме данного письма к Лизе было какое-то другое, более пространное, к отцу, которое и было в конце концов отправлено по адресу, но в Прямухинском архиве не сохранилось. Возможно, что письмо к Лизе представляет просто приписку к тому большому письму и что Дубельт, согласившись отправить часть письма, адресованную отцу, задержал конец его, обращенный к свояченице автора письма, чтобы взять хотя частичный реванш за задевший его ответный рапорт коменданта крепости.

№ 558. - Письмо родным.

[Конец апреля 1853 года. Петропавловская крепость.]

Христос воскрес, любезные родители и вы, милые сестры и братья! Хотя я и очень, очень давно не получал от вас ни малейшего известия, однако надеюсь, что вы здоровы, спокойны, довольны, и молю бога, чтобы он охранил вас. Я здоров и переношу заслуженную судьбу с верою и терпением. На последней неделе великого поста говел и приобщался. Одно теперь у меня большое горе: деньги все вышли и не на что купить ни табаку, ни чаю, ни книг. Велите Павлу не забывать меня. Я без курительного табаку как сумасшедший без нюхательного. И книги также перечитал, и хотелось бы других. Что ж делать? Буду надеяться и ждать, хоть и с нетерпением.

Прощайте, добрые родители, благословите меня. А вы, сестры. в братья, помните и любите, как я вас люблю и помню.

Ваш сын и брат

М. Бакунин.

№ 558. - Напечатано у Корнилова, II, стр.

Кем-то от руки надписано синим карандашом: "1853. 22 апреля".

Это именно письмо мы имели в виду, когда выше говорили о распространении слуха, приписывавшего Бакунину обращение в христианство и даже впадение в пиетизм.

№559.-Письмо брату Павлу.

[Конец апреля 1853 года. Петропавловская крепость.]

Христос воскрес, милый Павел! Желаю тебе всего хорошего на новом поприще. Начинаешь ли ты свыкаться с петербургскою жизнью? Я не спрашиваю, помнишь ли меня, потому что в этом не сомневаюсь. Пиши пожалуйста, дай весть о себе и о всех наших. Ведь отец так стар, что каждое продолжительное молчание с вашей стороны невольно меня пугает. Бог да хранит его!

Если ты все еще в Петербурге, купи пожалуйста два фунта турецкого табаку (можешь купить и больше). Дюбек крепкий Саркиса Богосова, по 1 р. 80 к. сер[ебром] за фунт, и 1 500 белых бумажных гильз для делания папирос, не слишком толстых и не слишком длинных.

Купи также полное последнее издание Geographie de Balbi (География Бальби.) с атласом 2. А также пришли и других книг, которые по прочтении возвратятся тебе в исправности.

Деньги все вышли еще в конце марта, и не на что купить ни табаку, ни чаю. Пожалуйста поспеши, сколько будет возможно. Ты поймешь, каково жить без табаку и без чаю, особенно же без табаку.

Ты впрочем сам знаешь, где и как ты должен искать позволения и указания на пересылку ко мне вещей и денег.

Прощай. Брат твой

М. Бакунин.

№ 559. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 482-483. На письме имеется надпись от руки карандашом: "1853, апрель".

1 Незадолго до того брат Павел переехал в Петербург для поступления на службу. Его знакомый В. М. Княжевич дал ему письмо к своему брату А. М. Княжевичу, занимавшему пост директора департамента в министерстве финансов, и тот определил Павла на должность канцелярского чиновника с жалова-

ньем 300 рублей сер. в год. Но через несколько месяцев Павел вышел в отставку и вплоть до земской реформы нигде не служил и не работал.

2 Бальби, Адриан (1782-1848) - известный географ, итальянец по происхождению, написал на французском языке ряд весьма ценных в свое время сочинений по географии.

Но 560. - Письмо родным.

(4 июня 1853 года.) [Петропавловская крепость.]

Я долго не решался писать. Что писать? Грустно за вас, грустно мне и за себя самого. Я, право, любил ее за то счастье, кратковременное счастье, которое она принесла нашему дому. Тебе, мой бедный Александр, одно утешение: жить для оставшихся, крепче любить их... Другого утешения я не знаю. Время обидное, хоть и действительное утешение... Оставь сына Татьяне, пусть будет она его матерью. Поверь мне: лучше матери, нежнее, умнее, бдительнее ее ты нигде и никогда не найдешь. Это было ее призвание, которого к несчастью она до сих пор не могла исполнить... Крепись, Александр 1...

Что сказать вам еще? Обнимите за меня друг друга и верьте в мою неизменную глубокую любовь. Татьяна, поцелуй хорошенько руку у батюшки и поблагодари его за память, а также у маменьки; хоть она мне больше и не пишет, обними ее крепко И скажи ей, как я люблю ее. Всех обнимаю, целую, всех люблю и помню.

Ваш

М. Бакунин. 4-го июня 1853-го [года].

Но 560. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 483.

На письме имеется .карандашная надпись: "через III Отделение".

1 5 мая 1853 года умерла первая жена Александра Бакунина - Елизавета Васильевна, урожденная Виноградская, оставив ему сына. М. Бакунин сразу получил известие об этом событии, но после того долго не решался писать домой.

Но 561. - Письмо к матери.

(10 июля 1863 года.) [Петропавловская крепость.]

Милая маменька, благодарю Вас за Ваше длинное, доброе письмо. Берегите глаза, и ес-

ли они слабы, ради бога не запускайте болезни. Умный доктор вероятно вылечит их теперь легко, а потом и долгое лечение будет бесполезно. Не пишите мне, если это вредно вашим глазам: ведь я знаю, что вы меня любите. Пусть Татьяна за всех вас пишет. Много горя вам, добрые родители! Пусть любовь детей ваших будет вам утешением. Я рад, что Александр отправился с Варинькой в Москву: это и для него, и для нее, и для племянника Александра (Дьякова (сына Варвары) хорошо. Прощайте. Будьте все здоровы. Обнимаю вас крепко.

Ваш сын и брат

1853-го года 10-го июля.

М. Бакунин.

№ 561. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 483.

В папке с письмами Бакунина имеется теперь не оригинал письма, а его копия от руки с припискою: "Подлинник передан в [Ленинградский] Музей революции 26 марта 1927".

В июне 1853 г. Варвара Дьякова отправилась в Москву вместе с сыном Александром, которому исполнилось уже 18 лет, и приемы-

шем Василием Ревякиным для определения их в университет; в начале августа первый поступил на филологический факультет вольнослушателем, а второй - на медицинский факультет студентом. Александр Бакунин, незадолго перед тем потерявший жену поехал вместе с ними.

Но 562. - Письмо, сестре Татьяне.

(16 сентября 1853 года.) [Петропавловская крепость.]

Давно не писала, Татьяна. Я уж начинал бояться несчастья. Несчастье постигло не прямо вас, но друзей ваших. Итак, предчувствие не обмануло меня. Скажи Митинским жителям, что я принимаю глубокое и живое участие в их горе, я помню Александра: мы оба были мальчиками, когда в последний раз виделись 1. Поздравь от меня Вариньку и Александра (Сына Варвары, Сашу Дьякова.). Обними папеньку, маменьку, сестер и братьев.

16-го сентября 1853-го год".

Ваш

М. Бакунин.

Но 562. - Напечатано у Корнилова, II, стр.

В папке писем Бакунина имеется копия этого письма, сделанная рукою А. Корнилова без указания, куда исчез оригинал. Случайно нам удалось установить, что подлинник письма был самовольно изъят из Прямухинского архива, не знаем А. Корниловым или П. Щеголевым и ныне неизвестно на каком основании находится у сына - последнего, П. П. Щеголева.

1 Речь идет о смерти Александра Сергеевича Львова, соседа и дальнего родственника Бакуниных.

Но 563. - Письмо родным.

(15 ноября 1853 года.) [Петропавловская крепость.]

Милая маменька! Благодарю вас за вашу добрую приписку. Слава богу, что отец здоров, и да сохранит он его долго для вас и для меня. И тебя, Татьяна, благодарю за письмо. Ты добрая, не позабываешь меня. Бог, послав вам большое горе, которое ты, моя милая страдалица за всех, верно чувствовала наравне с Александром, оставил тебе великое утешение, сделав тебя матерью сироты, которого

ты, я в там уверен, любишь так же горячо, как: бы сама Лиза его любила, если б осталась в живых. Таким образом жизнь твоя, доселе разбросанная твоим участием во всех, теперь сосредоточилась на одном предмете; которому ты необходима и который верно уж теперь сделался для тебя (необходимым, -;и я думаю, что ты никогда не была так счастлива, как теперь, и будешь еще счастливее, когда твой племянник-сын будет подрастать. Александр верно никогда не отнимет его у тебя: ведь не найти же ему лучшей матери, и это самое свяжет его (Александра) еще больше с тобою, а ты знаешь, как: все братья дорожат твоею дружбою.

Братья, любите сестер, любите: друг друга, жертвуйте всем любви, соединяющей вас, и смотрите на нее, как на высшее благо, завещанное вам отцом и матерью. В свете жить холодно, когда нет любви, чтоб разогреть сердца, и жестко, когда нет любви, чтоб на нее опереться. Я говорю о вас, не о себе; я теперь для вас - не более как холодная тень, исключая брата Николая, хотя он по привилегированной и всеми уважаемой лени не пишет.

но который в несколько часов свидания дал мне себя узнать и почувствовать. Я знаю вас только прошедших, а не настоящих, глупеньких, а не разумных. К тому же любовь живится делами, равно как и вера, и без дел мертва есть, - я же судьбою или, лучше сказать, своею собственною виною осужден на бездействие как для себя, так и для вас. Поэтому мы как будто бы один для другого не существуем, и вряд ли нам когда-нибудь снова придется существовать друг для друга. Но если во мне остался живой интерес, так это к прямухинскому миру.

Будьте счастливы, братья, вспоминайте иногда обо мне, грешном. Пишите, когда можете, и будьте уверены, что я до последней минуты буду принимать в вас живое участие, радоваться вашим радостям и успехам и горевать вашим горем..

Прощайте. Ваш М. Бакунин

5-го ноября 1853-го года

№ 563. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 484-485.

Перевод с французскою.

№ 564. -: Письмо родным.

[Февраль 1854 года. Петропавловская крепость.]

Мои дорогие друзья! Я знаю, какой ужасной опасности я подвергаю вас тем, что пишу это письмо. И все-таки я пишу его. Отсюда вы можете заключить, как велика сделалась для меня необходимость объясниться с вами и сказать, хотя бы один еще раз, несомненно, последний в моей жизни, свободно без принуждения то, что я чувствую, то, что я думаю. Я подвергну вас риску в первый, но и в последний раз. Это письмо - моя крайняя и последняя попытка снова связаться с жизнью. Раз мое положение будет как следует выяснено, я буду знать, должен ли я еще ждать в надежде быть полезным согласно мыслям, какие я имел, согласно мыслям, какие я еще имею и какие всегда останутся моими, или же я должен умереть.

Не обвиняйте меня ни в нетерпении, ни в слабости; это было бы несправедливо. Спросите лучше моего превосходного капитана, ныне майора - он вам повторит то, что часто мне говорил, что редко он видел заключенного, столь рассудительного, столь мужествен-

ного, как я. Я всегда в хорошем настроении, я всегда смеюсь, а между тем двадцать раз в день я хотел бы умереть, настолько жизнь для меня стала тяжела. Я чувствую, что силы мои истощаются. Дух мой еще бодр, но плоть моя становится все немогшее. Вынужденные неподвижность и бездействие, отсутствие воздуха и особенно жестокая внутренняя мука, которую только заключенный в одиночке подобно мне может понять, и которая не дает мне покоя ни днем, ни ночью, развили во мне зачатки хронической болезни, которую я, не будучи врачом, не могу определить, но которая каждый день дает мне себя чувствовать все более неприятным образом. Это, я думаю, геморрой осложненный чем-то другим, мне неизвестным. Головная боль теперь у меня почти не прекращается; кровь моя бурлит и бросается мне в грудь и в голову и душит меня до того, что я целыми часами задыхаюсь, и почти всегда в ушах у меня стоит такой шум, какой производит кипящая вода. Два раза в день у меня обязательно жар: до полудня и вечером, а впродолжение всего остального дня меня мучит внутреннее недомогание, ко-

торое сжигает мое тело, туманит мне голову и, кажется, хочет меня медленно съесть. Впрочем, вы меня увидите. Ты меня найдешь очень изменившимся, Татьяна, даже с того последнего раза, когда мы с тобою виделись 1. Только один раз я имел случай посмотреть на себя в зеркало и нашел себя ужасно безобразным. Это впрочем, мало меня беспокоит. Я давно уже отказался от того, что старики вроде меня называют суетою, а молодые с гораздо большим основанием называют самую сутью жизни. Для меня остался один только интерес, один предмет поклонения и веры - вы знаете, о чем я говорю, (Бакунин имеет виду революционную борьбу.) - и если я не могу жить для него, то я не хочу жить совсем. Поэтому меня мало трогает мое безобразие.

Меня мало трогала бы также эта болезнь, если бы только она захотела унести меня поскорее. Я не желал бы ничего другого, как поскорее исчезнуть вместе с нею; но медленно ползти к могиле, по дороге тупея,- вот на что я не могу согласиться. Правда в моральном отношении я еще крепок; моя голова ясна, несмотря на все боли, которые ее постоянно

осаждают; воля моя, я надеюсь, никогда не сломится; сердце мое кажется каменным; но дайте мне возможность действовать, и оно выдержит. Никогда, мне кажется, у меня не было столько мыслей, никогда я не испытывал такой пламенной жажды движения и деятельности. Итак я совсем еще мертв; но та самая жизнь духа, которая, сосредоточившись в себе, сделалась более глубокою, пожалуй более могущественною, более желающею проявить себя, - становится для меня неисчерпаемым источником страданий, которые я не пытаюсь даже описать. Вы никогда не поймете, что значит чувствовать себя погребенным заживо; говорить себе во всякую минуту дня и ночи: я-раб, я уничтожен, сделан бессильным к жизни; слышать даже в своей камере отголоски назревающей великой борьбы, в которой решатся самые важные мировые вопросы, - и быть вынужденным оставаться неподвижным и немым. Быть богатым мыслями, часть которых, по крайней мере, могла бы быть полезно-и не быть в состоянии осуществить ни одной; чувствовать любовь в сердце - да, любовь, несмотря на эту внеш-

нюю окаменелость, - и не быть в состоянии излить ее на что-нибудь или на кого-нибудь. Наконец чувствовать себя полным самоотвержения, способным ко всяким жертвам и даже к героизму для служения тысячекрат святому делу-и видеть, как все эти порывы разбиваются о четыре голые стены, единственных моих свидетелей, единственных моих поверенных! Вот моя жизнь! И все это еще ничего в сравнении с другою, еще более ужасною мыслью: с мыслью об идиотизме, который является неизбежным результатом подобного существования. Заприте самого великого гения в такую изолированную тюрьму, как моя, и через несколько лет вы увидите, что сам Наполеон отупеет, а сам Иисус Христос озлобится. Мне же, который не так велик, как Наполеон, и не так бесконечно добр, как Христос, понадобится гораздо менее времени, чтобы окончательно отупеть. Не правда ли, приятная перспектива? Я еще обладаю - и думаю, что не льщу себе -всеми своими умственными и нравственными способностями; но я знаю, что так это не может долго продолжаться. Мои физические силы уже очень надломле-

ны; очередь моих нравственных сил не замедлит наступить. Вы, надеюсь, поймете, что всякий мало-мальски уважающий себя человек должен предпочесть самую ужасную смерть этой медленной и позорной агонии. Ах, мои дорогие друзья, поверьте, всякая смерть лучше этого одиночного заключения, столь восхваляемого американскими филантропами! 2

Зачем я так долго ждал? Кто ответит на этот вопрос? Вы не знаете, насколько надежда стойка в сердце человека. Какая? - спросите вы меня. Надежда снова начать то, что привело меня сюда, только с большею мудростью и с большею предусмотрительностью, быть может, ибо тюрьма по крайней мере тем была хороша для меня, что дала мне досуг и привычку к размышлению. Она, так сказать, укрепила мой разум, но она нисколько не изменила моих прежних убеждений, напротив она сделала их более пламенными, более решительными, более безусловными³, чем прежде, и отныне все, что остается мне в жизни, сводится к одному слову: свобода 4.

[Конец не сохранился].

Но 564. - Это письмо, равно как и два последующих, были впервые опубликованы А. Корниловым, II, стр. 491-493, 494-496 и 497-496 с пропусками, ошибками и в плохом русском переводе. Оригиналы их написаны Бакуниным мелким и убористым почерком на листках, вырванных из книги А. Rastoul de Mongeot-"Lamartine, poete, orateur, historien, homme d'etat", Bruxelles, 1848 (Растуль де Монжо-"Ламартин как поэт, оратор, историк и государственный человек". Брюссель 1848)-первые два по-французски, третье-по-русски. Переданы они были Бакуниным Татьяне на свидании в феврале 1854 года с риском быть навеки заточенным в качестве действительно "секретного" арестанта. Эти письма имеют огромное историческое значение, ибо они неопровержимо свидетельствуют о том, что Бакунин и в тюрьмах сохранил революционный дух и веру, а все его мнимо-покаянные заявления представляли оплошное притворство, направленное к одурачению врагов и выходу на волю для продолжения революционной работы.

1 Они не виделись полтора года (со време-

ни второго свидания в июле 1852 года). Увиделись они в третий раз лишь в феврале 1854 года. На этот раз Бакунин проявил большую настойчивость и добился трех свиданий с братом Павлом, который приехал для этого в Петербург, и сестрой Татьяной. Много содействия оказывали им дочери ген. Набокова, Е. И. Пущина, у которой остановилась Татьяна, и Е. И. Набокова, прямо с обеда у которой Татьяна и Павел отправились на квартиру нового коменданта крепости, генерала Мандерштерна, у которого и имели свидание с Бакуниным. "Он слава богу здоров, - пишет Павел 9 февраля 1854 г. родным, - но потерял почти передние зубы, да и щека немного была подпухши. Танюша приехавши передаст вам лучше ваше свидание, а я сознаюсь, что не умею передать словами, что мне чувствовалось при этом свидания: радость ли это была вновь увидеться или торе так увидеться - бог знает про то. Надежда, единственное спасенье в несчастьи, и надежда, подкрепляемая новыми свидетельствами милости царской, еще теплится в его сердце". Итак у Бакунина была цинга, от которой у него выпали зубы и опух-

ло лицо, и надеялся он не на "милость царскую", а на то, что ему удастся провести и обмануть кровожадных врагов и вырваться таким образом из их лап для продолжения борьбы с ними, как о том свидетельствуют печатаемые под NoNo 564-566 письма.

2 Бакунин говорит здесь о пенсильванской системе одиночного заключения, против которой он протестовал еще в письмах к Рейхелю (см. выше, стр. 95).

3 Это место особенно важно в том отношении, что здесь Бакунин определенно заявляет о своей верности прежним убеждениям и о готовности возобновить революционную деятельность, только в более рациональной и разумной форме.

4 Это письмо представляет отрывок более обширного письма, остальную часть которого Бакунин почему-то уничтожил, как он рассказывает об этом в следующем письме (см. No 565).

Перевод с французского.

No 565. - Письмо родным.

[Февраль 1854 года. Петропавловская крепость.]

Дорогая Татьяна! Останься, прошу тебя, в Петербурге так долго, как только можешь, постарайся видеть меня так часто, как только это возможно. Майор (прежде (Капитан, который продолжает превосходно относиться ко мне) сказал мне, что всецело будет зависеть от тебя видеть меня пять раз, если ты останешься две недели, и больше, если ты останешься дольше. Правда, что по закону, как говорят здесь, (разрешается только одно свидание каждые две недели, но закон этот действительно только для жителей Петербурга, которые могут иметь 26 свиданий в год. Все зависит от генерала. Майор обещал мне разъяснить ему обычный порядок в нашу пользу, когда будет запрошен, что и произойдет после того, как ты подашь генералу (Мандерштерну.) твое прошение. Генерал добр. Отложи же пожалуйста в сторону всякие церемонии и всякую застенчивость и скажи, напomini ему, что прошло уже более полутора лет со времени нашего последнего свидания, и что пройдет без сомнения еще столько же времени, прежде чем ты приедешь снова свидеться со мною. Если ты слишком застенчива и про-

винциальна, чтобы сделать это самой, попроси Лизавету Ивановну (Елизавета Ивановна Пущина.) переговорить с генералом вместо тебя. Но не говори ей ничего об этом письме, так как письмо это составляет важное политическое преступление. Что касается меня, то я надеюсь, что это будет наше последнее свидание здесь: или я буду скоро свободен, или умру 1. Вот почему я прошу тебя пожертвовать несколькими днями. Необходимо, чтобы ты помогла мне выяснять наше положение. Милая моя Татьяна, у меня нет в России других друзей кроме тебя и брата Николая. Все другие меня забыли; что же касается вас двоих, то я надеюсь, что вы по старой памяти еще немного любите меня. Но вы впали в плачевную апатию и чисто христианское смирение. Вы сделали наверное несколько попыток, но испугались первой же неудачи и теперь возложили все упования только на бога. Но я - не христианин и не смиряюсь. Я сумею умереть, если будет нужно; смерть для меня будет счастьем и освобождением, но прежде я должен увериться в том, что всякая надежда выйти отсюда для меня потеряна. Ибо я еще

чувствую в себе силу служить моим убеждениям и моим идеям. Я тебе уже написал длинное письмо, но я его уничтожил, исключая первого листа, который тебе даст понятие о моем теперешнем положении (Имеется в виду No 564.). Остальное я тебе передам при нашем втором свидании.

Так вы, дорогие мои друзья, не подумали о том, что иметь книги, много книг было бы громадным утешением и необходимою поддержкою в моем ужасном одиночестве, а также иметь в Петербурге какого-нибудь умного, симпатичного человека, который - мог бы без опасности для себя приобщить меня к современной мировой жизни? О, в глубине души я часто и ужасно роптал на вас 2.

Но все это я объясню вам в моем следующем письме.

No 565.-См. общие замечания к No 564.

1 Из всех трех писем, тайком переданных Татьяне на свидании в крепости, ясно, что Бакунин собирался покончить с собой в случае утраты всякой надежды на освобождение. По крайней мере, о таком своем намерении он говорит довольно недвусмысленно.

2 По-видимому родные Бакунина, не проявляли достаточно заботы о нем (как это впрочем имело место и позже, когда он находился в Сибири и во второй эмиграции). Правда время от времени он получал из дому вещи и книги, но в недостаточном количестве. Зимой 1852-1853 гг. Бакунину были присланы из дому шлафрок на беличьем меху, панталоны и сапоги, которые были переданы ему после тщательного осмотра. В декабре 1852 г. ему были доставлены NoNo 1-2 "Отечественных Записок", NoNo 1-4 "Москвитянина" и NoNo 1-2 "Библиотеки для чтения" за 1852 год с приказанием по прочтении вернуть их в Третье Отделение.

No 566. - Письмо сестре Татьяне.

[Февраль 1854 года. Петропавловская крепость.]

Моя милая девочка, я - эгоист, все говорил только о себе, а ты больна, ты измучена, и слова мои и письмо мое встревожат и замучают тебя совершенно. Милая девочка, сделаем условие, что ни ты, ни Павел не будете спать более, что не испугаетесь первых неудач, но, не предаваясь излишней и болезненной, бояз-

ненной хлопотливости, не муча себя разными мыслями, не оставите неиспытанным ни одного средства, не потеряете ни одного случая, который бы мог служить нам. Я же со своей стороны, чувствуя, что мое милое прямухинское провидение перестало спать, надеясь на тебя, Татьяна, надеясь теперь опять на Павла как на каменную гору, обещаю вам ждать спокойно, в уверенности, что когда дело объяснится совершенно, вы сами скажете мне правду и дадите средства покончить с собою. Но еще раз, я буду терпелив-мне теперь будет легче терпеть: я вас опять видел, и вы опять согрели меня. Я тебя больше души моей люблю, Татьяна. И тебя, Павел, люблю всею старою любовью.

М. Б. (Неразборчиво).

Татьяна, взамен моего обещания я требую от тебя торжественно другого: пусть Павел свезет тебя к умному доктору. Кроме этого я обещаю вам, если меня выпустят, пока отец жив, оставаться в спокойствии и ничего не предпринимать неправославного.¹

Моя милая Татьяна, хотелось бы мне сказать тебе еще что-нибудь, чтобы оживить те-

бя. Я люблю тебя, я глубоко, глубоко люблю и уважаю тебя. Я (несколько ревновал к твоему сыну 2,- пусть, пока я здесь, и я буду твоим сыном, и потому приезжай опять поскорее. А Павел покамест ознакомится с Петербургом и узнает все пути к властям и влиятельным людям.

Наследник может быть весьма хорошим средством, им также может быть и гордо-чувствительная Мария Николаевна 3. Пусть бы мне только позволили написать письмо к Орлову 4 - постарайтесь об этом, друзья; да, да, я непременно должен написать письмо графу Орлову, лишь бы он только на это согласился. *Cela ne l'engage a rien, quant a moi je serais alors presque certain du succes* ("Это его ни к чему не обязывает; что же касается меня, то я тогда был бы почти уверен в успехе"). Нельзя ли устроить это через Александра Максимовича (Княжевича) 5, изъяснив ему мое положение, что я гнию здесь понапрасну, а могу сделать еще себя полезным. Через несколько времени будет уже поздно.

Ты, Павел, хоть и философ, ты все-таки мой.

№ 566. - См. общие замечания к № 564.

1 Это - единственная фраза в трех письмах, тайком переданных из крепости, в которой Бакунин как бы ограничивает свою готовность возобновить революционную деятельность. Но если принять во внимание, что отец его был в это время глубоким и дряхлым стариком, которому оставалось недолго жить, то этому самоограничению нельзя придавать серьезного значения. Тем более что невозможно ручаться, чтобы Бакунин, очутившись на свободе, сдержал это обещание, если бы ему представилось действительно важное революционное дело. Наконец он мог давать такое обещание родным и для того, чтобы подогреть их усердие и рассеять их опасения.

2 У Татьяны собственных детей не было. Речь идет здесь о сыне брата Александра, который после смерти своей жены Лизы передал Татьяне своего сына на воспитание.

3 Наследник Николая I, т. е. будущий император Александр II; Мария Николаевна - дочь Николая I, бывшая замужем за Максимилианом Лейхтенбергским.

4 А. Орлов - шеф жандармов, за три года до

того посетивший Бакунина в крепости и убедивший его написать "Исповедь".

5 А. М. (Княжевич-старый приятель отца Бакунина, знавший Михаила еще в юные его годы и хорошо относившийся к их семье (см., том III, стр. 436).

№567.-Письмо сестре Татьяне.

[Начало мая 1854 года. Шлиссельбург.]

Милая Татьяна, спасибо за письмо. Слава богу, вы все здоровы. Куда же и надолго ли Павел уехал? Ты напрасно, милая, так горюешь обо мне¹. Я право и не слабею и не унываю и стараюсь душу свою хранить в порядке. Она у меня не прихотлива, кроме книг ничего не просит, не курит и не пьет чаю. Вот тело мое-так другое дело: никак не могу отучить его от табаку, смерть ему курить хочется, а так как деньги вышли еще в конце марта, то я никак не могу удовлетворить его требований. Вот уж месяц почти как не на что купить [ни] табаку, ни чаю. Милая-Татьяна, оставь на время мою душу в покое и позаботься немного о моем бедном теле².

Я здоров, бодр, всех вас люблю. Рад, что братья идут в военную службу против басур-

мановЗ. Понимаю, что батюшке тяжело было с ними расставаться, но думаю, что он был рад их решению. Бог помилует, они возвратятся, и отец еще раз благословит их. Благословите же и меня, добрые, добрые родители. Обнимаю вас всех.

Ваш

М. Бакунин.

Татьяна, ты должна знать или узнать, каким путем и с чьим указанием и позволением ты можешь пересылать мне деньги и вещи.

№ 567.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 498-499.

На этом письме имеется пометка карандашом, сделанная видимо кем-либо из домашних: "Мая 4 1854. Первое письмо в Шлиссельбурге".

1 В Петропавловской крепости Бакунин просидел 2 года и 10 месяцев, а весной 1854г. в начале войны России с Англией и Францией был переведен в Шлиссельбургскую крепость, так как Николай боялся, чтобы англо-французский флот не освободил политических заключенных. В Шлиссельбург Бакунин был до-

ставлен 12 марта 1854 г., причем его приказано было поместить в лучшей и надежнейшей из двух приготовленных там камер, и так как Бакунин "есть один из важнейших арестантов", то "соблюдать в отношении к нему всевозможную осторожность, иметь за ним бдительнейшее и строжайшее наблюдение, содержать его совершенно отдельно, не допускать к нему никого из посторонних и удалять от него известия обо всем, что происходит вне его помещения, так чтобы самая бытность его в замке была сохраняема в величайшей тайне". Кроме коменданта никто не должен был знать, что в крепости сидит Бакунин.

Вторым узником, перевезенным вместе с Бакуниным в Шлиссельбург, был старообрядческий архимандрит Белокриницкого монастыря, того самого, делегатом от которого на пражском славянском съезде был поп Алимпий Милорадов. Кроме того одновременно с Бакуниным в Шлиссельбурге сидели: известный польский карбонар Лукасинский, вывезенный Константином Павловичем во время бегства из Варшавы в 1830 г. и засаженный

административно на 40 лет в одиночку, Налепинский, Адельт, Медокс (известный провокатор и шантажист), Ромашов. Они сидели там до Бакунина и получали кормовых по 30 копеек в день, в то время как Бакунин в рavelине получал всего 18 коп. Теперь приказано было и ему выдавать по 30 коп. Сообщая о такой "милости" коменданту Шлиссельбургской крепости в отношении от 18 марта 1854 г., гр. А. Ф. Орлов присовокуплял, что в Петропавловской крепости Бакунину даваемы были для чтения французские и немецкие романы, сочинения математические, физические и геологические и газета "Русский Инвалид", и что все это можно дозволить ему читать и в Шлиссельбурге.

Вскоре по переводе в Шлиссельбург Бакунин возбудил ходатайство о некоторых льготах, как видно из отношения коменданта Шлиссельбургской крепости генерал-майора Троцкого 1-го (Троцкий, Иоанникий Осипович (1791-1861)-сначала состоял по особым поручениям при военных и жандармских чинах Москвы, был одно время 2-м комендантом Москвы, а с сентября 1849 г. назначен комен-

дантом Шлиссельбургской крепости в чине генерал-майора; в 1855 произведен в генерал-лейтенанты.) от 24 марта 1854 г. на имя начальника штаба корпуса жандармов Дубельта. Бакунину было дозволено получать от брата съестные припасы и книги, пить перед обедом рюмку водки, гулять и иметь в камере чернила и бумагу, а также писать письма домой; но было отказано в свидании с братом и в праве ходить в баню, расположенную далеко от его камеры.

Налепинский и Адельт - контролеры польского банка в Варшаве, по соглашению со счетчиками Краевским и Кохавским учинили подлог и выиграли 217500 рублей при тиражах облигаций займа Царства Польского в 1840 и 1841 годах. За это по приказу Николая I они были в административном порядке заключены навсегда в Шлиссельбургскую крепость и просидели в ней без сношений с внешним миром с начала 1843 по конец 1860 года, когда после долгих хлопот со стороны их родных, не знавших даже, где они находятся, они были высланы: первый в Вологду, а второй в Вятку (см. П. Щеголе в - "Должны быть

решительно забыты" в "Былом" 1921, No 16, стр. 195 сл.).

Медокс, Роман Михайлович (1793-1859)-известный авантюрист, косвенно прикосновенный к заговору декабристов, автор множества доносов относительно измышленных им политических дел, был посажен в Шлиссельбург, несмотря на свою службу в Третьем Отделении, в июле 1834 г. по приказу Николая I за дурачение начальства и просидел там 22 года, до 1856 г. А так как он за самозванство просидел в тюрьмах 13 лет при Александре I (1813 по 1825), то выходит, что этот пройдолец большую часть жизни провел в заключении. См. о нем С. Я. Штрайх- "Роман Медокс, Москва, 1930.

Ромашов, Иван (1813-185?)-русский общественный деятель; из дворян Харьковской губернии, учитель; за имение у себя рукописи, с проектом конституционного устройства России был в 1846 г. арестован и без суда заключен в Шлиссельбургскую крепость; откуда бежал. Умер в Кирилло-Белозерском монастыре в 50-х годах.

2 Жалобами на недостаточную заботли-

вость родных, оставлявших его в заключении без книг, табаку и т. п., переполнены письма Бакунина из Шлиссельбурга.

3 Патриотический порыв, охвативший в начале войны русское дворянство и объяснявшийся его стремлением захватить проливы, нужные ему для вывоза хлеба в Европу, отразился и на братьях Бакунина. Впрочем в их решении поступить в армию сказывался и расчет таким доказательством патриотизма облегчить участь старшего брата, заточенного в крепость. Но в действительности братья Бакунина вступили на службу не в 1854 г. (кроме Александра, который попал в Тобольский полк и с ним очутился сначала в Румынии, а затем в Севастополе), а в 1855 г. и притом не в действующую армию, а в ополчение. Александр, вступивший в полк юнкером, прослужил всю кампанию, получил георгиевский крест и добился офицерского чина.

Но 568. - Письмо сестре Татьяне.

[Июнь 1854 года - Шлиссельбург.]

Милая Татьяна, ты опять замолкла. Я начинаю думать, что ты также немножко ленива, как и все другие, и утешаю себя этою мыс-

лью. Иначе твое молчание беспокоило бы меня. Я ж сделался совершенно практическим человеком: пишу только тогда, когда денег надо. Мои все вышли. Получил я от Елизаветы Ивановны (Пущиной 1.) 50 р. сер., но так как большая часть оных пошла на уплату апреля и мая, то на июнь мало осталось. Получил от нее также и табак и чай с мылом и добрым письмом. Поблагодари ее пожалуйста хорошенько и горячо от меня. Книг же она мне прислать не могла по неимению, и я все-таки остаюсь без книг. Где Павел? Возвратился ли он в Петербург? Здоровы ли вы все? Милая Татьяна, пожалуйста напиши обо всем, а также и о брате Николае (Если это-не описка вместо "Николае", то речь идет о Валериане Николаевиче Дьякове, брате покойного Н. Дьякова.), о котором уж ты давно мне ничего не говорила. Где и на каком краю обширной России служат Илья и Александр? Получаете ли вы от них известия? Отца, мать обними крепко за меня и попроси их благословения. Сестер, братьев, племянников и племянниц поцелуй - и пиши пожалуйста поскорее.

Твой брат

М. Бакунин.

№ 568. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 501.

На оригинале имеется надпись карандашом: "1854". Корнилов по присущей ему невнимательности относит это письмо к сентябрю, тогда как по содержанию его совершенно ясно, что оно относится к июню, как видно из фразы, что денег "на июнь мало осталось", ибо уплачено из получки за апрель и май.

1 По-видимому деньги и вещи родные пересылали Бакунину через Е. И. Пущину. Но написать ей прямо благодарственное письмо Бакунин не мог, ибо имел разрешение переписываться только с родными, а потому просил последних выразить ей свою признательность. Позже он стал писать ей непосредственно.

2 Павел был с апреля по июнь в Крыму у Княжевича; Александр был на войне; Илья находился в Прямухине. Около того времени двоюродная сестра Бакунина Екатерина Михайловна Бакунина, дочь сенатора М. М. Бакунина (дяди Бакунина), уехала в Севастополь

сестрою милосердия, на каковом поприще приобрела довольно широкую известность; впоследствии она играла некоторую роль в жизни Бакунина.

Но 569. - Письмо к матери.

[19 июля 1854 года. Шлиссельбург.]

Милая, милая маменька! Наконец-то я дождался и от Вас нескольких строк, и какие все хорошие известия! Слава богу, что у вас все идет хорошо, и что отец здоров 1. Я думаю. Вы и он сильно тревожитесь за Александра 2. Но бог сохранит его нам, и он возвратится к Вам еще с крестом, заслуженным в благородном бою против врагов отечества. Кроме драгоценного сознания, что он исполнил долг всякого русского, эта военная эпизода принесет ему пользу на всю будущую жизнь. Скрепив его и телом и духом и довершив его практическое воспитание, она окончательно поставит его на ноги. Отправьте также и брата Илью:

ведь он смолоду имел призвание быть лихим казаком, и если не совсем изменился, то теперь все жилки должны гореть у него от нетерпеливого желанья соединиться с бра-

ТОМ.

Что сказать вам еще, добрые родители? Я здоров и спокоен и вас всех люблю всею душою и всем сердцем. Табак у меня есть и чай есть, только книг нет, потому что книги, присланные Елизаветой Ивановной и набранные бог знает, как и откуда, не могут считаться книгами. Вот им перечень: 1) Сочинения Кантемира, Хемницера и Хераскова, 2) О сохранении зубов, что для меня бесполезно, потому что уж сохранять нечего, 3) Путешествие по Южной Франции какой-то г-жи Жуковой 4, etc., etc.

Прощайте, благословите меня и будьте все здоровы. Ваш сын и брат

М. Бакунин.

Но 569. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 499-500. Дата устанавливается по карандашной надписи на письме (но это могла быть и дата получения письма, а не его отправления).

1 Все сыновья кроме Александра и разумеется Михаила собрались летом в Прямухине, что естественно доставляло родителям большое удовольствие.

2 Александр тяжело захворал -на фронте лихорадкой, и одно время опасались за его жизнь.

3 Бакунин ловко пользуется случаем, чтобы незаметно для тюремщиков вернуть сообщение о том, что вследствие цинги, которая в Шлиссельбурге могла только усилиться, он потерял все зубы.

4 Жукова, Марья Семеновна (1804-1855)-русская писательница, помещавшая свои повести и рассказы в журналах и альманахах. Отдельными изданиями вышли ее "Вечера в Карповке" (Спб., 1837-38) и "Очерки южной Франции и Ниццы. Из дорожных заметок" (Спб., 1844). О последней книге Бакунин здесь и говорит.

Но 570. - Письмо к Е. И. Пущиной.

[Июль 1854 года. Шлиссельбург.]

Милостивая государыня, или лучше добрая, добрая Елизавета Ивановна! Благодарю вас от всей глубины души за Ваши два письма и за Ваши посылки. Мне давно хотелось иметь случай поблагодарить Вас и всех Ваших за участие, которого я сам ничем не заслужил и которое единственно приписываю

Вашему доброму расположению к моим родным, а также выразить Вам, как драгоценна и незабвенна для меня память Ивана Александровича (Генерал Набоков, покойный отец адресатки.), который, так оказать, заставил меня любить себя как отца. Вы поймете, с какою живою радостью я прочел то, что Вы мне пишете об старике-отце (Отце Бакунина, Александре Михайловиче.). Дай бог ему еще долгой жизни, и хоть мне по моей собственной вине и не суждено быть утешением его старости, пусть сестры и братья будут еще долго, долго для него и для матушки источником радости. Табаку и чаю у меня набралось теперь такое огромное количество, что я мог бы открыть лавку, и потому прошу Вас некоторое время не присылать более ни того, ни другого. Деньги в собственном виде лучше всего, потому что их легко превратить и в табак и в чай, если понадобится. И за книги также благодарю: должно быть, кто-нибудь собирал их после вавилонского столпоразрушения, так мало между ними сродства и связи. Я скоро возвращу Вам их назад и все в целости, хотя, признайтесь, многие из них и не

стоят хранения.

Преданный вам и от глубины души благодарный

М. Бакунин.

Но 570. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 500. На оригинале имеется карандашная надпись: "1854". Это - первое письмо к Е. И. Пущиной. Как Бакунин добился разрешения писать ей, из документов "Дела" не видно. Вероятно дочери генерала И. А. Набокова нетрудно было добиться разрешения переписываться с родственником, хотя и дальним.

Но 571.-Письмо к Е. И. Пущиной.

6 сентября 1854 года. [Шлиссельбург.]

Милостивая государыня, Елизавета Ивановна!

Еще раз обращаюсь к вам с просьбою. Бог знает сколько месяцев прошло с тех пор, как я получил последнее письмо из дому. Моя Татьяна совсем замолкла. Ради Бога, скажите, что с ними делается? Здоровы ли, живы ли все? Отец так стар, и кроме того наше семейство так часто испытано было горькими потерями, что, несмотря на всевозможную твердость, несмотря на самоувещания, которыми

утешаешь себя, сердце поневоле трепещет и ноет. Вы так добры, что не посетуете на меня за это новое беспокойствие. Я писать не охотник, да и про других думаю также, и это меня несколько успокаивает насчет моих родных.

Дай бог, чтоб лень была единственною причиною молчания Татьяны. Скажите также, если знаете, где и что делает Павел, а также и другие братья.

Revue des deux Mondes я вам возвращу на следующей неделе с глубочайшей благодарностью и с надеждою, что вы пришлете мне продолжение, а также и Annuaire de la Revue des deux Mondes, которым обыкновенно венчается каждое годовое издание. Ваш покорный слуга

М. Бакунин.

№ 571.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 500-501. Дата устанавливается карандашной надписью на письме. "La Revue des deux Mondes" ("Обозрение старого и нового мира") - распространенный французский журнал консервативного направления. "Annuaire" - издаваемый при нем ежегодник.

№572.-Письмо сестре Татьяне.

[9 октября 1854 года, Шлиссельбург.]

Милая Татьяна, что же это ты, моя старая малиновка, замолкла? Или ты не знаешь, как дороги мне твои письма? Или не хочешь огорчить меня грустной вестью? Но нет, дай бог, чтобы лень или недосуг были единственными причинами твоего молчания, а если что случилось, так ради бога пиши смело и прямо. Тебе ли мне объяснять, что неизвестность хуже всего?

Вас верно часто беспокоит молчание брата Александра. Но он ведь по теперешним военным обстоятельствам не может вам писать, когда захочет, и я думаю, теперь на Руси не одни вы тревожитесь молчанием, впрочем весьма естественным, любимого брата или сына, или мужа.

Напиши же мне, милая Татьяна, хорошее письмо по-прежнему: обо всех мелочах вашей жизни, которые для меня - не мелочи. Прежде всего пиши мне об отце, о маменьке, а также и о сестрах и братьях: о Вариньке и ее студентах¹; об Александрине и ее птенцах; о том, как хозяйничает Николай, и как живет его хозяйка; о твоём сыне, Татьяна 2, как рас-

тет и тешит тебя, и как Александр порадуется, когда ты ему представишь сына большого; и о том также, как и где фантазирует Илья, где предаётся философскому к[в]иетизму Павел, где дилетантствует Алексей и где геройствует Александр. Бог хранит его, милые родители, и возвратит его вам крепкого и славного.

А теперь благословите меня и прощайте. Более мне писать. нечего. Только вы ради бога скорее пишите.

Ваш

М. Бакунин.

№ 572. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 502. Дата устанавливается надписью карандашом на оригинале.

1 Студенты Вариньки это - ее сын Александр Дьяков и ее воспитанник Василий Ревякин.

2 Сын Татьяны это-Алексей, сын брата Александра, отданный ей на воспитание.

№ 573.-Письмо родным.

[24 ноября 1854 года. Шлиссельбург.]

Милая маменька! Милая Татьяна! Благодарю вас за ваши прекрасные письма: у меня сердце отлегло. Слава богу у вас все благопо-

лучно. А что вы от Александра редко получаете письма, так естественно, что не должно очень беспокоить вас. Совсем не беспокоиться вы не можете: он все-таки подвержен теперь большей опасности, чем в обыкновенное время. Но его сохранит бог, будем в этом уверены, и увидеться с ним после такой разлуки будет для вас таким счастьем, какого бы вы не испытали, если б он никогда не расстался с вами. Мне понятно нетерпение брата Ильи присоединиться к нему.

Вот и зима, и батюшка снова должен отказаться от своего любимого наслаждения: дышать теплым и вместе свободным воздухом. Дай бог, чтобы добрые известия поддержали его спокойствие и его здоровье, и чтобы много, много было ему еще в жизни радостей.

Скоро ли Павел вступит в службу и скоро ли приедет в Петербург?

И тебя также, Анна, благодарю за твою милую приписку. Поцелуй за меня Николая и твоих детей, а также и сестру Сашу с птенцами. Ты же, Татьяна, сделай то же самое с твоим сыном-племянником и поклонись Вариньке, если она не в Прямухиине.

Ваш любящий

М. Бакунин.

№ 573. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 502-503. Дата устанавливается надписью карандашом на оригинале. Вскоре по получении этого письма родными Бакунина, а именно 4 декабря 1854 г., скончался отец его, престарелый Александр Михайлович Бакунин (на 88-м году от рождения). М. Бакунин, по словам печатаемого ниже (№ 574) письма его к Е. И. Пущиной был до того поражен известием о смерти отца, что даже не писал домой.

№ 574. - Письмо к Е. И. Пущиной.

[Начало 1855 года. Шлиссельбург.]

Я кругом виноват перед Вами, добрая Елизавета Ивановна. Мне бы давно следовало ответить Вам и отослать Вам журналы, но грустное известие до того поразило меня, что впродолжение некоторого времени у меня не было достаточной воли, чтобы пошевелить пальцем. Я и домой не писал. Что мог я сказать им? К тому же я надеялся на скорое свидание. До сих пор надежда моя не сбылась, и я начинаю тревожиться насчет здоровья моих бедных, осиротевших родных. Здорова ли ма-

менька? Татьяна? Жив ли брат Александр? Пожалуйста простите мне великодушно мое более чем неучливое молчание и дайте мне известие об них.

Возвращаю Вам 32 книжки *Revue des deux Mondes*, оставив у себя 18 книжек за 1854-й год, до сентября включительно.

Еще раз прошу Вашего великодушного прощения и надеюсь, что Вы будете так добры и скажете мне всю истину, как бы горька она ни была. Нам к горькому не привыкать-столько потерь в такое короткое время!

Ваш

М. Бакунин.

Но 574. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 504-505. Дата устанавливается не совсем точно надписью карандашом на оригинале, гласящую: "1855. 30 марта". Письмо явно написано раньше.

Вскоре после смерти мужа мать Бакунина начала хлопотать о свидании с сыном. Разрешение на это свидание дано было ей еще при жизни Николая I. 18 февраля 1855 г. умер Николай, и на престол вступил Александр II. Надежды Бакунина на освобождение из крепо-

сти оживились. Тем временем все четыре брата Бакунина, остававшиеся дома, решили поступить в ополчение, причем отчасти руководствовались мыслью, что император (тогда еще был жив Николай I), узнав об их геройском поступке, помилует их брата. Ввиду связанных с этим делом хлопот мать Бакунина и брат его Алексей могли выехать из Прямухина только в начале марта, причем в Петербург поехали по вновь выстроенной железной дороге. Три недели пробыли они в Петербурге и из них 5 дней прожили в Шлиссельбурге, ежедневно видаясь с Бакуниным на квартире коменданта. Во время этих свиданий в душе Бакунина и его матери, прежде недолюбливавших друг друга, снова проснулись родственные и дружеские чувства. Возможно, что на этих свиданиях был обсужден и текст того прошения, которое мать Бакунина тогда же (21 марта 1855 г.) подала новому царю и которое осталось без последствий (неизвестно даже, докладывал ли его гр. Орлов царю). Это первое прошение матери Бакунина впервые опубликовано нами в книге о Бакунине в 1920 г. С тех пор так и повелось,

что после свиданий Бакунина с родными подавались его родными новые прошения, которые все ни к чему не приводили, пока Бакунин, очень желавший избегнуть этого унижения, сам не обратился с просьбою об освобождении к царю.

№ 575.-Письмо к Е. И. Пущиной.

[Май 1855 года. Шлиссельбург.]

Добрая Елизавета Ивановна! Прошу вас, скажите, что делается с моими? Маменька и брат Алексей обещали написать мне, как только приедут в Прямухино. Ведь они без всякого сомнения давно уже возвратились, а до сих пор молчат.

Боюсь нового несчастья. Жив ли брат Александр? Не получили ли они от него или об нем вести? Молодец он будет, когда выдержит счастливо такое славное испытание. Я уверен, что он подобно другим своим товарищам не ударит лицом в грязь. Но теперь сердце невольно замирает, когда об нем подумаешь.

Маменька обещала прислать мне из Петербурга его портрет и свой портрет и портрет покойного отца и много еще других порт-

ретов и ничего не прислала, - и как ни стараюсь я объяснить себе ее и брата Алексея молчание естественным образом, поневоле приходит на мысль, что новое печальное известие, новая беда поразила их. От вас жду правды, добрая Елизавета Ивановна, и с нетерпением буду ждать вашего ответа.

Вам преданный

М. Бакунин.

Но 575.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 506-507. Дата устанавливается как карандашной надписью на письме: "После смерти отца. 1855", так и содержанием письма. Оно вызвано долгим молчанием родных после возвращения их из Петербурга, а так как они вернулись в Прямухино вероятно в начале апреля, то письмо приходится отнести к началу или середине мая 1855 года.

Но 576. - Письмо к матери.

[Июль 1855 года. Шлиссельбург.]

Милая маменька, продолжает ли вам писать брат Александр? Жив ли он? Мне за него страшно. Я долго не решался спросить Вас об нем, но наконец надо же спросить. Если он останется в живых, то это будет большая ми-

лость божия. А другие братья где? Выступили ли в поход и куда? Напишите мне хоть несколько слов. От них я не ожидаю писем. Ленивая Татьяна, хоть ты напиши. Впрочем, я в лени никого упрекать не буду и теперь не стал бы я, может быть, писать не по лени, но из страха узнать печальное и заставить Вас говорить печальное. Меня принудила к письму самая прозаическая причина: денег нет. За апрель и за май я получил 50 руб., а за июнь и за исходящий июль-ничего 1. И об этом бы не хотелось писать, но что ж делать, надо. Обнял бы я вас всех, и если радость, так радовался бы. а если печаль, так печалился бы с вами вместе, и вместе нам было бы легче. Но об этом и говорить бесполезно, а потому мысленно и горячо обнимаю вас, а также и дядюшку Алексея Павловича и тетушку и кузину (Полторацкого, его жену и дочь.), которые, я уверен, не оставляют вас в это трудное для вас всех время. Бог да укрепит вас. Благословите меня, маменька, а ты, Татьяна, и вы, другие сестры, совсем позабывшие меня, пишите.

Ваш

Где кухни Бакунины? (По-видимому Евдокия, Екатерина (сестра милосердия) и Прасковья Михайловны.).

М. Бакунин.

№ 576. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 507-508.

Дата устанавливается по надписи на оригинале "1855. VII", а также по содержанию письма, которое заставляет отнести его ко второй половине июля 1855 года, так как сам Бакунин говорит об "исходящем июле".

1 Судя по этому указанию, а также по аналогичным указаниям следующего письма, родные обязались выдавать Бакунину по 25 рублей в месяц, но не всегда проявляли в этом отношении аккуратность.

№ 577.-Письмо к матери.

[Август 1855 года. Шлиссельбург.]

Милая маменька! Письмо Ваше я уже давно получил, но медлил ответом, ожидая другого письма на мою просьбу о деньгах, чтобы ответить на оба вместе. Другого письма я не получил, а получил через Елизавету Ивановну 50 руб. серебр. Милая маменька, ведь за Вами все еще недоимка; со времени нашего сви-

дания я получил от Вас 100 руб. сереб., - на апрель, май, июнь и июль; на исходящий август не остается ничего, и наступающий сентябрь также придется жить без денег, если Вы не пришлете как на тот, так и на другой. Я чувствую, что у Вас денег теперь не много, знаю, что Вы должны посылать теперь субсидии и брату Александру в Крым и нашим ополченцам в Ригу, и не хотелось бы мне беспокоить Вас из-за себя, старого инвалида, да право, маменька, надо. Вот и написал, а очень не хотелось об этом писать; теперь же еще несколько слов о предмете менее неприятном - о грибах и о сыре, а также я холсте, который Вы обещали прислать осенью, - не позабудьте же, милая маменька.

У Вас, должно быть, грибы хорошие, и белые, и грузди, да и рыжики также! Не стыдно ли мне писать о таких глупостях! Да об чем же прикажете писать? Я здоров и счастлив, когда получаю о Вас хорошие известия, когда читаю Ваши письма, - пишите же чаще.

Татьяна, я снова принимаю тебя в свою милость, а то было совсем рассердился за то, что ты так давно не писала. Обними за меня

крепко милую младшую сестру, скажи ей, что я уж прежде полюбил ее из рассказов маменьки и брата Алексея, и что ее приписка как благоухающий цветок осветила мое уединение. И старшей, не менее милой сестрице скажи, что ее дочь мила как ландыш (мой любимый цветок), и что в этом прекрасном создании своем ей удалось соединить все, что грациозного в ней самой, со всем, что благородного в дяде. Поблагодари Алексея за его письмо, окажи ему, что я не отвечаю потому, что, как он сам знает, мне нечего писать, но что я с жадностью буду читать каждую его строку, об чем бы он мне ни писал.

Милая маменька, когда то мы с Вами вновь увидимся? Смерть хочется на Вас посмотреть и обнять Вас и опять поболтать с Вами! Но там будет, как будет, а Вы будьте здоровы, не унывайте, когда братья молчат, - из самых больших опасностей люди выходят целы и невредимы. Горячо теперь брату Александру, но я уверен, он к вам возвратится.

Прощайте, благословите меня, маменька, и любите меня, сестры и братья, как я вас люблю.

Ваш

М. Бакунин.

А Revue des deux Mondes уж и перестали посылать, ведь я буду жаловаться на вас Елизавете Ивановне.

№ 577. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 508-509.

На оригинале имеется карандашная пометка "Август 1856", исправленная рукою А. Корнилова, переправившего цифру 6 на 5. И по содержанию письма видно, что оно относится к концу августа 1855 года, судя по словам Бакунина "исходящий август" и "наступающий сентябрь".

№ 578. - Письмо к Е. И. Пущиной.

[Август 1855 года. Шлиссельбург.]

Письмо Ваше и 50 р. сер. получил, добрая Елизавета Ивановна. Денег немного не достанет ни на август, ни на сентябрь, ну да я уж об этом пишу самой маменьке. Грожу ей также жалобой на нее Вам за то, что она не посылает мне более Revue des deux Mondes, а Вас искренно благодарю за добрые известия. Бедная маменька, бедные сестры! Как страшно им теперь за брата, - славы много и опасности то-

же. Но, несмотря на все, во мне твердая вера, что провидение сохранит его. Впрочем про маменьку и сестер говорить нечего, они полны истинного геройского духа, без ложной экзальтации и без фраз так, как право редко случается видеть на свете; дай бог, чтобы твердость эта не изменила мм до конца, потому что много им еще предстоит тревог и страха. Что же сказать Вам еще? Если тетушка я кузина Полторацкие еще у Вас, так поблагодарите их первую за то, что она не позабывает меня, а вторую за ее милую, братскую приписку. Скажите им, что я желаю им всего лучшего, и что если б желания мои исполнились, то они были бы всегда счастливы. Добрая Елизавета Ивановна, нельзя ли достать каких-нибудь книг - хороших, если можно; читать нечего. Старые я все перечитал, на новые денег нет. *Revue des deux Mondes* с апреля месяца (т. е. от декабрьского номера 1854 года) не видал. Нельзя ли поворожить? А я буду Вам невыразимо как благодарен.

Ваш

М. Бакунин.

№ 578. - Напечатано у Корнилова, II, стр.

На оригинале имеется надпись "авг. 1856", причем рукою А. Корнилова цифра 6 переправлена на 5.

№579.-Письмо к Е. И. Пущиной.

[Осень 1855 года. Шлиссельбург.]

Милостивая Государыня

Елизавета Ивановна!

Благодарю Вас за книги и за фруктовые лепешки, которые в исправности получил. Вы меня совсем избаловали, так избаловали, что я уж и не стыжусь обратиться к Вам с новою просьбою: велите пожалуйста купить и пришлите мне несколько фунтов чаю и табаку. У меня и тот и другой вышли. Табаку пожалуйста турецкого, того же самого, который Вы мне раз присылали, а именно: Бейрутского крепкого, фабрики г-на Фортуны (в Большой Морской, в доме Жако). Вы меня этим очень обяжете.

От Татьяны и от маменьки недавно получил длинные письма. Все у них идет хорошо. Беспокоятся только об Александре. Но бог сохранит его, а что он теперь воует, это для него хорошо.

Прощайте, Елизавета Ивановна, больше мне сказать Вам нечего, как только то, что я от глубины души Вам благодарен и предан.

Ваш покорный слуга

М. Бакунин.

Но 579.-Напечатано без даты у Корнилова, II, стр. 509-510.

Но 580. - Письмо к матери.

[Осень 1855 года. Шлиссельбург.]

Милая маменька! Ваше молчание в самом деле сильно потревожило меня; но теперь я покоен и доволен: вы все здоровы, а брат Александр не только жив, но еще живет такою славною, молодецкою жизнью. Бог сохранит его, сохранит Севастополь, поможет героическим защитникам его выдержать славный бой до конца, и лишь бы дали брату потом простую медаль с надписью: "был под Севастополем" или вернее "в Севастополе" (В оригинале его написано так: "был под Севастополем".), то он будет достаточно вознагражден. Трудно придумать похвалу лестнее и почетнее этой. А ему еще обещали георгиевский крест! Я очень рад, что он предпочел его чину: чин не уйдет, ведь он вступил в воен-

ную службу классным чиновником, был профессором 10-го или 9-го класса, поэтому не может долго оставаться в юнкерах, а георгиевский крест, хотя теперь и не редкая, но все-таки чуть ли не самая почетная награда. Вы говорите, милая маменька, что он об себе хлопотать не станет; ему и не след, а Вам можно и матери все позволено. Только, если будете хлопотать, так берите

повыше¹. Вам теперь должно быть очень тяжело и тревожно, бедная маменька; один сын в Севастополе, другие 4 собираются на войну с ополчением, а Вы остались одна, обремененная всею тяжестью хлопотливого и многосложного хозяйства. Но у Вас остается еще один сын, а наш брат - Gabriel или попросту Гогочка (Гавриил Петрович Вульф, муж А. А. Бакуниной.), как вы все позволяете себе называть его, - сын, который не менее нас самих привязан к Вам и готов служить пользам всего семейства. Он остается с Вами и верно будет Вам крепкою подмогою.

А вы, милые братья, посреди своих новых военных забот не забывайте меня. Если не телом, так всею душою я с вами. Милый Алек-

сей, пиши мне иногда. Если б ты знал, как утешительны мне будут твои письма, так верно среди самых больших хлопот улучил бы минутку, чтобы написать мне несколько слов. И от тебя, Павел, жду писем. Даже и от тебя, Николай. Вспомни, что мы состоим из духа и тела, и что продолжительное отсутствие всяких материальных доказательств приязни незаметно ведет к совершенному равнодушию. Что стоит написать изредка несколько слов?

Но главная моя надежда теперь на Вас, милая маменька. Я знаю. Ваша душа более всякой другой полна теперь забот, тревог и страха. Но у Вас сердце матери, а сердце матери широко. Для всех детей есть в нем место.

Прощайте, благословите Вашего сына.

М. Бакунин.

Спасибо, большое спасибо за портрет, Алексей.

Один сыр получил; теперь его довольно. Только зачем было писать, что посылаете два сыра?

А портрет брата Александра, а свой портрет, маменька, позабыли?

Обнимите за меня дядюшку Алек [сея] Павлов [ича1 (Полторацкий.) и все семейство его.

Письма брата Александра у меня в сохранности, - я возвращу вам их при благоприятном случае.

Но 580.-Напечатано без даты у Корнилова, П, стр. 510-511. На оригинале написано "1854", затем перечеркнуто и заменено "1855" (но так, что похоже на 1858).

1 Явный намек на собственное положение и прищпоривание родных к новым хлопотам об его освобождении.

Но 581.- Письмо к Е. И. Пуциной.

[Конец 1855 года. Шлиссельбург].

Милостивая Государыня,

Елизавета Ивановна!

Ваши оба письма, деньги и 32 No Revue des deux Mondes получил и сердечно благодарю Вас за них. Благодарю Вас также к за все подробности в Вашем предыдущем письме, касающиеся Вашего племянника, а моего двоюродного брата Полторацкого (Петр Алексеевич.). Напрасно Вы думаете, что они не интересовали меня. Ведь, во-первых, я живу (В

подлиннике описки "живо".) теперь преимущественно чужою жизнью и чужими радостями; к тому же Вы мне-не чужие, Елизавета Ивановна. Я был бы весьма неблагодарный человек, если б не принимал живого участия во всем, что интересует Вас и Ваше семейство. И, наконец, сын Алексея Павловича уже потому мне близок, что сам Алексей Павлович был всегда для нас добрым родным, единственный из Полторацких, которого я любил и уважал от всей души. Катерину Ивановну (в подлиннике описки "Ивановна". Речь идет о Екатерине Ивановне Набоковой, сестре адресатки, дочери ген. Набокова, бывшей замужем за А. П. Полторацким.) я знал мало и видел ее, кажется, только один раз, вскоре после ее замужества. Она пленила меня своею кроткою и благородною наружностью. Теперь, благодаря Вам, я совершенно спокоен насчет родных: если же они не пишут только от лени, то бог с ними. Я сам слишком ленив, чтобы иметь право укорять кого в лености.

Возвращаю Вам с глубочайшим благодарением 16 No Revue des deux Mondes, кажется в довольно целом и чистом виде, только, к со-

жалению, в такой степени прокуренных табаком, что, кажется, они надолго будут лишены счастья войти в состав дамской библиотеки. А вновь присланные Вами номера несколько пострадали от нехорошей укладки и от трения об что-то черное. Так не пеняйте на меня, если я Вам возвращу их в несовсем изящном виде, - то будет не моя вина.

Примите еще раз выражение моей искренней и глубокой благодарности.

Ваш покорный слуга

М. Бакунин.

№ 581.-Напечатано у Корнилова. II, стр. 511-512.

№ 582.- Письмо родным.

[18 января 1856 года. Шлиссельбург].

Милая маменька и ты, милая Татьяна, простите меня. Я виноват перед вами; столько времени прошло с тех пор, как я в последний раз писал вам!-и ничего не могу сказать в свое извинение, как только разве то, что не писалось. Ведь, кажется, несколько строк написать не бог знает какое мудреное дело, да рука не поднималась на письмо. Простите меня и не заключите из моего молчания, чтоб я

перестал любить или помнить вас. Ведь мне только одно утешение, что думать о вас, и живу я и движусь только вашей жизнью, вашим движением.

Ну, довольно об этом, вы меня простили. Рассказывать же вам мне нечего, а жду рассказов от вас и жду с невыразимым нетерпением.

Обнимите за меня дядюшку Алексея Павловича, старика (Полторацкого.), молодую и милую тетушку и прекрасную кузину. Ах, в молодости я был большой охотник до кузин! И теперь радуюсь ими и люблю их для молодых братьев. А братья наши - теперь молодцы, все ходили на войну, и если не все имели счастье видеть неприятеля, то все готовы были встретить его как следует. Я рад, вдвойне рад за Николая, что он опять встряхнулся. Он так молод и так молод был, когда уселся! Ему нужно было еще раз пожить и подвигаться в более широкой сфере.

Прощайте, мои милыя и милые, а Вы, матушка, благословите меня.

Ваш

М. Бакунин.

Но 582. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 538.

На письме имеется надпись: "18 января 1856", но неизвестно, есть ли это дата написания или получения письма.

В это время старуха Бакунина и сын ее Алексей прибыли в Петербург, чтобы добиться нового свидания с Михаилом. Теперь общественное настроение в результате поражений, понесенных русскими войсками в Крыму, начинало уже меняться в сторону либеральной оппозиции. И когда Алексей в письме к брату Павлу высказал пессимизм перед встречей с заключенным братом, Павел отвечал ему так: "Мне понятно, что тебя смущает предстоящее свидание с братом: так горько придти к нему, не принеся с собой по крайней мере надежд каких-нибудь. Но несмотря на видимую грусть письма твоего, кажется мне, мы должны надеяться-на свою надежду по крайней мере мы имеем право. Тем более, что я думаю и имею достаточный повод думать так, что в настоящую минуту ни ум, ни желание добра, ни огонь души, вовлекающий иногда в ошибки, [не] страшны, но страшны

для России глупость, бессмыслие и особенно бездушные того ходячего эгоизма, что из жизни общественной делает торговый рынок своих частных интересов. Тем ходом, каким мы шли до сих пор, мы уже дошли до всего, до чего дойти было возможно. Теперь идти дальше некуда. Необходимо изменить ход... И потому необходимо надеяться: все умное, все доброе, все оживляющее и творческое оживает под влиянием нового весеннего солнышка... Я... в каком-то радостном ожидании и полон надежд... Конечно настоящей войною зло не сожжено в досталь, но по крайней мере так опалено, так явно отмечено, что все узнают его издали, и вновь обмануться его благонамеренным видом нет никакой возможности... Я верю весне, и уже в конце января в меня сильно закрадывается весеннее ощущение. Его поддерживают во мне эти тайные, смутные голоса, со всех концов долетающие и так убедительно возвещающие, что зима кончилась" (Корнилов, II, стр. 536-537).

Вскоре после этого письма Бакунин получил свидание с матерью и братом Алексеем. Как видно из находящегося в "Деле" (часть II,

лист 250) письма В. А. Бакуниной к Дубельту от 30 января 1856 г., она на сей раз нашла здоровье сына сильно пошатнувшимся главным образом вследствие недостатка движения и на этом основании просила разрешения доставить сыну в камеру токарный станок, работа на котором могла бы благотворно отразиться на его состоянии. Комендант крепости, запрошенный по этому поводу, дал вполне благоприятное для Бакунина заключение ввиду его "благоразумного поведения" и указывал на пользу для него работы на токарном станке ввиду частых у него желчных припадков. Сам Дубельт склонялся к удовлетворению этой просьбы, но удовлетворению ее решительно воспротивился сам "благодарный" молодой царь, и, в конце концов, в просьбе было отказано. Равным образом матери Бакунина не позволено было передать сыну спринцовку.

№ 583. - Письмо к Е.И. Пущиной.

[Начало апреля 1856 года. Шлиссельбург.]

Я, кажется, опять провинился, добрая Елизавета Ивановна. Уже давно получил Ваши два милые письма, - одно с посылками, фу-

ражкой, магниезиоу и пр., другое с пятьюдесятью рублями, - и только теперь собираюсь Вам на них отвечать. Кстати поспел к празднику. Христос воскресе, Елизавета Ивановна! Поздравьте всех Ваших. А вы отгадали: Илья в самом деле женится. Дай бог, чтоб это заставило его переменить многое в своем характере, что могло бы помешать его счастью и, что еще важнее, счастьем жены. Будем надеяться лучшего. А маменьке и Татьяне будет весело встречать их. Прямухино опять оживится. Пора им, бедным, опять хоть немного порадоваться и повеселиться. Я также получил от Алексея премилое письмо. Он мне в живой картине представил историю сватания и любви брата Ильи. Судя по его письму, невеста - премилое создание, а отец и мать - добрые и почтенные люди. Итак все хорошо, лишь бы только Илья не ударил потом лицом в грязь. А бог даст, и он переменится, ведь в нем много добрых и великодушных инстинктов, только самолюбие мешает, но, удовлетворенное блестящею победой, оно, может быть, успокоится, и я сильно надеюсь на благодетельное влияние счастья и на любовь всего нашего се-

мейства, которое поддержит его и не даст ему слишком сбиться с пути. Не поедете ли Вы скоро к ним? Ведь Вы, кажется, неустрашимая путешественница и не любите оставлять тех, кого любите.

Что ж сказать мне Вам еще? Что я вас крепко, крепко люблю, хоть лично я не знаю. А после этого объяснения, позволенного при наших обстоятельствах и при таком отдалении и при наших летах, мне остается только засвидетельствовать вам свое глубочайшее почтение.

Прощайте, Елизавета Ивановна.

Ваш

М. Бакунин.

Но 583. - Напечатано у Корнилова, II, стр. 548, причем датировано у него 13 апреля 1856 г. Но это только лишний раз свидетельствует о его невнимательности и неумении пользоваться документами. Правда, на оригинале имеется надпись "1856, 13 апреля", но из приписки Е. И. Пущиной видно, что письмо было ею получено в этот день (таким образом в данном случае подтверждается наше предположение, что если не во всех, то во многих

случаях хронологические надписи на письмах Прямухинского архива указывают не дату написания письма, которая по отношению к сидевшему в Шлиссельбурге Бакунину и не могла быть его родным известна, а дату получения письма его адресатом). А так как на передвижение письма от шлиссельбургского сидельца через коменданта в Третье Отделение должно было проходить в лучшем случае несколько дней, то мы вправе отнести данное письмо к началу апреля 1856 года.

1 Эта посылка была направлена Бакунину и передана ему еще в феврале, но все это время он видимо находился в плохом настроении и никому не писал. Препровождая две банки магнезии для Бакунина 18 февраля 1856 г., Дубельт предписывает крепостному начальству озаботиться тем, чтобы неумеренное употребление арестантом этого лекарства не причинило ему вреда. Насколько жандармы умели представляться заботливыми, видно из того, что в октябре 1854 года Бакунину была переслана в Шлиссельбург из Алексеевского рavelина клетка с двумя канарейками, которых он завел себе в Петропавловской

крепости. А вместе с тем они систематически и последовательно доводили свои жертвы до полной утраты здоровья или до сумасшествия.

2 В Митаве Илья влюбился в 16-летнюю дочь барона Шлиппенбаха, Елизавету Альбертовну, и в апреле 1856 г. женился на ней к удовольствию своих родных.

Но 584. - Письмо родным.

[Середина апреля 1856 года. Шлиссельбург].

Милая маменька и милая Татьяна! Мне бы давно следовало вам написать, да все откладывал до торжественного случая: а вот теперь и поздравляю вас с тройным праздником: светлого Христова Воскресения, мира и Ильюшиной свадьбы. С чего же начать? Торжество светлого праздника в России известно: весна и всеобщее примирительное целование; мир возвратил вам ваших детей и братьев; а Илья привезет вам новую и милую дочь и сестру.

Я получил от Алексея славное письмо, в котором он мастерски описал весь ход дела, - любви и сватания, - и очень хвалит невесту, равно как и всю ее семью. Хорошо бы было,

если бы все это собралось к вам на праздник, но вряд ли успеют, а было бы очень хорошо. Вы, бедные мои, испытали в последнее время столько горя, что следовало бы вам опять хоть один раз от всей полноты души по праздновать да порадоваться.

Когда приедет к вам наш севастопольский молодец (Брат Александр.), обнимите его крепко, крепко за меня. Каково же! Из пяти братьев - я не говорю уже о шестом - два самых взбалмошных возвращаются к вам, один с Георгием, другой с молодой прекрасною женою, а три разумника остаются ни при чем. Не напоминает ли вам это сказки о Ванюшке-дурачке? Впрочем я это оказал только так, для острого словца. Все они - молодцы, и всякий, если бы ему представился случай, исполнил бы свой долг умно, верно и крепко. Я в этом уверен и знаю также, что по особенному благословению, перешедшему на нас от отца, между ними все общее, и хотя крест и жена - такие предметы, которых делить нельзя, но честь и счастье, доставшиеся одним, живо разделяются всеми.

Вам, милая маменька, будет весело встре-

чать новую дочь, а тебе, Татьяна, весело жить с милою, молоденькою сестрицею, - ведь и тебя саму, как мы с тобою ни стареем, я не могу иначе себе представить как молодую... Где ж они будут жить? Я надеюсь в Прямухине. Что им делать в скучном Дядине, где кроме слепней, кажется, ничего нет порядочного?.. Я рад за Илью, рад за нас всех, ибо крепко надеюсь, что он поймет наконец лучше и живее прежнего, как драгоценна наша семейная дружба, и что, не говоря уж о мелком самолюбии и одрянном эгоизме, которым никогда не следует давать воли, нам должно жертвовать многим, многим для сохранения этой неразрывной и святой связи, в которой заключаются наша честь, наше счастье и наша сила.

Итак, мои милые, радуйтесь и веселитесь. Мне же для наполнения моей пустыни пришлите многотомного Юма (историю Англии) 1, которую Вы, маменька, обещали, но не прислали, равно как и Алексей кроме Готского календаря 2 не прислал ни одной из обещанных книг, на что, я думаю, впрочем были свои весьма законные причины, а именно пустота в кошельке, и потому великодушно его

прощаю, хоть мне читать и нечего. Пришлите же пожалуйста Юма.

Благословите меня, милая маменька, обнимите за меня всех, кто меня помнит, дядюшку Алексея Павловича, милую тетушку-кузину и прелестную Катю (Полторацкий, его жена и дочь.) всенепременно, и как можно скорее пишите.

Ваш

М. Бакунин.

№ 584.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 548-550.

На оригинале имеется надпись "апрель 1856".

1 Юм, Давид (1711-1776)-знаменитый английский философ и историк, друг энциклопедистов и Руссо, идеалист, автор множества работ по философии, математике, психологии, морали, религии, истории, политике, в том числе "Истории Великобритании", состоящей из трех частей; а) Древнейшей истории Англии,

б) Истории Тюдоров, в) Истории Стюартов. Написана в либеральном духе.

2 Готский Альманах или Готский придвор-

ный календарь (Almanach de Gotha, Gothaischer Hofkalender)-статистический и дипломатический ежегодник, издающийся в Готе с 1763 г., а с 1766 г. на французском и немецком языках. С 20 страниц постепенно дошел до 1500; с 1768 г. выходил с рисунками и портретами знаменитостей, а с 1832 г.- только с портретами царствующих особ. Содержит две части: генеалогическую и дипломато-статистическую (высшие должностные лица всех государств, дипломатический корпус, статистические данные). С 1794 г. дается ежегодная хроника политических событий европейских и иных государств. С 1926 г. выходит под заглавием "Готский ежегодник дипломатии, управления и хозяйства".

Но 585. --Письмо к матери.

[Конец мая 1856 года. Шлиссельбург.]

Милая маменька! Борюсь с сильнейшим и упорнейшим флюсом. Вот уже почти неделя, как он меня задирает, и до сих пор самые красноречивые доводы мои: банки, две мушки, камфорный спирт, камфорное масло, камфорно-ромашковая подушка, - все осталось без результата. Флюс, как бы полуубежден-

ный, немного и не надолго отступает, но только для того, чтобы с новым и сильнее-шим напором наступить снова. К счастью у меня остался резервный отряд: огромнейшая шпанская мушка. Я ее положил на самое больное место, и она теперь действует со всем пылом своей испанской природы. Флюс испугался и стал нечувствителен. Я только чувствую какое-то приятное лихорадочное расположение и пользуюсь им для того, чтобы написать Вам несколько слов. Вот если бы был со мною брат Илья, то я, верно, был бы здоров: он, говорят, искуснее и счастливее всякого доктора.

Поздравляю тебя, Илья, поздравляю тебя от всей полноты души. Будь счастлив, но, главное, да будет милая жена твоя всегда счастлива, ты же будь счастлив только ее счастьем. Предоставь ей думать о тебе, ты же думай только о ней и о том, как бы ей было веселее и лучше... Прости мне эти наставления ведь ты, как доктор, знаешь, что в лихорадочном состоянии духа врет всякая чепуха, так что ж мудреного, что и я заврался?..

А вам, милая маменька, вот что я скажу:

Вы знаете, что 18 мая было мое рождение - сколько мне лет, я право не знаю 2, да из угождения Алексею и считать не стану. Вот я и рассудил что вы в продолжение почти 20 лет ни в именины ни в рождение мое не сделали мне никакого подарка. Приняв в соображение, что это нехорошо, и что Вам должно быть очень совестно, и, как добрый сын, желая поправить Вашу ошибку и избавить Вас тем от мучительного чувства, я потому и положил от Вашего имени сделать самому себе подарок в 50 рублей серебром, на которые я уже и купил себе некоторые нужные книги. Ведь Вы, милая маменька, верно не откажете мне в своей ратификации 3.

Скоро ли приедет к Вам Александр и писал ли он Вам? Признаюсь, я несколько боялся за него крымского климата и крымских болезней 4. Но Вы, кажется, покойны и потому верно имеете хорошие известия.

Прощайте, милая маменька, а также и вы, братья и сестры. Мушка уж слишком по-испански поступает, и я боюсь наговорить глупостей.

За Юма благодарю.

Ваш

М. Бакунин.

№ 585.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 550-551. На оригинале имеется надпись "1856, апрель", причем последнее слово рукою А. Корнилова переправлено на май. Приблизительная дата письма устанавливается из слов Бакунина, что 18 мая уже прошло. Следовательно письмо относится ко второй половине мая.

1 Илья приехал 1 мая в Прямухино с молодой женою.

2 Бакунин родился 8 мая по старому стилю; почему он считает днем своего рождения 18 мая, не знаем. В рассматриваемый момент ему было 42 года.

3 Тонкий намек на то, что родные не заботились достаточно о снабжении его книгами.

4 Александр получил отпуск в конце мая.

№ 586. - Письмо к Е. И. Пущиной.

[Конец мая 1856 года. Шлиссельбург.]

Добрая Елизавета Ивановна! 50 руб. серебром получил и, как водится, докладываю Вам о том несколько недель позже, чем следует. Оттого я Вас и называю доброю, что Вы со

мною так милостивы и так терпеливы...

Недавно получил письма от маменьки и от Татьяны. Они не нарадуются счастьем Ильи. Судя по их описаниям, моя новая сестрица - премилая женщина. Два брата уж там, другие возвращаются с ополчением; но об Александре ничего не пишут. Я, признаюсь, побаиваюсь за него крымских болезней. Но в письмах матушки и сестры нет и следа беспокойства. Поэтому они должны иметь об нем хорошие вести. Итак все хорошо. Они теперь все отдохнут. Дай бог им долго насладиться этим спокойствием и счастьем.

А об себе Вы ничего не пишете. Куда Вы собираетесь летом? Не побываете ли в наших краях? Какие известия имеете об Алексее Павловиче (Полторацком.) и его милом семействе? Напишите пожалуйста.

А Вашим всем засвидетельствуйте пожалуйста мое сердечное почтение.

Прощайте, добрая Елизавета Ивановна. Не могу писать более зубы страшно болят.

Ваш преданный

М. Бакунин.

№ 586.-Напечатано у Корнилова, II, стр.

На оригинале имеется надпись "1856". Более точная дата письма определяется его содержанием, которое показывает, что оно написано одновременно с предыдущим.

Но 587. -- Письмо к матери.

[Август 1856 года. Шлиссельбург.]

Вот Вы и уехали, милая маменька, и мне теперь кажется, что я не выразил Вам и сотой части тех чувств любви, благодарности, почтения, которые Вы как будто вновь и столь сильно пробудили во мне впродолжение нашего кратковременного и для меня незабвенного свидания, - свидания, которое будет для меня еще долго, долго источником жизни. Да благословит Вас бог за вашу любовь к нам, широкую, безграничную, безусловную, как может быть только любовь матери к детям. Братья и сестры так счастливы, что могут вознаградить ее делом, я же могу ответить на нее только своею любовью, и поверьте, милая маменька, что хотя по абстрактности моей природы я плохо умею выражать ее, она глубиною и горячностью не уступает ничьей. Ведь я так глуп, что, прощаясь с Вами, просил

Вас уверить и сестер, и тетушку Екатерину Ивановну, и дядюшку, и кузину Катю (Полторацкие.) в моей сердечной привязанности, а Вам самим и не сказал, до какой степени я Вас люблю. И вот, как Вы уехали, я походил, походил, потом лег, потом опять долго ходил, все думал о Вас, сел да и написал эти строки, мыслью и сердцем как будто догоняя Вас для того, чтобы еще раз с Вами проститься, и, написав их, стал спокоен. Я знаю, что Вы поверите мне.

Больше ничего не пишу. Обнимите сестер, милая маменька, скажите им, что я их люблю искренно и горячо, хотя и разучился говорить с ними. Бог даст, опять найдем когда-нибудь язык для взаимного понимания.

А знаете ли, какая мысль мне пришла, когда я ходил и думал о Вас? Вы так добры, снисходительны, при Вас чувствуешь себя так привольно, что со стороны могли бы подумать, глядя на наше обхождение с Вами, что Вы нам - старшая сестрица, а не мать. Но это не опасно, потому что при всей любви, безграничной доверенности и свободе обращения, с которыми мы относимся к Вам, никто

из нас ни на одну минуту не позабудет того глубокого, религиозного почтения детей к матери, которое для нас - не только священный долг, но наше добро, наше счастье и наша гордость.

Благословите ж меня, милая маменька, и пишите скорей, а сестер и Gogo (Г. П. Вульф.) обнимите.

Ваш

М. Бакунин.

Впрочем вы, мои милые сестрицы, не придавайте слишком драматической важности моему тонкому намеку (На отсутствие взаимного, понимания.). Это - не более как легкий крючок для того, чтобы возбудить в вас к себе немного поболее интересу, а не то чтоб я хотел пускать кровь по старому выражению и по старому обычаю.

Но 587.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 553-554.

На оригинале надписано "1856". По содержанию письма видно, что оно написано вскоре после свидания с матерью, значит в августе 1856 года.

В августе Алексей с матерью прожили в

Шлиссельбурге более недели, свидевшись за это время с Бакуниным несколько раз. В результате этих посещений и бесед явилось новое прошение матери Бакунина от 31 августа 1856 г. на имя шефа жандармов, каковым теперь был уже В. А. Долгоруков. В этом прошении, впервые опубликованном нами в книге о Бакунине (1920, стр. 337-338), мать просила отдать Михаила, замешанного в "немецких возмущениях 1848-го года", на поруки ей и пяти братьям с обещанием, что дом их будет для Бакунина "не менее тесным и по возможности тайным заключением", чем Шлиссельбургская крепость. Долгоруков отказался даже доложить эту просьбу царю, а если и доложил, то последовал отказ. Отрицательный ответ Долгорукова В. А. Бакуниной имеется в "Деле", часть II. лист 287.

Но 588.-Письмо к Е. И. Пущиной.

[Конец августа 1856 года. Шлиссельбург.]

Вот и к вам обращаюсь, добрая и великодушная Елизавета Ивановна! С чего же начну? С извинения за долгое, неучтивое, ничем неизвинительное молчание? Дурак, да и только. Что ж делать, бог разума не дал, как

говаривал мне незабвенный для меня Иван Александрович (Генерал Набоков.); а Вы великодушно простите. Вперед не буду. Ведь Вы из моего глупого молчания не должны заключить, что я был неблагодарен и не умел любить Вас... Вас, добрая Елизавета Ивановна, Вас и Ваше семейство я буду помнить, чтить и любить до гроба. Не будучи с Вами знакомым, я знаю и люблю Вас без всякого сомнения более, чем множество Ваших личных знакомых. Вот Вам и декларация! Из одной крайности в другую, неправда ли? Так всегда поступают бестолковые люди. Но довольно бранить себя, а то Вы пожалуй подумаете, что я притворяюсь.

Теперь обращаюсь к положительному делу. Посылаю Вам *Revue des deux Mondes*, 36 No, которые прошу Вас передать или переслать маменьке. То-то я пожил, когда она была у меня с Алексеем. Об ней я уж и не говорю, Вы довольно ее знаете. А неправда ли, что Алексей - молодец? И все братья такие, - я один сплеховал. Ну, да это старая песня, и такого рода рассуждения ни к чему не ведут. Возвратимся же к так называемому делу. О

получении мною пятидесяти рублей маменька Вам сказала; а сказала ли она Вам, какой хитрый был у меня расчет, когда я просил Вас купить табаку да чаю? Да Вы не поддались, сами хитры больно! Ну, как Вы все это прочтете, сам не понимаю. Как ни стараюсь, все выходят каракули замес-то букв. Переписал бы, да ведь не выйдет лучше.

Прощайте, добрая, добрая Елизавета Ивановна. Помните меня и любите, сколько можете, пишите иногда и верьте в мою беспредельную преданность.

Ваш

М. Бакунин.

Как я рад за моих родных, за матушку, за сестер, за братьев, что они нашли в семействе Алексея Павловича, в нем, в Вашей и в нашей милой Екатерины Ивановне и в прелестнейшей Катеньке (Семья Полторацких.), таких добрых, верных, горячих и крепких друзей. Ведь Вы также этому радуетесь, неправда ли? Сына Алексея Павловича, которого к стыду моему я позабыл имя. Вашего племянника, а моего полу-двоюродного братца (Петр Алексеевич Полторацкий.), обнимите пожалуйста и

поцелуйте за меня, не говоря ему, разумеется, от кого. Передайте всем Вашим почтительный и сердечный поклон, - а если увидите генерала Мандерштерна (Комендант Петропавловской крепости с 1852 года), моего бывшего доброго опекуна, скажите ему, что я всею душою и всем сердцем помню об нем.

Но 589. -Шифр для переписки

Катенька едет к Е. П. (Елена Павловна) -

Вот и мой милый

Е. П. взялась горячо - Миша.

Маменька едет к Е. П. - Мы остановились у Вариньки Дьяковой

Е. П. взялась передать письмо - милый Мишель

С горячим участием - милый друг Миша

Так себе - мой друг

Отказалась - друг мой

Е. П. обещала доставить М. (Мать Бакунина (хотя это возбуждает некоторые сомнения). свидание с Ий (Императрицей) - Маменька очень устала от дороги

Верно - отдыхает

Наднях - почивает

М. быть - хочет отдохнуть

Не взялась - Маменька не устала
Не могла - отдыхать не хочет
М. едет к И. (Императрице) - М. собирается
домой

И. взялась горячо - с нетерпением
Обещала передать письмо - с удовольствием
ем

Сама говорит - с большим удовольствием
И так и сяк - М. еще не скоро собирается до-
мой

Отказалась - остановиться в Твери
Выпущен к нам - Папа Шлиппенбах звал
ехать в Митаву

В губернию - Ригу
В Сибирь - В Курляндию
Вообще вы очень плохо - пора домой
Придумывать последние средства - хочу
видеться с Агаточкой

Приступаем - увижусь сегодня
Исполнили - был у Агаты
Да - тотчас - очень доволен
Да - скоро - доволен
(X) да-на долгий срок - не совсем
определенный - доволен
Обещание не определенное - мало доволен

нет - не застал дома

(X) Число цифрами - - месяцы

Число буквами - - годы

По отказе Е. П. идем по другим - Маменька
хочет ехать с визитами дорогам к И.

дорога хорошая - и меня берет с собою

Читать между тире.

Число сверху - со значением.

Число снизу - без значения.

Но 589.-Напечатано у Корнилова, II, стр.
561-562.

На оригинале надписано "1856". По содержанию письма видно, что оно написано после свиданий с родными, т. е. не раньше конца августа 1856 г.

Родные Бакунина не прекращали своих хлопот об его освобождении. Брат Алексей осенью 1856 г. часто ездил с этою целью в Петербург и даже нанял себе там квартиру. Он пускал в ход все средства, обращался ко всем знакомым, бывал у Княжевичей, Муравьевых, графини Делагарди, Полторацких, Корсаковых, Мордвиновых, Безобразовых и т. п. По совещанию с кузинами Бакунины составлена была "нота", видимо прошение на имя

царя, для вручения в. кн. Елене Павловне, которая вероятно должна была передать его Александру II или его жене (см. дневник Алексея Бакунина в Петербурге, напечатанный у Корнилова, 1. с., стр. 557). Жандармы пронюхали об этом плане еще раньше, как видно из записки Дубельта на имя кн. Орлова от 3 октября 1856 г., в которой сказано: "Мне дали знать, что г-жа Бакунина все еще намерена утруждать государя императора о своем сыне. Сестра (не сестра, а двоюродная сестра. Ю С..) ее была начальницею сестер милосердия в Севастополе и теперь живет во дворце у великой княгини Елены Павловны. Она упрашивает ее высочество просить об узнице государыню императрицу Марию Александровну" ("Дело" о Бакунине, часть II. л. 288). К хлопотам привлечена была и новая знакомая Бакуниных. Наталья Семеновна Корсакова, член многочисленной чиновной семьи Корсаковых, брат которой впоследствии был генерал-губернатором Восточной Сибири, когда Бакунин бежал оттуда, которая через шесть лет после знакомства с Алексеем, т. е. в 1862 году, вышла замуж за Павла Бакунина, и с ко-

торою позже М. Бакунин много переписывался. как мы увидим из последующих томов.

Через И. С. Тургенева, которого он разыскал в Петербурге, Алексей Бакунин проник и в литературные круги. Здесь он между прочим встретился с Л. Толстым, только что приехавшим из Севастополя, где он встречался с Александром Бакуниным, и с П. В. Анненковым. По-видимому Л. Толстой и П. Анненков тоже принимали какое-то участие в хлопотах за М. Бакунина (см. ниже No 608). Принимали в этих хлопотах прямое участие И. С. Тургенев, неизвестно. Товарищ Тургенева по Берлинскому университету остзейский барон Б. У.-СО в своих воспоминаниях, напечатанных в "Baltische Monatsschrift" 1884 г., том XXXI, выпуск I, и переведенных в "Русской Старине" 1884, май, стр. 390 сл., пишет: "Я не могу не упомянуть здесь о том, как великодушно и самоотверженно он (Тургенев) отнесся к Бакунину, когда тот, приговоренный дважды к смерти, содержался под строгим арестом в Шлиссельбурге: Иван Сергеевич осмелился просить облегчения его участи и снабжал его книгами, несмотря на то, что сам он был на

дурном счету у императора Николая Павловича". Это очень похоже на выдумку. По крайней мере в переписке Алексея Бакунина, приводимой у Корнилова (т. II, стр. 541 сл.), об участии Тургенева в организации помощи Михаилу Бакунину ничего не говорится, сам же Тургенев характеризуется в следующих выражениях: "Тургенев-все прежний, милый, умный и слабый до распущенности человек". Нужно, впрочем, прибавить, что там ничего не говорится и об участии в этих хлопотах Л. Толстого и П. Анненкова, а между тем Бакунин позже благодарил их за помощь в одном из писем из Сибири (см. No 608).

15 ноября 1856 года Екатерина Михайловна Бакунина посетила В. Долгорукова и просила у него свидания с Бакуниным для себя и для Алексея. Долгоруков обещал доложить царю, и разрешение было дано. Как видно из "Воспоминаний сестры милосердия", т. е. Е. М. Бакуниной, напечатанных в "Вестнике Европы" за 1898 г. (майская книжка, стр. 95), она с Алексеем в конце ноября прожили два дня на квартире коменданта крепости и несколько раз видались с Михаилом.

Оригинал данного листка написан рукою Алексея Бакунина. Это- явный шифр для условной корреспонденции и наверно сочинен самим М. Бакуниным и передан родным во время одного из свиданий. Возможно, что он был не написан Бакуниным, а продиктован им во время свидания. Судя по тому, что листок написан рукою Алексея, возможно, что продиктован был шифр именно ему и притом на свидании в ноябре 1856 года. Мы не знаем подробностей этого свидания, но мы вправе допустить, что присутствие Е. М. Бакуниной, начальницы общины сестер милосердия в монашеской одежде, присущей этому званию, и протезе великой княгини Елены Павловны, сильно смягчало настороженность охраны и создавало обстановку, благоприятную для всяких конспирации. Да и по содержанию этого шифра, в котором попадают Елена Павловна, императрица, император, его можно отнести именно к этому времени, когда появляется мысль о действии такими путями ввиду возвращения Е. М. Бакуниной из Севастополя в Петербург.

Так как Бакунин из глубины своей камеры

фактически руководил всеми хлопотами по своему делу и направлял действия своих родных, а через них и посторонних, втянутых в эти хлопоты, то естественно, что он хотел быть в курсе всех перипетий дела и для этой цели, тряхнув стариною, сочинил данный шифр. С помощью этого шифра родные должны были сообщать ему о ходе хлопот и о состоянии дела. Таким способом он мог узнать, будет ли он выпущен на свободу и если да, то куда - в Прямухино ("к нам"), в какую-либо внутреннюю губернию или в Сибирь, и "а какой срок-определенный или неопределенный, а в первом случае-на долгий или короткий. Для передачи такой информации шифр составлен довольно удачно. Применялся ли он на деле, мы не знаем. Для ответа на этот вопрос надлежало бы с помощью этого шифра внимательно просмотреть и проанализировать те письма, какие получались Бакуниным в крепости за последние месяцы его пребывания там. Возможно, что родные не успели воспользоваться шифром (если только отваживались на это), так как Бакунин не стал терпеливо выжидать результатов их хлопот,

а прибег к героическому средству, чтобы вырваться из тюрьмы.

Но 590. - Письмо брату Алексею.

(3 февраля 1857 года.)

[Шлиссельбург.]

Мой милый Алексей!

Спасибо тебе за апельсины, особенно же за лимоны. Я их потребил с большим удовольствием и завтра съем последний¹. Что скажу о себе? Ты знаешь, жизнь моя не богата содержанием, а из пустого в порожнее переливать не хочется. Вот ты другое дело; тебе есть о чем поговорить, и потому надеюсь, что ты будешь писать чаще. Не бойся писать о мелочах: всякая мелочь, соприкосновенная к вам, для меня важна. Ведь весь жизненный интерес мой сосредоточен на вас. Что делается у нас в Прямухине? Я маменьке особенно не пишу, потому что пришлось бы повторить то же самое, но заочно прошу ее благословения, а сестер и братьев прошу тебя, когда их увидишь, обнять за меня. Я рад буду, когда узнаю, что Павел к тебе приехал: вам обоим будет веселее, а вместе вы будете умнее по русской пословице: ум хорошо, а два лучше. Пусть он вступит

в службу, да и ты поспеши. Ведь первая молодость далеко уже за вами, не прогуляйте же вторую.

Милых и добрых сестер наших (Речь идет о Евдокии, Екатерине и Прасковье Михайловнах Бакуниных.) в Петербурге обними. За Катю я не боюсь: она крепка столько же, сколько и добра. Она без фраз героиня, и я уверен, что она вынесет теперь все трудности и всю прозу избранного ею назначения, как выносила прежде его опасности и поэзию 2. Но я заболтался. Прощай. Твой

М. Бакунин. 1857-го [года] 3-го февраля.

№ 590.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 562-563.

1 Ясно, что апельсины и лимоны понадобились Бакунину для борьбы с цингой. Впрочем в момент писания этого письма он уже решил прибегнуть к более решительной мере избавления от тюремных тягостей (см. следующий №).

2 Екатерина Михайловна Бакунина по окончании своей работы в Крыму была назначена начальницею Крестовоздвиженской общины в Кронштадте.

№ 591.-Письмо князю В. А. Долгорукову.
[3 февраля 1357 года. Шлиссельбургская крепость.]

Ваше сиятельство!

Я болен телом и душою; от болезни телесной не надеюсь излечения, но душою мог бы и желал бы отдохнуть и укрепиться в кругу родной семьи. Не столько боюсь я смерти, сколько умереть одиноко в заточении с сознанием, что вся моя жизнь, протекшая без пользы, ничего не принесла кроме вреда для других и для себя. Я не в силах выразить Вам, как мучительны эти мысли, как они терзают в одиночестве заключения, и как тяжела должна быть смерть при таких мыслях и в таком заключении. Я не желал бы умереть, не испытав последнего средства, не прибегнув в последний раз к милосердию государя.

Обращаюсь к Вашему сиятельству с покорною просьбою исходатайствовать мне от государя позволение писать к его величеству. Долговременное заключение притупило мои способности так, что я не нахожу более убедительных слов, чтобы тронуть Ваше сердце. Но Вашему сиятельству известно, чего может же-

дать и как сильно может желать заключенный; мне же и по собственному опыту и по словам родных известно Ваше великодушие и возвышенный образ Ваших мыслей; поэтому я могу надеяться, что без подробных объяснений с моей стороны Ваше сиятельство примет великодушное участие в последней надежде и в последнем усилии заключенного к облегчению своей участи.

Михаил Бакунин.

1857 года, 3 февраля.

№ 591.-Впервые опубликовано в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 340-341).

Этому письму предшествовали следующие события. Вскоре после ноябрьского свидания Бакунина с Е. М. Бакуниной и Алексеем мать его наверно по его же требованию снова пода-ла прошение о смягчении участи своего сына. Кто-то (вероятно сам Бакунин и притом с "дипломатической" целью) надоумил ее, что ее сына держат взаперти в угоду иностранным дворам ввиду прикосновенности его к европейским революционным движениям. Для таких слухов имелось некоторое основание: например в мае 1856 г., как видно из справки

Третьего Отделения, тайный советник Я. Толстой доносил, что иностранные газеты распространяют слух о помиловании Бакунина, и что это известие "возбуждает беспокойство в приверженцах порядка" ("Дело", часть II, лист 286). Содержание этой справки легко могло стать известным лицам, хлопотавшим за Бакунина, и через них дойти до него, Так или иначе, но на этот раз мать Бакунина обратилась к министру иностранных дел кн. А. М. Горчакову. Прошение это впервые было опубликовано в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 339-340). Е. М. Бакунина передала Горчакову прошение В. А. Бакуниной, а он через Долгорукова доложил о нем царю. Александр II вторично отказал в просьбе матери Бакунина 4 января 1857 года (см. "Дело", часть II, лист 293). После этого Бакунину видимо дано было тем или иным путем знать, что он не выйдет из крепости до тех пор, пока сам не обратится с просьбою к царю, в которой выразит искреннее раскаяние в своих прегрешениях. И вот в тот самый день, в какой он писал свое приведенное под No 590 письмо к брату Алексею, Бакунин написал письмо к

шефу жандармов, в котором просил исходатайствовать ему право написать царю. Докладывал ли об этой просьбе Долгоруков царю или нет, неизвестно, но на той же препроводительной бумаге, от 6 февраля 1857 г., при которой комендант крепости представил ему ходатайство Бакунина, шеф жандармов 7 февраля, т. е. может быть даже в день ее получения, положил резолюции; "Сообщить Бакунину через г.-л. Троицкого, что он может писать к государю императору" ("Дело", ч. II, лист 299).

№ 592. - Письмо князю В. А. Долгорукову.

(14 февраля 1857 года.) [Шлиссельбургская крепость.]

Ваше сиятельство!

Препровождая при сем просьбу мою к государю, прошу Вас принять выражение искренней и глубокой благодарности за исходатайствование мне просимого мною позволения. Оно оживило во мне надежду; но суждено ли ей сбыться? Обмануться было бы жестоко. Осмелюсь ли просить Ваше сиятельство просмотреть и исправить, сколько возможно, мою просьбу? Я так одичал и отвык писать, что с трудом мог окончить ее; трудно писать,

колеблясь между страхом и надеждою, опасаясь сказать лишнее или недосказать нужного. Чувствую, что просьба моя к государю написана неудовлетворительно, нелепо, неловко, может быть и по форме неприлично; но сам исправить не в силах; только искренность написанного готов подтвердить клятвою и честным словом. От Вас зависит, князь,-если Вам только угодно будет оказать мне столь великодушное снисхождение, - исправить ее, сократить лишнее и, дополнив недостающее своим сильным словом, дать настоящее выражение моим искренним чувствам, не умеющим выразиться так, чтобы просьба моя нашла доступ к сердцу государя.

Не сомневаясь вообще в великодушном расположении Вашего сиятельства помогать ближнему, я должен однако же по собственной вине сомневаться, захотите ли Вы оказать эту помощь мне. Это без сомнения зависит от степени доверия, какую я могу заслужить в мнении Вашем. Но чтобы убедить Вас в совершенной чистоте моих желаний и намерений, не имею другого способа кроме моего честного слова. Захотите ли Вы удоволь-

ствоваться им? Поверите ли Вы, что честное слово свяжет меня так же крепко, как крепостные стены?

Князь, мне уже поздно возвращаться к деятельной жизни, если бы я даже и желал того, силы мои сломаны; болезнь меня сокрушила: я желаю только умереть не в темнице. Поверьте, что никогда я не употреблю во зло ограниченной свободы, данной мне на честное слово, и не откажите в великодушном содействии Вашем, в счастливых последствиях коего для меня я никогда не подам Вам случая раскаиваться.

Михаил Бакунин.

14 февраля 1857 года.

№ 592.-Опубликовано впервые в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 341-342). Оригинал находится в третьей части "Дела" о Бакунине, лист 2.

Это письмо производит весьма тяжелое впечатление своим тоном, в частности неоднократным даванием "честного слова" не заниматься больше революционной деятельностью. Конечно Бакунин презирал своих врагов - палачей и сыщиков во главе с короно-

ванным жандармом и шпиком, но все же для снискания свободы он прибегал к средствам, на которые мало кто решился бы.

Самое замечательное в этом то, что царь и его шеф жандармов попались на удочку и поверили Бакунину.

Но 593. - Прощение на имя Александра II. (14 февраля 1857 года.) [Шлиссельбургская крепость.]

Ваше императорское величество,
всемилоостивейший государь!

Многие милости, оказанные мне незабвенным и великодушным родителем вашим и вашим величеством, вам угодно ныне доверить новою милостью, мною не заслуженною, но принимаемою с глубокою благодарностью: позволением писать к Вам. Но о чем может преступник писать к своему государю, если не просить о милосердии? Итак, государь, мне дозволено прибегнуть к Вашему милосердию, дозволено надеяться. Пред правосудием всякая надежда с моей стороны была бы безумием; но пред милосердием Вашим, государь, надежда есть ли безумие? Измученное, слабое сердце готово верить, что

настоящая милость есть уже половина прощения; и я должен призвать на помощь всю твердость духа, чтобы не увлечься обольстительною, но преждевременною и может быть напрасною надеждою.

Что бы впрочем меня ни ожидало в будущем, молю теперь о позволении излить перед Вашим величеством свое сердце, чтобы я мог говорить перед Вами, государь, так же откровенно, как говорил перед покойным родителем Вашим, когда его величеству угодно было выслушать полную исповедь моей жизни и моих действий. Волю покойного государя, переданную мне графом Орловым (Александром Федоровичем.), чтобы я исповедался пред ним, как духовный сын исповедуется пред духовным отцом своим, я исполнил, не покрывив душою, и хотя исповедь моя, написанная, сколько я помню, в чаду недавнего прошедшего, не могла по духу своему заслужить одобрения государя, но я никогда, никогда не имел причины раскаиваться в своей искренности, а напротив ей одной, после собственного великодушия государя, могу приписать милостивое облегчение моего заклю-

чения . И ныне, государь, ни на чем другом не могу и не желаю основать надежду на возможность прощения как на полной, искренней откровенности с моей стороны.

Привезенный из Австрии в Россию в 1851 году и забыв благодать отечественных законов, я ожидал смерти, понимая, что заслужил ее вполне. Ожидание это не сильно огорчало меня, я даже желал скорее расстаться с жизнью, не представлявшею мне ничего отрадного в будущем. Мысль, что я жизнью заплачу за свои ошибки, мирила меня с прошедшим, и, ожидая смерти, я почти считал себя правым.

Но великодушию покойного государя угодно было продлить мою жизнь и облегчить мою судьбу в самом заключении. Это была великая милость, и однако же милость царская обратилась для меня в самое тяжкое наказание. Простившись с жизнью, я должен был снова к ней возвратиться, чтобы испытать, во сколько раз моральные страдания сильнее физических. Если бы заключение мое было отягчено строгостью, сопряжено с большими лишениями, я, может быть, легче перенес бы

его; но заключение, смягченное до крайних пределов возможности, оставляя мысли полную свободу, обратило ее в собственное свое мучение. Связи семейные, которые я считал навек прерванными, возобновленные милостивым позволением видаться с семейством, возобновили во мне и привязанность к жизни; ожесточенное сердце постепенно смягчалось под горячим дыханием родственной любви; холодное равнодушие, которое я принимал сначала за спокойствие, постепенно уступало место горячему участию к судьбе давно потерянного из виду семейства, и в душе пробудилась - вместе с сожалением об утраченном счастье мирной, семейной жизни - глубокая, невыразимо мучительная скорбь о невозвратно и собственною виною безумно разрушенной возможности сделаться когда-нибудь наравне с пятью братьями опорой своего родного дома, полезным и дельным слугою своего государства. Завещание умирающего отца, которого я не переставал любить и уважать всем сердцем даже и в то время, когда поступал совершенно вопреки его наставлениям, его последнее благосло-

вение, переданное мне матерью, под условием чистосердечного раскаяния, встретило во мне уже давно тронутое и готовое сердце.

Государь! Одинокое заключение есть самое ужасное наказание; без надежды оно было бы хуже смерти: это-смерть при жизни, сознательное, медленное и ежедневно ощущаемое разрушение всех телесных, нравственных и умственных сил человека; чувствуешь, как каждый день более деревянеешь, дряхлеешь, глупеешь и сто раз в день призываешь смерть как спасение. Но это жестокое одиночество включает в себе хоть одну несомненную и великую пользу; оно ставит человека лицом к лицу с правдою и с самим собою. В шуме света, в чаду происшествий легко поддаешься обаянию и призракам самолюбия; но в принужденном бездействии тюремного заключения, в гробовой тишине непрерывного одиночества долго обманывать себя невозможно: если в человеке есть хоть одна искра правды, то он непременно увидит всю прошедшую жизнь свою в ее настоящем значении и свете; а когда эта жизнь была пуста, бесполезна, вредна, как была моя прошедшая

жизнь, тогда он сам становится своим пала-
чом, и сколь бы тягостна ни была беспощад-
ная беседа с собою, о самом себе, сколь ни му-
чительны мысли, ею порождаемые, - раз на-
чавши ее, ее уж прекратить невозможно. Я
это знаю по восьмилетнему опыту.

Государь! Каким именем назову свою про-
шедшую жизнь? Растроченная в химериче-
ских и бесплодных стремлениях, она кончи-
лась преступлением. Однако я не был ни
своекорыстен, ни зол, я горячо любил добро и
правду и для них был готов пожертвовать со-
бою; но ложные начала, ложное положение
и грешное самолюбие вовлекли меня в пре-
ступные заблуждения; а раз вступивши на
ложный путь, я уже считал своим долгом и
своею честью продолжать его донельзя. Он
привел и ввергнул меня в пропасть, из кото-
рой только всемогущая и спасающая длань
Вашего величества меня извлечь может.

Стою ли я такой милости? На это я могу
сказать только одно: впродолжение восьми-
летнего заключения, а особливо в последнее
время я вынес такие муки, которых прежде
не предполагал и возможности. Не потеря и

не лишение житейских наслаждений терзали меня, но сознание, что я сам обрек себя на ничтожество, что ничего не успел совершить в жизни своей кроме преступления, не сумев даже принести пользу семейству, не говоря уже о великом отечестве, против которого я дерзнул поднять крамольно бессильную руку; так что самая милость царская, самая любовь и нежные попечения моих родителей обо мне, ничем мною не заслуженные, превращались для меня в новое мучение: я завидовал братьям, которые делом могли доказать свою любовь матери, могли служить Вам, государь, и России. Но когда по призыву царя вся Русь поднялась на соединенных врагов; когда вместе с другими ополчились я мои пять братьев и, оставив старую мать и малолетние семьи, понесли свои головы на защиту родины,- тогда я проклял свои ошибки и заблуждения и преступления (Слова ошибки и заблуждения и преступления" подчеркнуты красным карандашом в оригинале (вероятно царем).),1 осудившие меня на постыдное, хотя и принужденное бездействие в то время, когда и я мог бы и должен бы был служить ца-

рю и отечеству; тогда положение мое стало для меня невыносимо, тоска овладела мною и я молил одного: или свободы, или смерти.

Государь! Что окажу еще? Если бы мог я сызнова начать жизнь, то повел бы ее иначе, но - увы!- прошедшего не воротишь! Если бы я мог загладить свое прошедшее делом, то умолял бы дать мне к тому возможность: дух мой не устранился бы спасительных тягостей очищающей службы: я рад бы был омыть потом и кровью свои преступления. Но мои физические силы далеко не соответствуют силе и свежести моих чувств и моих желаний: болезнь сделала меня никуда и ни на что негодным. Хотя я еще и не стар годами, будучи 44 лет, но последние годы заключения истощили весь жизненный запас мой, сокрушили во мне остаток молодости и здоровья: я должен считать себя стариком и чувствую, что жить мне остается недолго 2. Я не жалею о жизни, которая должна бы была протечь без деятельности и без пользы; только одно желание еще живо во мне: последний раз вздохнуть на свободе, взглянуть на светлое небо, на свежие луга, увидеть дом отца моего,

поклониться его гробу и, посвятив остаток дней сокрушающейся обо мне матери, приготовиться достойным образом к смерти.

Пред Вами, государь, мне не стыдно признаться в слабости; и я откровенно сознаюсь, что мысль умереть одиноко в темничном заключении пугает меня, пугает гораздо более, чем самая смерть; и я из глубины души и сердца молю Ваше величество избавить меня, если возможно, от этого последнего, самого тяжкого наказания.

Каков бы ни был приговор, меня ожидающий, я безропотно заранее ему покоряюсь как вполне справедливому и осмеливаюсь надеяться, что в сей последний раз дозволено мне будет излить перед Вами, государь, чувство глубокой благодарности к Вашему незабвенному родителю и к Вашему величеству за все мне оказанные милости.

Молящий преступник

Михаил Бакунин. 14 февраля 1857 годаЗ.

№ 593.-Впервые опубликовано в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 342-346). Оригинал находится в "Деле" о Бакунине, ч. III, лист 3 сл. Одно время он был выкраден оттуда од-

ним "ученым", но когда я в 1919 году при изучении "Дела" обнаружил сей высоко-профессорский подвиг, документ был у "исследователя" отобран и помещен на место. При этом документе имелась еще какая-то "Записка", но она у похитителя найдена не была и содержание ее остается поэтому неизвестным.

Теперь Александр II мот торжествовать: он добился унижения своего врага, заставил его заговорить покаянным языком, назвать себя преступником, отречься от своего прошлого и даже "Исповедь" признать документом, написанным в чаду революционного увлечения. Царь поверил в искренность бакунинского покаяния, вернее решил, что ему удалось морально убить своего пленника и вырвать из него революционное жало навсегда. До тех пор упорно отказывавшийся облегчить положение своего узника, Александр II на сей раз смиростивился и, хотя не согласился полностью удовлетворить просьбу Бакунина и отпустить его к родным, согласился заменить ему одиночное заключение в крепости ссылкой в Сибирь на поселение.

1 Александр II в бытность свою наследни-

ком читал с разрешения отца "Исповедь" Бакунина и, если верить рассказу Бакунина в письме к Герцену от 8 декабря 1860 г. по поводу просьбы, поданной его матерью на имя Горчакова, не усмотрел в ней действительного раскаяния (по своему он был впрочем прав). Бакунин видимо об этом знал со слов родных на свиданиях и потому постарался здесь как бы опорочить свою "Исповедь", дабы тем вернее обмануть царя насчет серьезности его нынешнего раскаяния.

2 Чувствовал ли это действительно Бакунин, мы не знаем, но после того он прожил еще около 20 лет.

3 На прошении Бакунина Александр II 19 февраля написал: "Другого для него исхода не вижу, как ссылку в Сибирь на поселение". На следующий день, 20 февраля, Долгоруков, сообщив коменданту крепости о решении царя, поручил ему объявить о сем Бакунину, предложив ему или воспользоваться даруемою милостью или остаться в крепости на прежнем основании. Нечего и пояснять, что Бакунин предпочел ссылку одиночному заключению, о чем свидетельствует документ, печат-

таемый следующим номером.

№ 594. - Письмо князю В. А. Долгорукову.
(22 февраля 1857 года.) [Шлиссельбургская крепость.]

Ваше сиятельство!

С благоговением принимаю милость государя и покоряюсь его решению, которое если и не вполне соответствует безумным надеждам и желаниям больного сердца, однако далеко превосходит то, чего я благоразумно и по справедливости ожидать был вправе. Не знаю, долго ли плохое здоровье и одряхлевшие силы позволят мне выдержать новый род жизни; но сколько бы мне суждено ни было еще прожить, и как бы тесен ни был круг, окончательно мне предназначенный, я постараюсь доказать всюю остальною жизнью своею, что при всей великой грешности моих заблуждений, несмотря на важность преступлений, мною совершенных (Эти слова кем-то подчеркнуты карандашом в экземпляре, переписанном для Александра II.), во мне никогда не умирало чувство искренности и чести. Из глубины сердца приношу Вашему сиятельству благодарность за великодушное и скорое

ходатайство, вследствие которого я по милости царской все-таки умру не в тюрьме, а на вольном воздухе, хоть и умру в одиночестве.

Теперь же, надеясь на человеколюбивое снисхождение Ваше, мне вновь столь живо доказанное, осмелюсь ли приступить к Вашему сиятельству с новою и последнею просьбою?

Почти без всякой веры в возможность успеха решаюсь однако просить о позволении заехать по дороге в Сибирь в деревню матери, расположенную в 30 верстах от города Торжка в Тверской губернии, - заехать на сутки или даже хоть на несколько часов, чтобы там поклониться гробу отца и обнять в последний раз мать и все семейство дома. Я чувствую, сколь просьба моя неправильна, и сколь просимая мною милость будет противоречить установленному порядку; но ведь для царя все возможно, а для меня, хоть и не заслуживающего столь чрезвычайной милости, она будет огромным и последним утешением. Мне кажется, что, побывав хоть одну минуту дома, я наберусь там доброго чувства и сил на всю остальную невеселую жизнь.

Если же это невозможно, то не будет ли мне разрешено увидаться и провести день со всем наперед о том предуведомленным семейством проездом в Твери? Мать стара, и ей трудно, да к тому же теперь было бы и слишком грустно ехать в Петербург; а между сестрами и братьями есть пять человек 1, с которыми я не видался со времени моего злополучного отъезда за границу, т. е. с 1840 года. Невыразимо тяжело было бы мне ехать в Сибирь, не повидавшись с ними в последний раз.

Наконец еще прежде этого свидания в Торжке или в Твери не дозволено ли мне будет увидаться с теми же братьями, которые будут находиться в Петербурге? 2 Я бы попросил их о снабжении меня некоторыми необходимыми вещами на дорогу и на первое время жительства. На мне нет никакой одежды; нового я, разумеется, не шил, а те из старых платьев, которые устояли против восьмилетнего разрушения, уже нисколько не соответствуют моему настоящему социальному положению.

Теперь мне остается только просить Ваше

сиятельство положить к подножию престола его величества выражение тех искренних и глубоких чувств, с которыми я принимаю его царскую милость, а Вам самим изъявить сожаление о том, что мне никогда не будет суждено доказать Вашему сиятельству свою благодарную и почтительную преданность.

Михаил Бакунин. 22 февраля 1857 года³.

№ 594.-Впервые опубликован в нашей книге о Бакуanine (1920, стр. 346-347). Оригинал находится в "Деле", ч. III, лист 19-20.

1 Тут какая-то неточность. Всех братьев и сестер Бакуниных было 11 человек; из них Любовь и Софья умерли. Из остальных Бакунин виделся в тюрьме с четырьмя (Николаем, Татьяною, Павлов и Алексеем). Оставались четыре, с которыми он не видался: Варвара (да и то он видал ее за границею), Александра, Илья и Александр. Бакунин по рассеянности видимо и себя засчитал в это число; иначе никак нельзя понять, как у него получилось пять вместо четырех.

2 Эта просьба была удовлетворена, и Бакунину дано было свидание с братом Алексеем и кузиной Е. М. Бакуниной.

3 Несмотря на то, что просьбы Бакунина выходили за пределы того, что тогда дозволялось, особенно тяжким государственным преступникам, они все же были удовлетворены. 5 марта 1857 г. Бакунин был перевезен из крепости в Третье Отделение, здесь получил свидание с братом и кузиной. 8 марта отправлен из Петербурга в вагоне III класса, переделанном из товарного, с поездом из порожних вагонов. В Осташкове он пересел с конвоем (поручик Медведев и два жандарма) на почтовую телегу, на которой и доехал в Прямухино, где ему дозволено было провести сутки.

№ 595. - Письмо брату Алексею.

(23 февраля 1857 года.) [Шлиссельбургская крепость.]

Любезный Алексей!

Третьего дня я получил через здешнего коменданта от князя Долгорукова объявление о том, что государь император, тронутый моим раскаянием и снисходя на мою просьбу¹, всемиловитейше изволил смягчить мое наказание заменю крепостного заключения ссылкой на поселение в Сибирь, предоставляя мне однако право оставаться на прежнем основа-

нии в крепости. Я, разумеется, принял высочайшую милость с глубокою благодарностью, ибо вижу в оной действительное и большое облегчение своей участи. Одно меня печалит глубоко: с маменькою и с вами мне придется проститься навеки; но делать нечего, я должен безропотно покориться судьбе, мною самим на себя накликанной. Теперь у меня остается одно желание: увидеться со всеми вами в последний раз и проститься с вами хорошенько. Надеюсь, что ты получишь это письмо довольно во время, чтоб успеть присоединить свою просьбу о том к моей просьбе; надеюсь также, что мне дозволено будет проститься с гатей милой и героической монашенкою, с сестрою Катей (Екатерина Михайловна.) Бакуниной 2. Не огорчайся, Алексей, и если маменька и сестры будут слишком горевать обо мне, утешь их: там, на просторе, мне будет лучше.

Твой

М Бакунин. 1857 года. 23 февраля 3.

Но 595. - Впервые опубликовано в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 348).

1 Мы видим, что от родных, в частности от

брата Алексея, Бакунин не собирался скрывать, что смягчение его участи было вызвано его раскаянием и прощением на имя царя. Но от других, как мы увидим из сибирской переписки его с Герценом, Бакунин до конца жизни старался утаить обстоятельства, с которыми связано было его освобождение из крепости.

2 Как мы знаем, ему разрешено было перед отъездом из Петербурга свидеться и с Алексеем и с Е. М. Бакуниной.

3 Письмо это было почему-то задержано в Третьем Отделении и находится в "Деле" о Бакунине, ч. III, лист 17.

Но 596. - Подписка М. А. Бакунина.

Изъясненное в повелении его сиятельства князя Долгорукова от 4 марта 1857 года за No 520 комендантом Шлиссельбургской крепости мне объявлено, в чем и даю сию подписку.

Михаил Бакунин. 1857 года. 5 марта.

Но 596. - Опубликовано в "Материалах", I, стр. 427. Оригинал находится в "Деле", ч. 111, л. 38.

Эта расписка Бакунина вызвана объявле-

нием ему о тех мерах, какие приняты были по приказу Третьего Отделения в связи с отправкою его в Сибирь, и о порядке его следования туда. Порядок этот изложен в особом документе, находящемся в "Деле" о Бакунине, ч. III, л. 24-25. Там же (л. 37) имеется и рапорт коменданта крепости от 5 марта, в котором сообщалось о взятии с Бакунина прилагаемой расписки и о снабжении его теплою одеждою (кроме собственной ему были даны шинель, теплые сапоги и фуражка, каковые по миновании надобности надлежало возвратить в крепость), а затем присовокуплялось: "Улучшившееся ныне его здоровье не препятствует ныне же к отправлению его в путь, тем более что перемена жизни с движением и свежестью воздуха при не столь быстрой езде послужит, полагаю, даже некоторому улучшению его здоровья". Этот рапорт доложен был царю, который ревниво следил за каждым шагом своей жертвы.

В тот же день Бакунин был вывезен из крепости.

№ 597.-Расписка.

Из данных моим семейством господину по-

ручку Медведеву, на мое употребление, пятисот рублей серебром издержано на мои потребности по сие время сто тридцать (130) рублей серебром.

Михаил Бакунин.

27-го марта-1857-го года.

№ 597. - Печатается впервые. Оригинал находится в Прямухинском архиве.

В Прямухине Бакунин пробыл сутки, был мрачен, молчалив, почти ни с кем не разговаривал и большую часть времени провел за игрой в дурачки с нянюшкой Ульяной Андреевной. 28 марта он был доставлен жандармским поручиком Медведевым в Омск и по распоряжению ген.-губ. Западной Сибири генерала Гасфорда поселен в Кийском округе Томской губернии. При доставлении в Омск при Бакунине имелось 370 рублей, оставшихся у него от данных ему родными 500 рублей ("Дело", ч. III, лл. 48-52).

Гасфорд, Густав Христианович (1794-1874) - русский военный деятель немецкого происхождения, российский подданный с 1833 года. Окончил Институт корпуса путей сообщения, участвовал в войнах 1812, 1813-1815; с 1829

участвовал в кавказской войне, в 1831 в войне против Польши; в 1833 был в Молдавии помощником П. Киселева, поддерживавшего султана против Египта. С 1840 генерал-лейтенант; участвовал в интервенции против венгерской революции в 1849. В январе 1851 назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим отдельным сибирским корпусом. Произведен в генералы от инфантерии. В 1861 назначен членом Гос. Совета, но ушел оттуда по болезни. Был членом Академии Наук, Вольного экономического и Географического обществ.

№ 598. -Письмо князю В. А. Долгорукову. (29 марта 1857 года.)

Ваше сиятельство!

Пользуясь отъездом поручика Медведева, беру смелость писать к Вам еще раз для того, чтобы в последний раз благодарить Ваше сиятельство за могучее ходатайство, спасшее меня от крепостного заключения, и за то великодушное снисхождение, которое я имел счастье испытать впродолжение моего кратковременного пребывания в Третьем Отделении и которое сопутствовало мне до самого

Омска в лице поручила Медведева. Не мне отзываться и рассуждать об офицерах, подчиненных Вашему сиятельству, но не могу умолчать о том, до какой степени я был тронут добродушным и внимательным обхождением поручика Медведева, который умел соединить строгое исполнение возложенного на него долга с столь благородною деликатностью, что я, вполне сознавая свою зависимость от него, ни разу не имел случая ее почувствовать. В назначении его моим спутником в Сибирь я не мог не видеть продолжения той широкой, благородной, истинно-русской доброты, которая вызвала меня из смерти к новой, правильной жизни, и которая, смею надеяться. Ваше сиятельство, не оставит меня и в дальнем заточении. Смею ли просить Ваше сиятельство переслать приложенное письмо к матери? (См. No 599) Оно хоть несколько успокоит ее. Вас же прошу принять изъявление тех искренних и глубоких чувств, для которых у меня право недостает выражений.

Михаил Бакунин.

Город Омск. 1857 года, 29 марта.

Но 598. - Впервые напечатано в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 348-349). Оригинал имеется в "Деле", ч. III, лист 54.

Но 599. - Письмо к матери.

(29 марта 1857 года.)

Милая маменька!

Вот я и в Омске, куда я прибыл благополучно вчера, 28 марта, благодаря истинно доброму поручику Медведеву, с которым Вы познакомились в Прямухине. Но Омск, кажется, не есть последнее место моего назначения. Впрочем, куда бы я ни был отправлен, я знаю, что всюду буду сопровожден Вашею любовью и Вашим благословением, и потому поеду бодро и с легким сердцем. Будьте покойны, милая маменька, все пойдет к лучшему, и я уже никогда не буду более для Вас причиною тревог и горя. Одно несколько смущает меня: кажется, мне не достанет денег, данных Вами мне на дорогу; не достанет только на первый год: мне нужно будет завестись своим хозяйством и, может быть, купить домик; привыкнуть самому хозяйничать, научиться самому покупать, продавать, ходить одним словом на своих собственных ногах, а Вы знаете,

какой я - непрактический человек в хозяйственном отношении. Впрочем, так как я-не дурак и имею твердую волю выйти с честью из этого окончательного испытания, то надеюсь, что сделаюсь со временем (постараюсь, чтоб как можно скорее) порядочным хозяином, а покамест должен прибегнуть к Вам и к Вашей великодушной помощи. Деньги же и все другое прошу Вас пересылать на имя генерал-губернатора Западной Сибири, его высокопревосходительства генерала Гасфорда.

Что сказать вам еще, милая маменька и вы все, мои милые братья и сестры? Когда поселюсь окончательно, постараюсь написать вам письмо подробнее и удовлетворительнее. Теперь же кроме просьбы о денежном вспомоществовании и кроме желаний Вам всего лучшего ничего сказать не могу; чувствую только, что чем более от вас отдаляюсь, тем сильнее, глубже и горячее вас люблю. Я весь живу в вас, я как-то дико еще является мне мысль о своей собственной жизни: так продолжение восьмилетнего уединения отвык я от всякого самостоятельного существования; но всмотрюсь, привыкну и постараюсь быть

путным и дельным человеком в тех новых условиях, которые мне ныне предначертаны.

Пищите мне ради бога чаще и как можно подробнее обо всем, до каждого из вас касающемся. Николай, вспомни свое обещание, и ты, Павел, и все братья и сестры, все пишите. На Алексея я как-то более всех надеюсь: ведь вы сами же говорите, что он из вас всех самый аккуратный. Варинька, Татьяна и Павел, берегите свое здоровье и берегите маменьку; Александр и Алексей, служите; а ты, Илья, вместе с Николаем и маркизом Гого (Гавриил Петрович Вульф.) занимайся хозяйством. Обнимите всех моих племянниц и племянников. Обнимите Julie (Юлия Ниндель - старая гувернантка Бакуниных.) и нашу добрую, хотя и столь изменчивую Хиону Николаевну (Хиония Николаевна Безобразова, жившая у Бакуниных.). Ольге Ивановне также мой поклон. Но, прежде всего, обнимите заочно милую, добрую, умную сестру Катю Бакунину (Екатерина Михайловна Бакунина.) и ее сестер, а также и Елизавету Ивановну (Елизавета Ивановна Пуцина.) и все ее семейство, которые так много обо мне старались. Скажите

им, что доколе я жив, я буду неизменно и горячо носить их память в своем сердце. Не забудьте также дядюшку Алексея Павловича, его милую жену и его не менее милую девочку (Алексей Павлович Полторацкий, его жена Екатерина Ивановна (урожд. Набокова) и дочь Катя.). Одним словом кланяйтесь и благодарите всех, кто хранит обо мне дружескую память. Кате (Бакуниной.) и Елизавете Ивановне я напишу, как будет только возможно.

Прощайте, маменька, благословите меня "а новый путь. Прощайте, сестры и братья.

Ваш

Михаил Бакунин.

29-го марта 1857-го года. Город Омск.

Но 599.-Напечатано с "Былом" 1925, No 23, стр. 19-20. Исправлено нами по оригиналу, хранящемуся в Прямухинском архиве в б. Пушкинском Доме.

Об этом именно письме упоминается в письме Бакунина к В. А. Долгорукову (см. No 561).

Но 600. - Письмо генералу Я. Д. Казимирскому. (12 августа 1857 года.)

Ваше превосходительство,

Милостивый государь
Яков Дмитриевич!

Ободренный снисходительным приемом, встреченным мною у Вас в г[оро]де Томске, решаюсь прибегнуть к Вам с покорною просьбою в надежде, что Вы не откажетесь быть моим ходатаем перед высшим начальством.

Милость государя возвратила мне волю и жизнь; пользуясь чистым воздухом, свободным движением я ободренный мыслью, что могу хоть в некоторой мере загладить прошлое, я окреп здоровьем и духом. Теперь мне нужно дело и сознание, что остальные дни моей жизни не протекут бесполезно для семейства и общества; мне нужно дело собственно для моего духовного здоровья, для внутреннего, равно как и для внешнего соблюдения моего личного, человеческого достоинства. Вашему превосходительству известно, что во всяком возрасте и во всяком положении бездействие - плохой советник.

Наконец занятия необходимы мне и как средство для жизни, для того чтобы я мог освободить многочисленное и небогатое семейство свое от бремени, наложенного на

него моею продолжительною и невольною беспомощностью: вот уже более 8 лет как оно содержит меня без всякого вознаграждения с моей стороны, да и вся жизнь моя, преданная отвлеченностям и запутавшаяся окончательно в противозаконных направлениях, протекала доселе без всякой для него пользы. Я сгубил свою судьбу, уничтожил для себя безвозвратно всякую возможность полезного служения государю и отечеству, - безвозвратно, ибо я уже не молод, мне скоро минет 45 лет, так что если бы даже неистощимая милость государя дозволила мне со временем снова вступить в государственную службу, то и тогда бы я не мог более надеяться принести или приобрести малейшую пользу.¹ Итак мне остается одно: посвятить остальные дни свои пользе семейства, стараясь прежде всего освободить его от тягости своего содержания, хоть и небольшого, но для него значительного, а потом, если мне дастся на то возможность и если богу будет угодно благословить труд мой, возблагодарить его хоть в малой степени за всю его любовь ко мне, столь мало мною заслуженную, и за все его безвозмездные жерт-

ВЫ.

Сибирь, если не ошибаюсь, открывает передо мною для исполнения сей цели широкое поле. Сибирь - благословенный край, хранящий в себе богатства неиссякаемые, необъятные, свежие силы, великую будущность и представляющий ныне для умственных, нравственных, равно как и для материальных интересов предмет неистощимый. Сибирь может обновить человека, она как будто дана провидением России для воссоздания судьбы, достоинства и счастья тех из заблудших сынов ее, которые посреди своих преступных заблуждений сохранили еще в себе довольно силы и воли для новой, правильной жизни. Таково было мое первое впечатление, еще более укрепившееся во мне пристальным, хоть и недолговременным и необширным изучением этого края, и таковы мои желания и мои надежды.

Но осуществить их я до тех пор не буду в силах, пока государь император новою милостью не соблаговолит устранить от меня те препятствия, которые ныне меня связывают. По существующему законоположению ни

один государственный преступник не может удалиться от места своего поселения далее, чем на 30 верст, без особенного на то высочайшего разрешения; таким образом всякое полезное предприятие, торговое или промышленное, всякая служба по частным делам становятся для него невозможными. Кроме того особенною инструкциею воспрещается политическим поселенцам искать занятий по делам золотопромышленности; но в настоящее время в Сибири для человека, не имеющего собственного капитала, есть только два занятия: по откупам или по золотопромышленности. По откупам вряд ли порядочный человек с благородными чувствами и щекотливою совестью решится искать службы: в них слишком много грязи. В золотопромышленности же напротив, я думаю, можно умною и честною службою не только достигнуть пользы для себя, но и принести даже общественную пользу, подавая пример приобретения без обмана и без противозаконного утеснения рабочего класса. Я бы с радостью и со всем присущим во мне жаром бросился в такую деятельность, если бы имел на то воз-

возможность и право; возможность беспрепятственно разъезжать по Сибири и право под своим собственным именем заниматься делами.

Но каким образом их достигнуть? Просить о новой милости государя императора, уже раз столь неожиданно и столь великодушно меня благодетельствовавшего, я не смею и потому решаюсь прибегнуть к представительству Вашего превосходительства, надеясь, что Вы не откажетесь замолвить за меня доброе слово его сиятельству князю Долгорукову, хodataйству которого я уже обязан свободою. Теперь я прошу о довершения этой свободы, о возвращении жизни моей с возможностью дела, смысла, достоинства и содержания, прошу одним словом о позволении сделаться человеком полезным.

Не мне судить о том, заслужил ли я в короткое время моего пребывания в Сибири доверие Вашего превосходительства и достоин ли я новой царской милости. Могу сказать только одно; желания и чувства, мною здесь высказанные, искренни, и всею остальною жизнью постараюсь я доказать чистоту своих

намерений и глубину своей благодарности моему благодетелю-государю.

Еще раз предав судьбу свою в руки Вашего превосходительства и в крепкой надежде на Вашу помощь, прошу Вас принять уверение в моей почтительной преданности.

Михаил Бакунин.

1857 года, 12 августа. Г[оро]д Томск.2

№ 600.-Напечатано впервые в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 351-353). Оригинал имеется в "Деле", ч. III, лл. 61-63.

Очутившись в Сибири, Бакунин сразу начал добиваться права свободного разъезда по этому громадному краю. Воспользовавшись проездом жандармского генерала Я. Д. Казимирского (по-видимому поляка), начальника 8-го, т. е. западно-сибирского округа корпуса жандармов, Бакунин подал ему печатаемое здесь прошение и сумел настолько на него подействовать, что жандарм, рискуя навлечь на себя неудовольствие высшего начальства, поддержал ходатайство предприимчивого ссыльного перед шефом жандармов в особом письме, в котором на основании собранных им справок свидетельствовал, что Бакунин,

"чистосердечно и глубоко раскаиваясь в прежнем преступлении, чувствует все милосердие над собою государя императора и поведением своим заслужил общую похвалу в городе" ("Дело", ч. III, л. 59). На это предствительство Долгоруков 24 октября велел светить, что Бакунин может найти занятия в самом Томске, что разрешать ему разъезды по Сибири признано неудобным, и что помощь, оказываемая ему родными, разорить их не может.

1 Эти слова доказывают, что Бакунин ни за что не хотел поступить на государственную службу, чем он отличался от многих тогдашних противников самодержавия, считавших такой компромисс допустимым (а может быть это объяснялось его непривычкою к систематическому труду?). Что же касается его покаянных заявлений, до сих пор неприятно нас коробящих, то их он считал допустимыми для одурачения врага, которого слишком презирал. Сам же он видимо от этого самооплевывания не страдал.

2 Бакунин не прекращал своих попыток, умея с большою ловкостью влиять на мест-

ных представителей власти. Так 16 апреля 1858 г. генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд сообщил министру внутренних дел, что за все время пребывания в ссылке Бакунин вел себя вполне безукоризненно, постоянно обнаруживал "самый скромный образ мыслей" и "искреннее раскаяние в своих заблуждениях". Признавая на этом основании, что Бакунин заслуживает облегчения своей участи и желая дать ему возможность "употребить дарования свои на пользу отечества", Гасфорд просил министра исходатайствовать у царя дозволение на определение Бакунина в гражданскую службу... канцелярским служителем без возвращения ему дворянства и с оставлением под полицейским надзором. 24 мая шеф жандармов уведомил Гасфорда, что Александр II разрешил Бакунину по примеру других политических преступников поступить на гражданскую службу писцом 4-го разряда.

Но, разумеется, не этого добивался Бакунин.

Как оказалось впоследствии из переписки по поводу побега Бакунина из Сибири, Третье

Отделение было глубоко возмущено домогательствами Бакунина, усматривая в них признак его нераскаянности и даже неблагонадежности. При всей неожиданности этого предположения оно соответствовало действительности.

Но 601.-Письмо к матери.

[28 марта 1858 года. Томск.]

Благословите меня, я хочу жениться. Вы удивитесь - в моем положении жениться! Не бойтесь, своим выбором я не навлеку на себя несчастья, ни на Вас бесчестия. Девушка, которая согласилась соединить свою судьбу с моею, образована, добра, благородна; посылаю портрет ее. Отец ее Квятковский¹ служит более 12-ти лет по частным делам у золотопромышленника Асташева - белорусский дворянин, жена его полька, но без ненависти к России и католичка без римского фанатизма. Благословите меня без страха: мое желание вступить в брак да служит Вам новым доказательством моего обращения к истинным началам положительной жизни и несомненным залогом моей твердой решимости отбросить все, что в прошедшей моей жизни так

сильно тревожило и возмущало Ваше спокойствие 2. За будущее я не боюсь; у меня есть голова, воля- достанет и умения; с твердым намерением можно всему научиться; но как и чем буду я содержать жену, семейство в первые годы? Вы маменька не богаты, детей же у Вас много, итак, несмотря на безграничную уверенность в Вашем желании помочь мне, я много надеяться на Вас в этом случае не должен и не могу; сам же, связанный по рукам и по ногам недоверием начальства, на которое жаловаться не могу, потому что оно вполне мною заслужено, я не мог положить даже и начала будущего полезного дела и живу средствами, которые Вы, отнимая их у себя, посылаете мне, но которые для содержания семейства были бы слишком неопределенны и недостаточны. Я поселенец, прикованный к одному месту и живущий доселе в принужденном бездействии, не могу дать своей жене ни имени, ни даже материального благосостояния. Не поступил ли я с неблагоразумною поспешностью, предложив ей теперь мою руку? По-видимому и по обыкновенной людской логике, кажись, что так; но внутреннее

чувство говорит мне, что нет, и я верю в него; с полною верою предаюсь благодушию правительства, которое, раз спасши меня от крепостной смерти, не откажет мне теперь в средствах начать новую жизнь и не воспрепятствует мне искать нового счастья на пути законном, правильном и полезном 3.

Но 601.-Впервые опубликовано частями в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 354); напечатано в "Материалах", I, стр. 302 Оригинал затерян; по крайней мере в Прямухинском архиве его нет. Письмо известно нам лишь в той части, какая была скопирована в Третьем Отделении - возможно для расследования о семье Квятковского ("Дело", ч. 11, л. 65). На копии написано: "Извлечено из письма преступника Бакунина к матери от 28 марта 1858 года из Томска"; далее: "Доложено его величеству" и "Не известен ли у нас Квятковский?", т. е. не проходит ли он по спискам Третьего Отделения?

1 Ксаверий Васильевич Квятковский был не ссыльным, как обыкновенно повторялось в биографиях Бакунина, и тем более не политическим ссыльным, как на один момент за-

подозрили в Третьем Отделении (это видно из вопроса на письме Бакунина, приведенного выше), а служащим, приехавшим из России в Сибирь по делам золотопромышленника Асташева, у которого сначала служил. Позже он перешел на службу к откупщику Бенардаки, у которого одно время служил и Бакунин. В справке Третьего Отделения, составленной после побега Бакунина, и в показании, снятом с дочери Квятковского (жены Бакунина) при отъезде ее за границу к мужу, о Квятковском сказано, что он-белорусский дворянин. Он был поляком, шляхтичем, бедным дворянином, служившим у разных капиталистов, главным образом в Сибири. В рассматриваемый момент он проживал с семьей в Томске, позже жил в Иркутске. В 70-х годах жил в Польше. Кроме Антонии, вышедшей за Бакунина, у него были еще сыновья Ян и Александр и дочери Софья (Зося), которая в 70-е годы играла в жизни Бакунина немалую роль, и Юлия.

2 Так как это письмо Бакунина явно писалось в расчете на любознательность жандармов, то в нем Бакунин продолжает прежнюю

политику изображения себя в виде лояльного, мирного гражданина, отказавшегося от всяких лжеучений и революционных замыслов. Нужно было ему это для того, чтобы усыпить бдительность жандармов и бежать для возвращения к революционной работе. Свою женитьбу он также хотел использовать для той же цели. Это не значит, что он женился исключительно для того, чтобы облегчить себе выход на свободу в России или побег за границу. Но что в своих планах он сильно учитывал это обстоятельство, в этом вряд ли можно сомневаться. Во всяком случае женитьба впоследствии действительно помогла ему бежать. Корсаков так легко не выпустил бы его из своих рук, если бы он не оставил ему в залог свою жену.

3 Здесь мы имеем продолжение политики нажима на правительство с целью добиться права свободного передвижения по Сибири, а дальше и по России. Для этой цели женитьба была полезна в двояком отношении: во-первых, она придавала Бакунину вид мирного отца семейства, а во-вторых, давала ему основания добиваться свободы разъездов для за-

работка я для прокормления семьи.

№ 602. - Письмо генералу А. Озерскому 1.
(14 мая 1858 года.)

Ваше превосходительство!

Снисходительное внимание, оказанное Вами мне в бытность Вашу в

г. Томске, дает мне ныне смелость обратиться к Вам с всепокорнейшею просьбою. Вашему превосходительству известно, что я намерен жениться на молодой девушке, которая, несмотря на всю невидность моего политического и вследствие того общественно-го положения, руководимая единственно великодушною привязанностью, решилась соединить свою судьбу с моею судьбою. После многих и довольно бурных испытаний, поглотивших мою молодость и приведших меня к известному вам результату, я не был вправе ожидать для себя такого счастья, и отныне единственною целью остальных дней моих, единственным предметом всех моих помышлений должно быть и будет устройство возможного счастья, довольствия и благосостояния того существа, которое, даруя мне как бы новую жизнь, возбудило во мне и новый ин-

терес к жизни. Вашему превосходительству не безызвестно также, что Антония Ксавериевна Квятковская уже несколько месяцев перед сим признана всеми в Томске моею невестою, и, оставив в стороне мои собственные желания и чувства, одна публичность таких отношений, репутация столь для меня драгоценная девушки, мною любимой, требует скорейшего довершения начатого дела. Но жениться я не могу, пока не буду признавать себя в силах упрочить существование жены и семейства: ни у меня, ни у нее нет ничего. Я должен буду жить и содержать ее своими трудами, и ничего не желаю я так пламенно, как дельного труда, который, поглотив всю ту деятельность, к которой я чувствую себя способным, дал бы мне вместе и средства для безбедной жизни. Но до сих пор я не мог найти никакого, так как политические условия моего жительствова в Томске решительно не позволяют мне посвятить себя какому бы то ни было деловому и вместе [с тем] хлебному занятию.

После многих неудачных попыток найти такого рода деятельность я окончательно убе-

дился, что она только тогда сделается для меня доступною, когда мне будет дозволено отлучаться из места, назначенного для моего жительства. В Сибири, кажется, других значительных дел нет кроме транзитной торговли, откупов и золотых промыслов. К первой я не приготовлен ни наукою, ни жизнью; к откупным делам не чувствую в себе ни способности, ни охоты. Остаются золотые промыслы, но для того, чтобы заниматься ими, необходимо посещать Восточную Сибирь, а я лишен этого права; кроме того, лишенный всяких прав как политический поселенец, я не могу ни получать доверенностей, ни заниматься какими бы то ни было делами под своим именем.

Вашему превосходительству равно известно, что через посредство генерала Казимирского я приносил уже раз покорную просьбу по сему предмету к генерал-адъютанту я шефу жандармов, его сиятельству князю Долгорукову, и что получил на первое искание мое отказ. Теперь, побуждаемый столь для меня важными и для всей будущности моей столь решительными обстоятельствами, ободрен-

ный равно и великодушною снисходительностью, оказанною мне Вашим превосходительством, осмеливаюсь приступить к Вам с новою просьбою.

Я не вправе, может быть, разбирать причины полученного мною отказа, но мне кажется, что он единственно должен быть приписан недоверию высшего начальства к моему обращению. Во мне все еще предполагаются чувства, намерения и стремления, которые давно уже изглажены из моего сердца и тяжкими испытаниями не очень счастливой жизни и долгим размышлением, а более всего пламенным и неугасаемым чувством благодарности и преданности к благодушному и милостивому государю, возвратившему мне свободу. Каким образом уверю я правительство в искренности моих чувств? Слова ничего не доказывают, для дел же именно вследствие того положения, в котором я нахожусь ныне, у меня нет никаких средств. Мне кажется, что одно мое намерение жениться могло бы служить доказательством моей твердой решимости посвятить остальную жизнь мирным и законным занятиям 2, но кто может

представить это лучше высшему начальству, как не Ваше превосходительство! Ваше предстательство окажет мне без сомнения огромную помощь; оно может спасти меня из состояния почти безвыходного, и, не имея другой защиты, ни другой помощи, я должен прибегнуть к Вашему великодушному покровительству.

По кратковременности пребывания Вашего в Томске я мало имею честь быть знакомым Вашему превосходительству; но Вы верите в честь людей, я даю Вам честное слово, что никогда не подам Вам повода раскaiваться в том, что Вы для меня сделаете.

С полною верою предаю свою судьбу в руки Вашего превосходительства.

И остаюсь

Вашего превосходительства Покорным слугою

Михаил Бакунин.

14 мая 1858 года]. Г[оро]д Томск.

Но 602.-Напечатано впервые в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 356-358). Оригинал в "Деле" о Бакунине, ч. III, лл. 72-75.

1 Озерский, Александр Дмитриевич (1813-

1880)-генерал-лейтенант, горный инженер, лектор, писатель и переводчик по горным вопросам; с 1851 г. профессор минералогии и статистики при Горном Институте; в 1857 г. произведен в генерал-майоры и назначен главным начальником Алтайских горных заводов и гражданским губернатором Томской губернии, в каковой должности оставался семь лет; с 1864 г. член Горного Ученого Комитета. Таким образом это был не обычный тип губернатора-бурбона, а человек интеллигентный, и Бакунин естественно поспешил использовать нового губернатора. Озерский (хотя и не прямо) поддержал ходатайство Бакунина перед шефом жандармов, указывая в препроводительной бумаге, что по собранным им в Томске справкам о Бакуanine последний "ведет себя тихо и добропорядочно". Но так как Бакунину уже разрешено было поступить на службу, то в новом его домогательстве ему было Долгоруковым отказано.

2 В этом прошении Бакунин продолжает политику использования своей женитьбы для придания себе вида мирного обывателя и для расширения круга своих передвижений.

Назначенный в Кийский округ Томской губернии, а затем в Нелюбинскую волость той же губернии, Бакунин по болезни был оставлен на житье в самом Томске. О жизни его в этом городе сведения имеются в книге "Г. Томск", изд. Сибирского тов-ва печатного дела в Томске, Томск, 1912 (приложение к газете "Сибирская Жизнь" за 1912 год), где напечатана статья А. В. Адрианова "Томская старина", стр. 122-126; в брошюре Б. Кубалова "Страницы из жизни М. А. Бакунина и его семьи в Сибири". Иркутск 1923. Здесь он и познакомился с семьей поляка К. Квятковского и женился на его дочери Антонии Ксаверьевне Квятковской, которую в письме к Герцену от 8 декабря 1860 г. (см. ниже) рекомендовал в качестве славянской патриотки, свободной от узко-национальных и католических предрассудков польской шляхты. А. Квятковская была обыкновенной обывательницей, весьма далекой от общественных интересов и особенно от воззрений своего мужа, и знакомые, наблюдавшие их совместную жизнь, всегда удивлялись этому браку. Бакунин, как мы увидим из следующего тома, иногда выражал страстную

любовь к своей жене, а между тем он по некоторым физическим свойствам не был, по-видимому, способен к брачной жизни. Все дети Антонии были не от него, а от итальянца Карла Гамбуцци. Таким образом кроме сибирской скуки вступление Бакунина в брак с молоденькой, очень мало общего с ним имевшей женщиной можно объяснить именно желанием придать себе в глазах начальства мирный вид, дабы тем легче осуществить задуманный побег (если допустить, что уже в 1858 году он решил бежать из Сибири, а это весьма вероятно).

3 Снова отмечаем этот прием Бакунина, дававшего честное слово, заранее решивши нарушить его или заведомо сам не веря своим словам.

№ 603. - Письмо князю В. А. Долгорукову. (16 июня 1858 года).

Ваше сиятельство!

Удостоенный чести видеться и проститься с Вами перед отправлением меня из С.-Петербурга в Сибирь, я был утешен словами Вашего сиятельства, возбуждившими во мне надежду, что государь император, столь милостиво

освободивший меня из крепостного заключения, соизволит, может быть, со временем еще более облегчить мою участь. Полгода спустя по моем прибытии в Томск я, кажется слишком рано, просил о дозволении мне свободного разъезда по Сибири и о праве посвящать свободное, ничем не занятое время делам промышленным и торговым. Такая поспешность с моей стороны после великого царского благодеяния, только что возвратившего мне свободный воздух и свет божий, была без сомнения большою ошибкою: я мог показаться неблагодарным, нечувствительным к милости государя или несознательным важности своего преступления. С покорною и верующею терпеливостью должен был я ожидать всего от царского благодушия. Я поступил неблагоприятно; но нужно ли мне уверять Ваше сиятельство, что не очерствелость сознания и чувства была виною таковой поспешности, а только жажда дела, которое могло бы дать смысл моему нынешнему бесцельному существованию, и пламенное желание освободить как можно скорее мое небогатое и многолюдное семейство от тягости моего со-

держания? Мне было отказано.

Ныне я принужден возобновить мою просьбу обстоятельствами, Вашему сиятельству бессомненно известными. Милая и добрая девушка привязалась ко мне и любовью своею обещает мне в будущем счастье, на которое ни по летам, ни по положению я рассчитывать не мог. Я желаю на ней жениться. Но для этого кроме разрешения высшего начальства я должен еще испросить право и возможность заниматься делами и трудом своим приобретать средства для содержания семейства. Иначе мне жениться будет невозможно. Следуя порядку, я уже обратился с просьбою по сему предмету к его превосходительству господину Томскому гражданскому губернатору, а ныне осмеливаюсь обратиться прямо к Вашему сиятельству, прося вас извинить великодушно смелость, внушенную мне Вашею столь известною добротою и благородным снисхождением, оказанным Вами мне в прошедшем.

Ваше сиятельство! От Вас зависит теперь вся участь моя и возможное счастье всей моей будущей жизни. Не откажите мне, будьте

для меня теперь помощником и спасителем, как Вы были им уж раз, когда решался вопрос, важнее для меня вопроса о жизни и смерти,- вопрос о свободной жизни или об ежедневной нравственной пытке в пожизненном крепостном заключении. Одно Ваше слово воскресит меня без сомнения теперь, как и тогда, и, открыв передо мною широкое и законное поприще для новой, правильной, полезной и счастливой деятельности и жизни, даст мне возможность сделаться вновь человеком. И тогда делом, а не словами только постараюсь доказать я, как глубоко умею ощущать благодарность и как крепко и свято намерен держать свое честное слово и свою клятву.

Михаил Бакунин.

16 июня 1858 г[ода]. Г[оро]д Томск.

№ 603.-Опубликовано впервые в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 359-360). Оригинал находится в "Деле", ч. III, л. 76.

Письмо это написано в тот же день, как и письмо Озерскому. Суть его та же: ссылаясь на свою женитьбу, добиться права свободного передвижения. Разница в том, что в письме к

шефу жандармов Бакунин напускает на себя смирение, извиняется за слишком раннее возбуждение аналогичного ходатайства в 1857 г. (вероятно кто-то дал ему знать, что в Третьем Отделении возмущены его "нечувствительностью" и "неблагодарностью") и снова подчеркивает свою политическую лояльность и отказ от всяких революционных помыслов.

Но 604. - Письмо А. И. Герцену.

[Лето 1858 года. Томск.]

Я жив, я здоров, я крепок, я женюсь, я счастлив, я вас люблю и помню и вам, равно как и себе, остаюсь неизменно верен.

Et si quelqu'un soupire,

C'est moi! c'est moi! c'est moi! ("И если кто вздыхает, так это я, я, я".)

Но 604.-Напечатано в "Голосе Минувшего" 1913, январь, стр. 186. Заимствовано из альбома автографов, принадлежавшего А. И. Герцену. Ему по-видимому и была адресована эта записочка, наклеенная в альбоме в виде очень измятой, затем разглаженной узкой полоски бумаги. Записка была очевидно прислана из Сибири с оказией. Вверху ее почер-

ком Герцена написано "1858". Обращена она ко всей герценовской компании, в частности к нему и Огареву, о совместной работе которых Бакунин был конечно осведомлен.

Но 604 бис. - Письмо Адольфу Рейхелю. 15 декабря 1858 года. Томск.

... Когда меня перевозили из Ольмюца в Россию, я взял с сопровождавшего меня офицера честное слово, что он пошлет тебе мой последний привет; исполнил ли он это?..

Но 604 бис. - Этот короткий отрывок мы заимствуем из примечания к отрывкам из переписки Бакунина с А. Рейхелем, опубликованным Максом Неттлау в журнале "На чужой стороне" No 7 (1924, Париж), стр. 239. Письмо находится в архиве Рейхелей, который неизвестно где хранится. Неттлау наверно располагает полною копию этого письма; возможно даже, что оно целиком напечатано в его "Дополнении" к биографии Бакунина, которое он держит под спудом. Пока приходится ограничиться этим отрывком.

Письмо было вероятно переслано с okazji, возможно с каким-нибудь возвращавшимся в Россию поляком.

Но 605.-Письмо М. Н. Каткову. (Точки обозначают обгорелые края письма.)

21-го января 1859 (В оригинале описка; написано "1858".) [года]. Томск.

После многих, многих лет разлуки пишу я Вам, любезный Катков¹. Что разделяло нас, давно позабыто, осталось только, по крайней мере в моем сердце, живое и приятное воспоминание о том времени, когда мы оба "im Werden waren" ("Только складывались"). Ведь нас, принадлежавших к станкевическо-белинскому кружку, теперь не много, и я рад представляющемуся мне ныне случаю возобновить с Вами знакомство².

С чего же начну? О себе говорить много не стану: после такого долгого молчания высказать себя в немногих словах невозможно, а писать целые тетради в виде писем, как делали мы в юности, для того только, чтобы объяснить свое внутреннее существо, нет охоты. К тому ж не совсем еще освобожденный от внешних стеснений, прикованный к месту, от которого надеюсь впрочем скоро освободиться, я менее живу, чем собираюсь жить, мог бы писать только о надеждах и о возможностях,

а о них писать не хочется.

Вот Вы - другое дело. Вы славно живете; впродолжение нескольких лет еще в крепости с самого основания Вашего журнала я слежу за Вашим славным делом с живейшим интересом. Называю журнал Ваш делом, и он в самом деле вполне заслуживает это название. Вы создали действительно благородную и умную силу, влияние которой на хаотическую, но жизни и права жаждущую Россию неизмеримо. Россия в настоящее время своим чудесно ожидающим настроением напоминает мне пору нашей юности - так и дышит весной. Много не сбудется, многое сбудется иначе, чем ожидают, но Россия воскресла и не умрет более. Весело в ней теперь жить и действовать. Ведь не шутка: около 10 миллионов бессмертных душ, призванных впервые к жизни! 3

Как я был рад, когда, бросив неуместное в политическом делании беспристрастие - неуместное потому, что в экономии политического од [на] страсть всегда уравнивается другою прот [ивною]. когда Вы перестали ман. . .

В

когда Вы решительно подняли знамя непримиримой, разрушения ее жаждущей, вражды к Австрии или вернее к Австрийской империи. Рад также, что громите ничтожество и постыдную пошлость настоящей Франции и противопоставляете ей великую и благородную Англию, не будь которой, не было бы свободы а Европе, а может быть и в целом мире⁴.

Только, любезный Катков, преклоняясь перед бессмертным принципом английской общественной и политической жизни, не слишком ли Вы увлекаетесь своею артистически-философскою, а потому и несколько догматическою натурою? Я говорю "слишком" *nie pod wzgledem* ("Не под углом зрения" (польски).) абсолютной истины, а в видах успешного практического действия. Мнение у нас еще не выработалось, и как полунежественное оно гораздо более доступно ярким краскам, чем тонким оттенкам. Вы, как артист по душе, Вы находите особенное удовольствие в изыскивании тонких. профанам незаметных черт, составляющих как бы ду-

шевные нервы предмета, в них угадываете его существо и жизнь, как артист находите в таком разрабатывании предмета неизъяснимое наслаждение и до того увлекаетесь своим тонким анализом, удовлетворяющим эпикурейско-эстетические требования Вашей художественной натуры, что не замечаете, что вокруг Вас Вас перестают понимать, потому что немногие в состоянии за Вами следовать и забываться в отвлеченном созерцании тонкостей жизни и красоты предмета. В Вас иногда художник мешает политику. К тому же Вы, как и я, прошли через немецкую школу и любите обдумывать свои живые убеждения и передавать [их в сис]тематическом виде.

Но эстетическая окру[глен]ность и философская систематичность высокого знания всегда меша[ли]

..... В[спо]мните Эра[зма]

мысль живущей в них силы как бессознательная необходимость, принуждающая их действовать так, а не иначе, и проявляющаяся в целом ряде живых, по-видимому друг от друга независимых, но в сущности обыкновенно между собою связанных фактов, - си-

стема остается у них внутри, редко сознанными ими самими и никогда не проявляется сознательно наружу. Это, по моему мнению - тайна их силы. Они увлекают как жизнь, в то время как от систематической, хоть и вполне истинной мысли душа цепенеет. Вот почему немцы - такие худые деятели на политическом поприще: "Man merkt die Absicht, und man wird verstimmt" ("Когда разгадаешь намерение, то пропадает настроение").

Заставьте нас уважать высокий принцип, представляемый Англией, принцип личной и социальной свободы, принцип политического самоуправления, но действуйте так, чтобы Вас не прозвали профессором англо-мании, а то мнение отделается от Вас, поместив Вас для собственного успокоения в тесные рамки категории, и отнимет у Вас возможность, силу на него действовать.

Вы призваны быть политическим деятелем, и потому берегитесь теоретического уединения и самоуслаждения, купайтесь чаще в волнах общественной жизни, для того чтобы из нее самой извлечь силы и умение на нее действовать - питайте менее для себя, а

более для публики. Пожертвуйте своим собственным наслаждением для общей пользы.

Вы способны к такой жертве, Вы доказали это, отказав в месте в своем журнале эстетическим и философским этюдам, к которым Вы преимущественно перед другими имеете особенное призвание. Нелегко Вам было отказаться от них, однако, поняв несовременность да и относительную бесполезность философии и эстетики в России в наст[оящее время], Вы имели силу

.....

Вашим противникам не удалось; решительным поворотом и победою над своими собственными склонностями Вы обманули их расчеты. Обманете и теперь, неправда ли? Не позволяйте назвать себя англоманом, почтанию своему к английскому благородному величию не позволяйте перейти в идолопоклонство, зная, что выше всех оседшихся форм, как бы почтенны они ни были, ток жизни, их порождающий и их разрушающий, и что ток жизни всякого народа индивидуален, недоступен для подражания и только может пробудить в другом народе его собствен-

ную творческую деятельность.

Простите, любезный Катков, что я по старой привычке сам рассуждаю с Вами таким догматическим тоном, как будто бы не протекло почти двадцать лет со времени нашего последнего свидания!

Рад я также, что в великом вопросе крестьянского освобождения Вы требуете совершенной и безотлагательной эманципации крестьян, требуете для них земли, предлагаете устройство посредствующих банков и против нелепого романтично-коммунистического и патриархально-гнилого общинного права поставили право чистой и безусловной собственности как краеугольный камень высшего блага и достоинства в мире: свободы 5.

Наконец, есть еще один вопрос, о котором мне хотелось бы много поговорить с Вами, но к несчастью рамки письма, особливо же спешного письма, тесны; ограничусь несколькими намеками. Зачем оставляете Вы монополию славянского вопроса своим противникам-славянофилам, которые портят и уродуют его [по сво]ему образу и подобию? В этом вопросе есть [без со] мнения много романтич-

ного вздору, миража, [не заслужи] вающего
серьезного взгляда, славян.

кокетничанье с неопределенностями.
..... гнил.серьезная сторона,
которой игнорировать не должен; это
вопрос будущ[ости южной] и юго-восточ-
ной Европы, пробуждение к жизни миллио-
нов соплеменников, к которому, мы, русские,
если хотим соблюсти собственную пользу и
исполнить священный долг самопроявления -
признак жизни, - равнодушны быть не мо-
жем (всё, что живет, вмешивается, а потому
система невмешательства всегда казалась
мне верхом нелепости или притворства). А в
пробуждение жизни в славянах мы вмешать-
ся должны, потому что это-вопрос погранич-
ный, который должен разрешиться в нашу
славу и ли против нас, - к тому же вопрос се-
рьезный, действительный, нисколько не вы-
думаный филологами, как уверяют иные, а
поставленный в настоящее время самим дви-
жением истории.

В славянском движении [18] 48-го года бы-
ло много романтически-детского, искусствен-
но-возбужденного и направленного австрий-

скую политикою, но оказались вместе с тем два огромные и несомненные факта: во-первых сознание всех славян без исключения, что им пришла пора жить, сильная потребность организоваться между собою, для того чтобы создать общеславянскую силу, а во-вторых общее инстинктивное ожидание спасения от России.

Славянский вопрос это - положительное выражение видимо предстоящего великого отрицания Австрийской и Турецкой монархий. Нужно же приготовить мнение в России, тем более нужно, что в славянской среде легче всего разрешается трудный русско-польский вопрос, а этот вопрос для внешней жизни России то же, что вопрос о крестьянах и об эманципации всех классов - для внутренней. Польша-наша Ирландия, мы пара[ли]зированы ею во всех наших внешних начинаниях, и система ее притеснения становится необходимо системою нашего собственного рабства. Польша для нас хуже и опаснее Ирландии, во-первых, потому, что она обширнее, и большая половина ее не в наших руках, а во-вторых, потому, что в нас далеко нет над нею того

нравственного, умственного и материального преобладания, каким пользуется Англия в отношении Ирландии. Ирландцы - наивно-мифический, Польша - исторический великий народ, индивидуальность которого мы не сотрем никогда, - в этом было время нам [убедиться] го,

сделается мессианическим народ[ом] нашего времени, к чему к несчастью он стал [высказы]вать некоторую склонность. Но носить та [кой] ядовитый камень в своем организме в высшей степени опасно. Помните слова Jean-Jacques Rousseau (Жан-Жак Руссо.) к князю Радзивилу 6: "Si vous ne pouvez empêcher la Russie d'avalier la Pologne, faites de sorte que jamais elle ne parvienne a la digerer" (Если вы не можете помешать России проглотить Польшу, устройте так, чтобы ей никогда не удалось ее переварить"). Желудок наш до сих пор не сварил и никогда не сварит Польши.

Между нами вопрос историей поставлен так тесно, что мы будем всегда или страстными и непримиримыми врагами и будем есть друг друга до тех пор, пока оба не рушимся,

или должны сделаться тесными друзьями и братьями на равных правах свободы и независимости. Поэтому мы для собственного блага должны признать их право и подать им дружескую руку; они на том же основании должны принять ее: это- объективная необходимость как для нашей, так и для их стороны, и никакие субъективные чувства и сусеппительности (Щепетильность.) не могут помешать осуществлению того, что внутренне необходимо. Мы должны сделать первый шаг и потому, что в настоящее время мы - виновные, мы - торжествующие, и потому, что нам хорошо, и головы наши свободнее, мы должны сделать первый шаг и не смущаться первыми неудачами, а они неминуемы: слишком много законного гнева и раздражения против нас с польской стороны. Мы, как свободные головою и сердцем, должны нежно и почтительно помочь им освободиться от польской *idée fixe* (Навязчивая мысль), которая, устремляя все их помышления на единую цель польского восстановления, делает его невозможным, должны помочь им избавиться от этой мессианической окаменелости, которая тес-

нит их головы и души.

Ради бога пишите о них в своем журнале, отыскивайте в польской истории, Вам не менее известной, чем польский язык, отрадных для них явлений и фактов, не пропускайте ни одного случая сказать им доброе слово, чтобы они почувствовали что мы, русские, хотим уважать и любить их. Теперь и для Польши. исходу.

В Томске, впродолжение этого [времени] я [успел] познакомиться с несколькими весьма замечательными людьми, возвратившимися из ссылки на родину: в них всех без исключения заметил я решительную перемену. Они решительно убедились в бесплодности конспирации и понимают теперь, что если для Польши есть возрождение, то на пути нормального, широкого, основательного и разумного развития как в нравственном, так и в материальном отношении, и что, оторвавшись от старых традиций, убедившись в их совершенной несостоятельности, им нужно создать новую жизнь и искать новых путей для достижения любимой цели. Они поражены пробуждением новой жизни в России,

смотрят на нее с поразительным недоумением, и хотя не находят еще в себе силы [чтобы] поверить в действительность этого явления и чтобы подойти к нему ближе, ощупать его, как Фома осязал Спасителя, но сознаются, что фиксированные, стереотипные предубеждения, составившиеся в их головах о России, сильно пошатнулись. Состояние душ и умов их смутно, они все находятся как в угаре: переход от окаменелого в текучее состояние-славное время для того, чтобы для взаимной пользы нашей на них действовать.

У Вас, любезный Катков, под руками огромная возможность сближаться с поляками и на них действовать. Всякий год приезжают в Москву и поступают в университет сотни молодых людей: я познакомился и подружился с одним из таких, с доктором Маткевичем, учившимся под влиянием Грановского, Кудрявцева и под Вашим влиянием. Ваши имена для него священны: вот Вам доказательство, что поляки способны признавать и любить русских.⁷ Беседуя с ним, я убедился также, как благотельно действует московско-университетская умственная атмосфера

на польский ум: она расширяет его, расширяя вместе с тем и сердце, а это - первое условие, *conditio sine qua non* (Основное условие) польского возрождения. От Вас зависит расширить и упрочить это благодетельное влияние на поляков, последствия которого для них, равно как и для нас, неисчислимы.

.....лучшим полякам, пусть пер.....

холодность. Постоянство и выдержка в..... - залог политической силы-и Вы увид[ите], сколько выйдет из этого добра.

Ну, теперь о политике и об общих предметах довольно. Не надоел ли я Вам, и какое впечатление произведет на Вас мое письмо? Я писал его с неизъяснимым удовольствием, с открытым сердцем, с высоким уважением к Вам и с горячим желанием, чтоб оно было началом новой и крепкой дружбы - виноват, порядочные люди говорят "приязни" - между нами.

Я женился три месяца тому назад (5 октября 1858 года.) и вполне счастлив⁸. Теперь жду разрешения оставить Томск и вступить в Амурскую компанию, где *cousin* (Кузен.) Му-

равьев-Амурский⁹, благородный, деятельный, энергический и во всех отношениях замечательный человек, солнце Сибири, с исчезновением которого все здесь погрузилось бы в мрак и неподвижность, нашел для меня место 10. Надеюсь, что месяца через два начнет для меня деятельная жизнь. Бездействие меня давит, а тогда я буду вполне доволен своею судьбою и, если позволите, узнав по-лучше край, буду посылать Вам статьи о Сибири и об Амурском крае.

А теперь пора мне сказать Вам несколько слов о молодом человеке, подателе сего письма. Он принадлежит к казацкому сословию в Западной Сибири и насилу и несовсем освободился от обязательств, налагаемых этим странным николаевским средневековым, а у нас совершенно нелепым созданием. Григорий Николаевич Потанин¹¹ учился в Омском кадетском корпусе, где в нем пробудилась редкая и благородная любознательность, и, дослужившись до чина поручика в казачьем войске, с большим трудом выхлопотал себе отставку с целью ехать в Петербург и учиться там при университете. Он сам лучше меня

расскажет Вам, как и чему он хочет учиться. Он - человек дикий, неопытен и наивен часто до детства, но в нем есть ум действительный и ориги[на]льный, хотя и не всегда проявляющийся, благородное стремление ко всему лучшему, жажда знания и редкая между русскими способность трудиться, редкое равнодушие ко всем внешним удобствам и наслаждениям жизни, есть также и упорное постоянство, залог успеха. Эти качества заставляют меня думать, что из него может что-нибудь выйти, несмотря на настоящую, впрочем при неведении его довольно естественную неопределенность и неясность стремлений. Он очень горд и лучше согласится голодать, чем быть кому в тягость, хотя и не всегда догадывается, когда он в самом деле бывает в тягость. Он собрал довольно количество интересных сведений о Сибири, которые могут служить материалом для журнальных статей, и Вы их примете у него, неправда ли? Деньги ему очень нужны. Мы собрали для него здесь всё, что могли - очень немного, - и отправляем его с серебряным караваном.

Надеюсь, любезный Катков, - помня наше

древнее московское участие ко всему, что стремится к лучшему и высшему, - что Вы примете в нем участие и, сколько будет возможно, поможете ему советом, рекомендациями в Петербург и делом, т. е. денежным сбором, который вероятно окажется необходимым, потому что у него нет [ни] гроша. Или Москва очень изменилась, или Потанин не пропадет между вами. Он труда не боится и сам хочет и будет зарабатывать хлеб свой, лишь бы ему дали работу, и лишь бы эта работа оставляла ему время на слушание университетских лекций. Пожалуйста, обласкайте нашего сибирского Ломоносова

Сейчас пере [чел] мое письмо, которое написано так,

.....

шности, чем бы следовало; но мысли высказаны довольно ясно, и потому переправлять и переписывать его [не стану]. В старину Вы мою руку разбирать умели, может быть сумеете и теперь., Захотите ли Вы отвечать мне и примете ли дружескую руку, которую я Вам так искренно и с таким истинным уважением к Вам протягиваю?

Если вздумается Вам писать мне, то, не называя меня, пишите прямо моему другу Герману и адресуйте Ваше письмо так: в г[оро]де Томске, его благор[одию] Бертольду Ивановичу Герману, г-ну ветеринарному врачу в г[оро]де Томске", и подчеркните фамилию Германа: тогда письмо нераспечатанное получится мною. Этот путь совершенно безопасен и несколько Вас не компрометирует; к тому же у нас обоих совесть чиста: ни Вы, ни я не предпринимаем ничего такого, что бы нам скрывать надлежало.

Прощайте, Катков, спешу.

Истинно Вас уважающий

[М. Бакунин] 12.

Но 605. - Напечатано с ошибками и неточностями в журнале "Печать и Революция", 1924, книга 4, стр. 78-88. Там сказано, что печатаются четыре письма, тогда как их сохранилось только три (они находятся в б. Пушкинском Доме Академии Наук СССР, где мы с ними и познакомились в 1922 году); кроме того там делается возражение Каткову, правильно отнесшему первое письмо к 1859 году, и утверждается, будто оно относится к 1858 г.

Письма Бакунина к Каткову (которых, как видно из их содержания, было возможно и больше) дошли до нас в весьма поврежденном виде, сильно обгоревшими и с каждым днем все более разрушаются. Сейчас в них можно разобрать уже меньше строк и слов, чем 10 лет тому назад, а через несколько лет они разрушатся совершенно. Такие исторические документы обязательно должны быть фототипированы, что при нынешней технике стоит недорого.

В тот момент, когда Бакунин писал эти письма Каткову, последний еще не успел сделаться тем глашатаем самой оголтелой и бесшабашной дворянско-бюрократической реакции, каким он стал через несколько лет. Но если бы Бакунин был в то время несколько более проницателен в политическом отношении, если бы он сам во многих пунктах не стоял на дворянски-либеральной и буржуазной, а подчас и прямо завоевательной позиции, то он сумел бы и в англомане Каткове разглядеть довольно явственно выраженный зародыш реакционно-дворянского идеолога. Дело объясняется не одною политическою

неразборчивостью Бакунина, но и его несомненной в то время политической наивностью, неопределенностью его воззрений, которые не только не были крайними, но напротив в ряде пунктов мало чем отличались от воззрений умеренных слоев общества, стоявших в лучшем случае за мирное и постепенное буржуазное развитие России. Лишь изредка в нем прорывались взгляды более решительные, присущие крестьянскому социализму, от которого в рассматриваемое время он был вообще весьма далек.

О существовании писем Бакунина к Каткову мы знали из статьи Каткова в № 4 "Московских Ведомостей" за 1870 год. Вот что там писал Катков, желавший в лице Бакунина и Нечаева опорочить всех "нигилистов": "В 1859 г., когда Бакунин еще проживал в Сибири я служил по откупам (это неверно: Бакунин служил у Бенардаки по делам Амурской компании, а не по откупам. - Ю. С.), мы получили от него неожиданно. письмо, в котором он припоминал о нашем давнем знакомстве и которое показалось нам искренним. Мы предложили ему попробовать писать в наш жур-

нал ("Русский Вестник", который тогда был умеренно-либеральным " аристократическом вкусе. - Ю. С.) из его далекого захолустья, которое для ума живого и любознательного должно представлять много новых и интересных сторон. В течение 1861-1862 гг. (это - ошибка: Бакунин в конце 1861 г. бежал из Сибири, хотя могло случиться, что письмо, отправленное Бакуниным с оказией в 1861 г., дошло до Каткова а 1862 г.- Ю. С.) мы получили от него еще два-три письма через ссыльных из поляков, которые, быв помилованы, возвращались на родину. Оказалось, что он жил в Сибири не только без нужды, но и в избытке (?), ничего не делал и читал французские романы, но на серьезный труд, хотя бы малый, его не хватало. Русскую литературу он не обогатил своими произведениями. В письмах его к нам проглянул прежний Бакунин: от них веяло хотя благонамеренным, но пустым и лживым фантазерством. Местами он заговаривал тоном вдохновения, пророчествовал о будущих судьбах славянского мира и взывал к нашим русским симпатиям в пользу польской нации. Переписки со своей стороны мы не

поддерживали. Последнее послание мы получили от него уже в эпоху варшавских демонстраций (так как последние имели место в 1860 и начале 1861 г., то этим опровергается вышеприведенное указание Каткова, будто последнее письмо от Бакунина он получил в 1862 г.-Ю. С.). Прежний Бакунин явился перед нами во всей полноте своего ничуть не поврежденного существа. Он потребовал от нашей гражданской доблести присылки ему денег, по малой мере 6000 рублей. Дабы облегчить для нас это пожертвование, он дозволил нам открыть в его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которых по его расчету должно было быть немало. Зачем же вдруг и так экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вот зачем: однажды его осенило сознание, что он получал даром жалованье от откупщика, у которого состоял на службе, ничего не делая; он вдруг сообразил, что откупщик выдавал ему ежегодно впродолжение трех лет по две тысячи рублей единственно из угождения генерал-губернатору, которому Бакунин приходился сродни. Сознание это не давало

ему де покоя и он решился во что бы то ни стало возвратить откупщику всю впродолжение трех лет перебранную сумму. Благородный рыцарь, он хотел подаянием уплатить подаяние и из чужих карманов восстановить свою репутацию во мнении откупщика (ясно, что речь идет об январском письме 1861 г., и что по словам Каткова оно было последним.-Ю. С.). Мы не могли ему быть полезны, и письмо его осталось втуне".

В настоящее время нам известны три письма Бакунина к Каткову;

1) от 21 января 1859 г. из Томска, печатаемое здесь; 2) от 21 июня 1860 г. из Иркутска;

3) от 2 января 1861 г. оттуда же. Указания Каткова, как мы видели, не отличаются особо точностью. Есть указание Бакунина, которое может быть истолковано в смысле признания наличия большего числа писем. Так в начале второго письма он говорит, что написал Каткову несколько писем, не получая на них ответа. Таким образом можно допустить, что между первым и вторым письмом имелось еще несколько, на которые Катков не отвечал, не желая, как он говорит, поддержи-

вать переписку. Но возможно также, что ничего подобного не было, а что Бакунин, когда ему понадобилось послать второе письмо, просто придумал рассказ про оставленные без ответа свои письма, для того чтобы смягчить факт своего долгого молчания на ответное письмо Каткова.

Письмо это по ошибке датировано Бакуниным 1858-м годом. Это - ошибка, довольно обычная в начале года, когда рука машинально пишет привычную цифру года истекшего. Действительная дата устанавливается содержанием письма, в частности словами Бакунина в середине письма: "я женился три месяца тому назад", а женился Бакунин в октябре 1858 г. Значит письмо относится к январю 1859 г.

1 Катков, Михаил Никифорович (1818-1887)-журналист и политический деятель реакционного направления; сын мелкого чиновника и грузинки; в молодости примыкал к кружку Станкевича и Белинского, но уже в молодые годы выказал эгоизм и карьеризм; по окончании словесного факультета Московского университета в 1838 г. слушал в 1840г.

лекции Шеллинга по философии в Берлине; в 1845 г. представил диссертацию "Элементы и формы славяно-русского языка"; до 1850 г. был адъюнктом по кафедре философии в Московском университете, но принужден был отказаться от места после того, как вышло распоряжение о поручении чтения лекций по философии преподавателям закона Божия. Сделался в 1851 г. редактором университетских "Московских Ведомостей" и чиновником особых поручений при министерстве народного просвещения, а затем, когда после разгрома царизма во время Крымской войны повеяло либерализмом, Катков начал с 1856 г. издавать журнал "Русский Вестник", в котором развивалась весьма умеренная консервативно-либеральная программа в английско-аристократическом духе. Это доставило Каткову, обнаружившему некоторый журналистский талант, немалую известность в умеренных кругах. Но Катков недолго удержался на позиции даже умеренного либерализма. В начале 60-х годов он резко выступил против радикалов-разночинцев, уже тогда не оставиваясь перед литературными доносами

на своих противников, а в 1863 г. с началом польского восстания выступил в роли главного идеолога дворянски-полицейской реакции, придав "Московским Ведомостям" роль органа дворянской диктатуры, направленной против всех элементов, не принимавших самодержавия без оговорок.

2 После истории с дракой и предполагавшейся дуэлью (см. подробно в томе II настоящего издания) Бакунин вряд ли мог питать действительную симпатию к грубому и черствому Каткову. И если тем не менее он решился вдруг написать ему письмо да еще в столь дружеской и хвалебной форме, то это могло произойти лишь потому, что Бакунин намеревался использовать Каткова и приобретенное им влияние для своих личных и общественных целей, в частности для поддержки польских требований, которым Бакунин сочувствовал с середины, а может быть и с начала 40-х годов. Возможно, что он надеялся даже проводить свои политические взгляды руками Каткова в редактировавшемся последним "Русском Вестнике". Неумеренные похвалы Бакунина по адресу Каткова и его

журнала производят особенно неприятное впечатление в связи с резким отзывом о литературной деятельности самого передового тогда в России кружка "Современника", которую Бакунин в письме к Герцену характеризовал через два года как сплошную болтовню.

3 Речь идет о подготавливавшемся освобождении крепостных крестьян, которых насчитывалось около 11 миллионов ревизских душ.

4 Разрушение Австрийской империи было всегдашним коньком Бакунина, хотя он здесь и дальше приписывает Каткову свои бакунинские взгляды на этот предмет. Тогдашняя императорская Франция возбуждала омерзение во всех революционно и даже просто прогрессивно настроенных людях. Равным образом английские вольности при всей своей ограниченности и классовом характере, не говоря уже о северо-американской демократии, представлялись тогда тем же людям чем-то особенно положительным ввиду царившей в то время повсюду политической реакции.

5 Здесь Бакунин выступает уже не в виде крестьянского социалиста, а в виде либерального дворянина, восхваляющего частную соб-

ственность и выкуп крестьянами земли за деньги. Мы готовы были бы принять эту солидаризацию с программой Каткова, т. е. умеренного дворянства, за сплошное притворство Бакунина, за его подлаживание к Каткову, которого он в глубине души быть может презирал, если бы не имели ряда других доказательств поправения Бакунина в рассматриваемую пору (как например. ниже печатаемые письма к Герцену). Правда Бакунин всегда (за ничтожными временными исключениями) относился отрицательно к русской крестьянской общине, усматривая в ней главную причину нашей всесторонней отсталости, но отсюда до восхваления дворянской программы "Русского Вестника" - дистанция огромного размера. Позже, как мы увидим из его писем к Герцену 1866 и 1867 гг., он умел сочетать отрицание патриархальной общины с не менее решительным отрицанием дворянской программы и в частности права помещиков на крестьянский выкуп. В данном месте Бакунин высказывается за западно-буржуазный панславизм против восточно-патриархального панславизма славянофилов.

6 Радзивил, Карл Станислав (1734-1790) - литовский аристократ, польский патриот, всячески и до конца боролся против раздела Польши и присоединения большей ее части к Российской империи.

7 Бакунин имеет здесь в виду таких поляков, как Г. Краевский (см. ком. 6 к No 609). При массовых расправах царизма с польскими оппозиционерами в ссылку попадали иногда весьма умеренные люди, которые были принципиальными противниками революционных движений, особенно таких, которые для своего успеха требовали активного участия трудящихся, а потому связаны были с необходимостью социальных реформ: такие элементы стояли за соглашение с царизмом на базе более или менее широкой автономии, если можно - политической, а не то так и чисто культурной и административной. Но среди ссыльных поляков все же преобладали элементы более революционные, готовые биться с царизмом за освобождение отчизны с оружием в руках. Бакунин сознательно преувеличивает мирные и соглашательские тенденции польской ссылки, для того чтобы скло-

нить Каткова на их сторону и заставить его поддержать эти тенденции к компромиссу между польской аристократией и царизмом в влиятельном "Русском Вестнике". Что Бакунин никакого успеха в этом отношении не добился, показала вся дальнейшая деятельность Каткова в области русско-польских взаимоотношений.

О Грановском, Т. Н. см. том I, стр. 458.

Кудрявцев, Петр Николаевич (1816-1858)-русский историк; учился в Московском университете, где был учеником Грановского. В 1845-47 слушал лекции за границею, в частности у Шеллинга. С 1847 читал лекции в Московском университете. Написал несколько книг по истории Италии, но они не имеют научного значения. Был представителем умеренного либерализма в духе правого западничества, что доставило ему некоторую популярность в прогрессивных кругах русского общества.

8 Это место устанавливает дату письма: январь 1859 года.

9 Муравьев, Николай Николаевич, Амурский (1809-1881)-русский военный и государ-

ственный деятель, сын статс-секретаря Ник. Назар. Муравьева, повлиявшего на М. Бакунина в его юности; учился в Пажеском корпусе, участвовал в турецком и польском походах (1828-1831) и кавказской войне; в 1846 г. был тульским губернатором, а в 1847 г. назначен генерал-губернатором Вост. Сибири. После ряда военных экспедиций заключил 16. V. 1858 г. в Айгуне договор, по которому к России присоединялся Амурский край, за что возведен был в графское достоинство с наименованием Амурским. В 1859 г. заключил в Иеддо выгодный для России договор с Японией; при нем же 2.XI.1860 г. Н. П. Игнатьевым подписан был договор с Китаем, по которому за Россией юридически закреплен был Уссурийский край. Не столь удачны были его опыты чисто царистской колонизации Амурского края. Для своих целей Муравьев умело использовал интеллигентные силы, заброшенные царизмом в Сибирь, особенно политических ссыльных. В 1861 г. вышел в отставку и поселился за границей, проживая преимущественно в Париже и иногда наезжая в Петербург для участия в заседаниях Гос. Совета,

членом которого он был с 1861 г. В 1877 г. просил дать ему какое-либо назначение в армии, действовавшей против турок, но предложение его было отклонено.

10 Бакунин имел в виду хлопоты о нем Н. Н. Муравьева, генерал-губернатора Восточной Сибири, который был его родственником и в то время разыгрывал либерала. Отправляя на одобрение царю договор, заключенный им с китайцами о присоединении к России Амура (за что он и получил титул Амурского), Муравьев 18 мая 1858 г. одновременно обратился с письмом к шефу жандармов, в котором просил его ходатайствовать перед Александром II о личной и лучшей для него награде, а именно о прощении с возвращением прежних прав состояния остававшимся еще в Восточной Сибири государственным преступникам Николаю Спешневу, Федору Львову, Михаилу Буташевичу-Петрашевскому и сосланному в г. Томск родственнику его Михаилу Бакунину (копия этого ходатайства Муравьева, для сновника действительно несколько необычного, находится в "Деле" о Бакунине, ч. III, л. 80, а подлинник приобщен к делу о Спешневе

1849 г., No 214, часть 30). На эту просьбу Муравьева Долгоруков по поручению царя отвечал, что лица, о коих он ходатайствует, забытыми не останутся, но что теперь участь их изменена быть не может. Однако ни Бакунин, ни Муравьев своих хлопот не прекращали и в конце концов добились перевода Бакунина в Иркутск.

11 Потанин, Григорий Николаевич (1835-1920)-русский ученый, этнограф и общественный деятель. Родом из казаков, учился в Омском кадетском корпусе, добился звания поручика, затем с трудом освободился от принадлежности к казачьему сословию, чтобы уехать в Петербург учиться. Бакунин, который в известном смысле "открыл" Потанина, помог ему в этом по рассказу Потанина Катков был очень обрадован письмом к нему Бакунина и созвал знакомых для выслушания рассказов Потанина, причем все расспрашивал, такая ли еще у Бакунина грива, как прежде. В 3 года Потанин прослушал в Петербургском университете курс физико-математических наук, причем в 1861 г. был арестован за участие в студенческих волнениях. В

Петербурге он вместе с Ядринцевым был руководителем сибирской молодежи. В 1865 г. переехал в Томск, где был секретарем губернского статистического комитета и руководителем "Томских Губернских Ведомостей". Здесь он был арестован, увезен в Омск и заочно осужден московским отделением сената на 5 лет каторги за стремление отделить Сибирь от России. После отбытия каторги в Свеаборге был поселен в Никольске Вологодской губ. В 1874 г. по ходатайству Русского Географического Общества был амнистирован. После того совершил ряд путешествий по Азии, особенно по Монголии, давших много материала для науки, в частности для географии и фольклора.

12 Катков ответил Бакунину и видимо тепло. Содержание его письма нам неизвестно, так как оно до нас не дошло (мы знаем из него только упоминаемое самим Катковым предложение Бакунину писать о Сибири в "Русский Вестник"), но что оно было написано в дружеских тонах, можно судить по тому, что старые приятели быстро перешли на "ты" (см. Следующие письма).

Но 606. - Письмо кузинам Екатерине Михайловне и Прасковье Михайловне Бакунины-ным.

Январь 1859 года. Томск.

Милые сестры, писать много некогда, а потому окажу вам в двух словах, в чем дело. По-сылаю и рекомендую вам сибирского Ломоносова, казака, отставного поручика Потанина (Григорья Николаевича), оставившего службу для того, чтобы учиться, и горящего непобедимым желанием слушать лекции в Петербургском университете. Он - молодой человек дикий, наивный, иногда странный и еще очень юный, но одарен самостоятельным, хотя и не развитым умом, любовью к правде, доходящей иногда до непристойного дон-кихотства, - вообще он не успел еще жить в свете, вследствие чего говорит и делает странные дикости, но все это со временем оботрется. Главное, у него есть ум и сердце. Он все отдает старому отцу, который со своей стороны не держит его эгоистически при себе, а желает только, чтоб он сделался человеком. Потанин так горд, что ни за что в мире не хотел бы жить на счет другого. В нем три качества, ред-

кие между нами, русскими: упорное постоянство, любовь к труду; и способность неутомимо работать и наконец полное равнодушие ко всему, что называется удобствами и наслаждениями материальной жизни. Поэтому я надеюсь, что он не пропадет в Петербурге и в самом деле сделается человеком. Приласкайте его, милые сестры, и в случае нужды не откажите ему ни в совете, ни в рекомендации. Ему трудненько будет жить и перебиваться в Петербурге, но он непременно туда хотел ехать, и я не счел себя вправе держать его. Здесь с своим еще неопределенным и незрелым направлением он пропал бы или изгадился, а между вами - вы к нам относитесь, как Западная Европа к вам - между вами пожалуй выйдет из него что-нибудь дельное и доброе. Итак передаю вам его в руки, уверенный, что насколько Вам будет возможно и насколько он сам заслужит уметь будет, вы будете ему помощницами и доброжелательницами.

О себе ничего еще положительного не знаю, но Муравьев (Николай Николаевич (Амурский).), Корсаков (Михаил Сергеевич,

будущий генерал-губернатор Восточной Сибири.) и вы так положительно обещаете мне доброе, что я успокоился совершенно и жду ваших благ с легким сердцем. Я счастлив, друзья, и стараюсь, чтобы жена моя была так же счастлива. Это теперь - первая забота и задача моей жизни. Мы будем оба писать вам на днях. А покамест обнимаю вас за нее и за себя.

Милые, милые сестры, хлопочите, сколько можете и более чем можете, о деле Бородукова 1 в сенате. Ведь они, он особенно - праведник перед господом. Они мои друзья, ибо первые в Томске дали мне почувствовать сердце, и в этом деле их последний кусок хлеба. Напомните Корсакову, если он еще в Петербурге, что он лично обещал Марии Николаевне хлопотать за нее. И не теряйте времени, потому что дело, кажется, должно скоро решиться.

А ты, милая Катя, почему не написала ни строчки моей жене? Она так свято чтит твое имя и так радовалась, что ты к ней напишешь. А тебя, Паша, обнимаю и благодарю от всей души за твое милое письмо к ней. Пиши к нам чаще, мой друг. Мы будем отвечать те-

бе - так же часто. Письма, в которых не будет заключаться ничего особенно до меня касающегося, что бы, хотя и совершенно невинного свойства, могло бы возбудить некстати любопытство 3-го Отделения, такие письма адресуй прямо на имя Юлии Михайловны Квятковской в Томске для передачи Антонии Ксаверьевне. Другие же письма пиши на имя моего друга: Его благородию Бертольду Ивановичу Герману, г-ну ветеринарному врачу в городе Томске, и подчеркни только фамилию Германа, как я сделал. В письме не говори обо мне ни слова, пиши его как будто бы к Герману, - оно нераспечатанное перейдет в мои руки. Из Иркутска пришлю тебе другой адрес.

Недавно получил письмо из Прямухина. Слава богу, что маменьке лучше.

Потанин пришел за письмом.

№ 606. - Напечатано в "Былом" 1925, № 3/31, стр. 21-22. Оригинал находится в Прямухиноком архиве, хранящемся в б. Пушкинском Доме.

1 Бородуков или Бардаков- ссыльный мецанин, у которого Бакунин в первое время поселился в Томске. Он вел какую-то тяжбу в

Петербурге, и Бакунин, находившийся с Боро-
дуковыми в хороших отношениях, старался
им помочь.

№ 607. - Письмо кузинам Авдотье, Екате-
рине и Прасковье Бакуниным.

4 марта 1859 [года]. Томск.

Сестрам Eudoxie, Catherine и Pachette.

Милые сестры, что же вы меня не поздрав-
ляете? Ведь я стою на ногах, я свободен!1 Те-
перь полно писать скучно-жалобные письма,
буду придерживаться слога более описатель-
ного, А будет что изучать и описывать, будет
также что делать. Как ни мало на первый раз
предлагаемое жалование, я безусловно дово-
лен2. Мих[аила] Сем [еновича] Корсакова, ко-
торому так много обязан (равно как и вам,
мои неизменные защитницы и помощницы),
ждать здесь не стану, увижусь с ним в Иркут-
ске, куда едем завтра. Прошу вас выразить
Александру Максимовичу Княжевичу мою
глубокую благодарность за его представитель-
ство. Я буду лично благодарить его письмом
из Иркутска.

Итак вырвался я из томского болота, - а
впрочем зачем бранить Томск? Я жаловаться

не должен: нашел двух-трех людей, нашел родное семейство и жену друга-ангела (Дальше по-французски в оригинале.). Озерские3 прекрасно относились ко мне до последнего момента. Вчера они выехали обратно в Барнаул. Я же еду к своему благородному и любимому Николаю Николаевичу (Слова-Николай Николаевич (Муравьев-Амурский) по-русски в оригинале.), с которым надеюсь провести несколько недель, а в мае - была, не была! - мы поедem на Тихий океан кушать устрицы (Дальше до конца по-русски в оригинале.). Неведомый, огромный край, пустынный теперь, но богатый огромною будущностью и уже оживленный неутомимую энергией великого духа, - ведь это - просто чудо. Есть от чего пробудиться всей было заснувшей романтике юности и старой, русской охоте к бродяжничеству.

Впрочем не бойтесь, друзья, бродяжничать и бездельничать я не буду: буду учиться делу и по лучшему разумению стараться делать дело. Первым условием моим было, что я не расстанусь с женою, поеду с нею на Амур. Она у меня-молодец, ничего не боится и всему ра-

дуются как дитя. Я же буду беречь ее как цветок своей старости. Нам будет весело вместе, и никогда ни она, ни я не забудем, что по крайней мере вполовину мы вам всем обязаны. Из Иркутска буду писать более и пришлю свой адрес, а покамест пишите на имя Германа.

Прощайте, и вы также благословите нас на дальний путь и на новую жизнь. Будет о чем писать вам 4.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Антонины Ксаверьевны Бакуниной).

№ 607.-Напечатано в "Былом" 1925, № 3-31, стр. 22-23. Оригинал находится в Прямухинском архиве, хранящемся в б. Пушкинском доме.

Свободою Бакунин называет здесь свой переезд в Иркутск, куда за ним последовала вся семья Квятковских. По-видимому за Бакунина кроме Муравьева хлопотали М. С. Корсаков, его помощник, а затем преемник на посту ген.-губ. Вост. Сибири (при котором Бакунин и бежал), в также его кузины А. Е. и П. Ба-

кунины. Судя по данному письму, Бакунин выехал из Томска в Иркутск 5 марта 1859 г. Но в "Деле" Бакунина (ч. 111, л. 85; имеется копия отношения председателя совета главного управления - Западной Сибири на имя ген.-губ. Восточной Сибири от 23 апреля 1859г., сообщающего, что вследствие просьбы канцелярского служителя из государственных преступников Михаила Бакунина (так его титуловали в официальных бумагах, хотя на государственную службу он не вступил) о выдаче ему подорожной на проезд в г. Иркутск для поступления там в гражданскую службу томский гражданский губернатор снабдил Бакунина видом на свободное проследование в г. Иркутск, о чем и сообщается начальнику тамошней губернии. Но установить точно, кто и когда разрешил Бакунину переехать из Томска в Иркутск, по официальным документам невозможно. Это сделалось как-то неофициально, вероятно по просьбе Муравьева. По-видимому было негласное распоряжение Третьего Отделения, неизвестно как переданное местной администрации: иначе неожиданный либерализм Озерского был бы непонятен

(см. ниже № 617 и комментарий к нему).

2 Одновременно с переводом в Иркутск его покровители, в частности А. М. Княжевич, устроили ему место в Амурской компании.

3 Семья томского губернатора Озерского.

4 В Иркутске Бакунин поступил на службу в незадолго до того образовавшуюся Амурскую компанию, а в следующем году по протекции Муравьева к золотопромышленнику Бенардаки (он же откупщик, к откупным делам которого Бакунин не имел никакого отношения).

№ 608. - Письмо П. В. Анненкову.

25 февраля 1860 [года]. Томск (в это время Б. совершил поездку в западную сибирь (см. комментарий к №614.).

Любезнейший и добрейший Павел Васильевич, я Вам писал года два тому назад, но не получил ответа. Думаю, что мое письмо до Вас не дошло, и вот второй раз к Вам обращаюсь. Письмо мое передаст Вам Николай Александрович Спешнев 1, человек, с которым Вам приятно будет познакомиться. Он же познакомит Вас, если Вы захотите, с графом Николаем Николаевичем Муравьевым-Амур-

ским, человеком, которого в последнее время подлецы Завалишин 2 и Петрашевский 3 старались замарать всячески, но который, по моему трехлетнему опыту и твердому убеждению, и по сердцу и по уму и по делам и по направлению и по всему, чего от не[го] должно ожидать в будущем, один из лучших и необходимейших людей в России. Я бы очень желал, чтобы Вы с ним познакомились, а там как знаете.

Вы слышали, что я женился. Живу теперь в Иркутске, служил в Амурской компании, но Амурская компания лопается, если уже не лопнула, а я опять ищу места и занятий для содержания жены и себя. Муравьев обещал мне выхлопотать мне право возвращения а Россию. Не сомневаюсь в том, что он будет хлопотать от всей души, но удастся ли ему, это-другой вопрос⁴. Если удастся, так в будущую зиму увидимся,-я буду рад Вас встретить, как Вы? Но я никогда не забуду, что Вам отчасти я обязан свободой - жизнью, Вам и графу Толстому 5.

Что сказать Вам еще? Сказал бы много, если бы только дал себе (В оригинале "себя".) во-

лю расписаться. Но расписываться теперь не хочу, подожду лучше Вашего ответа, а то распишешься да останешься без ответа - ведь стыдно будет.

Итак прощайте, крепко жму Вам руку.

Преданный Вам

М. Бакунин.

Если захотите писать мне, Спешнев и Кавелин 6 скажут Вам мой адрес. Можно, во-первых, писать прямо: "Его превосходительству] Михаилу Семеновичу Корсакову в г-д Иркутск", а на внутреннем пакете с облаткою мое имя. Можно писать также и через курьеров. Пришлите мне только свой прямой адрес, а кстати и какой-нибудь дамский.

№ 608. - Печатается впервые. Оригинал хранится в рукописном отделении Академии Наук СССР и любезно сообщен нам Вс. И. Срезневским. О попытках Бакунина возобновить переписку с П. В. Анненковым до сих пор не было известно. Судя по письмам к Каткову и Анненкову, Бакунин хотел вновь связаться с старыми приятелями по московским и петербургским кружкам 30-40-х годов. Как видно из начала данного письма, оно было не первым.

Отвечал ли ему Анненков или, верный своему филистерскому характеру, предпочел не связываться с опасным человеком да еще ссыльным, неизвестно. Дальнейших следов этой переписки не существует.

1 Спешнев, Николай Александрович (1821-1882)-русский политический деятель, сын помещика, учился с Петрашевским в Царско-сельском лицее. С 1842 г. жил за границей, где сблизился с польскими эмигрантами и стал коммунистом. По возвращении в Россию в 1846 г. примкнул к кружку петрашевцев, занимая левый фланг этого движения, задумывал народное восстание на Урале, на Волге и в Сибири и приступил к устройству тайной типографии. Арестованный 22-23 апреля 1849 г., был приговорен к смертной казни, замененной 10 годами каторги. В 1856 г. вышел на поселение и поступил на службу; Муравьевым переведен из Забайкалья в Иркутск, где сделан редактором официальной газеты, а затем начальником путевой канцелярии генерал-губернатора. С мая 1857 г. по март 1859 г. редактировал "Иркутские Губернские Ведомости", где сотрудничали Петрашевский, Львов,

Черносвитов и др. В апреле 1859г. был произведен в первый чин, а в 1860 г. ему были возвращены права дворянства без прав на прежнее имущество. С 1861 г. занимал должность мирового посредника в Псковской губернии, отстаивая интересы крестьян. Умер в Петербурге.

2 Завалишин, Дмитрий Иринархович (1804-1892)-русский политический деятель и писатель; сын генерал-майора; лейтенант 8-го флотского экипажа; собирался основать мистический орден, который Рылеев признал двусмысленным по характеру; стоял собственно в стороне от заговора декабристов и после восстания 14 декабря был привлечен к делу не сразу; по суду признан виновным и приговорен к бессрочной каторге, сокращенной до 20 лет; в ссылке у него вследствие неуживчивого характера создались неблагоприятные отношения со многими товарищами. Вышел на поселение в 1839 г. Писал в "Морском Сборнике" статьи по амурскому вопросу против Муравьева, который вследствие этого добивался перевода его из Сибири в Европейскую Россию; вернулся в Европейскую

Россию в 1863 г. и конец жизни прожил в Москве, где между прочим был знаком с Л. Толстым, который имел его в виду при выработке планов, романов "Декабристы" и "Война и мир". Б. Эйхенбаум в своем труде "Лев Толстой" (Ленинград, кн. 2, 1931, стр. 203) называет его толстовцем до Толстого.

3 Петрашевский или Буташевич-Петрашевский, Михаил Васильевич (1821-1866)-русский политический деятель, дворянин, сын врача, кончил Александровский лицей и Петербургский университет, служил переводчиком в департаменте внешних сношений м-ва ин. дел. Собрал большую библиотеку социалистических книг; с 1844/45г. завел у себя журфиксы по пятницам, на которых велись беседы о назревших реформах, а позже велась пропаганда социалистических, преимущественно фурьеристских идей; в феврале 1848 г. распространил на дворянских выборах в Петербурге записку, в которой проводилась мысль об освобождении крепостных. Был главою кружка, названного его именем. 23 апреля 1849 г. арестован, приговорен к смерти, замененной бессрочною каторгою на самом ме-

сте казни и сослан в Нерчинский округ. В 1856 г. выпущен на поселение. Жил в Иркутске, сотрудничая в газетах и занимаясь хождением по делам. За агитацию по делу дуэли в Иркутске выслан в село Шушу Минусинского округа, но добился разрешения жить в Красноярске. До конца жизни не переставал протестовать против своего осуждения в 1849 г., считая его незаконным и подавая по этому поводу бесчисленные записки в разные учреждения вплоть до высших (Бакунин называл это "доносами" без всякого основания), что признавалось признаком "закоснелости" и за что он подвергался репрессиям. Из всех осужденных по процессу петрашевцев он был единственным, так и не выбравшимся в Россию и умершим в Сибири. Скончался в селе Бельском Енисейского округа.

4 Наряду с хлопотами Н. Н. Муравьева-Амурского, которому не удалось добиться освобождения Бакунина, не оставляли хлопот и его родные. Так 5 сентября 1859 г. мать его снова обратилась с просьбою к Долгорукову исходатайствовать ее сыну полное прощение ввиду близости ее смерти ("Дело" о Бакунине,

ч. III, л. 82; напечатано в "Материалах", I, стр. 308- 309), но злобный Александр II повелел не только оставить просьбу Бакуниной без последствий, но даже не отвечать ей.

Ниже мы приведем еще ходатайства Н. Муравьева-Амурского от 11 ноября 1860 г. и матери Бакунина от 20 апреля 1861 г. Все они остались безрезультатными.

5 Это место наводит на мысль, что Анненков и Л. Н. Толстой тоже принимали какое-то участие в хлопотах об освобождении Бакунина из крепости. В частности Анненков мог оказывать здесь некоторые услуги благодаря тому, что его родной брат был петербургским полицмейстером и имел отношение к жандармерии. В упоминавшемся нами дневнике Алексея Бакунина под 15 ноября 1856 г. записано о встрече у Вл. П. Безобразова (родственник Бакунина по матери) с Л. Толстым и Анненковым: "с первыми двумя возобновил ближайшее знакомство: с Толстым-на основании Александра Бакунина (оба они были участниками севастопольской обороны.- Ю. С.), вопроса о крестьянах и Бетховена; с Анненковым (который в 1846 г. отдал мне в Москве

портрет М[ишеля] бородатый)-на основании Станкевича и Мишеля". Что именно сделали для Бакунина Толстой и Анненков, неизвестно; но возможно, что роль их Бакуниным преувеличена по "дипломатическим" соображениям.

К сожалению портрет Бакунина с бородою, относящийся к 40-м годам, т. е. к периоду его первого пребывания за границей, нам неизвестен. Его бы следовало отыскать (быть может в Прямухинском архиве он сохранился?).

6 Кавелин, Константин Дмитриевич (1818-1885)-русский ученый, историк и юрист, и общественный деятель умеренно-либерального направления; примыкал боком к кружкам Станкевича и Белинского; познакомился с Герценом и Бакуниным в конце 30-х годов. С 1844 г. читал в Московском университете лекции по истории русского права, а с 1857 по 1861 год-в Петербургском университете. В 1857 г. был одним из наставников наследника Николая Александровича, но уволен с этого места за оглашение Чернышевским в "Современнике" части его записки по крестьянскому вопросу, несколько расходившейся с про-

граммою господствовавшей партии-крепостников и распространявшейся нелегально. Во время подготовки крестьянской реформы стоял за освобождение крестьян, но с соблюдением интересов дворянского сословия в полном размере. В своей записке проводил проект увековечения консервативного настроения крестьянства путем принудительного навязания ему общинного устройства и недопущения образования многочисленного пролетариата. При этом он проповедывал ограбление крестьян в пользу помещиков не только за землю, но и за личность крепостного. Высказывался против конституционного движения среди дворян и на этой почве порвал с Герценом. Был консервативно настроенным человеком, врагом социализма и демократии.

Имя Кавелина здесь впервые появляется в корреспонденции Бакунина. Братья Бакунина были знакомы с Кавелиным по университету в 40-х годах.

Кавелин очевидно знал адрес Бакунина от Спешнева, вернувшегося из Сибири.

№ 609. - Письмо М. Н. Каткову.

21-го июня. Иркутск, 1860 [года].

[Мой]) милый друг,

Не помню уж сколько я писал тебе писем, не получая от тебя [ни] строчки. После твоего первого письма ты замолчал так упорно, что я мог [бы] подумать, что ты умер, если бы не слышал от других и не находил в "Русск[ом Вестнике]" следов твоей благородной и живой деятельности. Или ты боишься писать ко мне? По почте такой страх понятен, но есть другие безопасные пути, напр[имер] через курьеров. Отдай твое письмо подателю сего, Евгению Ивановичу Рагозину¹, а он мне перешлет его с курьером - и если хочешь, то я даю тебе честное слово, что сожгу твое письмо сейчас по прочтении.

Рекомендую тебе Евгения Ивановича как умного, благородного, дельного молодого человека, страстно желающего с тобою сблизиться. "Русский Вестник" по его собственному признанию много способствовал к его политическому воспитанию. Он знает хорошо и Амур, особенно же Забайкальскую область, и может передать тебе о них много интересных, дельных, а главное верных сведений. Прими же его и ради меня и ради его, я не по-

плю к тебе дурного или пустого человека.

А что, брат, чем-то кончатся ваши мирные реформы? Смотри, чтобы дв[орянская] глупость, а главное петербургские ребячество, легкомыслие не вызвали [из] глубины народной жизни страшного подзем [ного] духа, а России еще страшнейшего, ч [ем] где бы то либо². Впрочем не все дворя[нство] глупо, в иных губерниях есть умн[ое] меньшинство, и дай бог, чтобы о [но] увлекло за собою всю массу двор[ян]. Я прочел соображения Унковского³, [без] сомнения тебе известные, и кроме одного пункта, а именно того, в котором тверское дворянство требует для себя особенной привилегии на службу по выборным должностям, вполне с ним согласен. Этот пункт-чистая уро[дли]вость. Что дворянство по материальному и духовному преобладанию своему будет искать и найдет должное влияние на внутреннее управление, я нахожу это не только натуральным, но [и] законным - я желаю такого влияния; но чтобы это влияние перешло в юридическую привилегию, было приз[нано] за ним как исключительное право, вот где я вижу вредную нелепость.

Аристократия никогда не привьется в России, а создавать искусственную аристократию опасно и глупо. Впрочем мне кажется, что тверское либеральное большинство комитета, [принимая] единственный несимпатичный [пункт] своего положения, несколько несоответствующий духу и гармонии целого, собственно [сделало] уступку, для того что[б] увлечь за собою большинство тверского дворянства, - и кажется, что успело в этом намерении. Порадовало меня особенно то, что братья и другие единомыслящие с ними дворяне приступили к фактическому освобождению крестьян с землей и к [преобразованию своего хозяйства на основании вольнонаемного труда, не ожидая петербургских бюрократических разрешений; и вообще начала их за исключением одного вышеозначенного пункта мне безусловно нравятся: мне кажется, что только широкое и безотлагательное применение их может спасти Россию от революции.

Остается решить один вопрос: освободив общину, как освободить лицо от общины? А это столь же необходимо, как и первое, без этого не будет жизни в России 5.

Я рад, что ты познакомился с другом моим Гейнрихом Краевским 6. Я уверен, что ты его полюбил; он же вполне удовлетворен сближением с тобою и пишет мне, что нашел более, чем надеялся найти. Прими же и Рагозина не как моего друга, но как..... человека, заслуживающего

и симпатии.

А теперь прощай, [желаю] тебе всего лучшего, а главное - успеха в святом деле.

М. Бакунин.

Дай пожалуйста Рагозину рекомендательное письмо к Кавелину (Константин Дмитриевич.).

№ 609. - См. общие замечания к № 605.

1 Рагозин, Евгений Иванович (1843-1904) - экономист и общественный деятель умеренно-консервативного направления; писал в газетах и журналах, либеральных и консервативных, по вопросам о налогах и т. п. Был членом Комитета для содействия русской торговле и промышленности; много его докладов в этой области напечатано в "Трудах" Вольного Экономического Общества. Словом был деятелем по индустриализации России в буржу-

азном направлении.

2 В этом и дальнейшем местах данного письма Бакунин также высказывается в духе умеренного дворянского либерализма и никак не в духе крестьянского социализма. Какая часть приходится здесь на долю притворства перед умеренным помещичьим идеологом Катковым, благоволение которого Бакунин стремился снискать по разным мотивам, я какая на долю действительного перехода Бакунина на рельсы умеренного либерализма в буржуазном духе, сказать трудно. Но имело место и то и другое: с одной стороны Бакунин нарочито подчеркивал свое благоразумие и практичность в письмах к Каткову (быть может и в расчете на жандармскую любознательность), а с другой - он в этот период и вплоть до 1864 года несомненно стоял на более правых, чем в 40-е годы, позициях, разделяя в этом отношении судьбу всего своего круга, в том числе и герценовского кружка, который с началом буржуазных реформ в России занял соглашательскую позицию, как мы еще увидим в следующем томе. Большую роль в поправении Бакунина несомненно иг-

рало и сближение его с Муравьевым-Амурским, который пожалуй гораздо больше повлиял на Бакунина, чем тот на него. Так или иначе, но в данном письме мы встречаем определенно выраженный страх Бакунина перед крестьянской революцией, которую он призывал в 40-х годах и с середины 60-х, и не менее определенное сочувствие программе умеренной дворянской партии.

3 Унковский, Алексей Михайлович (1828-1893) - русский общественный деятель умеренно-либерального направления. Тверской дворянин, он служил по дворянским выборам, в 1857 г. был губернским предводителем дворянства; принимал активное участие в подготовке крестьянской реформы в качестве председателя тверского губернского комитета; в конце 1857 г. Царю записку, распространявшуюся им негласно среди дворян Тверской губернии, но встретил сочувствие лишь со стороны меньшинства, несмотря на то что его проект строго охранял интересы помещиков. Отстаивая идею выкупа не только земли, но и личности крестьянина. В политической области тоже держался весьма умеренных

взглядов, которые могли считаться крамольными только в царской России: он высказывался за гласность, за судебную ответственность чиновников, независимость суда, местное самоуправление в хозяйственных вопросах. Несмотря на это подвергался преследованиям и даже был на время выслан в Вятку. После судебной реформы 1864 г. был присяжным поверенным Петербургского округа. Писал в передовых журналах статьи по крестьянскому и судебному вопросам.

Как видим, до Бакунина доходили такие подпольные вещи, как записка Увковского и подобные издания, распространявшиеся из-под полы. Возможно, что он получал их от Муравьева-Амурского.

4 Братья Бакунина принадлежали к либеральному крылу тверского дворянства, за что впоследствии даже пострадали (см. в следующем томе).

5 Снова отмечаем враждебное отношение Бакунина к крестьянской общине, в которой он усматривал препятствие к всякому прогрессу, в том числе и развитию личности.

6 Краевский, Генрих (1824-1897) - польский

юрист и политический деятель умеренного направления, учился в Варшавском и Московском университетах, кончил последний с званием кандидата юридических наук в 1847 г. (был университетским товарищем Каткова), по возвращении в Варшаву занимался юридической практикою; в начале 1850 г. был арестован по политическому делу и за участие в заговоре сослан в 1854 г. на каторгу в Сибирь, где пробыл до 1860 г. в районе Нерчинской Даурии. Бакунин познакомился с ним, когда он возвращался на родину. По возвращении в Варшаву в 1861 г. был участником "Делегации" до ее роспуска. В феврале 1862 г. выслан в Тамбов, причем при проезде через Москву возобновил свои отношения с Катковым, который тогда еще разыгрывал роль либерала и друга Польши. Принял деятельное участие в восстании 1863 г., писал во французских газетах в защиту Польши, был выразителем июньского Ржонда Народового, а с половины октября - белой диктатуры Траугута. В 1864 г. выслан на 3 года в Пензенскую губернию. По возвращении в Варшаву занимался адвокатскою практикою.

7 Это место можно понимать в, том смысле, что сам Бакунин по каким-то мотивам, например недостаточно близкого знакомства, не снабдил Рагозина рекомендательным письмом к Кавелину, равно как и в том смысле, то он хотел подкрепить свою рекомендацию поддержкою Каткова.

Но 610.-Письмо А. И. Герцену.

7 ноября 1860 г [ода]. Г[ород] Иркутск.

Любезный Герцен! Месяцев 7 тому назад я написал тебе предлинное письмо в 20 листов. По разным обстоятельствам оно до тебя не дошло. Это был первый взрыв освобожденного слова после долгого молчания. Теперь буду короче. Прежде всего позволь мне, воскресшему из мертвых, поблагодарить тебя за благородные симпатичные слова, сказанные тобою обо мне печатно во время моего печального заключения 1. Они проникли через каменные стены, уединявшие меня от мира, и принесли мне много отрады. Ты хоронил меня, но я воскрес, слава богу живой, а не мертвый, исполненный тою же страстною любовью к свободе, к логике, к справедливости, которая составляла и поныне составляет весь

СМЫСЛ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Восьмилетнее заключение в разных крепостях лишило меня зубов, но не ослабило, напротив укрепило мои убеждения. В крепости на размышление времени много; инстинкты мои, двигатели всей моей молодости, сосредоточились, пояснились, как будто стали умнее и, мне кажется, способнее к практическому проявлению. Выпущенный из Шлиссельбургской крепости почти 4 года тому назад, я окреп и здоровьем, женат, счастлив, в семействе и, несмотря на это, готов по-прежнему, да, с прежнею страстью, удариться в старые грехи, лишь бы только было из чего. Я могу повторить про себя слова Фауста:

Ich bin zu alt um nur zu spielen,

Zu jung um ohne Wunsch zu sein

("Я слишком стар, чтобы лишь играть,
и слишком юн, чтоб не желать".),

а будущее и даже близкое будущее, кажется, обещает многое. Началась и для русского народа погода, и без грома и молнии, кажись, не обойдется. Русское движение будет серьезным движением; ведь фантазерства и фраз мало, а дельного склада много в русском уме,

а русское широкое, хоть и беспутное сердце пустяками удовлетвориться не может. Мы здесь живем день ото дня, яко чающие движения воды, следим за всеми знаменьями, прислушиваемся ко всем звукам, ждем и готовимся. Много хотелось бы мне поговорить с вами 2 о том, что делается и не делается в России и вне России. Но не за тем взялся я теперь за перо. Завтра должен я отдать это письмо курьеру, а мне нужно поговорить с вами, друзья, о предмете столь же важном для вас и для нас, и предотвратить вас, если возможно, от несправедливости против одного из лучших и полезнейших людей в России и от преступления против ваших собственных убеждений.

Есть в самом деле один человек в России, единственный во всем официальном русском мире, высоко себя поставивший и сделавший себе громкое имя не пустяками, не подлостью, а великим патриотическим делом. Он страстно любит Россию и предан ей, как был ей предан Петр Великий. Вместе с тем он - не квасной патриот, не славянофил с бородою и с постным маслом. Это - человек в высшей

степени современный и просвещенный. Он хочет величия и славы России в свободе. Он решительно демократ, как мы сами, демократ с своей ранней молодости, по всем инстинктам, по ясному и твердому убеждению, по всему направлению головы, сердца и жизни; он благороден как рыцарь, чист как мало людей в России; при Николае он был генералом, генерал-губернатором, и никогда в жизни не сделал он ничего против своих убеждений. Вы догадываетесь, что я говорю про Муравьева-Амурского, против которого вы выступаете теперь врагами. Скажите, как это могло случиться, как вы, возложившие на себя высокую и трудную обязанность блюсти за Россией, как вы могли не заметить, не узнать единственного патриота и государственного человека в нашем отечестве, которого мы можем назвать безусловно нашим, и от которого Россия может теперь ждать действительной службы, может быть спасения, - я говорю вам о человеке, с которым я дружен и с которым вижу почти каждый день вот уж два года.

Вот его политическая программа. Он хочет

безусловного и полного освобождения крестьян с землею, гласного судопроизводства с присяжными, безысключительного подчинения такому суду всех (У Драгоманова опечатка "всем".) лиц частных и служебных, от малого до великого, безусловной неограниченной печатной гласности, уничтожения сословий, народного самоуправления и народных школ на широкую ногу. В высшей административной сфере он желает следующих реформ: во-первых уничтожения министерств (он-отъявленный враг бюрократии, друг жизни и дела) и на первых порах не конституции и не болтливового дворянского парламента, а временной железной диктатуры, под каким бы то ни было именем, а для достижения этой цели-совершенного уничтожения николаевского, пожалуй и александровского вольноотпущенного петербургского лакейства. Он не верит не только в московских и петербургских бояр, но и в дворян вообще как в сословие и называет их блудными сынами России. Вообще он питает одинаковое и вполне заслуженное презрение ко всем привилегированным или, как он их называет, ко всем несеко-

мым сословиям, не верит в публику и верит только в секомый народ, его любит, в нем единственно видит будущность России. Он не ждет добра от дворянско-бюрократического решения крестьянского вопроса, он надеется, что крестьянский топор вразумит Петербург и сделает в нем возможною ту разумную диктатуру, которая по его убеждению одна только может спасти Россию, погибающую ныне в грязи, в воровстве, в взаимном притеснении, в бесплодной болтовне и в пошлости. Диктатура кажется ему необходимою и для того, чтобы восстановить силу России в Европе, а силу эту хотелось бы ему прежде всего направить против Австрии и Турции, для освобождения славян и для установления не единой панславистической монархии, но вольной, хотя и крепко соединенной славянской федерации. Он - друг венгерцев, друг поляков и убежден, что первым шагом русской внешней разумной политики должно быть восстановление и освобождение Польши.

Нравится вам эта программа? И вспомните, что это-программа не кабинетного идеалиста и фантазера, которому все легко, все воз-

можно, потому что он никогда ничего не сделал, нет, это - мысли, громко высказываемые мысли генерал-губернатора, опытного, испытанного государственного человека, который болтовни не терпит, у которого всю жизнь слово было делом, воля у которого железная, а ум граничит почти с гениальным.

Я много встречал людей, но не знал еще [ни] одного, в котором сосредоточено было бы так много друг друга дополняющих даров и способностей: ум смелый, широкий, жгучий, решительный; природное увлекающее, воспламеняющее красноречие и вместе простота понимания и изложения удивительная. От прикосновения его мысли светлеют и простеют самые сложные, самые мудрые вопросы; пошиб мысли совершенно русский, практический. Память редкая, обнимающая равно и дела и людей. Заговорите с ним о любом деле или вопросе, касающемся 12-летнего управления его Восточную Сибирью; во всякое время и чем бы он ни был занят, он вам объяснит его со всеми подробностями до мелочей и расскажет так, что вы уж никогда не забудете. Голова его всегда занята множеством разно-

роднейших дел, но всегда свежая и ясная, кажется, хранит и вмещает в себе все, что хоть один раз ее занимало. Докладчик, докладывающий ему о деле, никогда сам так хорошо его не понимает, как когда ему об нем докладывает. Голова его в вечной работе, он занимается, когда не спит, а спит не более 5-6 часов в сутки, и между тем вы никогда не заметите в нем скрипа рабочего. Он - самый любезный собеседник, всегда живой, остроумный, милый, но милый до того, что в него влюбляются не только женщины, но и мужчины. Да и нельзя не любить его: он сам так горячо ненавидит и любит, у него так много сердца, он - весь сердце. К нему нельзя быть равнодушным ; его должно или любить, или ненавидеть. Он - такой верный и нежный друг, так много деликатности и возвышенного благородства во всех его отношениях. Он прям, откровенен и никогда не усумнится высказать свою мысль или чувство. Он берет правдою, широкою, прямою, сердечною правдою. Гнев его должен быть ужасен, презрение его уничтожает. Вот вам нравственный человек. Прибавьте самоотвержение, пренебрежение

к собственным интересам исключительное - il est d'une generosite princiere ("Он отличается княжескою щедростью"). Он не богат, так не богат, что, оставляя ныне Сибирь, если, что очень возможно по политическим причинам, он оставляет и службу, то ему почти нечем будет жить; а между тем в последние три года во время своих поездок на Амур, в Китай и Японию и благодаря только им он потерял на акциях 80.100 руб. сер., и только мельком раз я слышал от него об этой потере.

Он до такой степени бескорыстен, что от- казался принять пожизненную пенсию, которую ему хотели дать за амурское дело,-и все это делается просто, без тени тщеславия; так натурально, как другой выпивает стакан воды. В этом замечательном человеке нет ни капли эгоизма или тщеславия ; он дорожит правда названием Амурского, но ни во что не ставит ни свое генеральство, ни свое генерал-губернаторство, ни свое графство. Ему нужна сущность, а не форма власти - еще сходство с Петром Великим, которого гени- альною простотою своею так часто напоми- нает мне Муравьев-Амурский. К нему во вся-

кое время открыт доступ для всех, и для каждого у него есть и память и сердце. Это - настоящий человек, но вместе и настоящий опытный государственный человек; с его умом ни один урок жизни, ни один лично им пережитой государственный факт не мог пропасть даром.

Прежде всего у него русский ум, и его обмануть трудно; он смотрит насквозь в вашу душу и, когда не хочет открыться, не покажет вам своей души. Ум его столь же гибок и тонок, сколько и прям, и в дипломатии его никто не перецеголяет. Он, кажется, способен на все кроме литературы и профессуры, к которым, несмотря на образованность и любознательность свою (он до сих пор читает и учится), он питает инстинктивное отвращение; друг дела, он ненавидит болтовню. Он так же способен к дипломатии, как и к внутреннему управлению или к военному делу. Он знает людей, умеет обходиться с ними, уговаривать, убеждать, увлекать их; невидимо подчинять их своей мысли и воле. Il semble ne pour commander ("Он как бы рожден, чтобы повелевать"). Что же касается до

военного дела, то все знавшие его на Кавказе, где он впервые показал себя как самостоятельный начальник, все знающие его близко теперь убеждены, что он одарен всеми способностями первоклассного генерала: быстрота и ясность соображения, присутствие духа, находчивость в критическую минуту, военное здание, дух непоколебимый, а главное - смелая и счастливая, истинно героическая решимость - все залого победы в нем соединены в высшей степени, и если теперь что-нибудь льстит его самолюбию, так это только мысль командовать армиею против австрийцев, которых он ненавидит не менее меня. Он - истинно гениальный администратор, вносящий толк, разум, ясность и простоту во все части своего управления, а в минуты трудные находящий там средства, где их никто не видит. Дело у него горит под руками, он поражает внезапностью своих решений и неудержимою стремительностью своих исполнений, почти всегда верных, метких, счастливых, потому что они - плод глубокого предварительного размышления. Когда дело идет о деле, он не жалеет ни себя, ни своих

служащих; впродолжение 12-летнего управления он сделал верхом, в тарантасе, в телеге, пешком, на лодке более 200.000 верст. Он первый в 1854 г[оду] поплыл на лодках вниз по Амуру и если бы рассказать в подробности все его амурские подвиги, подвиги неустрашимости, самопожертвования, сердца, ума, то право вышла бы геройская эпопея. И этот человек теперь еще - во всей силе своего ума, своих необыкновенных способностей, сердце его нераздельно принадлежит России, делу ее освобождения, славянскому делу. Он - весь наш и убеждениями и делами своими, еще более тем, что он хотел бы сделать для России; я не знаю, да и вы, друзья, не знаете другого человека, от которого Россия могла бы ожидать для себя столько великой пользы. Я помню, как вы оплакивали смерть генерала Пассека³, - вот вам другой Пассек, во всех отношениях лучше, дельнее, умнее, сильнее и, может быть, преданнее Пассека, потому что в Муравьеве гениальная преданность мысли и делу. Вот вам готовый спаситель России, а вы - его враги. Что это значит? И как же велика ответственность, которую вы на себя бере-

те перед Россией и перед самими собою! От легкомыслия и легковерия, незнания или недостатка критики вы становитесь клеветниками против лучшего человека в России. Ведь это - уродство и преступление.

Петербург, весь высший официальный мир его ненавидит; в Третьем Отделении, куда почти ежедневно пишут ваши корреспонденты, герои, любимцы Завалишин и Петрашевский, в Третьем Отделении он записан как архикрасный; вообще его зовут там le general rouge ("Красный генерал"), - все это очень естественно 4. Между мертвыми он - один живой, между мелкими, своекорыстными интриганами и эгоистами он один предан делу, он не берет пенсии, - как его не ненавидеть! Он присоединяет огромный край исключительно сибирскими средствами, совершает великое дело почти без средств, он щадит государственные финансы, подает проект за проектом для упрощения администрации, для упразднения ненужных служебных мест, для освобождения, для облегчения участи миллионов, угнетенных воровским меньшинством, он не дает спать, заставляет ду-

мать о деле, он - в высшей степени человек беспокойный, к тому же громко выражающий свое негодование, свое презрение и к принципам и к людям петербургским, не щадя даже героев ектении (Т. е. царя и династию.). За это его Петербург ненавидит, и это естественно. Естественно также, что не любит его большинство храброго российского дворянства. Он так глубоко вник в хамски-аристократический блуд российских бояр и так метко честит его - любить не за что. Он любит народ, зато и народ в него верит, имя Муравьева не умрет в Сибири. Не любят его также и литераторы; опять понятно: литераторы-народ щекотливый, тщеславный, вчера дрожали они, сегодня разыгрывают силу и болтовню принимают за дело. Они монополисты тощего русского просвещения, монополисты ума во фраке и любят поклоны. Муравьев их презирает и им не кланяется. Они - либералы, он-простой демократ, нет ничего общего между ними. И так понятно, что вся привилегированная, болтающая и правящая публика не терпит Муравьева, но как вы, друзья народа, могли стать его врагами, как могли так

легкомысленно поверить людям, как Завалишин и Петрашевский, о которых поговорим после,- вот чего я решительно не понимаю. Своя своих не познаша.

Вы спросите, чем же доказал Муравьев свои способности, свое честное и полезное направление. 12-летнее управление его Восточной Сибирью - самый лучший ответ на этот вопрос. Один из моих добрых знакомых, политический поляк Вебер 5, досконально знающий Сибирь, ибо был сослан сюда еще до назначения Муравьева, могущий поэтому сравнить положение ее до Муравьева с ее нынешним состоянием, сказал недавно, что если бы напечатать все, что написал Муравьев впродолжение этих 12 лет, особливо бумаги, посланные им в Петербург к императору и к разным министрам, то это одно составило бы блестящую биографию; из этой переписки ясно бы стало, чего он хотел, к чему он стремился. Всякая бумага дышит гуманностью, высокою справедливостью, светлым разумом, пользою государства и края. Главною и постоянною целью всех его предположений и действий было возвышение, облегчение, возмож-

ное освобождение всего, что притеснено в России, т. е. по преимуществу народа.

Не помню кто-то, кажется Rene de Taillandier⁶, говоря о Сперанском⁷, заметил, что в то время как государственные люди других земель находят крепкую опору в общественном мнении, в России они опираются единственно на милость и доверие одного лица, поэтому должны употребить три четверти времени своего на борьбу для удержания своего места и только четверть остается у них на дело. Это вполне подтвердилось на Муравьеве. Малейшую возможность сделать добро он должен был брать с боя и сколько сил, сколько жизни он положил на борьбу с Петербургом, и как дорого стоила каждая победа! Ведь вы знаете, что такое наши министры, наши петербургские государственные люди. Мелкие и пошлые люди с пышною обстановкою, дураки с глубокомысленно-размышляющими минами, недоученные, недоделанные, мелкие эгоисты и честолюбцы с патриотическими фразами, возвысившиеся и поддерживающиеся интригою и подлостью, машинные формалисты, рутинеры, не имеющие даже и

предчувствия о живом, действительном деле. Этим развратным машинально живущим и действующим мумиям кроме себя ведь нет ни до кого и ни до чего дела, и всякий преданный человек с живою, плодотворною мыслью вам смешон, пока он бессилен, и становится их врагом, если он может заставить их слушать себя. Муравьева они с первого раза встретили как врага. В комитете министров он нашел только одного истинного неизменного союзника: Киселева (Павел Дмитриевич8.), ныне посланника во Франции. Все же остальные были против него и постоянно впродолжение 12 лет старались парализовать его начинания то интригою, то систематическим, тупым невниманием.

При таких-то условиях Муравьев должен был действовать. Что ж успел он сделать? Главным делом его без сомнения являются присоединение Амура к России. Я не стану распространяться о нем; для того, чтобы говорить об этом предмете подробно, теперь уже понадобились бы толстые брошюры, если не целые книги. Ограничусь несколькими замечаниями. Амурское дело, великое по своему

существо, по своим несомненно полезным результатам, равно как и по ограниченности, ничтожности средств, на него употребленных, подверглось странной участи в России. Сначала вся публика пришла в восторг, и боится узнать сколько громких и часто нелепых фраз было расточено Муравьеву; говорили, что он вознаградил за все потери и за весь стыд прошедшей войны.

Прошло несколько времени; в "Морском Сборнике" стали являться одна за другою статьи псевдо-декабриста Завалишина, который, увлеченный местью и непримиримую ненавистью к Муравьеву, сознательно лжет, клеветает, извращает, выдумывает факты, прикрывая желчную клевету либеральными мотивами и фразами, отрицает наконец пользу, судоходность, даже почти само существование Амура и называет его "язвою России". Эти статьи, проникнутые самым мелочным и злым самолюбием, в которых так и сквозит жалкое оскорбленное я г-на Завалишина, написанные впрочем искусно в видах очернения именно перед русской публикой, статьи эти, исполненные противоречий, ничего не

доказывающие, только отуманивающие и дурчащие легкомысленного читателя, не выдерживают серьезной критики. И что ж? Вся русская публика вслед за Завалишиным ругает Амур и всех амурских деятелей. В Москве и в Петербурге пресерьезно утверждают, что Амур есть пуф, что даже лодки по нем ходить не могут, что Благовещенск и Николаевск и все села и все станицы на Амуре существуют лишь в воображении и в рапортах Муравьева; что Амур разорил Россию, что в нем погибли миллионы рублей и тысячи людей, что он одним словом стал язвою для России.

Странное и глупое существо-русская публика! В ней преобладает лакейская привычка ругать без разбору, ругать и горячиться без страсти, без всякого интереса к предмету, о котором идет речь. Спросите у девяти десятых, у девяносто девяти сотых ныне ругающих Амур: где Амур? Я уверен, что они никогда не посмотрели на карту, и что им в сущности нет ни малейшего дела ни до Амура, ни до Сибири, ни даже до России. А ругают, потому что ругать, всё ругать, всех ругать русскому человеку сподручно, потому что оно в мо-

де и кажется либерально. Эта русская публика, бессмысленная, бесстрастная, но болтающая без умолку обо всем, пошлая - просто блудное стадо, годящееся только под топор.

Судоходен ли Амур? По признанию американцев, знатоков. в этом деле, и наших лучших моряков это - одна из величайших и удобнейших рек в мире. Да зачем спрашивать их? В 1854 году в первый раз сплавили вниз по Амуру на 34 баржах под предводительством Муравьева около 380 человек казаков и регулярных солдат со всем провиантом. В 1855 году под его же предводительством оплавлено было около 5.000 человек казаков и войска также со всем провиантом и с 28-38-фунт[овыми] пушками ; а с тех пор ежегодно сплавляют от Читы по Шилке и по Амуру до Николаевска от 300 до 500 тысяч пуд[ов] разных тяжестей. С 1855 года стали ходить пароходы от Николаевска до Благовещенска. В 1859 году казенных пароходов ходило шесть, а частный пароход американца Дефрис в первый раз явился на Шилке. В нынешнем году собраны были зимою а Николаевске 4 новых казенных мелководных парохода, из которых

один обращен собственно на плавание по реке У[с]сури, а три доплыли вверх, два до Сретенска, один только до Шилкинского гавода, а американец Дефрис дошел вверх по Шилке и по Нерчи до самого Нерчинска. Я говорил с иностранными машинистами; они говорят, что не видели реки более удобной для плавания. Наконец с будущего года будет ходить раз в две недели регулярная пароходная почта между Сретенском (на Шилке, в 75 верстах от Нерчинска, в 360 верстах от Читы) и Благовещенском (почти на самой середине Амура, от Николаевска водою в 2.000 верстах, от Усть-Стрелки при соединении Шилки и Аргуни в 1.200 верстах; Усть-Стрелка от Сретенска в 260 верстах): и так каждую неделю раз между Сретенском и Благовещенском и раз между Благовещенском и Николаевском, т. е. один раз в месяц между Николаевском и Сретенском и обратно, так что "продолжение лета можно будет съездить три раза из Сретенска вниз по Амуру и обратно. Кажется, довольно удовлетворительное доказательство возможности плавания по Амуру, и неправда ли, что Завалишин лжет бесстыдно, утверждая про-

тивное? Наконец чего вам более? За провоз из Николаевска до Шилкинского завода брали в прошедшем году с пуда 2 р. 50 коп., в нынешнем году до Сретенска - 2 р. 50 коп., а на будущий год подряжаются за 2 р. Провоз от Сретенска до Читы стоит от 25 до 30 к., от Читы до Иркутска от 80 коп. до, 1 р. 20 коп., положим 1 р. Итак провоз от Николаевска до Иркутска будет стоить в будущем году около 3 р. 50 коп., положим 4р., (а кругом света американская компания берет *prix fixe* 1 р. сер. с пуда), в то время как из Нижне-Новгорода до Иркутска он стоит от 6 до 7 р. с пуда, т. е. почти вдвое. Вот вам и доказательство торговой пользы Амура для Сибири, так что сахар, за который мы платим здесь от 16 до 18 руб. пуд, а в Чите даже до 20 р., и который по вычислениям самого Завалишина должен стоить в Николаевске около 5 р., в действительности же продается там за 7 р., не будет стоить в Чите более 9 р., а в Иркутске более 11р.

Я говорю "будет стоить", а не стоит. Почему? Очень естественно: потому что торговля по Амуру, начавшаяся только с 1857 года, находится еще в руках немногих американских

и русских авантюристов, пользующихся совершенною монополиею и налагающих поэтому на все совершенно произвольные, невероятные цены. Амурская же компания, с первых шагов своих поведшая себя плутовато и глупо, ныне, не приступив собственно еще к делу, совершенно обанкротилась. К тому же должно заметить, что сибирские, равно как и русские купцы неисправимые рутинисты-староверы, не верующие в новые пути; они только и знают что свою кяхтинскую чайную торговлю, совершенно искусственную, несмотря на то, что по их собственному сознанию она каждый год падает и быстро приближается к своему концу.

Говорят, что в будущем году уже не один, а три американские парохода повезут иностранные товары до Сретенска, и нет сомнения, что освобожденные ныне от всякого стеснения и запрещения американцы вскоре овладеют плаванием и торговлею по Амуру. Но не в том дело. Американцами ли, русскими ли на Амуре Сибирь примкнула ныне к океану, перестала быть безвыходною пустынею, Сибирью. Мы чувствуем уж это влияние:

в Иркутске напр[имер] мы ближе к Европе, чем в Томске, Сибирь впервые осмыслилась Амуром. Не есть ли это великое дело, и кто может высчитать все его результаты? Нет сомнения, что Амур со временем оттянет Сибирь от России, даст ей независимость и самостоятельность. Этого сильно боятся в Петербурге, иные даже опасались серьезно, чтобы Муравьев не провозгласил независимость Сибири⁹. Но такая независимость, невозможная теперь, необходимая может в довольно близком будущем, - разве беда? Разве Россия может еще долго остаться насильственно, уродливо сплоченною, неуклюжею монархией, разве монархическая централизация не должна потеряться в славянской федерации?

Возможность, необходимость ввозной торговли иностранных товаров вверх по Амуру доказана уже фактами и не подлежит более сомнению. Что будем мы продавать американцам, на что будем менять их товары? Этот вопрос озадачивает многих, хотя ответ на него в высшей степени прост. Во-первых, мы должны торговать хлебом, скотом, салом, мясом, пенькою, кожами до тех пор, пока Амур-

ский край, в высшей степени плодородный, но еще мало населенный, не будет производить их а достаточном количестве для торговли. Во-вторых, Сибирь богата драгоценными минералами, а золото есть такой же товар, продукт сибирского труда, как и хлеб. Золота находится много в Енисейской губернии и с каждым годом более в Забайкальской области, богатой и торгующей уже и теперь, хотя еще и в мелких размерах, скотом, салом, кожами, солониною, а также хлебом и канатами. Но главное богатство ее (У Драгоманова напечатано "и", но это явная опечатка.) состоит в великолепных железных рудах, составлявших до сих пор исключительную собственность императорского кабинета, сидевшего на них как собака на сене, и только недавно благодаря Муравьеву, отъявленному врагу всякого казенного производства, открытых для частной промышленности. Теперь самое простое железо по цене своей недоступно, да и нет его почти совсем в продаже, - за самое плохое железо платится здесь по 6 р. за пуд, и нет сомнения, что, несмотря на всю российскую непредприимчивость,

несмотря на то, что золотопромышленность притягивает к себе большинство капиталов в Сибири, найдется скоро умный и дельный капиталист, который устроит в Иркутской губернии и в Забайкальской области железные заводы, - предприятие слишком выгодное и прочное, чтобы долго быть оставленным в стороне. Тогда одного железа будет достаточно для пополнения нашей вывозной торговли вниз по Амуру.

Сам вновь присоединенный Амурский край, в высшей степени плодородный, и еще более-прилегающий к нему Уссурийский край (между рекою У[с]сури, впадающею в Амур на западе, Тихим океаном на востоке и Коресю на юге), одаренный и роскошною почвою и благословенным, почти южным климатом, богатый одним словом всем, чего пожелает душа, должны сделаться не более .как через десяток-другой лет житницею Тихого океана. Хлеб родится там теперь нередко сам тридцать; везде следы богатых золотоносных песков, и если бы китайцы согласно условиям Айгунского трактата допустили бы вольную торговлю по реке Сунгари, то уже теперь сун-

гарского скота и хлеба было бы достаточно не только для продовольствия всего Амура, но и для внешней торговли. Теперь главным предметом торговли служит мех соболий, черно-бурых лисиц и другие, добываемые на среднем и южном побережьи Амура и на всем берегу Тихого океана от Николаевска до залива Петра Великого. Но еще важнейшим предметом должен сделаться с будущего года лес всякого рода, от дуба до лиственницы, мачтовой, строевой и дровяной; его потребуются в огромных количествах в Шаня-хай, Гонк-Конг (Шанхай, Гонконг) и в другие китайские порты, открытые для европейцев. Прибавьте к этому, что остров Сахалин, противоположащий в 60 верстах устью Амура, весь покрыт слоем лучшего каменного угля.

Вот вам в нескольких словах торговое значение Амура. Что бы сделали с этим благодатным краем американцы, если бы он попал им в руки! Но русский и еще более сибирский человек, несмотря на все похвалы, расточаемые ему квасными патриотами, беспомощен как ребенок. Полицейское всевмешательство, крепостное право и патриархальный деспотизм — вот что мешает развитию торговли и промышленности на Амуре.

тизм общины 10 убили, кажется, в нем всякий дух предприимчивости, всякую инициативу; он решительно требует, чтоб его тянули вперед, - сам, не идет. Говорить ли вам о политическом значении огромного вновь приобретенного края с благодатным климатом, благодатною почвою, окаймленного двумя великими судоходными реками и примыкающего к Тихому океану? Это-новая Сибирь, но благодатная, просвещенная, приморская. Благодаря Амуру славянское русское царство стало твердою ногою на Тихом океане, и союз с Соединенными штатами, доселе платонический, стал отныне действительный, что ясно выражается в настоящих отношениях и переговорах с Китаем. Благодаря Амуру мы можем теперь содержать огромный, действительный флот на Тихом океане взамен черноморских и балтийских игрушек. Англичане на деле опять нынешнею весною сильно добивались отнять у нас залив Петра Великого. Все дело теперь в населении прибрежий Амура, Ус-[с]ури и Тихого океана от Николаевска до Кореи. Оно идет медленно, медленнее без сомнения, чем у американцев, потому что у нас

нет ни их отваги, ни их умной, расчетливо-смелой предприимчивости, ни их свободы движения, а все-таки идет и с каждым годом будет быстро подвигаться вперед 11.

Но прежде чем коснусь этого предмета, расскажу вкратце историю приобретения Амура. Муравьев приехал с этою мыслью в Сибирь и еще до отъезда своего из Петербурга успел уговорить императора Николая снарядить морскую экспедицию вокруг света для отыскания устья Амура. Под предводительством капитана, ныне контр-адмирала Невельского 12 она открыла устье Амура в мае месяце 1849 года. В 1852 году по предписанию Муравьева Невельский заложил Николаевск. В 1849 году Муравьев ездил в Камчатку для ознакомления с краем, особенно же с берегами Тихого океана. В этом же году у него зародилась мысль об образовании Забайкальской области как точки отправления и опоры для завоевания Амура. В 1850 году началась борьба его против всего министерства за исключением Киселева (Павла Дмитриевича.) и Перовского¹³. Главными его противниками были Нессельрод¹⁴, Чернышев¹⁴ и Блудов¹⁵,

а за ними и все другие. Его публично называли государственным сумасшедшим, а все амурское предположение - гибельным предприятием. Образование Забайкальской области встретило сильное, страстное сопротивление, особенно когда он потребовал от императорского кабинета жертвы, а именно жертвы 40.000 крепостных крестьян кабинета. В борьбе со всеми министрами и видя стесненное положение наших финансов, Муравьев знал, что ему не дадут денег, и решился совершить огромное дело остаточными суммами от управления Восточной Сибири, с помощью Забайкальского края.

Не он завел казацкое сословие в этом крае, оно издавна существовало на границах Китая, преимущественно на берегах Онона (У Драгоманова напечатано "Аноны") и Аргуни, и простиралось уже до 60.000 душ обоего пола, когда он прибыл в Сибирь. Но ему нужны были рабочие руки на берегах Ингоды (У Драгоманова напечатано "Инады") и Шилки для сплавов вниз по Амуру. Тут жили преимущественно горные крестьяне в числе 40.000. А знаете, что такое горные крестьяне? Это-кре-

постные, в десять раз более разоренные, утесненные и несчастные, чем самые бедные помещичьи крепостные. Их теперь благодаря Муравьеву в Нерчинском округе более нет, но я ознакомился с их состоянием в Томской губернии, где их приписано более 130.000 к Алтайским горным заводам. Они платят подати и несут все прочие натуральные и денежные повинности, как и другие крестьяне; рекруты их поступают только не в солдаты, а на 25-летнюю каторжную работу в серебряных рудниках. Как крепостные императорского кабинета, которому принадлежат все заводы, "ни несут (У Драгоманова напечатано "носят".) барщину и какую еще барщину! Во всякое время, во время работ, в распутицу, они должны по приказанию, по чистому произволу горного начальства возить лес, дрова, уголь, руду за 100, за 200, иногда за 300 верст. Кроме того они обязаны продавать свой хлеб исключительно на заводы и по предписанию Чевкина 16, изданному в 1832 году, отнюдь не дороже 28 к[опеек] за пуд ржаной муки. Как крепостные они лишены всякой свободы и управляемы знаете кем? Местным горным ве-

домством, а знаете ли, что такое горное ведомство? Вы знаете, как бессовестны, алчны, вороваты русские инженеры, - ну вообразите себе российское потомственное инженерство, касту вроде поповской; вот вам и горное ведомство. За весьма редкими исключениями горные офицеры - дети горных же офицеров, потому что им предоставлено почти исключительное право воспитывать детей своих в горном корпусе, (которые поэтому всасывают в себя вороватость с кровью, с первыми впечатлениями детства, с корпусным воспитанием и являются на завод уже готовыми ворами. Жены и матери их - также дочери и сестры горных офицеров. Все горное ведомство составляет поэтому как будто одно дружное, тесно связанное семейство, основанное на систематическом воровстве. И вот оно-то управляет горнозаводскими крестьянами. Должно ли еще мне вам рассказывать, как хорошо жить на свете этим бедным крестьянам? Подробности о их прошлом житье-бытье в Нерчинском округе вы впрочем найдете в прилагаемой мною статье Антонова (полит [ического] преступника поляка Вебера) в "Иркутских

Ведомостях". Вот из этого-то положения вырвал их Муравьев, обратив их в казаков. Эта мера навлекла на себя преимущественно гнев Завалишина, не в начале, потому что, как я докажу впоследствии, пока он жил в ладах с Муравьевым, он был не только горячим поборником его действий, но даже сам незванный-непрошенный прикладывал нечистую и тяжелую руку к исполнению его предначертаний. Потом он на него рассердился и стал на него клеветать, и первым и главным предметом его литературных гонений сделалась система казачества и насильственного заселения Амура посредством казаков, - система колонизации, правда несообразная с чистыми началами экономической науки, но при тогдашних обстоятельствах необходимая. За неимением денег, за отсутствием всякой народной инициативы, за невозможностью инициативы народа обленившегося, опустившегося, связанного по рукам и по ногам, нужно было или прибегнуть к ней, или отказаться от Амура. Итак, скажут, 40.000 горных крестьян, весь Забайкальский край были принесены в жертву амурскому делу? А если бы и

так, что значит эта временная жертва в сравнении с огромностью добытых результатов? Но если мы докажем, что ни Забайкальский край, ни горные крестьяне не только что не потеряли, но существенно выиграли, быв пожертвованы таким образом в пользу великого предприятия, что ж останется из всей завалишинской аргументации?

Чего он не придумал для того, чтобы оправдать свое поддельное негодование и чтобы запугать воображение своих читателей! И сравнение с аракчеевскою системою и разорение всего Забайкальского края и голодную смерть несчастных переселенцев на Амуре и гибель всего амурского дела. "Амур стал язвою Сибири", - восклицает он торжественно, и глупая публика. ему поверила. А между тем Завалишин, так долго живший в Забайкальском крае, знает лучше всякого, что обращением 40.000 горнозаводских крестьян в казачье (У Драгоманова напечатано "казенное".) сословие Муравьев извлек их из худшего и несчастнейшего положения, какое русское воображение себе представить может, и что их настоящее в сравнении с недав-

ним прошедшим может быть названо царством небесным. Он знает, что кроме всех горно-заводских притеснений и разорений они были еще отданы горным начальством на окончательное высасывание несколькими купеческими домами, которые подобно жидам в Белоруссии опутали их долгами и держали (У Драгоманова напечатано "держат") их у себя в крепостной зависимости, и что первую муравьевскою мерою было гракховское освобождение их от этих неоплатных долгов и от мошенников заимодавцев-купцов. Он знает, что в забайкальском казачестве нет и тени применения аракчеевской системы, что никто не вмешивается в их домашнюю жизнь, и что дома они совершенно свободны, что они освобождены ныне от всех повинностей, что рекрутский набор на каторжную подземную работу в серебряных рудниках заменен обязательством каждого совершеннолетнего казака от 18 лет до 40-летнего возраста являться один год в три года в батальон на местную службу, а горно-заводская барщина заменена рубкою леса для барж, постройкою барж на Ингоде и на Шилке и сплавкою их вниз по

Амуру, причем они получали - правда небольшую - плату (20 коп. в день), но они и этого не получали, когда были горными крестьянами, а несли работу несравненно тяжчайшую (С нынешнего года, чего я не знал, отменена всякая принужденная работа, так что уже в прошедшую осень все работы производились наймом. (Примечание Бакунина.))

Прибавьте к этому то, что как горные крестьяне они и дети их обречены были на безнадежное, безвыходное рабство, в то время как со времени их обращения в казаков им всего предстояло 10 или много 15 лет, а теперь уже никак не более 5 лет принужденной работы (теперь уж ей положен конец), после чего кроме военной повинности они уже не будут нести никакой и вполне будут наслаждаться своим сравнительно с казенными крестьянами истинно-льготным положением, так что придется подумать и об уничтожении самого казачества, теперь еще необходимого, [а] вскоре совсем ненужного (На днях ушло представление в Петербург о преобразовании 12 батал. в батальонное казачье управление - первый шаг к прекращению казачье-

го ведомства. (Примечание Бакунина.)

Муравьеву было без сомнения приятнее населить с первого раза Амур вольными поселенцами, да где же их было взять? В старину лихие казаки без спроса и даже без ведома начальства сами открыли, овладели Амуром, построили на нем город Албазин. С тех пор русский народ, связанный впродолжение веков, потерял всякую инициативу, всякую способность к движению; уничтожение нынешнего крепостного и полицейского порядка без сомнения возвратит ему утраченную жизнь, но до тех пор ждать было невозможно и за недостатком народной инициативы должно было прибегнуть к правительственной. Для занятия Амура, для учреждения на нем постоянного сообщения, для окончательного его присвоения надо было прибегнуть к системе принужденной колонизации посредством казаков. По требованию Муравьева император Николай отдал 40.000 своих крестьян и утвердил образование Забайкальского края. От 1851 до 1854 года все время было употреблено на собрание известий об Амуре, на устройство нового края и на приготовления к Амур-

ской экспедиции, которая была наконец разрешена, несмотря на противодействие всего Петербурга, в 1854 году благодаря разрыву с Англией, раздражить которую появлением своим на Амуре мы пока боялись.

Итак 9 мая 1854 года состоялась первая экспедиция из 380 солдат и казаков вниз по Амуру под предводительством самого Муравьева. В Айгуне, китайской губернаторской резиденции, немного пониже нынешнего Благовещенска и где была сосредоточена далеко превосходная военная сила, его хотели задержать. но он продрался далее и через Николаевск, Татарский пролив и Охотское море отправил 380 человек в Камчатку довольно вовремя, чтобы отстоять ее против англичан, сам же в сентябре месяце отправился в Аян, а оттуда в Иркутск через Якутскую область вполнину на собаках, вполнину верхом. В 1855 году в конце апреля он предпринял вторую экспедицию вниз по Амуру уже с 5.000 войска, с угрозой пробился сквозь Айгун, и когда англичане явились в залив де-Кастри, они нашли его, по словам английского корреспондента "Times" - "herisse d'hommes et de canons"

(Газета "Таймс", "Ощетинившимся людьми и пушками"). В этом же году перевезено вниз по Амуру первое вольное население, занявшее оба берега Амура близ Николаевска. В 1856 году состоялся несчастный обратный поход 1.300 человек войска из Николаевска в Забайкалье, причем в самом деле от голода, холода и болезней погибло около 300 человек. Я знаю, этот факт был сильно раскритикован в "Колоколе", но, любезные друзья, где ж справедливость? И разве вы не знаете, сколько англичан погибло в Афганистане и северных американцев в военных экспедициях в западных равнинах и по Скалистым горам? Что ж касается до несправедливой награды главного виновника этой катастрофы, майора Облеухова 17, то это явная клевета, ибо он и теперь живет в полной немилости и горько жалуется на свою судьбу в Иркутске.

С 1857 года началась регулярная колонизация Амура казаками. Первые поселения были без сомнения невольные, это была необходимая жертва, принесенная амурскому делу, и жертва гораздо более в воображении, чем в действительности. Принимаются во-первых

всевозможные меры, чтобы переселенцы были доставлены целы и невредимы со всем имуществом на место своего назначения, и все предпринятые до сих пор переселения были за весьма редкими исключениями удачны. Без административных ошибок и сопряженных с ними частных страданий, при недостаточной степени образования, умения и добросовестности в русских исполнителях вообще, такое трудное дело, каково население нового, совершенно пустынного края, разумеется, обойтись не может; но этих ошибок в сравнении с тем, что происходит даже внутри России при переселении народа из одной губернии в другую, было очень, очень мало, и эти страдания никак уже не могут идти в уровень с тем, что переносили северо-американские колонисты, поселявшиеся на болотистых берегах Миссисипи и Арканзаса. Амурские казаки поселены на местах привольных, здоровых, изумительно плодородных. В доказательство здорового климата приведу только одно обстоятельство: относительная смертность на Амуре менее, чем в самом Забайкалье, менее, чем в Иркутской губернии. Прав-

да, что в первый год поселения некоторые места оказались не совсем здоровыми для скота, в иных падали кони, в других слепли бараны, в третьих телята родились без шерсти, но все эти странности, в которых известная сибирская и еще более известная забайкальская лень и распущенность принимали участие немалое, слава богу кончились с первым годом.

Скот скоро освоился с Амуром, а люди живут на нем припеваючи; да- иначе и быть не могло; обеспеченные полным двухгодовым содержанием, т. е. мукою, мясом, солью, крупою и спиртом, даже кирпичным чаем, без которого сибиряк жить не может, равно как и всеми необходимыми инструментами для земледелия и для постройки домов - все это выдает им казна безвозмездно, - они без всякой заботы о будущей зиме и даже о целом будущем годе могли в одно лето поставить себе дома и приготовить землю для пашни, так что на будущий год, еще вполне обеспеченный им правительством, они могли бы даже про довольствоваться сами себя, если бы не сибирская лень и не казачья беспечность. И

несмотря на эту лень и на эту беспечность, большая часть казачьих поселений производят уже так много хлеба, что могут уделить часть на торговлю. Прибавьте к тому, что все амурские казаки навсегда избавлены от всех податей и сборов и на два года со времени поселения и от всякой службы. Казаки для населения Амура назначаются по жребию; впрочем им предоставлено право поставить за себя охотников, что им обходится каждый год дешевле, ибо число охотников на Амур увеличивается с каждым годом, - опять доказательство, что на Амуре жить не худо. Таким образом от 1857 по 1861 год будет населено казаками на Амуре до 60, а на Ус[с]ури | до] 33 пунктов, всего 3.200 казачьих семейств, около 15.000 мужских и женских душ. В 1861 году отправится последняя казачья колония, состоящая из 600 семейств и 3.000 душ. Тем окончится для забайкальских казаков жертва людьми, жертва, которая оказывается уже на второй год благоденствием для новых поселенцев.

Теперь остановимся на минуту и посмотрим, что сделал Муравьев от 1854 года, со вре-

мени первой экспедиции на Амур, до 1859 года включительно. Он сделал лично две экспедиции, благодаря которым он мог отстоять Камчатку и залив де-Кастри против англичан. Я позабыл сказать, что в 1855 году, когда флотилии графа Путятина¹⁸ удалось скрыться в устье Амура от преследования англичан и французов, блокировавших и устье Амура и весь Татарский залив, Муравьев, которому было необходимо вернуться в Иркутск, успел со счастьем, ознаменовавшим большую часть его предприятий, пробраться на зафрахтованном американском судне сквозь весь английский флот благодаря туманам и своей истинно геройской смелости в Аян, а оттуда, равно как и в первый раз, возвратился в Иркутск через Якутскую область верхом, на собаках, на оленях и только последние 1.500 верст в возке.

С тех пор он почти каждый год предпринимал поездки на Амур. В 1857 году провожал вниз по Амуру графа Путятина, в 1858 заключил Айгунский трактат, в силу которого Китай уступает нам весь левый берег Амура, оставляя себе правый берег до впадения в

Амур реки Уссури, правый же берег Амура от Уссури до Тихого океана оставляет в неопределенности до будущего разграничения, что мы растолковали так, что фактически заняли весь Уссурийский край, целое царство и благодатное царство, - от Амура на севере до Кореи на юге. В 1859 году Муравьев отправился из Николаевска в Печелийский залив, а оттуда в Японию, с которою у него идут переговоры об острове Сахалине, южную часть которого гр. Путятин трактатом, заключенным с ними в 1857 году, уступил им без всякой надобности, даже без всякого требования с их стороны. Переговоры опять окончились фактом, т. е. занятием всего Сахалина двумя или тремя ротами.

Вот вам, милые друзья, самые верные подробности об амурском деле. И когда подумаешь, что такое громадное дело, каково присвоение огромного края и первое население каких-нибудь 4.000 верст, совершенное впродолжение 6 лет от 1854 по 1859 год включительно, - население степей и лесов, чрезвычайно богатых в возможности, но в действительности еще совершенно пустынных, адми-

нистрация вновь приобретенного края, его продовольствие, все дипломатические и чрезвычайные издержки, постройка барж, сооружение и содержание пароходов, все сплавы, военные экспедиции, не исключая даже защиты наших берегов на Тихом океане против англичан и французов, - когда подумаешь, что на все это издержано до 1859 года включительно не более 540.000 р. сер., взятых даже не у министра финансов, а из экономических сумм управления Восточной Сибирью, тогда, неправда ли, друзья, скажешь невольно, что другого такого примера нет, по крайней мере в нашей истории. Не уменьшая славы Барятинского, покорителя Кавказа 19, знаете ли, сколько употреблено им денег от 1856 года, со времени его назначения до 1859 года включительно, денег, взятых прямо из государственного казначейства? Около 28 миллионов рублей сер. Сравните и произнесите свой суд.

Но, говорит Завалишин, "не казна, а Забайкальский край поплатился за Амур, он разорен, он погибает". Но это уверение, ни на чем не основанное, странно противоречит факту

всем известному, кто только был в Забайкалье, а именно значительному умножению производимого хлеба, скота и привозимых в Забайкалье потребляемых товаров. Прежде некуда было девать хлеба, а теперь он в огромных количествах покупается казною для Амура; прежде руки оставались без работы, а теперь в летнее рабочее время плохой работник может заработать рубль сер. и более в день. Прежде продуктов было довольно, но денег не было совсем в Забайкалье, а теперь в нем обращаются ежегодно значительные суммы, так что вы найдете деньги в каждой деревне. Кроме продовольствия Амура в Забайкалье ежегодно закупается снабжение всех судов в Тихом океане. Прежде забайкальские женщины ходили в грубом полотне, а теперь одеваются нередко по-немецки ситцевыми и шелковыми материями. Прежде Забайкалье по откупу считалось самою бедною областью, а теперь оно стало выше Иркутской губернии, - верный признак, что народ богатеет, потому что к несчастью во всем русском царстве, где только существует откупная система, все лишние и даже не лишние деньги

народа идут в кабаки. Нет сомнения, что Забайкалье принесло жертвы Амуру, но эти жертвы не истощили, а только расшевелили его и будут возвращены ему с лихвою в самое скорое время. Теперь уже оживляется оно каждое лето все возрастающим движением на Амур и обратно, с каждым годом появляются вновь фабрики и заводы мясосольные, мыльные, свечные, кожевенные, стеклянные, о которых прежде не было и в помине, и скоро придет время, когда в голодные годы, периодически возвращающиеся в Забайкальском крае через несколько лет вследствие засухи, он будет получать на (По-видимому в оригинале вместо "на" стоит какое-то другое слово ("я" или "все").) свое хлебное продовольствие с Амура.

Теперь скажу несколько слов о предположениях Муравьева касательно окончательного заселения Амура. Какие-нибудь 8 - 10 тысяч казаков не могут его наполнить, и устройство казачьих станиц не могло иметь другой цели как необходимое очищение места и дороги для будущего серьезного населения. В 1858 году Муравьев подал проект заселения Амура,

основанный на следующих началах: во-первых, на Амур вызывались люди всех сословий, преимущественно же крестьяне казенные, удельные или помещичьи с тем условием, что лишь только кто из них объявит желание переселиться на Амур, он немедленно освобождается от всех обязательств и повинностей и становится вполне свободным человеком. Переселяться он должен на свой собственный счет (на путь ссуда из особых капиталов и хлебных магазинов); на Амуре ему дается земля на 20 лет в полное владение с освобождением его на это время от всяких сборов, служб и повинностей. Целые общины получают землю в вечное владение, но не в собственность, право которой исключительно предоставлено государству. Когда Муравьев писал свой проект, он был еще (У Драгоманом напечатано "ему".) решительным врагом собственности и говорил: "Je ne suis pas encore certain que la propriete ne soit un vol" ("Я еще не уверился в том, что собственность не кража"). В этом году он уступил явной необходимости и скрепя сердце согласился на признание прав собственности на Амуре, предостав-

для каждому покупать сколько ему будет угодно земли по 10 руб. сер. за десятину; лицам же или общинам, которые захотят пользоваться землею на правах владения, предоставить ее на 20 лет, с тем, чтобы по прошествии оных они бы сохранили право первых покупателей, причем в первые 20 лет поселенцы освобождаются от всяких повинностей.

Не знаю, какова будет судьба этого проекта, но первый был отвергнут в Сибирском комитете, и первым его противником был министр государственных и удельных крестьян Муравьев вешающий²⁰. Взамен его, согласившись с министром финансов, [он] предложил следующее: государство ежегодно жертвует 100.000 р[ублей], на которые около 300 семейств из крестьян [ведомства] государст[венных] имуществ будут ежегодно переселяться на Амур не по собственному желанию, а по назначению министра. Многие крестьянские общины в разных губерниях вызывались охотно к переселению, но получили от министра отказ, равно как 1.000 менонитских семей из Саратовской губернии, которые

В 1859 году посылали уж депутатов на Амур с поручением осмотреть и выбрать землю. Только сибирским крестьянам предоставлено право вольного переселения, но сибирским крестьянам и в Сибири привольно. Так называемые вольные переселения государственных крестьян, назначаемых министром, начались только с нынешнего года; их переселено в лето 230 семей, около 1.600 душ. Кроме того, высочайше назначены для переселения в Восточную Сибирь 12.000 штрафных солдат с женами и без оных, из которых прибыло по сие время в Восточную Сибирь 8.000 человек; поселены в Байкальской области 6.000 взамен отбывших казаков и до 2.000 на Амуре. Прибавьте к этому около 900 человек каторжных, освобожденных Муравьевым из разных казенных заводов, и вы будете иметь приблизительно верный счет нынешнего амурского и уссурийского населения: без регулярных войск около а с ними около душ (Пропуски в подлиннике. (Примечание М. Драгоманова.)).

Замечательно, что штрафные ведут себя отличным образом на Амуре, что в станицах,

между которыми они распределены. нет ни большого воровства, ни грабежа, ни разбоя,-доказательство, что их никто не притесняет, что им жить привольно и хорошо; доброе их поведение должно также отчасти приписать совершенному отсутствию кабаков на Амуре, откуда по высочайше утвержденному предложению Муравьева откуп исключен на вечные времена. Правда, что амурские жители, а именно соседние к манджурским деревням напиваются нередко манджурскою водкою, но не в водке главная сила, а в кабаках, которые систематически развивают пьянство в народе. По этому случаю, для того чтобы еще лучше выяснить вам направление Муравьева, посылаю вам статью об откупе, перепечатанную в 1859 году "Русским Вестником" из "Иркутских Ведомостей", статью, написанную политическим преступником Спешневым под диктовку Муравьева по следующему случаю: Бенардаки, держащий откуп всей Восточной Сибири, попытался было распространить его и на Амур, но обжегся и как громом был поражен печатным словом Муравьева. А должно вам сказать, что редко [кто] так хоро-

шо, ясно, сжато и энергически пишет, как он. Его слог - [слог] человека действующего, а не литератора.

В предположениях Муравьева главной заманкой на Амур будет свобода, особенно же религиозная свобода. Муравьев, натура революционная, как диктатор может жертвовать иногда частным благом и даже частною волею для общего блага и для общей свободы. Но он - и по инстинкту и по убеждению отъявленный враг всякого притеснения; il a la religion de l'humanite, du mouvement historique des peuples, une religion a laquelle pour votre part vous avez; rononct comme a toutes les autres, mais il n'en a pas d'autre-il est plutot athee que chretien, et il professe et il exige en fait de religions et d'opinions une tolerance alsolue ("Он исповедует религию человечества, исторического движения Народов, религию, которую вы с своей стороны отвергли, как и все прочие, но другой у него нет, он скорее атеист, чем христианин, и в области религий и мнений он держится и требует неограниченной терпимости".).

Вследствие этого он - первый друг и покров-

витель раскольников, против всех поповских и земских притеснений и надеется, что полная свобода верований на Амуре притянет туда много раскольников, а раскольники - самый полезный, деятельный и богатый народ в Сибири.

Этим покончу свою болтовню об Амуре. Для пополнения сведений прилагаю статью Антонова (полит[ического] преступ[ника] поляка Вебера) в "Иркутских Ведомостях", весьма дельную, составленную с большим знанием дела, хотя и плохо написанную; да еще статью Карпова (в газете "Амур" 21), написанную слишком ругательно, но, тем не менее, интересную для характеристики Завалишина: и наконец печатные сведения о движении пароходства и торговли на Амуре за нынешний год, причем замечу, что Муравьев, безусловный поборник торговой, как и всякой другой свободы, всеми силами поощрял начинания американцев и вообще иностранцев на Амуре, что сильно не нравится сибирскому купечеству. Прилагаю вам также в подарок карту вновь приобретенного края.

2-ю заслугою Муравьева должно при-

знать его обращение с декабристами и вообще с политическими преступниками, поляками и русскими. Должно отдать справедливость Сибири: при всех недостатках, укоренившихся в ней от постоянного наплыва разных часто весьма нечистых элементов, как то бесчестья, эгоизма, скрытности, взаимного недоверия, она отличается какою-то особенною широтою сердца и мысли, истинным великодушием в отношении к политическим и даже ко всем преступникам. В сибиряке нет предрассудков, он не грешит ни чрезмерным любопытством, ни излишнею деликатностью, ни злопамятством, и от всякого сосланного, что бы он ни сделал в России, зависит честным и главное умным поведением поставить себя на почетную ногу. Сибиряки, народ умный, дураков не терпят и прощают скорее подлость, чем глупость. Подлостью, злостью и какою бы то ни было нравственною мерзостью сибиряка не удивишь, он так много видал их в своей жизни. Но политические преступники еще с давних времен, я думаю со времен Меншикова и Миниха 22, пользуются особым почетом в Сибири. Немало к тому

способствовало в последнее время благородное влияние декабристов, так высоко себя поставивших в Сибири, равно как и не менее благородное влияние польских политических преступников, еще в гораздо большем количестве разбросанных по сибирским пустыням.

Такое общее расположение сибиряков к политическим и государственным преступникам не могло остаться без влияния и на начальство. Случались, правда, довольно часто разные официальные мерзости, - ведь русское начальство, еще более вороватое в Сибири, чем в самой России, не может же изменить своему коренному характеру, - но вообще должно оказать, что редко когда соблюдаются во всей строгости предписания драконо-русского закона в отношении к политическим ссыльным и каторжным. Более всего страдали они от произвола, капризов, привязок местных начальников. Нередко произвол этот доходил до оскорбления и до жестокости. Так напр[имер] какой-то плац-майор омской крепости, которого я позабыл фамилию и который судится еще до сих пор в Тобольске, по-

ступал самым оскорбительным и жестоким образом с поляками, содержащимися там на работах, - бил их палками и заставлял при страшных морозах чистить нужники. Не знаю я таких примеров в Восточной Сибири, но случались и здесь очень нехорошие вещи. Главная заслуга Муравьева состоит, во-первых, в том, что он поставил политических преступников в совершенную независимость от каких бы то ни было начальников, так что было опасным не только обидеть, но даже поспорить с политическим преступником. Муравьев по принципу и по расчету брал почти всегда сторону последнего, что в частности могло иногда оказаться неудобным, несправедливым, в целом же для достижения его цели, а именно для возвышения положения политических преступников в Сибири, было необходимо. Он не пропустил ни одного случая, чтобы поднять их в общественном мнении; им, полякам и русским, особенно же декабристам, он расточал постоянно самое деликатное внимание, все любезности свои, и все признаки глубочайшего уважения. И это в 1848 году, при Николае, когда николаевская

свирепая исступленность доходила до последних границ. Мало того, что он значительно облегчил участь каждого, исполнял, сколько было возможно и даже когда было невозможно, желание каждого, в противность строжайшим предписаниям позволял им жить, где хотели, ходить, куда хотели, в Восточной Сибири, и заниматься, чем хотели, - он их приблизил к себе, стал принимать их у себя как самых почетных гостей, посещать их как самых близких друзей.

Послушайте, что говорит масса поляков, воротившихся недавно из Восточной Сибири на родину благодаря его же широкому, возможному и невозможному применению кривой и хромой, истиннонемецкой императорской амнистии. Они единогласно благословляют его и говорят, что он помирил их и с русскими и с фамилиею Муравьева. Спросите у живых декабристов кроме Завалишина и Раевского 23. Все были и остаются друзьями, приверженцами, почитателями Муравьева.

Кстати поговорим о политических преступниках - врагах Муравьева: о Завалишине, Раевском, Петрашевском и Львове; других я

не знаю, разве присоединить к ним полуполитического жидка Розенталя 24, и то только потому, что он также, как Петрашевский и Завалишин, пишет читанные нами здесь доносы в 3-е Отделение, а может быть, бог вас знает, корреспондирует и с "Колоколом". A tout seigneur tout honneur ("По заслугам и честь") начну с Завалишина.

Когда меня отправляли из Шлиссельбургской крепости в Западную Сибирь в 1857 году, я прожил почти неделю в 3-м Отделении (Всего 3 дня: с 5 по 8 марта 1857 года.). Туда приходил ко мне всякий день брат Алексей, приехавший нарочно и живший в доме наших семейных друзей у Пуциных (У Драгоманова опечатка; сказано: "Куциных"). Тут он познакомился и сблизился с только что возвратившимся из Сибири декабристом И. И. Пуциным 25. Иван Иванович послал мне через брата свое благословение и между другими местными рекомендациями заповедывал мне не знакомиться с Дмитрием Завалишиным ни с братом его 26: второй- отъявленный доносчик даже на брата, а первый-также доносчик, только действующий более искусно и тайно,

повредивший всем много своими двусмысленными речами при допросах и бывший потом в Петровском замке, равно как и все время поселения в Сибири, язвою для всех декабристов. То же самое повторили мне в Сибири Басаргин, Фаленберг, По[д]жио, Бесчастный, М. А. Бестужев и Кюхельбекер 27. То же самое услышал я от большинства и от лучших поляков, знавших Завалишина за Байкалом. Все единогласно описывали его как человека желчно-самолюбивого, завистливого, злого, не останавливающегося для достижения своекорыстных или самолюбивых целей ни перед ложью, ни перед клеветой. От декабристов в Иркутске я узнал следующий любезный факт: в Петровском замке 28 он был в самом деле язвою для товарищей. Вы знаете, как дружно и свято жили там декабристы. Это была, может быть, самая лучшая эпоха их жизни, эпоха, в которой, очищенные страданием, чувством великой ответственности, взятой ими на себя перед целой Россией, они, может быть, впервые возвысились до нравственного сознания своего подвига. Потом, по выпуске их из Петровского замка, обыденная россий-

ская пошлость взяла свое, разъединенная жизнь без дела и без цели в пошлой обстановке, мелкие нужды, мелкие страсти спустили многих далеко ниже Петровского диапазона. На этой высоте немногие вполне удержались, но в Петровском замке все были равно велики и святы, все были равны: и умные и глупые, и образованные и невежи, и бедные и богатые. Они братски друг с другом делились всем; и мысли и чувства и материальные средства - все было общее между ними. В этой святой дружной семье завелась одна паршивая овца: Дмитрий Иринархович Завалишин. Он всем завидовал и всех равно ненавидел. Он сплетничал, наговаривал и старался ссорить их между собою. Он доносил, клеветал на всех доброму коменданту Лепарскому 29, и за то, что покойник его не слушал, он до сих пор его ненавидит. Я сам слышал, с каким презрением он о нем отзывается и как ругает благородного старика, память которого благословляется всеми декабристами. Наконец злость Завалишина доходила иногда до того, что, не зная чем отомстить досадившему ему товарищу, он зимою в 30 и более градусов мо-

роза выбивал у него метко брошенным камешком стекла, что становилось тем более чувствительным, что не только в Петровском замке, но даже в самом Иркутске часто бывает трудно, а иногда и просто невозможно заменить разбитое стекло, так что наказанный должен был замазываться от мороза бумагою.

В июне 1859 года я лично познакомился с Завалишиным в Чите. Вообразите себе небольшого, сухенького, черненького необыкновенно подвижного старичка, замечательным образом сохранившегося, еще одаренного редкою, всеобнимающею, памятью и красноречием замечательным. Он говорит или, лучше сказать, кричит без умолку и всегда один, - терпеть не может, когда говорят другие. Голос его, визгливый и пронзительный, оглушит самое крепкое ухо. Он много читал, много заметил в жизни, читает и работает много теперь, несмотря на свои 60 или 65 лет, и умеет, кстати, припомнить прочитанное. Ум у него, от природы быстрый, находчивый, гибкий, теперь уж значительно постарел и как будто окаменел, он как будто весь истоцился, беспрестанно повторяет себя и те-

рывается в стереотипных фразах и изречениях; начинает забалтываться и теряться в мелочах как старая баба.

Через год или два и следа его не останется. Две страсти поддерживают и оживляют теперь его дряхлеющую старость: гигантское самолюбие, доходящее часто до ребячества, и в самом деле непомерная злость. Теперь вся эта злость обратилась против Муравьева. Отнимите вы у него ненависть к Муравьеву, и он умрет завтра же. Когда же расходится его самолюбие, то право слушаешь его с удивлением: он первый внушил Муравьеву мысль о присвоении Амура и научил его, как приступить к делу; пока Муравьев его слушал, все шло отлично; и все испортилось с тех пор, как он стал действовать наперекор ему. Не англичане и не французы, он первый возымел мысль об электрическом телеграфе.

Он, Завалишин, один был душою, силою, мыслью декабрьского заговора, все же остальные были или честолюбцы без совести, без таланта, без воли, или дети, или просто невежи и дураки. Пестель 30 был умный честолюбец, без способности к действию, просто трус; Му-

Муравьев-Апостол 31-человек энергический, но без головы; Рылеев 32- поэт-фантазер без твердости и без смысла. Но это еще ничего, к повешенным декабристам он, как видите, еще довольно милостив и все негодование и презрение свое преимущественно расточает товарищам петровского заключения. В этом отношении он сходится, как и во многих других, с Владимиром Федосеевичем Раевским, который в отместку того, что декабристы рекомендовали его Муравьеву как нечистого человека, не иначе называет их как "вифлеемскими побиенными младенцами". Года два или три тому назад Раевский и Завалишин были еще врагами, теперь благодаря общей ненависти к Муравьеву они стали друзьями.

Но откуда же эта непримиримая, до сумасшествия доходящая ненависть Завалишина к Муравьеву? Он был жестоко оскорблен им и в самолюбии и в кармане, а то и другое в нем равно чувствительно. Факты, которые я изложу вам теперь, разведаны мною на месте из самых верных источников, и я ручаюсь вам за них честным словом. Муравьев в первый раз посетил Читту в 1848 году; она была еще

тогда простым горнозаводским селом, в ней был поселен Завалишин. Муравьев обошелся с ним с тем симпатическим уважением, какое он оказывал всем декабристам, нашел в нем человека умного и способного, тем более для него интересного, что Завалишин знал хорошо Забайкальский край, столь важный для его амурского предприятия, и кроме того как морской офицер сделал в первой половине двадцатых годов под командою Крузенштерна 33 кругосветное путешествие, плывал по Тихому океану и написал даже проект о присоединении Калифорнии к России. Муравьев не любит секретничать, он не важничает и не тешится игрою в государственные тайны. Весь занятый амурским предприятием, он передал свои предположения Завалишину. Дмитрий Иринархович ухватился за них с жаром, потому что увидел в них средство себя возвысить и сделать себя если не необходимым, [то] по крайней мере нужным человеком. Муравьев, всегда готовый учиться, слушал его замечания, основанные на знании края, с интересом. Итак, Муравьев и Завалишин были друг другом довольны; все

шло ладно.

В 1851 году было приступлено к образованию Забайкальского края, и губернатором новой области был назначен генерал Запольский, человек николаевских времен, не лишенный ума и практических способностей, но еще более хитрый, чем умный, с широкою и весьма эластичною совестью, всегда готовою к услугам генеральского честолюбия. Приехав в Сибирь, он увидел, как Муравьев отличил декабристов; в Чите он заметил простые доверчивые отношения, существовавшие между Завалишиным и генерал-губернатором. Этого было достаточно, чтоб ограниченный, но ловкий генерал, по природе, привычкам, понятиям своим более способный гнать и давить, чем уважать декабристов, этого было вполне достаточно, чтобы он из николаевской собаки превратился в отчаянного либерала и сделался не только покровителем, но и страстным поклонником Завалишина. А Дмитрий Иринархович-человек не глупый; он сразу заметил главный недостаток новоприезжего губернатора, недостаток общий почти всем русским генералам: глупую над-

менность, самодовольствие и дикое мелкое тщеславие. В то время как Запольский искал его дружбы, он стал бессовестно подличать, увиваться перед Запольским, стал громко восхищаться его умом, гуманностью, талантами. Для николаевского генерала положение совершенно новое и не лишённое прелести: не теряя ни одной кисточки из густых эпюлет, быть вместе и предметом восторга для декабриста. Они должны были сблизиться и сблизились. Завалишин довел свою угодливость до того, что *cum amore* ("С любовью", "охотно". Кстати у Драгоманова это выражение пишется то "*cum amore*" (по-латински), то "*con amore*" (по-итальянски).) сделался лейб-медиком, собеседником, другом, лейб-полицмейстером губернатора,, его неразлучным лицом; он по праздникам в церкви расталкивал перед ним православный народ и собственноручно подстилает коврик под драгоценные превосходительские ножки. Ну, как не любить такого человека? И человек опасный, либерал, Брут в некотором смысле, а вместе и так почтителен и даже услужлив: сам подстиляет коврики. Столько преданности не могло остаться без

вознаграждения: Завалишин сделался всемогущим в Чите, без него ничего не предпринималось и не делалось; он раздавал льготы, места, милость и гнев губернатора, и раздавал их не даром, а за деньги, это положительно справедливо.

В это время производилось преобразование Забайкальского края в видах присвоения Амура, преобразование по необходимости быстрое, решительное, поэтому не всегда согласное с частными выгодами и даже с частною справедливостью. Жертва частных интересов в пользу общего дела, в этом случае действительно необходимая, была естественным образом сопряжена со многими неудобствами, смягчить и сгладить которые могла только гуманность исполнителей. Но исполнителем был здесь задорный, желчный, злопамятный и мстительный Завалишин, тогда не враг казачьей системы, но страстный приверженец и сотрудник *Сum amore* ("С любовью", "охотно". Кстати у Драгоманова это выражение пишется то "*sum amore*" (по-латински), то "*con amore*" (по-итальянски).) обращения горнозаводских крестьян в казачье ве-

домство, а горнозаводского села Читы в столицу всего Забайкалья, Выбор Читы исключительно принадлежит Завалишину, он сам мне в лицо этим хвастался, и по моему мнению самый несчастный выбор, в чем начинает теперь сознаваться вполнину и сам Муравьев, утвердивший его тогда по нерасположению к горнозаводскому городу Нерчинску. Сретенск сделается без сомнения в непродолжительное время естественною столицею Забайкалья как пункт, где прекращается серьезное пароходство на Шилке, поэтому соединяющий Амур с Забайкальем, Чита же как искусственный город держится теперь сосредоточенною в ней администрацией и вряд ли возживет когда собственными средствами. Нужно было, - но нужно ли в самом деле, право не знаю и до сих пор в этом сильно сомневаюсь, - нужно было выгнать из нового губернского города новых казаков, заставить их продать дома, движимые имущества, привлечь в него мещан предоставлением им разных льгот. Все это дело сосредоточилось в руках Завалишина и было поведено самым скверным, несправедливым, жестоким обра-

зом. Декабрист Завалишин заважничался и зазнался как самый пошлый русский начальник. Alter ego ("Второй я", "двойник", "наперсник".), друг губернатора, доверенный его задушевных мыслей, он заставил дрожать перед собою всех жителей Читы от чиновников до последнего казака, и горе тем, которые его обидели в бывшие времена, когда он был еще беспомощным поселенцем, горе тем, которые теперь не преклонялись перед его могуществом. Перед ним, полицмейстером Соп амоге (По охоте, добровольный.), настоящий полицмейстер не смел надеть шапки, а одного артиллер[ийского] солдата, которого я видел в Чите, высекли по приказанию Запольского единственно только за то, что он не снял шапки перед Завалишиным. В Париже как-то Анненков (Павел Васильевич.) меня уверял, что подкупность и взяточничество заменяют в России конституцию, что без них было бы невозможно жить в России; в этом смысле и Завалишин был конституционным монархом: старые и новые грехи против него выкупались деньгами. В это время процветали его домашние интересы, но зато все Забайкалье

"завыло, и гул жалоб достиг наконец до слуха Муравьева.

Николай Николаевич долго не принимал их, он не хотел верить, чтобы декабрист, и к тому же из умных, мог поступать таким образом. Наконец он должен был убедиться и, не желая явным образом признавать вины декабриста, не желая гнать его из места, в котором у него был выстроен дом, обзаведено разнородное хозяйство, и где жило его семейство (Завалишин женился в Чите), он решил устранить Запольского, подавшего вследствие того в отставку в 1855 году. А Завалишину было объявлено под рукою через товарищей-декабристов, впрочем прямо от имени Муравьева, чтоб он не шевелился и не смел отныне принимать ни малейшего прямого или косвенного участия в делах.

В 1856 году Михаил Семенович Корсаков³⁴, двоюродный брат и в настоящем смысле этого слова ученик, воспитанник Муравьева, ныне назначенный ему наследовать во всей Восточной Сибири, молодой человек, умный, деятельный, благородный, хотя и далеко не такой орел, как Муравьев, вступив в должность

областного губернатора и атамана забайкальских казаков, приехал в Читу. В это время бежал от Завалишина казак, произвольно отданный ему в услужение генералом Запольским. Завалишин-нестерпимый деспот в семье; покойная жена его, рассказывают, умерла от страха, им наведенного, а сестры ее и вся прислуга их дрожат от одного голоса Завалишина. Таким образом, дрожал невольно впродолжение двух лет и несчастный казак, чуть не отданный в крепостное состояние. Лишь только Запольский был удален, казак бежал от Завалишина, и первая бумага, полученная Корсаковым на новом месте, содержала в себе жалобу Завалишина на казака, отданного ему в услужение Запольским, - так говорил политический преступник, бесправный поселенец, либерал Завалишин, - и требование, чтобы его к нему насильно возвратили. Разумеется, что его не послушали, и казак в угоду Завалишину не был лишен свободы. Я сам читал эту просьбу Завалишина, хранящуюся под No - ром в общем областном управлении.

Теперь понимаете вы, почему Завалишин

ненавидит, этого мало, шипит злостью против Муравьева? Он был возвращен им в ничтожество. Но между тем не думайте, чтобы он с тех пор терпел какие-нибудь преследования. Еще раз повторяю, Муравьев благороден как рыцарь; личная месть-не в его характере, тем менее еще мелочная месть против беспомощного, хотя и злого старика. После появления его ядовитых статей в "Морском Сборнике" Корсаков отказал ему только от дома; он свободно двигает, обделывает свои дела и громко кричит в Чите, ругая Корсакова и Муравьева, имеет даже там свою партию отчасти из недовольных гениев-недоростков, отчасти из увлеченных молодых людей, и даже до сих пор в противность порядку, справедливости и законам продолжает пользоваться льготой, данною ему Запольским: один не вносит за свой дом военно-постоянной повинности. По моему мнению, такое неправильное снисхождение есть уже слабость, я заставил бы его покориться общему закону. Разумеется, он накричался бы, но мне до этого не было бы дела. Одним словом, кто хочет узнать Завалишина, пусть поговорит с читин-

скими мещанами или пусть отправится за 30 верст в станицу Атаманову, куда были насильственно переселены читинские казаки. Там кроме проклятий его имени он ничего более не услышит: так умел дать им знать себя декабрист, демократ, либерал Завалишин.

Наконец для окончания его портрета прибавлю последнюю черту: он, равно как и Петрашевский и Розенталь, находится теперь под специальным покровительством 3-го Отделения, которому по словам самих князя Долгорукова и Тимашева 35 он еженедельно пишет доносы на всё и на всех. Я сам читал один такой донос, писанный рукою и подписанный именем Завалишина, - разумеется самый невинный, присланный из 3-го отделения в Иркутск Муравьеву: в нем Завалишин жалуется, что высшее начальство пыталось поджечь его дом в Чите 36. Больше не прибавлю ни слова, перехожу к товарищу его по уму и по злобе к Муравьеву, Раевскому.

Вы, вероятно, знаете, что он был взят год или два перед декабрьскою историей и после годового или двухгодового содержания в крепости был осужден на вечное поселение в Си-

бири вне всякого соприкосновения с декабристами, так что декабристы даже до сих пор не хотят признавать его своим в противность Муравьеву, утверждающему, что он принимал деятельное участие в заговоре. Как бы то ни было, Муравьев нашел его в полном раздоре со всеми декабристами и тщетно старался их примирить. Они называли его просто-напросто подлецом, а он их - "невинными" (Т. е. вифлеемские младенцы.). Раевский - очень, очень умный человек и в противность Завалишину он - не педант-теоретик-догматик, нет, он одарен одним из тех бойких и метких русских умов, которые прямо бьют в сердце предмета и называют вещи по имени. Он - с ног до головы практик, русский делец, счастливый во время оно, слишком счастливый в игре, теперь нашедший золотое дно в откупных делах, человек, в жизни много видевший, много испытывавший, много намотавший на ус, никогда, нигде не пропадающий, ничем не стесняющийся и везде умеющий отыскать свою пользу. Он - циник по душе, в сущности ничем не увлекающийся, но разговор его, остроумный, блестящий, едкий, в высшей степе-

ни увлекателен. Завалишин постарел, он - нет, его и теперь заслушаться можно.

Когда ж о вольности святой он говорит,

Каким-то демоном внушаем:

Глаза в крови, лицо горит,

Сам плачет, и мы все рыдаем.

Разговор его, как человека умного, наблюдательного, вертевшегося в высших и низших кружках, полон чрезвычайно интересных подробностей, обнимающих интересное время от 1812 по 1824 или [18] 23 год. К тому же он досконально знает Сибирь, сибирскую торговлю, промыслы, отношения, сибирское крестьянство, мещанство, купечество и чиновничество: это - самая живая и умная статистика Сибири. Такой человек, к тому же ловкий, умеющий подделаться под всякий тон, должен был привлечь на себя внимание Муравьева, который приблизил его к себе наперекор всем декабристам. К тому же в Раевском есть черта, резко отделяющая его от последних и весьма симпатичная для Муравьева: Раевский-по существу своему, как истый русский человек, с ног до головы демократ, демократ правда школы цинической, но все-

таки демократ, если не по сердцу, исключительно принадлежащему к его-кратической (Себялюбивой.) партии, зато по уму, дельному, здоровому, не допускающему ни фикций, ни жалких примирений, совершенно русскому уму. По всему образу мыслей он - демократ и социалист quand même (Несмотря ни на что.), хотя в жизни, смотря по надобности и удобствам, он готов действовать и по всем другим направлениям. Того же нельзя сказать о большинстве декабристов: за весьма редкими исключениями они были и есть либералы, так что при всем признании превосходства Пестеля они до сих пор невольно косятся на него как на пророка русской и даже славянской демократии. Мало из них перешло за границу барского либерализма и русского патриотизма. В тысячу раз благороднее, чище, симпатичнее Раевского, большинство живших в Иркутске декабристов далеко отстали от него умом, дельностью мыслей, принадлежа инстинктивно к школе, которая почти исключительно преобладает ныне в русских журналах. Муравьев - страстный враг английской системы, парламентаризма, кон-

ституционализма, мысль о петербургской палате лордов его пугает, ему спать не дает: он - страстный, непримиримый, решительный демократ. Вот что особенно сблизило его с Раевским.

И должно признаться, что впродолжение многих лет Раевский имел нехорошее влияние на Муравьева, заставил его сделать много несправедливостей и ошибок. Когда Муравьев приехал генерал-губернатором в Восточную Сибирь, ему было всего только 39 лет. В России при бедности и медленности нашей жизни, теряющейся у лучших людей большею частью в теории, в эти лета человек еще очень молод, молод и неопытен. К тому же Муравьев - человек страстный, он ощущал потребность в умных советниках; он увлекся Раевским, горячо верил в него и под этим влиянием допустил себя до многих промахов. Теперь уже он совершенно не тот, теперь его надуть или увлечь очень, очень трудно. Теперь он в свою очередь увлекает людей, только к добру, к спасению России. Тогда было иначе, и вот впродолжение многих лет преобладало общее мнение в Сибири, что без согласия Ра-

евского Муравьев не сделает ни малейшего шагу, и кто не угодил Раевскому, тот ни места получить (до сих пор главный интерес российской публики), ни на месте остаться не может,- мнение, разумеется, слишком преувеличенное, но все-таки не совсем лишнее основания. В 1857 году, убедившись в злости, своекорыстии, глубокой безнравственности и бессовестности всё ругающего демократа Раевского, Муравьев окончательно сбросил его с себя, и с тех пор началась непримиримая злоба Раевского к Муравьеву. И нет для меня сомнения, что прямо или косвенно эта злоба отзывается в вашем "Колоколе". Я позабыл сказать, что еще в 1856 году, когда составилась список политических преступников для амнистии, список, из которого его император[ское] величество собственноручно изволили вычеркнуть мое имя, - имя Раевского, как не-декабриста и сосланного кроме всего за какие-то денежные дела, в списке совсем не находилось, и что только по настоятельному требованию Муравьева его особым указом простили. Теперь обращаюсь к Петрашевскому 37.

Вы помните Головина? 38 Ну, Головин это пристойный, умный, совестливый Петрашевский, а Петрашевский - цинический, бессовестный Головин на распашку. Только между ними есть разница: Головин-авантюрист и законник-аристократ, истинный *chevalier d'industrie, escroc et hableur de bonne maison* (Проходимец, мошенник и враль из хорошего дома.), Петрашевский - такой же грязный сутяжник, как и он, такой же законник и авантюрист, только под знаменем демократии. Ему душно в гостинной, и трактирная публика, составленная по преимуществу из потерянных сынков *de bonne maison* (Из хорошего дома.), неудавшихся литераторов, артистов, администраторов, юристов, а также, пожалуй, из вольноотпущенных или неотпущенных лакеев, - его среда, в которой он купается с такою же роскошью и так же естественно, как свинья в грязи. Это - просто свинья с человеческою головою, циник по внутреннему призванию. А между тем замечательный человек, - он в самом деле человек беспокойный, друг движения, но какого движения! Он - далеко не революционер, не открытый боец, на

это он неспособен, он-трус; и несмотря на трусость, он не может оставаться в покое; он интригует, пакостит, ссорит, даже отваживается на опасные вещи по неизбежному внутреннему стремлению, которое в нем сильнее даже самого страха. Он - неизлечимый законник и готов поссорить братьев, самых близких друзей, для того чтобы завести между ними тяжбу. Таким образом, во всех деревнях, куда он был ссылаем, во всех маленьких городах ему удавалось и до сих пор удаётся перессорить всех жителей между собою. Ему есть дело до каждой грязной истории между лицами, ему совершенно неизвестными, и он до тех пор не успокоится, пока не найдет в ней для себя роли. Как истинный художник, помимо всех личных видов, хотя он и далеко не пренебрегает ими, он любит шум для шума, скандал для скандала, грязь для грязи. Этот человек злопамятен и мстителен до крайности, но ничем не оскорбляется. Уличите его во лжи, в клевете, назовите его в глаза подлецом, поколотите его, он завтра же подаст вам руку и будет уверять вас в своем уважении и в своей симпатии, если это только покажется ему

нужным. Мне случилось иметь с ним такие разговоры: "Вы говорили это про меня"? - "Говорил". - "Правда это"? - "Нет". - "Зачем же вы говорили"? - "Говорил, потому что это мне было нужно, теперь более ненужно", - прибавляет он с улыбкою, - "и обещаю вам, что говорить более не стану,-ну что ж, посердились, пора перестать". Я никогда в жизни не встречал еще такого отъявленного, бессовестного, откровенного циника. Он, в самом деле - недюжинный человек. Если бы у нас была революция, он без сомнения был бы маркизом de St.-Huruge 39 первых дней, так много в нем разных талантов для увлечения толпы, но в первых же днях он пропал бы в грязи, как и покойный St.-Huruge (У Драгоманова напечатано Hurugues вместо Huruge.) de bruillante et honteuse memoire ("Сент-Юрюж шумной и постыдной памяти").

Впрочем, вся семья Петрашевского его достойна. Мать яростно ненавидит сына и вместе с дочерьми, его сестрами, пользуясь его политическим несчастным положением, обратили его до последней нитки и ругают его публично, бесстыдно и беспощадно! Он разу-

меется, платит им тем же самым. Вы без сомнения знаете, что он получил значительное наследство от отца, воспитался в Царскосельском лицее, по выходе из него вступил в министерство иностранных дел, из которого должен был выйти, потому что не захотел расстаться со своею истинно великолепною бородою. Жил потом частным человеком в Петербурге и занимался СОП атоге (Охотно.) своими и чужими тяжбами. Я думаю, не было присутственного места, в котором, а часто и против которого он не имел бы дела. В России, земле бесправия, он помешался на праве. Но право-праву рознь; есть общечеловеческое право, которое везде и всегда отстаивать должно, но горячиться из права, основанного на положительных законах, там, где законы по коренному закону подчинены самодержавному и даже министерскому произволу, по моему мнению так же смешно и нелепо, как хлопотать о том, в двух или в одном виде должно принимать святое причастие там, где все христианство должно выбросить за борт. К тому же сутяжная честь во всех странах, по преимуществу же в России, имеет значитель-

ную темную, грязную сторону, от которой каждому хоть немного порядочному человеку становится гадко. Эту-то сторону по преимуществу любил и любит Петрашевский, который, ни во что не ставя ни свою честь, ни свою добрую славу, кажется, не имеет и тени понятия о том, что значит беречь неприкосновенность, чистоту своей личности. Передать вам все, что я слышал от него самого о его подвигах а этом роде, было бы невозможно: одна история грязнее другой и, что страннее всего, он как будто и не подозревает грязиности своих рассказов...

Таким образом протекла его жизнь до 1848 года. Между тем он не был чужд литературному и политическому движению времени, он читал без порядка и без руководящей мысли все возможное и подобно многим из наших современников нахватался разных кусочков из разных отраслей знания, составил себе мирозерцание очень похожее на пестрое платье арлекина, и, очень довольный собою, принимает еще до сих пор за истинное образование этот хаотический сброд неясных и неопределенных слухов о всевозможных тео-

риях и фактах. В практике был он исключительно предан юриспруденции, в теории же сделался фурьеристом. Он был богат, хотя и скуп; вокруг него собиралось несколько молодых людей, большею частью из кадетских учителей и гвардейских офицеров, надорванных и недоученных, большею частью совершенно пустых, стремящихся, иные увлекаясь примером, другие более самостоятельно, не так из живого сердца, как из тупо-неопределенной фантазии, к чему-то, а главное к выходу из своего бедного положения, которым все были очень недовольны.

Между ними появлялись иногда и люди более замечательные, как например литератор Достоевский 40, не лишенный таланта, и мой приятель Эммануил Толь 41, воспитанник педагогического института и потом учитель в разных казенных заведениях, великолепное эксцентричное существо *d'une beauté monstrueuse* ("Чудовищной красоты"): маленький ростом, с огромною головою на бычачьей шее и на широких плечах, с огромным мыслящим лбом, уродливым носом, с толстыми мясоедными губами, с руками

длиннее сажени, - и на этом монструозном лице выражение умное, доброе, в высшей степени привлекательное, улыбка такая, против которой устоять невозможно. Его любят дети, которых он обожает, и молодые девушки льнут к нему как птички под верную и темную крышу. Голова у него светлая, разумная, хотя немного и школьно-догматическая - плод его воспитания, - но, несмотря на это, далеко не упорная, способная принять всякую истину. Сердце золотое, благородное, чистое, неспособное ни к какой двусмысленности и совершенно чуждое эгоизму и тщеславию, Характер рыцарский, порывистый, то иногда женственно-мягкий, то буйно энергичный и смелый, неспособный, кажется, к постоянно-му делу и к выдержке. Когда же он выпьет, тогда становится он ужасным точно лютый разъяренный зверь. Шея у него короткая, толстая, а потому кровь легко бросается в голову. Я познакомился с ним в 1857 году в Томске, куда он был только что переселен из каторжного завода, и скоро сблизился с ним. Он жил в Томске уроками и был превосходным учителем, дети его обожали; и до сих пор же-

на моя, одна из его учениц, хранит о нем самую нежную память. Но он был худо окружен в Томске и предавался пьянству. В Сибири пьют страшно и пьют без затей простую водку. Я успел отвлечь его от пьянства и от худого общества, и мы впродолжение полугода до возвращения его в Россию жили как братья. Теперь он в Питере, где занимается литературою и уроками; я редко к нему пишу, потому что он болтлив и неосторожен до крайности, к тому же, одаренный критикою небольшою для распознавания людей, он к несчастью всегда окружен страшною сволочью. Но если бы пришло до дела, я обратился бы прямо к нему, уверенный, что он будет одним из самых способных и честных деятелей, лишь бы кто-нибудь держал его в руках. От него я впервые услышал подробности о деле Петрашевского и рассказы о жизни, занятиях, действиях и личностях его кружка, рассказы самые достоверные и точные, во-первых, потому, что Толь не солжет, если бы даже это было необходимо для опасения жизни его матери, которую он любит более всего на свете, а во-вторых, потому, что я нашел их такими,

сравнив их потом с рассказами Петрашевского, Львова и Спешнева.

Итак, у Петрашевского собирались молодые люди, они толковали и спорили между собою о разных предметах, о которых все мало знали, но которые более или менее серьезно стремились уяснить и узнать. Впрочем они далеко не были недовольны собою и, мало сознавая свое незнание, с презрением смотрели на толпу и, не доучившись сами, хотели учить; в их предприятиях было истинно много детского. Таким образом в их головах родилась мысль о политическом словаре (помнишь, ты нам привозил его в Париж, Герцен?), который Петрашевский напечатал на свой счет и ловко успел посвятить вел. кн. Михаилу Павловичу 42. Казалось, дерзкий, головоломно-смелый поступок, достойный более серьезной цели, и что же? Петрашевский пресерьезно был уверен, что, раз пройдя через цензуру и покрытая именем Михаила Павловича, эта книжонка принесет ему значительный доход. Мне говорил это сам Петрашевский. Имя вел[икого] кн[язя] в самом деле спасло их от дальнейших преследований.

Главною чертою всех этих господ было отчаянное резонерство. Резонерство является везде там, где самолюбие, тщеславие, претензии преобладают над серьезными стремлениями ума и сердца, где нет страсти, нет мысли. Поэтому-то мы, русские, - большею частью и такие отчаянные резонеры, толкуем с жаром обо всем, болтаем без умолку и ничем в действительности не интересуемся, так что не даем даже себе труда узнать сколько-нибудь положительно предметы, о которых толкуем. Петрашевский, пользуясь правом амфитриона и к тому же *raisonneur par excellence* ("Резонер по преимуществу"), царствовал между ними. Фигура у него цинически-достопочтенная, способная импонировать толпе, - одна черная борода чего стоит! Когда он горячится и врет, черные глаза так и блестят сквозь очки. Толкуя об всем на свете, они коснулись и политики и социальных вопросов, доходивших до них во французских брошюрах и книжках, и наконец положения России. Были жаркие споры, всевозможные направления и системы были тут представлены. Для удобнейшей разработки вопросов они согласи-

лись разделить между собою все предметы; каждый брал на себя исследование какого-нибудь вопроса, изучал его по возможности и читал потом о нем род лекций. Это делалось по очереди. Толь напр[имер] взял на себя богословие и педагогию, Петрашевский - политическую экономию и социализм, Львов - естественные науки и т. д. После лекций спорили, потом ужинали, веселились и пили. Таким образом, они составляли в действительности общество самое невинное, самое безобидное - удовлетворены были при малейшей доле серьезной любознательности большая доля тщеславия и еще большая русской потребности кутежа. Серьезной практической цели не было. Кроме Толя и потом Спешнева, явившегося позже, все были решительными, систематическими противниками революционных мер и действий, Они болтовню принимали за дело. Правда, коснулись они под конец и практического вопроса: "что будем мы делать?" Ответы на этот вопрос были различные, один нелепее другого, и, наконец, они остановились на следующем: все члены кружка останутся тесно между собою соеди-

ненными и во-первых будут quand meme (Во что бы то ни стало.) поддерживать в жизни друг друга, так что например все будут в один голос кричать, что Петрашевский - первый экономист в мире, выше Fourier, St.-Simon'a (Фурье, Сен-Симона.), и Адама Смита, что Шекспир Достоевского подметок не стоит, что Львов заткнул за пояс Гумбольдта, а Толь - первый богослов и педагог в мире; а во-вторых, они рассеются по всем концам России и, отыскивая везде сотрудников себе и помощников, займутся радикальным преобразованием России посредством распространения новейших дознанных истин.

В 1848 году, в первых порах западной революции, прибыл к ним Спешнев, человек замечательный во многих отношениях: умен, богат, образован, хорош собою, наружности самой благородной, далеко не отталкивающей, хотя и спокойно холодной, вселяющей доверие, как всякая спокойная сила, джентльмен с ног до головы. Мужчины не могут им увлекаться, он слишком бесстрастен и, удовлетворенный собой и в себе, кажется не требует ничьей любви; но зато женщины, моло-

дые и старые, замужние и незамужние, были и, пожалуй, если он захочет, будут от него без ума. Женщинам не противно маленькое шарлатанство, а Спешнев очень эффектен: он особенно хорошо облекается мантией многодумной спокойной непроницаемости. История его молодости - целый роман. Едва вышел он из лицея, как встретился с молодою, прекрасною полькою, которая оставила для него и мужа и детей, увлекла его за собой за границу, родила ему сына, потом стала ревновать его и в припадке ревности отравилась. Какие следы оставило это происшествие в его сердце, не знаю, он никогда не говорил со мною об этом. Знаю только, что оно немало способствовало к возвышению его ценности в глазах женского пола, окружив его прекрасную голову грустно-романтичным ореолом. В 1846 году он слыл львом иностранного, особливо же польско-русского дрезденского общества. Я знаю все эти подробности от покойной приятельницы моей Елизаветы Петровны Языковой 43 и от дочери ее; и матушка и дочери и все их приятельницы, даже одна 70-летняя польская графиня, были в него влюблены.

Другом, неразлучным его сеидом, был блондин-шарлатан Эдмонд Хоецкий 44. Но не одни дамы, - молодые поляки, преимущественно аристократической партии Чарторижского (Адама.), были от него без ума, так что еще за границую было мне интересно с ним познакомиться, и я старался собрать о нем всевозможные сведения. Встретился же я с ним лично в Иркутске в 1859 году. Он жил тогда со Львовым и Петрашевским. Еще прежде слышал я о нем в Сибири, во-первых, от Толя; еще же более от поляков, возвращавшихся в 1857 и 1858 годах из нерчинских рудников и поселений на родину. Все отзывались о нем с большим уважением, хотя и без всякой симпатии, в то время как о других говорили с плечепожимательным сожалением, а о Петрашевском просто с презрением.

Замечательно, что весь этот кружок, исключая впрочем Толя, но никак не исключая даже и Спешнева, терпеть не может поляков. Они все отвечали холодностью на жаркий, братский польский прием. Холодность эта еще более усилилась, когда начались разговоры: русские молодые люди с широким разма-

хом русской, ничем не связанной мысли, явились атеистами, социалистами, "гуманистам" в фанатически-тесную польскую среду. Должно вам оказать, что именно в нерчинских заводах, несмотря на то, что туда было сослано [много] наиболее умных, талантливых, замечательных и по характеру и по сердцу поляков, а может быть именно и потому, польско-католический фанатизм дошел до своего крайнего развития. Основателем нерчинского польского круга был поляк Эренберг⁴⁵. Он придал всему направлению вместе с ним потом сосланных соотечественников тот мечтательно-экзальтированный, мистически-патристический характер, который в начале своем был гораздо шире и богаче содержанием, впоследствии же сократился и стеснился в безвыходно узкий, польский, католический фанатизм.

Как староверы-евреи, которые убеждены, что они не оттого гибнут, что они остаются евреями, а что они - еще слишком мало евреи, так и они уверили себя, что не католицизм и не еврейско-польская исключительность, а недостаток католичества и национальной ис-

ключительности их погубили. Не станем слишком винить поляков, будем сожалеть о них. К тому же и не нам, русским, их винить. Мы нашими руками закрыли все польские университеты и школы, отняли у них все средства к образованию. Мы, наступив на них ногою и продав их частью немцам, повергли их в отчаянное положение, в котором вредная национальная *idée fixe* (Навязчивые мысли.), болезненное, раздражительное, безвыходное саморефлектирование сделалось таким естественным, необходимым, хотя и пагубным явлением. Только тот здоров и умен и силен, кто умел позабыть о себе. Думать, заботиться, болеть о себе есть несомненное право поляков: национальность, равно как и личность, как даже процесс жизни, пищеварения, дыхания, только тогда вправе заниматься собою, когда ее отрицают. Поэтому поляки, итальянцы, венгерцы, все угнетенные славянские народы очень естественно я с полным правом выставляют вперед принцип национальности и, может быть, по той же самой причине мы, русские, так мало и хлопочем о своей национальности и так охотно за-

бываем ее в высших вопросах. Тем не менее, это право есть вместе и болезнь, вредная, опасная болезнь. Заговорите с поляком о Gothe (Гете.), он сейчас окажет вам: "а у нас-то каков поэт Мицкевич!", о Гегеле - они запоют вам о великом польском философе Трентовском, великом философе-экономисте Цешковском 46. Их губит болезненное народное тщеславие, бедное утешение в их практическом положении. Вместо того, чтобы смотреть вперед, они смотрят назад, где кроме смерти ничего не найдут; вместо того чтобы возобновить свою национальную жизнь в общении с мировой жизнью, они отделяются от нее как жиды и хвастаются каким-то мессианическим призванием. Это жидовство их погубит, если мы, славяне, и, прежде всего мы, русские, не вырвем их из болезненного самозерцания. Опять говорю: как именно русские, мы обязаны в отношении к ним к особенной снисходительности и к терпению; хотят они, не хотят, мы должны для нашего обоюдного спасения помириться, побратоваться.

15 ноября. Красноярск.

Любезные друзья, я должен теперь рас-

статься с вами: взявшийся доставить вам это письмо нечаянно приехал сюда и сейчас отъезжает. Итак, продолжение впредь и, надеюсь, в короткое время. Мне кажется, я сказал уже довольно для того, чтобы приостановить нападения ваши против Муравьева-Амурского и поколебать хоть несколько слепую веру вашу в его врагов. Убедитесь ли вы моими словами или нет, будет зависеть от степени веры, которой вы будете считать меня достойным; я по крайней мере исполнил свою обязанность в отношении к вам и к истине и ухватюсь за ближайшую возможность исполнить ее до конца, т. е. прислать вам окончание письма. А говорить остается мне еще о многом: докончить характеристику Петрашевского и товарищей и потом рассказать вам, что сделал Муравьев для восточ[но-]сибирских крестьян, для ссыльно-каторжных, для поселенцев, для рабочих на золотых промыслах, особенно для раскольников, которых он называет своими друзьями, потом объяснить вам его отношения с Петербургом и дать вам почувствовать, как больно было ему (больнее всего остального), что вы, которых

он так глубоко уважает, деятельности которых он так горячо симпатизирует и которых считает своими друзьями, выступили против него как враги. Наконец должен рассказать вам и о себе. Пришлю вам также свой портрет и портрет жены с письмом для милого и неизменного друга моего Рейхеля (Адольф). А теперь, друзья или враги, прощайте. Авось встретимся еще в России.

Ваш неизменный

М. Бакунин.

Нужно ли мне говорить, что это письмо, так сильно компрометирующее Муравьева перед 3-м Отделением, должно быть только прочитано вами, друзья, т. е. Герценом или Огаревым, а потом или уничтожено, или так спрятано, чтобы его сам черт не мог отыскать? В этом отношении, как и во всех других, я совершенно полагаюсь на вашу честь.

№ 610.-Напечатано впервые в переписке Бакунина с Герценом и Огаревым, изданной в чрезвычайно неряшливом виде М. П. Драгомановым ("Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву", Женева, 1896, № 1). Оригинал хранится в герценовском архиве в

Лозанне и пока не доступен советским исследователям, так что по отношению к атому, равно как и к другим письмам Бакунина к Герцену и Огареву приходится довольствоваться тем местами явно неправильным текстом, который дается у Драгоманова, исправляя его лишь в самых редких случаях, если по счастливой оказии где-либо сохранился в том или ином виде (копия, перевод) тот же документ. Нечего говорить о том, что Драгоманов, плохо знакомый с тогдашним рабочим движением и с фактами тогдашней революционной борьбы, часто путал даты писем и документов, искажал имена и т. п. В своем месте мы укажем эти ошибки Драгоманова, нами исправленные по другим источникам.

Эти письма Бакунина к Герцену от 7-15 ноября 1860 г.. Ответ "Колоколу" от 1 декабря 1860 г. и письмо от 8 декабря 1860 г., равно как недошедшее до Герцена письмо от весны 1860 г., были вызваны желанием Бакунина защитить Муравьева-Амурского от нападков "Колокола" за допущенные им произвольные по отношению к обывателям и политическим ссыльным действия. Мы знаем, какую роль

Муравьев сыграл в жизни Бакунина. Не довольствуясь тем, что вырвал его из томского захолустья, Муравьев упорно старался добиться полного освобождения Бакунина. Так 10 октября 1860 г., за несколько дней до составления Бакуниным письма к Герцену от 7-15 ноября (которое вероятно составлялось ими обоими вместе), Муравьев в письме к шефу жандармов, высказываясь против предоставления каких-либо льгот своему врагу Д. Завалишину, повторяет свою просьбу о помиловании Бакунина, присовокупляя, что один Бакунин "не пишет никому ложных доносов или дерзких просьб, которых ... высшее правительство терпеть не должно и которые ни в каком случае не составляют услуги правительству" ("Дело", ч. III, л. 87). Если верить этим словам (а Бакунин и Муравьев употребляли этот термин в слишком расширительном смысле), то выходит, что манера писать доносы в Третье Отделение была тогда распространена и среди некоторых ссыльных; с другой стороны эти слова наводят на предположение, что жандармы ставили Бакунину в упрек то, что он не занимается этим делом.

Но что касается "дерзких просьб", то надо сказать, что жандармы смотрели на беспрестанные ходатайства Бакунина относительно свободных разъездов и т. п. именно как на проявление "дерзости" и "бесчувственности". Просьба Муравьева была 11 ноября Долгоруковым доложена царю, но тот и на этот раз отказал, "повелев насчет Бакунина повременить", как гласит пометка Долгорукова на письме Муравьева, сделанная 13 ноября.

Инцидент, непосредственно вызвавший нападки "Колокола" на Муравьева и выступление Бакунина в его защиту, заключался в следующем. В апреле 1859 г. в отсутствие Муравьева, находившегося в служебной поездке, произошла в Иркутске дуэль между членом совета Главного управления В. Сибири Ф. А. Беклемишевым и чиновником особых поручений при Муравьеве Неклюдовым. Последний был убит. В обществе заговорили, что это была не дуэль, а коварное убийство, и требовали расследования. Во главе оппозиционной кампании стали ссыльные политические Львов и Петрашевский. Окружный суд признал в деле наличие измены и приговорил

Беклемишева и двух его секундантов к 20-летней каторге. В губернском суде мнения разделились. Сенат, куда перешло дело, 11 июня 1860 г. приговорил Беклемишева к заключению в крепости на 3 года, а секундантов на 6-9 месяцев (по ходатайству Муравьева этот срок заключения был позже сокращен); кроме того сенат признал в действиях окружного суда и члена губернского суда Ольдекопа, считавшего первый приговор правильным, неправосудие, после чего они по распоряжению Муравьева были немедленно арестованы.

Но суть дела, возбудившая негодование "Колокола", заключалась в ряде произвольных и деспотических действий по отношению к оппозиции, какие дозволил себе Муравьев. Еще с дороги он "советовал" Петрашевскому и Львову, с которыми прежде был в хороших отношениях (мы знаем, что он даже хлопотал за них в 1858 г.; см. выше ком. 10 к No 605), замолчать. Вернувшись 1 января 1860 г. в Иркутск, он прервал с ними знакомство, уволил Львова со службы, выслал (через своего помощника Корсакова) Петрашевского и

угрожал применить к нему телесное наказание, которому он подлежал по "закону" как ссыльно-каторжный, закрыл частную библиотеку Шестунова за то, что она служила "сборищем демократов", и т. д. Местная интеллигенция, возмущенная действиями Муравьева, обратилась через проживавшего в Париже доктора Н. А. Белоголового, иркутского уроженца, хорошо знакомого с местными условиями, в "Колокол". В No 2 "Под суд" (приложение к "Колоколу"), вышедшем 15 ноября 1859 г. по новому стилю, появилась статья Белоголового, произведшая страшный переполох в Иркутске среди сторонников Муравьева и обрадовавшая его противников. Составленное в кругу сторонников Муравьева возражение на статью Белоголового было по словам последнего (см. Н. А. Белоголовый-"Воспоминания и другие статьи", 4-е изд. 1901, стр. 109) направлено Герцену при письме Бакунина (?), которому тот естественно доверял. Эта статья была напечатана в NoNo 6 и 7 "Под суд", вышедших 1 и 15 июля м. ст. 1860 г., т. е. совершенно независимо от письма Бакунина, которое датировано 7-15 ноября ст. ст., т. е. 19-27

ноября н. ст., и могло по тогдашним условиям дойти до Герцена не раньше, чем через месяц (действительно у Герцена отмечено получение письма от Бакунина в конце декабря). Значит ;и статья в No 87-88 "Колокола", вышедшем 15 декабря, вероятно написана без влияния Бакунина и во всяком случае до получения его "Ответа "Колоколу" от 1/13 декабря 1860 г. (оно было по-видимому получено Герценом только в феврале 1861 г.). См. канву биографии Герцена в томе XXII его сочинений, стр. 311.

"Ответ "Колоколу"" написан Бакуниным по поводу появившейся в No 82 "Колокола" от 1 октября заметки Герцена "Тиранство сибирского Муравьева" ("Сочинения", т. X, стр. 401). Письмо от 8 декабря было написана тогда же и послано вместе с "Ответом". О них в своем месте.

В этой переписке Бакунин выступает перед нами в весьма малосимпатичном виде. Возможно, что в своей защите Муравьева он руководствовался отчасти чувством благодарности к человеку, пришедшему ему на помощь в трудные минуты его жизни, и жела-

нием расположить в свою пользу верхи местной администрации ввиду задуманного им побега (на случай неудачи хлопот Муравьева о его помиловании). Но в основном содержание и тон этой переписки объясняются тем, что в Иркутске благодаря своей близости к всемогущему генерал-губернатору Бакунин попал в ложное положение и сразу взял неверный тон. Войдя в кружок приближенных генерал-губернатора, Бакунин отрезал себя от местной общественности, в частности от ссыльных, со многими из которых вступил в неприязненные отношения. С другой стороны он вместо действительного Муравьева создал себе своего собственного, по своему образу и подобию, приписав ему свои панславистские мечтания и мнимо-демократическую программу, солидаризация с которою даже в том виде, в каком он сам ее излагает, не делает чести его политической проницательности и демократическим чувствам. Особенно резко бросается в глаза различие его подхода к самодуру-наместнику и политическим ссыльным: в то время как первого он всячески восхваляет, даже за подвиги, которые во всяком

не говорим анархисте, каким его и в то время стараются выставить некоторые неумеренные поклонники, но и просто демократе должны были бы возбудить отвращение, он для вторых находит в своей палитре только самые черные краски и изображает их в самом отрицательном виде. Вообще вся эта страница является в биографии Бакунина одной из самых мрачных.

Н. А. Белоголовый в своих "Воспоминаниях", приведя резкий отзыв декабриста А. В. Поджио, выдержанный вполне в либеральном духе Кавелина, о побеге Бакунина из Сибири, рассказывает дальше о позиции, занятой последним в Иркутске по приезде в этот город (сказать по правде, "либеральные" воззрения и сочувствия Белоголовою заставляют отнестись с некоторой настороженностью к его рассказам о революционере). "Здесь, - пишет Белоголовый, - он сразу занял привилегированное положение в доме генерал-губернатора и вращался исключительно в правительственном кругу среди фаворитов дяди, избегая сближения с местным обществом, а потому и в деле беклемишевской дуэли,

разыгравшейся на его глазах, стоял на стороне, враждебной общественным симпатиям. Так между прочим доподлинно известно, что опровержение в "Колоколе" на помещенное раньше в этой газете правдивое изложение всех обстоятельств дуэли было составлено при участии Бакунина и прислано Герцену с собственноручным письмом его, в котором заключалась горячая просьба в памяти старых дружеских отношений поместить немедленно это опровержение. Весьма возможно, что в уме Бакунина уже тогда назрел замысел бежать из Сибири, а потому он и держал себя в Иркутске постоянно в маске, думая только о своем плане и стараясь лишь вкратце в доверие графа Муравьева; в этом он действительно успел и, воспользовавшись этим доверием, бежал через Амур при первой возможности и без особого труда" (стр. 103). Дальше в главе "Три встречи с Герценом" (стр. 532 сл.) Белоголовый повторяет, что Бакунин "вскоре после прибытия (в Иркутск) возбудил против себя всю молодежь тем, что всецело примкнул к генерал-губернаторской партии", каковая позиция "так категорически противоре-

чила всей репутации и предшествовавшей деятельности знаменитого агитатора, что становила всех в тупик и могла быть объяснена только тем, что Бакунин, попавши в Иркутск на поселение, был встречен с родственным радушием генерал-губернатором Муравьевым, которому он приходился племянником, и тотчас же сделался постоянным членом интимного кружка Муравьева". Дальше Белоголовый высказывает предположение, что Бакунину вся местная борьба могла представляться слитком мелкой и что, оказывая услугу Муравьеву в смысле обеления его в "Колоколе", Бакунин этим подготовлял успех своего побега. Излагая свою беседу с Герценом, который по словам Белоголового признавал поведение Бакунина в этой истории предосудительным, однако не хотел выступать против него, пока он находится в неволе, и отказался поместить возражение Белоголового на статью, напечатанную против него в ответ на первую его заметку, мемуарист приводит такое заявление Герцена, которое показывает (если оно точно, в чем мы не уверены), что помещение присланной сторонниками Мура-

вьева заметки действительно не обошлось без вмешательства Бакунина ("я не мог отказать Бакунину в его напечатании). В сущности больше ничего о дуэли и о жизни Бакунина в Сибири Белоголовый не сообщает.

Характерно, что И. Барсуков в своей работе "Граф Н. Н. Муравьев-Амурский", т. I, стр. 575-6, совершенно заминает и обходит весь инцидент с дуэлью, ограничиваясь передачей рассказа Б. Милютина в "Ист. Вестнике" 1888, NoNo 11 и 12 (который с своей стороны старается затушевать дело и обойти его по возможности молчанием).

С своей стороны упомянутый выше Б. А. Милютин, незадачливый брат Д. и Н Милютиных, служивший в Восточной Сибири и бывший по назначению Муравьева председателем суда, рассматривавшего дело по обвинению судей, обвинивших в первой инстанции Беклемишева и его секундантов, т. е. даже не скрывающий в своих записках, что он в угоду властному сатрапу выполнил самое низкое дело, даже этот готовый на всякие услуги чиновник хотя и силится в своих воспоминаниях всячески обелить своего патрона, но и он

принужден невольно признать, что причины дуэли тщательно скрывались, что "высшая администрация знала о предстоящей дуэли и не приняла никаких мер к предупреждению ее", что полицеймейстер во время дуэли находился на колокольне, откуда спокойно наблюдал за ее ходом, что в самый день поединка после смертельного его исхода Беклемишев и его секунданты публично устроили на балконе беклемишевского дома на главной улице города оргию, что член губернского суда Молчанов, лично даже незнакомый с Неклюдовым, сам предложил ему свои услуги в качестве секунданта, что "целый город шел за гробом" убитого. Далее он же принужден признать, что Муравьев "повлиял на решение сената", отдавшего под суд судей, осудивших убийц, так как "авторитет власти необходимо было восстановить", и что судьи, которых Муравьев решил засудить, "жили под влиянием местного тогдашнего общества, которое, ненавидя графа Муравьева (курсив Б. Милютина. - Ю. С.), воспользовалось несчастным случаем, чтобы выместить на нем всю злобу, которая накопилась в душе". См. Б. А. Милю-

тин- Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири (отрывок из воспоминаний)". "Исторический Вестник" 1888, декабрь, стр. 614-617.

Как видно из текста, данное письмо является не первым письмом Бакунина к Герцену из Сибири, а, по крайней мере, третьим. Первое (записку от лета 1858 г.) мы напечатали под № 604, второе это было большое письмо в 20 листов, т. е. в 5 печатных листов, написанное Бакуниным весной 1860 г., но по каким-то причинам до Герцена не дошедшее (из слов Бакунина нельзя понять, было ли оно отправлено и погибло по дороге или было уничтожено самим Бакуниным), наконец третьим является печатаемое нами здесь письмо от 7 ноября 1860 г. О своей записочке от лета 1858 г. Бакунин невидимому забыл или считал ее недошедшею по назначению, судя по тому, что он говорит о "первом взрыве освобожденного слова после долгого молчания".

1 Бакунин имеет здесь в виду многочисленные знаки симпатии, проявленные Герценом к нему во время его мыканья по тюрьмам. Конечно не обо всех отзывах Герцена Бакунин мог в то время знать: некоторые из

них при жизни Бакунина оставались неопубликованными, как например письмо к Мишле "Михаил Бакунин", написанное в 1851 году, которое тогда вовсе не появилось в печати (статья осталась в бумагах Мишле и была впервые опубликовано по-русски в "Былом" за 1907 г.). О других, как о полемике Герцена с Френсисом Марксом, нападавшим на Бакунина в 1853 г. в лондонской газете "Morning Advertiser", Бакунин узнал лишь после своего побега из Сибири (см. в следующем томе). Следовательно, Бакунин мог иметь здесь в виду следующее:

а) Посвящение ему французского издания брошюры "О развитии революционных идей в России" 1853 года; посвящение гласит: "Нашему другу Михаилу Бакунину" (Герцен - "Сочинения", том VI, стр. 298) ;

б) сочувственные отзывы о нем в прежних изданиях той же брошюры; вот что сказано было например о Бакунине в издании 1851 года: "Бакунин, глубокий мыслитель, горячий пропагандист, был одним из самых смелых социалистов гораздо ранее революции 24 февраля 1848 года. Артиллерийский офицер,

он оставил пушку, чтобы изучать философию, а несколько лет спустя он покинул отвлеченную философию для философии конкретной, для социализма. Бакунину не могло нравиться то философское спокойствие души, в котором прятались берлинские профессора. Он был одним из первых, которые протестовали в Германии (в газете Руге) против этого бегства в абстрактные сферы, против этого нечеловеческого я бессердечного воздержания, которое совершенно не хочет участвовать в трудах и радостях современного человека, ограничивая себя в апатическом подчинении роковой необходимостью, выдуманною самими профессорами. Бакунин не видел иного средства разрешить антиномию между мыслью и фактом как борьбу: он стал революционером" (Герцен- "Сочинения", том. VI, стр. 682);

в) сочувственные отзывы о нем в статье "Русский народ и социализм. Письмо к Мишле" было напечатано в No 63 газеты "L'Avenement du Peuple" за 1851 год; см. "Сочинения" Герцена, том VI, стр. 461). Там, между прочим, говорится: "Бакунин дал Европе образчик вольного русского человека". И даль-

ше следует протест против "международного преступления", выразившегося в выдаче российского царизму Бакунина, томящегося в Шлиссельбурге (на самом деле он тогда сидел еще в Петропавловской крепости).

Таким образом у Бакунина было достаточно оснований благодарить Герцена за сочувственные отзывы, данные о нем во время его сидения по тюрьмам. Об этих отзывах он мог узнавать от родных на свиданиях; мог также узнать о них в Сибири от поляков и других ссыльных, а то и от Муравьева.

2 Т. е. с Герценом и Огаревым, о совместной работе которых Бакунин был хорошо осведомлен. Через Муравьева он имел наверно все заграничные издания Герцена, в том числе "Полярную Звезду" и "Колокол".

3 Пассек, Диомид Васильевич (1808-1845) - русский военный деятель, генерал-майор; брат Вадима Пассека, приятеля Герцена и Огарева; в 1830 окончил Московский университет по математическому факультету, после чего поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения; в 1836 поступил в Военную Академию, которую окончил в 1837. С мая

1840 служил в Отдельном кавказском корпусе, активно воевал с горцами, защищавшими свою свободу от русских завоевателей, и убит в стычке под Дарго.

4 Надо полагать, что в Третьем Отделении знали истинную цену демократизму и "революционным" замыслам Муравьева. Что же касается обвинения Бакуниным Петрашевского в близости к Третьему Отделению, то это-клевета, лишней раз только свидетельствующая о легкомыслии и неразборчивости Бакунина в борьбе с противниками. Единственным не оправданием, а объяснением этой возмутительной клеветы может служить доверие Бакунина к сообщениям, которые ему делали Муравьев и его клеветы.

5 Вебер, Гилярий Антонович - поляк, политический ссыльный, обжился в Сибири, стал заниматься торговлей, переехал впоследствии в Николаевск. При одном из наездов его в Иркутск там с ним познакомился Бакунин, по своей манере быстро ставший с ним в приятельские отношения. Во время побега Бакунина и проезда его через Николаевск он увиделся с Вебером и по присущей ему

неосторожности дал ему понять, что бежит за границу для революционной деятельности. Подлый ренегат поспешил донести об этом по начальству, но Бакунин успел уехать прежде, чем его по доносу Вебера могли схватить.

6 Тайяндье, Ренэ Гаспар Эрнест (1817-1879) - французский литератор; учился в Гейдельбергском университете, затем уехал в Мюнхен, где сошелся с Шеллингом. Активный сотрудник "Revue des deux Mondes", Читал лекции по истории французской литературы в разных университетах.

Был видным чиновником министерства народного просвещения при Второй Империи. С 1873 г. член Французской Академии. Автор ряда работ о немецкой и русской литературе, в частности книги о Лермонтове (1856).

7 Сперанский, Михаил Михайлович (1772-1839)-русский государственный деятель; сын священника, упорным трудом добился профессуры; был правителем дел при генерал-прокуроре Куракине и занял прочное положение в бюрократии еще при Павле; при Александре I быстро продвинулся и сделался

статс-секретарем. Будучи сторонником конституционной монархии, составил ряд записок в этом духе. В 1808 г. сопровождал Александра в Эрфурт и там познакомился с Наполеоном I; сделался чем-то вроде носителя идеи союза с Францией, и потому в 1812 г. пал жертвою ненависти помещиков к Франции. Объявленный предателем, был без суда сослан в Нижний Новгород, затем в Пермь; позже был пензенским губернатором и сибирским генерал-губернатором. В 1821 г. назначен членом Гос. Совета, прислуживался к Аракчееву, однако по старой памяти наметался декабристами в состав Временного правительства. Последние годы занимался исключительно кодификационными работами-редактированием "Полного собрания законов" и "Свода законов", за что получил графский титул. См. М. Корф-"Жизнь графа Сперанского". Спб. 1861, 2 тома; Н. Г. Чернышевский - "Русский реформатор" в "Соч.", т. VIII. стр. 293 сл.

8 Киселев, Павел Дмитриевич, граф (1788-1872)-русский военный и государственный деятель; участвовал в войнах с Наполеоном I,

был флигель-адъютантом Александра I; с 1819 г. начальник штаба 2-ой армия, находившегося в Тульчине; декабристы 2-ой армии (Пестель и др.) были с ним в хороших отношениях, но о существовании тайного общества он не знал, а когда оно было раскрыто, принял активное участие в его разгроме. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., после которой занялся организацией управления в Молдавии и Валахии (о его тамошних действиях в пользу бояр и во вред крестьянам говорится в томе I "Капитала") и оставался в Яссах до 1834 г. В 1835 г. назначен членом Государственного Совета и членом секретного комитета по крестьянским делам; высказывался за освобождение крестьян, чем навлек на себя вражду партии крепостников. Все эти разговоры кончились созданием особого управления для казенных крестьян, во главе которого был поставлен Киселев и которое затем было преобразовано в министерство государственных имуществ под его управлением. В 1839 г. произведен в графы. При Александре II впал в немилость, и в 1856 г. был назначен послом в Париж (где до 1854 г. послом был его

младший брат, способствовавший в 1847 г. высылке Бакунина). В 1862 г. вышел в отставку по слабости здоровья и остался в Париже. Пользовался ложной репутацией либерала. Его биография написана Заблоцким-Десятовским ("Граф П. Д. Киселев и его время", Спб. 1882).

9 В своих "Записках революционера" П. Кропоткин неизвестно на каком основании рассказывает, что Муравьев придерживался крайних мнений и что демократическая республика не могла бы его вполне удовлетворить (по-видимому политическая наивность и ребяческая доверчивость составляют неотделимое свойство всех анархистских теоретиков). "В его кабинете молодые люди вместе с ссыльным Бакуниным обсуждали возможность создания Сибирских Соединенных Штатов, вступающих в федеративный союз с Северо-Американскими Соединенными Штатами". Эта легенда ни на чем не основана, да впрочем, сам Кропоткин приписывает мечтания об отделении Сибири не Муравьеву, а каким-то "молодым людям", которым по самой сути положено увлекаться всякими фантазия-

ми. Но не только Муравьев, но и Бакунин не мечтал об отделении Сибири: нигде и никогда Бакунин не высказывал даже и подобных мыслей; он мечтал не о федерации Сибири с Соед. Штатами, а о федерации всех порабощенных царизмом, а затем и всех славянских земель, и мечту о такой именно федерации он приписывал Муравьеву. Последний же, вообще временами разыгрывавший из себя либерала и даже радикала (что было удобнее, ибо избавляло от непосредственной политической программы преобразований, чего не понимали ни Бакунин, ни Кропоткин!), мог иногда пускаться и в болтовню о великой славянской федерации, хотя и в этом мы сомневаемся. Во всяком случае, показной либерализм Муравьева не вводил в заблуждение, например Петрашевского, который на вопрос Львова, что за человек генерал-губернатор, отвечал словами из "Игроков" Гоголя: "штабс-капитан из той же компании".

10 Снова отмечаем, как отрицательно Бакунин относился к русской общине, которую он по растлевающему влиянию на народный характер ставит рядом с крепостным правом

и полицейским всевластием.

11 Здесь и дальше Бакунин рассуждает не с точки зрения плебса, трудящихся масс, а с точки зрения национальной экспансии, дворянско-буржуазного завоевания, теперь бы пожалуй сказали: империализма.

12 Невельский, Геннадий Иванович (1813-1876) - русский адмирал, совершил много плаваний; особенно интересовался изучением Дальнего Востока. В 1848 г. проехал по Амуру до устья и доказал, что Сахалин - остров. Был сотрудником Муравьева-Амурского, по поручению которого в 1851 г. снова проехал по Амуру и чуть не вызвал войну с Китаем, приняв амурских туземцев в русское подданство. Поддержанный Николаем I Невельский продолжал действовать в том же духе и захватил Амурскую область, которую присоединил к России. В 1854 г. произведен в контр-адмиралы. Во время войны с англо-французами способствовал продвижению; русского флота из Петропавловска на Амуре. Был некоторое время начальником штаба при Муравьеве, а по переезде в Петербург был назначен членом Ученого Комитета морского министерства.

Его "Записки" изданы его женою в 1878 г.

13 Перовский, Лев Алексеевич, граф (1792-1856)-русский государственный деятель; окончил Московский университет, участвовал в войне 1812 г., был членом тайного военного общества, а затем "Союза благоденствия", но рано из него вышел и не принимал никакого участия в восстании декабристов. С 1823 г. перешел на статскую службу, с 1840 г. был членом Гос. Совета и товарищем министра уделов, с 1841 по 1852г. министром внутренних дел, т. е. направлял внутреннюю политику в самое реакционное время. В секретном комитете 1846 г. высказывался за постепенную отмену крепостного права, т. е. фактически за его сохранение; в 1852-1856 гг. был министром уделов, управляющим кабинетом е. в. и Академиею художеств. Ренегат и реакционер, ожесточенно боролся с проникновением передовых идей Запада в Россию.

14 Нессельроде, Карл Роберт, см. том III, стр. 543.

Чернышев, Александр Иванович, князь (1785-1857)-русский военный и государственный деятель; участвовал в войнах против На-

полеона I. но делал карьеру при дворе. Александр I сносился через него с Наполеоном и обратно; во время проживания в Париже организовал там военный шпионаж в пользу царя и предупреждал о неминуемой войне с французами. Участвовал в кампании 1812 и 1813 гг. После восстания декабристов был командирован во 2-ю армию и участвовал в следствии над декабристами, проявляя при этом величайшую наглость и жестокость. Был главным распорядителем казни 5 декабристов. Естественно, что при Николае I такой человек сделал блестящую карьеру; в 1826 г. граф, с 1832 г. военный министр, с 1848 г. председатель Гос. Совета и Комитета министров. В 1849 г. получил титул светлейшего князя.

15 Блудов, Дмитрий Николаевич, граф (1785-1864) - русский государственный деятель; начал службу по дипломатическому ведомству; выдвинулся при Николае I в качестве делопроизводителя Верховной следственной комиссии по делу декабристов, на головах которых построил свою карьеру. С 1830 г. управлял министерством юстиции, в

1832 г. министр внутренних дел, в 1838-1839 снова во главе мин-ва юстиции, с 1840 г. главноуправляющий II Отделения с. е. и. в. канцелярии и председатель департамента законов в Гос. Совете. При его участии издано свирепое "Уложение о наказаниях" 1845г. С 1842 г. граф. При Александре II вдобавок к прежним должностям Блудов делается президентом Академии Наук, а с 1861 г. председателем Гос. Совета и Комитета министров. Во время крестьянской реформы высказывался за неперменное прекращение обязательных отношений; участвовал в подготовке судебной реформы, но в очень узких пределах. См. Е. П. Ковалевский - "Гр. Блудов и его время". Спб. 1866.

16 Чевкин, Константин Владимирович (1802-1875)-русский военный и государственный деятель; в 1827 участвовал в персидской кампании, в 1828 в турецкой войне, в 1831 в польской. В 1834 назначен начальником штаба корпуса горных инженеров. С 1853 по 1862 был главноуправляющим путями сообщения, а затем членом Гос. Совета и председателем департамента экономии. С 1872 был председа-

телем Комитета по делам Царства Польского.

17 Облеухов, Александр Никанорович (1824-1879)-военный а полицейский чиновник; окончил Павловский кадетский корпус, назначен в лейб-гвардии Павловский полк, с которым участвовал в венгерской кампании; затем служил в Сибири сначала в качестве командира батальона, а затем в качестве члена от военного ведомства б. иркутской полевой провиантской комиссии. За участие в присоединении Амурского, края к России произведен в полковники. По болезни вышел в 1858 г. в отставку, в каковой оставался до 1864 г., после чего служил по полицейской части, а затем с 1868 г. снова по военной, В 1876 г. ушел в отставку с чином генерал-майора.

18 Путятин, Ефим Васильевич, граф (1803-1883) - русский военный и дипломатический деятель, адмирал, генерал-адъютант, окончил морской корпус в 1822г., отправился в кругосветное путешествие, участвовал в войне с турками в 1827 г. В 1855 г. в качестве представителя России заключил трактат с Японией, в 1858 г. Тяньцэннский трактат с Китаем и вторично договор с Японией в Иеддо; с 1861 г.

член Гос. Совета и министр народного просвещения, призванный навести порядок в забродивших университетах, но своими крутыми мерами не успокоивший, а еще больше возбудивший молодежь и вызвавший ряд студенческих демонстраций, что заставило правительство убрать его с этого поста.

19 Барятинский, Александр Иванович, князь (1814-1879)-русский военный деятель; в 1834-1836 гг. служил на Кавказе; в 1845 г. снова отправился на Кавказ в чине полковника, с тех пор принимал участие во всех более или менее значительных делах против горцев и дослужился до чина генерал-лейтенанта и начальника штаба кавказской армии. В 1854 г. отозван, но в 1856 г. вернулся на Кавказ в звании наместника. В 1859 г. под его личным начальством русские войска штурмовали Гуниб и взяли в плен Шамиля, за что Барятинский получил чин генерал-фельдмаршала. В 1862 г. ушел по болезни в отставку.

20 Речь идет о Михаиле Николаевиче Муравьеве, впоследствии виленском генерал-губернаторе. Бакунин, писавший эти строки в 1860 г., уже тогда называет его "вешающим".

Дело в том, что кличка "вешатель" дана ему не за его подвиги в 1863 г., а еще до того - вследствие приписываемого ему выражения (в ответ на вопрос, является ли он родственником повешенного декабриста Муравьева). "Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают".

21 "Амур" - первая в Сибири частная еженедельная газета, выходившая в Иркутске с января 1860 г. по апрель 1862 г. Редактировалась М. В. Загоскиным (1830-1894); создана была по инициативе ряда местных деятелей и при поддержке представителей передового купечества, как И. И. Пеленков, С. С. Попов и А. А. Белоголовый (брат литератора), которые дали средства на издание газеты. Близкое участие в ней принимали Петрашевский, М. И. Шестунов, П. А. Горбунов. В ней же сотрудничали петрашевцы Ф. Н. Львов и Н. А. Спешаев и другие политические ссыльные. Благодаря вмешательству Муравьева-Амурского и затем М. С. Корсакова а дела редакции и принуждению печатать навязанное ей содержание газета постепенно пришла в упадок, растеряла подписчиков, стала выходить реже

(раз в две недели), и наконец совсем закрылась. Именно в связи с действиями Муравьева по отношению к газете Львов высказал расходящееся с утверждением Бакунина заявление, что при Муравьеве в Сибири нет закона а есть произвол, нет свободы, а есть своеволие.

Кстати сказать, мы склонны подвергнуть некоторому сомнению указания современников на сотрудничество Бакунина в этой газете. Уже одна близость к ее редакции Петрашевского и других лиц, стоявших в оппозиции к крутой политике Муравьева, исключала возможность работы в ней людей из партии генерал-губернатора, к которой Бакунин заведомо для всех принадлежал. Мы просмотрели имеющийся во Всесоюзной библиотеке Ленина (б. Румянцевский Музей) почти полный комплект "Амура" за 1860 год и не только не нашли там ни одной статьи за его подписью (Львова есть там только одна статья), но и не нашли ни одной заметки, которую можно было бы ему приписать. А предполагать, что он был техническим сотрудником газеты и составлял ее постоянные безымянные отде-

лы вроде внутреннего и иностранного обозрения, местной хроники и т. п. нет никаких оснований; не такой это был человек, чтобы заниматься такую кропотливую мелкую работу.

За 1861 год "Амура" в библиотеке нет, но в этом году Бакунин после истории с дуэлью и вызванной ею полемики уже никак не мог оставаться сотрудником газеты, даже если допустить, что до того он имел к ней какое-нибудь отношение. Комплект за 1862 год в библиотеке есть, но Бакунина в то время в Иркутске уже не было.

22 Меншиков, Александр Данилович (1670-1729) - известный сподвижник Петра I, фактический диктатор России при Екатерине I, сослан был в 1727 г. в Березов при Петре II в результате дворцовых интриг и там умер.

Миних, Бурхард Христофор Антонович, граф (1683-1767) - военный инженер; немецкий авантюрист, выдвинувшийся на российской службе, куда поступил при

Петре I; добился генеральского чина и графского титула, участник дворцовых интриг, в результате которых после воцарения

Елисаветы попал в Сибирь (Пелым). В 1762 г. Петр III вернул его в столицу, но при Екатерине II Миних уже не играл политической роли.

23 Раевский, Владимир Федосеевич (1795-1872)-русский политический деятель, близкий к декабристам; сын помещика, учился в Московском университетском благородном пансионе, а затем в дворянском полку при 2-м кадетском корпусе; с 1812 г. участвовал в походах против Наполеона; в 1818 г. принят в "Союз Благоденствия", а после его роспуска вступил в "Южное Общество"; вел революционную пропаганду среди юнкеров и солдат; был другом А. С. Пушкина: арестован в Кишиневе 6 февраля 1822 г. в чине майора; дело его кончилось в 1827 г. ссылкой в Сибирь, где он жил в селе Олонки вблизи Иркутска. В 1856 г. был амнистирован, но в Россию наезжал лишь временами на короткий срок. Между прочим писал стихи на гражданские мотивы.

24 Розенталь, Иосиф-Антон Иосифович (род. 1832) - польский революционер; сын арендатора в селе Волнянке Таращанского уезда Киевской губ.; будучи студентом сначала Московского, затем Киевского университе-

та, примыкал к группе "народников", пытался вести революционную агитацию среди крестьян Таращанского уезда в 1855 г.; после подавления волнений бежал в Австрию, но был арестован там и выдан русскому правительству; приговорен к смертной казни, замененной ему по конфирмации в январе 1857 г. ссылкой в Сибирь на поселение. Вскоре после ареста проявил моральную неустойчивость и еще во время следствия предлагал свои услуги жандармам, отвергшим его предложение. Находясь в Сибири, действительно писал доносы в Третье Отделение, которые впрочем не улучшали его положения. С Бакуниным, с которым познакомился в 1857 г. в Томске, был в крайне враждебных отношениях, писал на него доносы, обвинял его (после его побега) в намерении отделить Сибирь от России и утверждал, что Бакунин использует свое положение родственника генерал-губернатора для расправы с неугодными ему ссыльными, Петрашевским, им, Розенталем, высланным из Иркутска по проискам Бакунина, и т. д. По приводимой у М. Лемке оправке III Отделения доносов Розенталя на Муравьева в III Отделе-

нии нет. Неоднократные просьбы Розенталя об освобождении не увенчались успехом, так как Муравьев, их не поддерживал. Только в конце 90-х годов прошлого века он получил, наконец, возможность выехать за границу, где и умер. Что антисемит Бакунин называет Розенталя "жидком", это понятно. Менее понятно, что он называет его "полуполитическим". Как указал еще Драгоманов, он - настоящий политический преступник. Только от аристократических ссыльных из "белых" мог Бакунин слышать такие отзывы о Розентале, стоявшем на позиции левых, радикалов, польских народников. Возможно впрочем, что он титулует его столь презрительно за то, что в рассматриваемый момент несчастный Розенталь опустил и писал доносы в Третье Отделение. За попытку сближения с народом злополучный юноша заплатил 40-летней ссылкой (см. М. Лемке - "Крестьянские волнения 1855 года" в "Красной Летописи" No 7, стр. 132 ел.).

25 Пущин, Иван Иванович (1798-1859)-русский политический деятель; сын сенатора из бедной дворянской семья; учился вместе с

Пушкиным в Царскосельском лицее; с 1817 г. принимал участие в тайных военных обществах, член "Союза Благоденствия" и "Северного Общества"; привлек к заговору К. Рылеева. После столкновения с в. кн. Михаилом Павловичем Пущин перешел из военной службы в гражданскую и пошел в судьи с целью проведения законности. Во время восстания 14 декабря, находясь на Сенатской площади в штатском платье, проявил большую выдержку и храбрость, на следствии и на суде держался с большим достоинством; приговорен к смерти, замененной 20 годами каторжных работ; в 1839 г. вышел на поселение. После амнистии 1856 г. вернулся в Россию, где вскоре умер. Был в молодости большим другом Пушкина, которого старался удержать от вступления в тайное общество, находя, что он принесет больше пользы как писатель, значение которого Пущин предвидел. (См. И. И. Пущин-"Записки о Пушкине". Москва 1934).

26 Завалишин, Ипполит Иринархович (1809-1859?)-провокатор, возможно душевно больной; брат Дм. И. Завалишина. В 1826 г. в возрасте 17 лет, будучи юнкером, донес на

брата и сестру, но так как при этом обнаружил знание противоправительственных умыслов, был сам арестован, поражен в крепость, а затем сослан в Оренбург в солдаты. Здесь составил кружок из офицеров и выдал его; по этому делу сослан в 1827 г. в вечную каторгу. В 1843 г. выпущен на поселение в Верхнеудинск, где был наказан розгами за дерзость против городничего. В 1848 г. переведен из Вост. Сибири в Курган. Здесь писал бесконечные доносы, но впрочем и жалобы, в которых защищал интересы переселенцев, оскорблял в своих заявлениях местное начальство и т. п. В 1855 г. за дерзость против властей арестован и лишен пособия, которое получал как ссыльно-поселенец. Манифест 1856 года к нему не был применен. Был после того выслан из Кургана. В. П. Колесников - "Записки несчастного", изд. "Огни", 1914, "Ипполит Завалишин в Сибири" в "Русск. Стар." 1905, No 6, стр. 658 сл. В 1862-1865 вышло его "Описание Западной Сибири" в трех томах (в Москве).

27 Басаргин, Николай Васильевич (1799-1861) - декабрист; сын помещика; учился в

школе колоновожатых; служба во 2-й армии в Тульчине, вступил в "Союз Благоденствия", а затем в "Южное Общество", но скоро охладел к делу. В восстании декабристов участия не принимал, но был арестован и за недонесение о заговоре на цареубийство приговорен к каторге на 20 лет, сокращенной ему до 15 лет. В 1839 вышел на поселение в Тобольской губернии и получил разрешение вступить в правительственную службу. После амнистии 1856 г. вернулся в Россию. Оставил записки.

Фаленберг, Петр Иванович (1791 -1873) - русский политический деятель; сын саксонского уроженца, был подполковником квартирмейстерской части; член "Южного Общества". За участие в восстании приговорен к каторге на 12 лет, сокращенной до 8 лет; в 1832 г. вышел на поселение в село Шушинское Енисейской губернии. В 1856 г. амнистирован, а в 1859 году освобожден от надзора и вернулся в Россию.

Поджио, Александр Викторович (1798-1873) - русский политический деятель, сын итальянского уроженца, служил в Преображенском полку, а 1824 г. вышел в отставку; с

1823 г. член "Южного Общества", республиканец, стоявший за истребление царского дома. Приговорен к смертной казни, замененной ему бессрочною каторгою. В 1839 г. вышел на поселение. До 1859 г. оставался в Сибири, затем вернулся в Европейскую Россию и принял участие в проведении крестьянской реформы. 22 марта 1861 г. ему дозволено было проживать в Москве под надзором полиции. Оставил записки.

Бесчастный, точнее Бечаснов, Владимир Александрович (1802-1859)-декабрист; учился в Кадетском корпусе, был прапорщиком 8-й артиллерийской бригады; член общества "Соединенных славян"; за участие в замысле на цареубийство приговорен к смертной казни, замененной бессрочною каторгою, сокращенною до 20 лет; в 1839 г. вышел на поселение в село Смоленское Иркутской губ., где женился на крестьянке. В 1856 г. был амнистирован, но в Россию не вернулся и умер в ссылке.

Бестужев, Михаил Александрович (1800-1871)-декабрист, сын офицера; учился в Морском корпусе; был другом К. Рылеева, членом "Союза Благоденствия", а затем "Северного Об-

щества"; 14 декабря привел на Сенатскую площадь первые возмущившиеся роты. Приговорен к бессрочной каторге, сокращенной до 20 лет. Вышел на поселение в Селенгинск, где завел с братом Николаем Александровичем образцовое хозяйство. После амнистии 1856 г. остался в Сибири. Только в 1867 г. переехал в Москву.

Кюхельбекер, Вильгельм Людвиг Карлович (1796-1846)-русский писатель и политический деятель; сын ученого агронома; учился в Царскосельском Лицее вместе с А. С. Пушкиным, который позже вышучивал его за приверженность к старой литературной школе и отсутствие поэтического таланта. Служил при Ермолове в Тифлисе, где сблизился с Грибоедовым. Член "Северного Общества" и активный участник вооруженного восстания, он был приговорен к 20-летней каторге, причем 6 лет провел в различных тюрьмах, а затем сослан в Сибирь. В 1835 г. поселен в Баргузине, затем переведен в Западную Сибирь. Умер в Тобольске от чахотки.

28 Тюрьма, специально выстроенная для декабристов при Петровском железном заво-

де вблизи Верхнеудинска; туда декабристы, сосланные на каторгу, и были переведены из Читы в конце лета 1830 года.

29 Лепарский, Станислав Романович (1754-1837)-генерал-лейтенант; в 1810-1826 гг. командир Северского конно-егерского полка; в августе 1826 г. был назначен комендантом нерчинских рудников, куда предполагалось направить осужденных на каторгу декабристов. Хотя и соблюдая предписанные правила, Лепарский старался по возможности облегчить положение своих узников и заслужил от них хорошие отзывы.

30 Пестель, Павел Иванович, см. том I, стр. 441.

31 Муравьев-Апостол, Сергей Иванович, см. том I, стр. 441.

32 Рылеев, Кондратий Федорович, см. том I, стр. 442.

33 Крузенштерн, Иван Федорович (1770-1846)-известный путешественник и мореплаватель; с 1788 г. служил в русском флоте, а в 1793-1798 в английском. В 1803-1806 гг. совершил путешествие по побережью Тихого океана, объехав западные берега Америки и бере-

га Японии. В 18-26-1842 гг. был директором Морского кадетского корпуса. Оставил ряд сочинений.

34 Корсаков, Михаил Семенович (1826-1871)-генерал-лейтенант, член Государственного Совета; в 1845 г. выпущен из школы гвардейских подпрапорщиков в Семеновский полк; в 1848 г. назначен чиновником особых поручений к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Принимал активное участие в присоединении Амурского края к России. В 1854 г. уже в чине подполковника проехал с Муравьевым по Амуру; в 1855 г. совершил второе плавание по Амуру с экспедицией. В конце 1855 т. назначен военным губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. В 1860 г. назначен председателем совета при генерал-губернаторе Восточной Сибири, а в 1861 г. - исправляющим должность генерал-губернатора В. Сибири (в это время при нем бежал из Сибири Бакунин). В 1863г. получил чин генерал-лейтенанта. С 1870 г. назначен членом Госуд. Совета. Его сестра Наталья Семеновна вышла в 1862 г. замуж за Павла Ба-

кунина.

35 Т и м а ш е в, Александр Егорович (1818-1893)-русский полицейский деятель. В 1856 г. назначен начальником штаба корпуса жандармов, и управляющим Третьим Отделением вместо Дубельта; в 1867 г. назначен министром почт и телеграфов и членом Государственного Совета. В 1868 г. назначен вместо Валуева министром внутренних дел, на каком посту оставался до 1878 года. Реакционер, гонитель печати, земства и пр.

36 Таким образом Бакунин называет здесь доносом жалобу на злоупотребления местной администрации. Этак нетрудно возвести в доносчики. кого угодно. Злоупотребляя такою терминологиею, Бакунин дошел до клеветнического обвинения в писании доносов и Петрашевского.

В этом отношении Бакунин повторял обвинение Муравьева, который в письме к Корсакову из Петербурга от 15 марта 1860 г. сообщал, что "(Петрашевский пишет доносы в III Отделение". Бакунин не ограничивался, возведением этого обвинения на Петрашевского в частных письмах; так, будучи в гостях у ир-

кутского губернатора Извольского, он позволил себе там сказать, что Петрашевский и Завалишин пишут доносы в Третье Отделение. Муравьев, а вслед за ним Бакунин объявляли доносом всякую подписанную даже полным именем жалобу на произвольные действия администрации. Но если царскому сатрапу Муравьеву это было простительно, то политическому ссыльному Бакунину это вряд ли подобало (см. статью В. Семевского "М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири". "Голос Минувшего" 1915, март, стр. 48). В. Полонский в "Материалах для биографии Бакунина", т. II, стр. 647-677, перепечатал жалобы Петрашевского по начальству, которые дали повод его врагам бросать против него позорящее обвинение в писании им "доносов". Содержание этих документов, свидетельствующих скорее о мужестве Петрашевского, который в качестве бесправного ссыльного дерзнул вступить в открытый бой с всемогущими царскими сановниками, разоблачая их неправильные действия" показывает, насколько легкомысленно поступал Бакунин, повторяя это обвинение, брошенное против Петрашевского раз-

драженным генерал-губернатором Восточной Сибири.

37 Как указывает В. Семевский в своей работе о петрашевцах, характеристика, даваемая в письмах к Герцену Петрашевскому, "гораздо более роняет самого Бакунина, чем Петрашевского". Семевский кстати напоминает, что Петрашевский был единственным из своих сопроцессников, так и кончившим свои дни в Сибири. А то, что именно Бакунин, а не кто другой, выдвигает против Петрашевского такие обвинения, как то, что он не платит своих карточных долгов (Бакунин вообще никаких не платил), или что его поклонниками является мелкая интеллигенция, которую Бакунин всегда и везде провозглашал главной силой революции, показывает только, что в своем желании угодить своему покровителю Муравьеву Бакунин утратил меру и потерял чувство смешного.

Для характеристики атмосферы, создавшейся тогда в Иркутске, приводим выдержки из двух писем, перехваченных жандармами (не знаем, враждебными или дружественными Муравьеву) и принадлежащих повидимо-

му рядовым обывателям. Первая выписка сделана из письма П. Новицкого, неизвестного лица, приехавшего по приглашению Муравьева на работу в Восточной Сибири и временно оставшегося без назначения, к Алексею Никифоровичу Майнову, полковнику лейб-гвардии уланского полка, прикомандированному к департаменту Генерального Штаба. В письме, датированном 1 июля 1860 г. и направленном из Иркутска в Петербург, автор выражает свой ужас по поводу сложившейся в Иркутске обстановки: людей нет, вместо них "шайка разбойников". "Муравьев в Петербурге и Муравьев в Иркутске это - дело иное. Здесь он неузнаваем... Вы видите перед собою какого-то хама сибирского или, как его здесь называют, князя сибирского... Муравьев окружил себя людьми, подобными Беклемишеву, убийце Неклюдова; кругом его образовалась шайка людей, готовых на все, что есть безнравственного. От этих господ зависит сделать из вас то, что им хочется, и вы, явившись в Иркутск, должны себя заявить, т. е. стать на сторону этой шайки, к которой принадлежит и Бакунин, или же быть заброшен-

ным без жалованья, переведенным в самое отдаленное место Восточной Сибири и оставленным за штатом, т. е. должны умирать с голоду. Шпионство, наушничество и полный деспотизм, разврат, мотовство и издевка над всеми святыми чувствами человека, гонение на всякий след, на всякое выражение гуманности - вот чем живет здешнее общество" (Дело Архива Революции, III О. 2 секр. арх. К. 8. No 361, лл. 1-2).

Допустим, что в данном случае мы имеем перед собою выражение настроения недовольного чиновника, обманувшегося в своих ожиданиях и сгущающего краски. Но вот перед нами выписка из письма другого иркутянина, какого-то Мехеды, по всему содержанию письма человека прогрессивного и принадлежащего к партии, составлявшей оппозицию Муравьеву. В этом письме, посланном 15 октября 1860 г. из Иркутска в Петербург Александру Александровичу Каргакову, автор, рассказывая о бесправии и диком произволе, благодаря которому "бывшие судьи по делу Неклюдова превратились в подсудимых", и о том, что "теперь целые толпы от

утра до вечера спешат утешать любимцев сибирского властелина", т. е. Беклемишева и компанию, прибавляет: "Досаднее всего видеть в этой бестолковой толпе Бакунина, этого Иуду русской свободы, этого представителя (?) откупной системы в Иркутске, - чего доброго я поверю, что он принадлежит к тайной полиции, как и поговаривают в городе. Неужели Герцен не знает о страшном падении своего бывшего друга? Кажется, знает: так по крайней мере позволяют думать замечания редакции на письме Бакунина в защиту дуэли. Какое подлое письмо! Все сострепано с целью упрочить свое положение в материальном отношении. С одной стороны бесконечная похвала, с другой грубая насмешка над мертвецом, - письмо представляет собою крайность и выражает одну только сторону медали, представляет в светлом виде муравьистов и старается замарать покойного. Выражение "хамократы" падает неизгладимым пятном на Бакунина" (Дело Архива Революции, III О. 2 секр. арх. К. 9. No 362, л. 1).

Как бы ни оценивать резкость выходов по адресу Бакунина и приписывание ему поступ-

ков, участие в которых не доказано, а только правдоподобно (вроде сотрудничества в составлении ответа на заметку Белоголового в "Под суд" о дуэли), впечатление от печатаемых выписок получается именно такое, что Бакунин в Иркутске занял ложную позицию, резко расходившуюся с ожиданиями местных прогрессистов и сильно восстановившую их против него, - настолько, что они готовы были смотреть на него как на человека, предавшего дело свободы, и допускать службу его в тайной полиции.

Вот что пишет о Бакунине в своих цитированных воспоминаниях Б. А. Милютин: "За высылкой Петрашевского на сцену выступил Бакунин, но он не прикасался черви. Он плавал по верхушкам и был очень хорошо принят у Из[вольск]их. Держал он себя в политическом отношении очень скромно; хотя за ним, за учителем, и ходило несколько лиц из молодежи, но я подозреваю по отношению к некоторым, умысел у них был иной: пользуясь близостью Бакунина и к графу Муравьеву и к Изв[ольско]му, заручиться карьерой, чего через последнего они и достигали. Помню

бывшие у Бакунина вечера: квартира не топленая, грязно содержимая. Приходилось сидеть в верхней одежде, согреваться чаем. Денежные средства у Бакунина были плохи; ученики доставляли к чаю коньяк. А речи лились потоком из уст красноречивого хозяина. Впрочем, он пропагандировал мало, более всего рассказывал о своих подвигах. Оттого ли, что он остерегался из уважения к графу Муравьеву, или к тому времени он выдохся, но лично на меня Бакунин никакого впечатления не произвел, а последовавшая затем женитьба его, совершившаяся крайне грязно (?), и подлая проделка его с Корсаковым внушала к нему полнейшее отвращение" (цит. ст., стр. 629-630). Насколько можно доверять этому мемуаристу, видно из того, что женитьбу Бакунина он относит ко времени после его переезда в Иркутск, и, перепутав все, что он слышал, говорит о какой-то грязи, в которой она совершилась. Что он стоит не выше "великого" Кавелина и строго осуждает побег Бакунина, обидевший Корсакова, нас удивить не может.

38 Головин, Иван Гаврилович, см. том III,

стр. 470.

39 Сент-Юрюж, Виктор Амедей де ла Фэ, маркиз (1750-1810)- французский политический деятель. Родился в столбовой дворянской семье, крестным отцом его был король Сардинский Виктор-Амедей. По смерти отца получил огромное наследство, оставил армию и стал путешествовать. Женился на актрисе, которая сумела засадить его в сумасшедший дом, где он пробыл с 1781 по 1784 г. По освобождении выслан в свое имение под надзор полиции; бежал в Англию, вернулся во Францию в 1789 г. и с головою погрузился в революционное движение. 12 июля 1789 г. поддерживал Камилла Демулена; позже был сторонником Дантона, арестован вместе с ним, но выпущен после 9 термидора. С тех пор стоял в стороне от политики.

40 Достоевский, Федор Михайлович (1822-1881) - русский писатель и политический деятель: окончил Инженерное училище; член кружка петрашевцев, был арестован в апреле 1849 г., обвинялся в чтении письма Белинского к Гоголю, приговорен к смертной казни, замененной ему на эшафоте 4 годами каторги; в

тюремне подвергался телесному наказанию, повлиявшему разрушительно на его психику; после каторги был в 1854 г. сдан на 3 года в солдаты; в 1859 г. возвратился в Россию больным эпилепсией и духовно разбитым. В своих многочисленных беллетристических произведениях выводит жертв петербургской жизни и самодержавного общества, большею частью из рядов обедневшего дворянства и мелкого чиновничества, проповедуя при этом смирение, покорность, приятие существующего строя и шельмуя вместе с тем всякую попытку бороться против господствующего режима, изрекая анафему не только на революционно-демократические, но и на умеренно-либеральные стремления, поскольку они хоть в малом расходятся с принципами самодержавия и православия.

41 Толь, Феликс Густавович, в письмах подписывался Эммануил (1823-1867)-русский писатель и политический деятель, немец по происхождению, сын канцеляриста, окончил Педагогический Институт, был преподавателем; член кружка петрашевцев, выступал там с проповедью атеизма; приговорен к смерт-

ной казни, замененной 2 годами каторжных работ на заводах. В 1855 г. получил разрешение жить в Томске, где там и познакомился с Бакуниным. В 1857 г. ему возвращены права состояния и дозволено вернуться в Россию; в 1859 г. разрешено жить в столицах. Написал ряд педагогических статей и рассказов, социальный роман "Труд и капитал" (1861), составил и издал в 3 томах с приложением "Настольный словарь" (1863-1866), вовлекший его в долги.

42 Рассказ Бакунина здесь неточен. Речь идет о "Карманном словаре иностранных слов". Первый выпуск его (176 страниц, А-Мар) вышел в апреле 1845 г. и был посвящен в. кн. Михаилу Павловичу как главному начальнику военно-учебных заведений издателем, каковым был штабс-капитан Н. С. Кирилов; редактором этого выпуска был В. Майков; он же и Р. Штрэндман были главными сотрудниками. Таким образом к первому выпуску и к посвящению словаря Михаилу Павловичу Петрашевский не имел никакого отношения. Второй выпуск словаря (177-324 стр.. Мар-Орд) вышел в апреле 1846 г. уже под

редакциею Петрашевского, которым написаны здесь почти все главные статьи. Петрашевский пользовался словарной формой как прикрытием для пропаганды социалистических, преимущественно фурьеристских идей, а в философской области - идей Фейербаха. Выпуск словаря был задержан в начале мая, затем книга подвергнута секвестру, а после дела Петрашевского полиция начала отбирать и 1 -и выпуск; в 1853 г. были сожжены хранившиеся в цензурном комитете отобранные экземпляры 2-го выпуска (1599; всего было напечатано 2000, так что 400 успели разойтись). Преследованию за этот словарь Петрашевский не подвергался.

43 О Языковой, Елизавете Петровне, см. том III, *passim*.

44 Хоецкий, Эдмунд, псевдоним Шарль Эдмонд (1822-1898)- польский писатель, беллетрист и публицист, писал по-польски и по-французски; в 1844 г. выехал во Францию и в Париже стал сотрудничать во французских журналах ("Независимое Обозрение"). В 1848 г. участвовал в пражском славянском съезде, вернулся в Париж, откуда уехал в Египет для

изучения восточных проблем. В 1856 г. был секретарем принца Наполеона и участвовал с ним в экспедиции на север. Написал по-французски несколько драм и знакомил французов с польской литературой. Был акционером и сотрудником газеты "Temps". Был знаком с Герценом и с Бакуниным.

45 Эренберг, Густав (1816-1895)-польский писатель и политический деятель; родился в Варшаве, учился в Краковском университете, был любимцем молодежи; участвовал в революционном движении и в 1839 г. выехал в Царство Польское в качестве эмиссара "Союза польского народа"; привлеченный к делу Симона Конарского (см. том 111, стр. 552), был приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. До 1858 г. пробыл в Забайкалье (здесь написал между прочим "Даурские элегии"), затем вернулся в Варшаву, где служил в управлении майоратами Замойского, а позже библиотекарем в библиотеке ординации. С 1870 г. жил в Кракове, где был профессором литературы на женских курсах.

46 У Драгоманова напечатано Трентков-

ский вместо Трентовский и Четжовский вместо Цешковский (или Тешковский, Gieszkowski). Это кстати дает некоторое представление о той небрежности и невнимательности, с какими Драгоманов отнесся к взятому на себя делу первого издания писем Бакунина к Герцену и Огареву.

Трентовский, Бронислав Фердинанд (1807-1869)-польский философ, вышел из бедной семьи, в 1826 г. слушал философию в Варшавском университете, по окончании которого сделался преподавателем латыни и истории в духовной школе. После революции 1831 г. эмигрировал в Германию; слушал лекции в нескольких германских университетах и в 1836 году получил в Гейдельберге степень доктора философии, В философии держался эклектической позиции, стремясь примирить "немецкий идеализм" с "романским реализмом" для создания "универсальной философии", основы которой пытался изложить в книге "Grundlage der universellen Philosophie" 1837 г.. Был доцентом философии в Фрейберге. Мистик, идеалист, кончил теософом. Автор множества книг и брошюр, не имеющих на-

учного значения.

Цешковский, Август (1814-1894)-польский философ и экономист; учился в Берлинском университете, был членом многих ученых обществ и учреждений, основал журнал "Варшавская Библиотека" (с 1841 года). Написал много работ по философии и политической экономии на французском, немецком и польском языках. В 1847 г. переехал в Пруссию и был избран от Великого Герцогства Познанского депутатом в прусский сейм. Бакунин в 1848 году часто встречался с ним в Берлине.

№ 611.-Ответ "Колоколу".

(1 декабря 1860 года.)

С негодованием и грустью прочли мы ваши строки под заглавием "Тиранство сибирского Муравьева". Вы с ирониею отзываетесь о поклонниках Муравьева, сами же являетесь слепыми поклонниками Петрашевского. Если бы вы знали, кто такой Петрашевский и что он делал и делает, вам было бы стыдно. И неужели все ваши известия не достовернее тех, которые вы получаете из Восточной Сибири?

Впродолжение 13 лет один из лучших рус-

ских людей, проникнутый истинно-демократичным и либеральным духом, трудился в поте лица своего, для того чтобы очеловечить, очистить, облегчить и поднять по возможности вверенный ему край. Он совершил чудеса, в особенности чудеса для соннолюбивой России, привыкшей заменять дело фразами да мечтами; ничтожными средствами, без всякой помощи и поддержки, почти наперекор Петербургу он присоединил к русскому царству огромный благодатный край, придвинувший Сибирь к Тихому океану и тем впервые осмыслил Сибирь; он не жалел ни трудов, ни здоровья, он весь отдался великому и благородному делу, сам везде присутствующий и сам всегда работая как чернорабочий. В продолжение 13 лет он давал нам пример полнейшего самоотвержения; все его стремления, замыслы, предприятия, отличавшиеся истинно гениальной меткостью и простотою, проникнуты были высоким духом справедливости и желанием общего блага. 13 лет боролся он и боролся небезуспешно за траву сибирского народа, стараясь освободить его, опять-таки сколько было возможно при известных

вам политических условиях, от притеснений чиновно-административного, купеческого, горнозаводского, золотопромышленного, равно как и от зловонно-православного притеснения. Он успел очеловечить вверенный ему край, смягчить и облагородить все отношения, так что можно смело сказать, что ни в одной провинции России нет такой свободы движения и жизни вообще, как в Восточной Сибири, и ни в одном провинциальном городе не живет так привольно, легко и гуманно, как в Иркутске. Все это - дело Муравьева Сибирского. Что ж, разве стыдно называться его поклонником? В России, стране слов и безделья, чему же и кланяться, как не делу? В Англии, во Франции, везде на Западе такой деятель, как Муравьев, был бы признан давно, но мы, русская публика, мы - лакеи, завистливые ненавистники чужого достоинства и меряющие свое собственное способностью к всеруганью. Что такова русская публика, немудрено: мы все знаем, как она произошла. Но вы, благовестники новой России, вы, защитники прав русского народа, как могли вы не признать и оклеветать его лучшего и

бескорыстнейшего друга? Незнание не может служить для вас оправданием; говоря так громко, так резко, приобретая такую силу в России, вы должны знать много и точно, иначе голос ваш будет бесчестным и вредным. В то время как истина одна может спасти Россию, ложь и к тому же такая громкая ложь становится преступлением.

Вы когда-то проявляли симпатию к сибирскому Муравьеву; вероятно не без данных и не без причин. Но вот вам пришлось решать между ним и Петрашевским, и вы, не усумнившись нисколько, позабыв все данные и все причины, осуждаете генерал-губернатора, пишете о тирании сибирского Муравьева. Не лицепрятание ли и не чинопочитание ли это? Только в обратном порядке: ведь для вас политический преступник то же, что для простого русского смертного действительный тайный советник, министр или фельдмаршал. Вы не допускаете, чтобы политический преступник мог быть мерзавцем, хоть бы напр[имер] корреспондентом 3-го Отделения, и подивитесь без сомнения немало, когда узнаете, что не одни вы, но с вами вместе и

лазурный блюститель порядка с огромным виноградным листом (Т. е. начальник Иркутского губернского жандармского управления.) жалеет о высылке Петрашевского из Иркутска¹.

Вы учите Муравьева Сибирского, как должно обходиться с сосланными вообще и с политическими в особенности. Если бы вы знали, кого вы учите! Человека, который впродолжение 13 лет, с первого дня своего управления, был горячим заступником, другом всех поселенцев, который, несмотря на множество препятствий и неудач, не переставал отстаивать права их в Сибири и в Петербурге, сердце которого, открытое для всех несчастий, полно симпатии и уважения к несчастью незаслуженному и благородному. И все это не на словах, а на деле, слышите ли вы, русские люди, на деле. Как же вы могли об этом не знать? Биографы декабристов, имеете ли вы право не знать, чем Муравьев был для них? С первого дня прибытия его в Иркутск в 1848 году пали цепи с благородных рук Петра Высоцкого 2, заключенные освободились, привязанные к месту получили свободу движения.

Проезжая через Западную Сибирь, в Ялуторовске, он гостил у поселенных там декабристов: Муравьева-Апостола 3, И. И. Пущина, Якушкина 4, Басаргина и проч., беседуя с ними не как равный с равными, но как младшие со старшими и, первый генерал-губернатор в России, преклонил голову, непривыкшую гнутья, перед высоким несчастьем. В Иркутске он окружил себя декабристами, сделал их своими ближайшими друзьями, советниками. Разумеется, на него посыпалось множество доносов из Сибири; Сибирь - страна клевет и доносов par excellence (По преимуществу.), - вам это знать не мешает, - и знаете ли, как странно и неожиданно ответил на них Николай:

"Наконец я нашел человека, который меня понимает; пора же обходиться с ними как с людьми", - и так поступал Муравьев и так говорил Николай в 1848 и 1849 годах, т. е. в самый разгар безумнейшей реакции внутри России. Благодаря Муравьеву декабристы из утесненных, бесправных сделались первенствующими людьми в Восточной Сибири. Спросите у оставшихся в живых: все без исключения,

кроме только трех, все гордились и гордятся дружбою Муравьева. Исключение же составляют два брата Завалишины да еще один псевдо-декабрист, враг Муравьева, которого мы называть не станем, потому что интригуя всеми способами против Муравьева и в Петербурге и в Сибири, он сам еще себя не называет (Бакунин имеет в виду Владимира Федосеевича Раевского.). Один Завалишин (Ипполит Иринархович.) доносчик на декабристов и на брата, был вскоре переведен в Западную Сибирь, где и умер; другой же, Дмитрий Иринархович Завалишин, ненавидит Муравьева за то, что он не дозволил ему поцарствовать по-русски в Чите.

Но не на одних декабристов, а на всех сосланных поляков распространилось одинаково покровительство Муравьева. До его прибытия в Сибирь они терпели всякого рода притеснения и оскорбления. При нем они сделались неприкосновенными. Мы видели их возвращающихся в край после амнистии, которая нигде не была применена так широко, как в Восточной Сибири, и слышали, как единодушно благословляли они имя Муравье-

ва-Амурского; и между ними, к их славе и к нашему русскому стыду, не нашлось ни Завалишиных, ни Петрашевского... Мы слышали, как отзывался о нем достойный патриарх польской свободы, друг Лунина⁵, Петр Высоцкий: "Муравьев помирил нас и с русскими и с именем Муравьева". Высоцкий жив; спросите у него, правду ли мы говорим или нет. Пусть "Колокол" обратится с громким вопросом прямо ко всем полякам, бывшим в Сибири, недостатка в ответах из польского края не будет^{5а} Наконец знаете ли вы, что писал тиран Муравьев в Петербург в 1858 году, в день заключения Айгунского трактата, в силу которого Амур стал русской рекою: "Если я заслужил милость государя, то как единственной награды прошу о прощении..." ("Петрашевского, Снешнева, Львова и родственника моего, Бакунина". (Примечание Бакунина 6.) четырех политических преступников, и между ними первый поименован Петрашевский. Каким же образом Муравьев сделался вдруг гонителем Петрашевского[LDN1]?

Решаясь ответить на этот вопрос, мы приступаем к весьма трудному и деликатному де-

лу. Во все времена и во всех странах, где был только проблеск человеческого чувства, звание политического изгнанника было священно; в России же, особенно в царствование императора Николая, быть политическим преступником значило быть лучшим человеком в государстве. Такое понятие было часто не более как фикция, но фикция необходимая, спасительная. Теперь же время фикций прошло. Фикции к чорту или пожалуй на Запад, нам же, русским, для нашего спасения необходима теперь истина полная, чистая, совершенная. Мы сами, воспитанные в религиозном уважении к политическому несчастью, долго не решались отвечать на ваши нападки на Муравьева Сибирского именно потому, что для полного ответа должны были разоблачить две фикции: Завалишина и Петрашевского. На первый раз оставим Завалишина в стороне; но последнюю выходкою своею вы поставили так резко вопрос между генерал-губернатором Восточной Сибири, графом Муравьевым-Амурским, и политическим преступником Михаилом Васильевичем Петрашевским, что молчать долее, когда ложь гово-

рит так громко и так нагло, было бы с нашей стороны преступлением. Выбор между Муравьевым-Амурским и Петрашевским, т. е. между благородным человеком и... Петрашевским, для нас не труден. Мы сказали довольно о Муравьеве; поговорим теперь о г-не Петрашевском.

Вероятно по той же самой причине, по которой все политические преступники безусловно хвалятся в вашем журнале, вы придаете в нем и делу Петрашевского неестественные, громадные размеры. В сущности же дело было пустое: если что в нем было громадно, то это-недобросовестность, подлость некоторых правительственных лиц, придавших ему политическое значение в видах придворной интриги и личной пользы. Министру внутренних дел понадобилось отличиться в ущерб тайной полиции, для этого Петрашевский был превращен в Брута, а кружок из нескольких более или менее пустых молодых людей (пустых за исключением может быть одной или двух личностей), собиравшихся вокруг него без цели, просто чтобы покутить да поболтать обо всем, в опасное тайное обще-

ство 7. Их чуть было не расстреляли и сослали на каторжную работу в Сибирь. Освобожденный вскоре Муравьевым, Петрашевский предался своим любимым занятиям: интриге да ябеде, чем и навлек на себя единодушное презрение всех поляков, товарищей по заключению. Вы, может быть, воображаете, что Петрашевский - кровожадный революционер с разрушительными замыслами; нисколько. В Петербурге в кружке своем он постоянно противился революционному направлению и всякому практическому применению новых идей: он любит проливать не кровь, а чернила: он сидит верхом на своде законов и роскошествует в грязных и темных проходах российского законодательства. Он - агитатор чернильный и готов поссорить братьев, друзей для того только, чтобы завести между ними тяжбу. Он поражает своею бессовестностью, наклеветет на вас, и когда вы изобличите его, не краснея нисколько, он скажет вам: "Ну что ж, это было необходимо по тогдашним моим соображениям. Зачем вы сердитесь? Более не буду". Честь и личное достоинство для него-понятия чужестранные, к нему худо или

даже совсем не привившиеся. Клевета и ложь - его мелкая монета, а неутомимость, искусство в интриге доходят в нем просто до гениальности. Он возненавидел Беклемишева, знаете ли за что? Петрашевский-несчастный (Вероятно здесь у Драгоманова опечатка: по смыслу должно было бы быть "нечестный".) игрок, без денег и без уменья, выигрывает - берет, проигрывает - не платит, вследствие чего никто не хотел играть с ним в Иркутске. Раз вечером месяца за два до несчастной дуэли он явился к Беклемишеву незванный и нежеланный, стал напрашиваться на игру; с ним играть не хотели, наконец уступили ему, он проиграл и свои деньги и деньги, вымоленные им у присутствовавших; ушел, проигравшись в пух, а Беклемишев как хозяин дома заплатил за него около 150 рублей сер., которых Петрашевский ему вероятно никогда не отдаст. Вот из таких-то причин произошла непримиримая ненависть Петрашевского к Беклемишеву и товарищам. И чем же она выразилась? Гнусною преступною клеветою.

В апреле 1859 года в отсутствие Муравьева, только что отправившегося вниз по Амуру в

Китай и в Японию, случилась дуэль Беклемишева с Неклюдовым. Это была первая дуэль в Иркутске, чуть ли не в целой Сибири. Она поразила паническим страхом всех иркутян, худо понимающих тонкую, более западную, чем русскую черту, отделяющую учтивое убийство по всем правилам рыцарского поединка от простого и грубого смертоубийства. К тому же ни Беклемишев, ни его товарищи (У Драгоманова напечатано "товарищ".) не были любимы в Иркутске. Причина же их непопулярности заключалась отчасти в них самих: они нередко отталкивали и оскорбляли других важничаньем своим и тщеславием, большею ж частью в том, что, верные и неподкупные исполнители воли генерал-губернатора, они, равно как и сам Муравьев, навлекли на себя гнев и негодование всех приверженцев старого порядка, а таких людей в Иркутске, равно как и в целой России, - легион. Таким расположением умов Петрашевский воспользовался с великим искусством и показал при этом случае замечательный талант к агитаторству. Полчаса после дуэли, при которой, разумеется, ни он, ни его приятели не могли присут-

ствовать, он уж кричал по домам и по улицам об изменническом убиении Неклюдова. К нему присоединились товарищ его Львов, побуждаемый одинаковыми причинами, несколько надорванных учителей-недоучек, несколько мелких чиновников, все поклонников его политического величия, да еще несколько мещан, товарищей по миллиарду. Эта шайка занялась собственно демократической пропагандою. День был праздничный, светло-воскресный. Народ кишел (У Драгоманова напечатано "кипел".) на площади и по улицам, дело пошло удачно. Петрашевский, неутомимый, неумолимый, с яростно взволнованными чертами и глазами, бросающими искры, с афишами в руках, бегал "продолжение целого дня из одной улицы в другую, везде волнуя народ, раздавая ему афиши и приглашая его на похороны Неклюдова. Не пренебрег он также и гостиными, а благодаря рекомендации Муравьева- он имел доступ во все; и в гостиных также служебное недовольство и зависть, оскорбленное тщеславие вместе с оскорбленным карманом доставили ему слишком много союзников, так что к кон-

цу первого дня по дуэли девяносто девять сотых голосов в Иркутске, слитых в один голос электризирующей деятельностью Петрашевского, стали единодушно кричать против злодеяния Беклемишева и товарищей, - явление в высшей степени грустное, ибо оно доказывает, как мало в русской публике самостоятельности, критического смысла и справедливости. Мы говорим в "русской публике", потому что нелепая весть благодаря опять-таки удивительной деятельности Петрашевского с быстротою молнии разнеслась по целой России и везде нашла ту же глупую, нелепую веру. И сам "Колокол", умный, благородный, спасительный "Колокол", не избег общей участи: тронутый рукою того же Петрашевского, он также зазвонил вздор и гнусную клевету. И странно, никому не пришло в голову задать себе только простые два вопроса.

Во-первых, возможно ли, чтобы несколько молодых людей, порядочных, воспитанных и прежде всего молодых, следовательно еще мало испорченных русскою жизнью, спасаемых от общей русской порчи уже одним живым течением крови, возможно ли, чтобы, не

подвергаясь сами ни малейшей опасности, они, пренебрегши и честью и совестью и даже удобным случаем безвредно хвастнуть молодечеством, стали предлагать смертельно оскорбленному товарищу заменить дуэль благородную и необходимую подлым, холодным, изменническим убийством? Заметьте, что мы берем здесь худшее предположение, говоря о молодых людях с самым пустым содержанием, только светски-воспитанных, и уверяем вас, что Анненков и Молчанов, секунданты Беклемишева и Неклюдова, не только светски-образованные, но и действительно благородные и честные люди.

А во-вторых, предположив даже, что Анненков и Молчанов так испорчены, что могли согласиться на подлое преступление в пользу товарища, чем же мог вознаградить их Беклемишев за страшную опасность, которой подвергались они в случае открытия их гнусной сделки, скрыть которую было бы так трудно, почти невозможно? А подвергались они, не говоря уже о публичном презрении, лишению прав состояния да каторжной работе. О преданности и самоотвержении гово-

рить тут некстати: подлецы не жертвуют собою; Беклемишев же не богат, не знатен и не силен. Что ж, разве они-дураки? Но ни Петрашевский, ни "Колокол" в идиотстве их не обвиняют. Не ясно ли, что обвинений нелепо, а вместе с тем и преступно? И эту нелепость, злостно распространенную Петрашевским, повторили послушно за ним весь Иркутск, целая Россия, сам "Колокол"! Вот вам и русская публика.

При этом рождается вопрос: при наших законах, при известных всем порядках где взял бесправный и незащитный поселенец Петрашевский столько силы, чтобы взволновать целый Иркутск? Ответ на этот вопрос будет служить вместе ответом и на печатную клевету против тирана Муравьева. Муравьева в Иркутске не было. При нем, разумеется, грязный агитатор не смел бы и пикнуть, но в отсутствии его он был всемогущ и мог безнаказанно шуметь и клеветать, потому что никто кроме самого Муравьева не имел над ним власти: так высоко поставлены все политические преступники тираном сибирским. К тому же Петрашевский умел обеспечить за со-

бою еще другую поддержку. Он сделался корреспондентом 3-го Отделения, столы которого, говорят⁸, завалены доносами Петрашевского и Завалишина. Не пренебрегая ничем, он искал опоры в крупном и мелком чиновничестве, даже в попах, равно как и в синем мундире. Опираясь таким образом с одной стороны на мнимое сочувствие Муравьева, который с ведома всех принимал его с почетом еще накануне своего отъезда, с другой же - на множество тайных и явных недоброжелателей Муравьева, запугивая одних генерал-губернатором, других - жандармами, третьих - "Колоколом", Петрашевский безнаказанно и беспрепятственно бушевал в Иркутске целое лето, целую осень, почти ползимы - до самого возвращения Муравьева в январе 1860 года. Он не довольствовался ни криком, ни клеветами, ни систематическим распространением нелепых и гнусных вестей, ни доносами в 3-е Отделение да в "Колокол" ⁹, нет, он то именем Муравьева, то именем Тимашева и наконец еще именем какого-то генерал-адъютанта, возвещенного ему будто бы из Петербурга, старался застращать след-

ственную комиссию, наряженную по делу дуэли; подсылал в нее лжесвидетелей. Потом с помощью друга и союзника своего, советника губернского суда Ольдекопа¹⁰, личного врага Беклемишева, до такой степени запугал (Вероятно это опечатка вместо "запутал", как должно быть по смыслу.) несчастных и во всех отношениях ничтожных членов окружного суда, что те, сбитые с толку, произнесли известное вам злостно нелепое решение, которым, признавая с одной стороны, что юридических доказательств не нашлось ни против Беклемишева, ни против двух секундантов, тем не менее присудили их на основании общего говора как убийц к лишению прав состояния и к каторжной работе. Таким же образом старался он действовать и на губернский суд, и все это делал он те скрытно, - в этом его единственное достоинство, - он терроризировал целый город, все губернское и городское начальство, - в этом их стыд, - врывался в присутственные места, грозил советникам главного управления, как некогда Петр Великий в сенате, палкою и перед самим зеркалом, стращал их то Муравьевым, то

синим мундиром, то таинственным генерал-адъютантом из Петербурга, то "Колоколом".

Прошло пол-лета, Петрашевский называл себя еще приверженцем Муравьева, тремя единственно против молодых людей, будто бы компрометирующих генерал-губернатора. Но вот пришли вести с Амура. Муравьев ясно выразил свое негодование против Петрашевского, велел напомнить ему его невыгодное политическое положение и советовал ему замолчать. Вместе с тем, оставаясь верным системе, принятой им раз навсегда в отношении к политическим преступникам, он писал к иркутскому начальству: "как ни прискорбны действия Петрашевского, я желаю, чтоб они остались для него без последствий". С тех пор Петрашевский стал отъявленным врагом Муравьева и слил свою злость с более старинною злобою Завалишина, с которым вступил с тех пор в дружескую переписку. Наконец Муравьев возвратился.

Терпеть действия Петрашевского он не мог ни как генерал-губернатор, ни как благородный человек; что же он сделал? Он отказал

Петрашевскому от дома, отрешил товарища его Львова от места, занимаемого им в главном управлении, и велел сказать им обоим, что если они не перестанут неистовствовать, он будет вынужден выслать их из Иркутска. Что же тут жестокого и тиранического и можно ли было поступить мягче? 11

Львов и Петрашевский как политические преступники, скажете вы, заслуживали всякого уважения и снисхождения. Но если политический преступник украдет, разве он будет не вор [ом]; не убийцею, если он убьет того; не мерзавцем и не подлецом, если он надевает мерзостей? Неужели кто-нибудь в мире, царь ли он или политический преступник, может безнаказанно творить мерзости, и с которых пор мерзавец, носящий недостойным образом имя политического преступника, сделался святым и неприкосновенным? Где же справедливость и логика? Как благородный человек и как правосудный генерал-губернатор Муравьев должен был положить конец проискам и беззакониям Петрашевского. Вы спрашиваете, зачем он не представил его к переселению в Западную Сибирь или на

Кавказ. Но во-первых такие представления редко удаются, ибо переселение в Западную Сибирь считается милостию, хотя и совершенно напрасно: для политических преступников жизнь в Восточной Сибири несравненно легче и привольнее, чем в Западной, где они до сих пор подвергаются бесчисленным утеснениям и оскорблениям, так что в последнее время многие поляки перепросились в Восточн[ую] Сибирь, где они находят и более уважения, свободы и гораздо более надежды возвратиться на родину. Итак по вашему человеку, так много напакостившего и писавшего доносы на Муравьева, Муравьев должен бы был или представить к милости,-но тогда где ж бы были разум и правосудие?- или должен был объяснить петербургскому правительству причины, побудившие его просить об удалении Петрашевского из Иркутска, т. е. сделать неисправимое зло самому Петрашевскому. Оставалось еще третье: предать его суду за громкую и очевидную противозаконность его поступков, что повлекло бы за собою неминуемо наказание Петрашевского плетьюми, потому что по рус-

ским законам поселения, подвергается плетям и за меньшие преступления. Для того чтобы спасти Петрашевского от его собственного безумия и от последствий его безумных поступков, Муравьеву ничего более не оставалось делать как выслать его из Иркутска. А в доказательство, что им руководила не злость и не мелкая мстительность, заметим только, что если бы он хотел сделать зло Петрашевскому, то он послал бы его так же легко в Туруханск или в Якутскую область или в Баргузин за Байкалом, а не в благодатный Минусинский край, один из центров золотопромышленности, на границе Западной Сибири.

Во все время пребывания Муравьева в Иркутске Петрашевского не было слышно, он присмирел. С Муравьевым шутить неудобно; трудно найти человека благороднее, великодушнее, но при всей доброте он - лев, а львиный гнев вызывать опасно. В Петрашевском много дерзости, но не храбрости, - интрига редко бывает мужественна, и храбрость не есть дело законников. Петрашевский знал Муравьева, а потому и молчал. Обманутый этим молчанием, Муравьев, уезжая в Петер-

бург, просил генерала Корсакова (Михаил Семенович.), которому передал на время управление Восточную Сибирью, оставить Петрашевского в покое, пока он сам не нарушит покоя. Но едва лишь только лев скрылся, как волк-Петрашевский, ставший было овечкой, вновь обратился в дикого волка; едва прошла неделя по отъезде Муравьева, как он ворвался с старыми угрозами в два присутственные места, требуя в одном неправильно денег, в другом - объяснения причин удаления его товарища Львова из главного управления, и наконец подал в губернский суд ябеднически пасквильную просьбу по золотопромышленному делу, по которому он действовал как доверенный: в этой просьбе требовал он отвода помощника председателя губернского суда Молчанова, якобы причастного в смертоубийстве (в то время как губернский суд решением своим признал уже правильность дуэли), и по поводу каких-то 20.000 руб., будто бы следуемых от некоего золотопромышленника его доверителю, сумел письменно официально приплести всю беклемяшевскую историю, перебрать и перебранить Беклемишева с то-

варищами и в сотый раз повторить нелепую, гнусную, им же самим сознательно созданную клевету. Генерал Корсаков пригласил к себе Петрашевского, желая в последний раз попробовать над ним меры кротости и убеждения; он старался его урезонить, но Петрашевский, не слушая ничего, стал грозить ему "Колоколом". Тогда, скрепя сердце, наместник генерал-губернатора в исполнение воли Муравьева сослал Петрашевского в Минусинский округ¹². Для того чтобы дать вам последнее доказательство долготерпеливости Муравьева, прибавим, что Петрашевский проживал до сих пор в самом городе Минусинске, и что около месяца тому назад, следовательно гораздо прежде появления вашей филиппики против тиранства сибирского Муравьева, он дозволил Петрашевскому жить в губернском городе Красноярске.

Кажется, прибавлять нечего. Вы можете быть обмануты, но обманывать не станете и не откажете в должном удовлетворении благородному Муравьеву-Амурскому; а вместе с тем вероятно также согласитесь с нами, что для оправдания Петрашевского остается одно

только средство: объявить его безумным.

В самом деле в последние годы близкие люди нередко замечали в нем все признаки сумасшествия.

Михаил Бакунин.

1-го декабря 1860 года г. Иркутск.

№ 611.-Напечатано в "Письмах" Бакунина, изданных Драгомановым.

Эта статья Бакунина представляет ответ на заметку Герцена "Тиранство сибирского Муравьева", напечатанную в № 82 Колокола", вышедшего 1 октября 1860 (значит на доставку номера в Иркутск понадобилось около трех месяцев; отсюда вывод, что на получение Герценом писем Бакунина требовалось тоже примерно столько же времени, ибо и то и другое шло с okazji). Вот что гласила заметка, на которую откликнулся Бакунин: "Дело Беклемишева и Неклюдова открыло нам такое обилие поклонников (Герцен не мог здесь иметь в виду Бакунина, так как письмо Бакунина, написанное в ноябре, получено было им в лучшем случае в конце года.) сибирского Муравьева, что мы даем им новый случай показать свою преданность и, если мож-

но, объяснить человечески, почему по отъезде Муравьева Петрашевский был схвачен и сослан на поселение за Красноярск, верст 40 от Минусинска. Неужели у графа. Амурского (Игра слов; Амур значит также любовь, какая сопоставляется с ненавистью.) столько ненависти? Неужели прогрессивный генерал-губернатор не понимает, что вообще теснить сосланных гнусно, но теснить политических сосланных времен Николая, т. е. невинных, преступно? Если же он не может с ним ужиться, то благороднее было бы, кажется нам, просить о переводе Петрашевского в Западную Сибирь, на Кавказ или куда-нибудь".

Ответ Бакунина, излагающий в сокращенной форме содержание, письма от 7-15 ноября, столь же пристрастен, неубедителен и скандален для Бакунина, как и названное письмо. На оригинале этого манускрипта кем-то, вероятно лицом, через которое было переслано письмо, написано: "Статья эта прислана мне для передачи. Это и есть единственная причина, почему я ее посылаю. В целом и в частях это - компиляция близорукая и пристрастная, которая никогда не должна

увидать печатного станка".

1 Это-повторение гнусной клеветы на Петрашевского, ничем не подтверждаемой и не доказываемой.

2 Высоцкий, Петр (1799-1875)-польский политический деятель; состоя с 1817 г. в королевской гвардии, он в 1824 г. поступил в школу подхорунжих был произведен в подпоручики, организовал широкий заговор, результатом которого было восстание 29 ноября 1830 г. Участвовал в военных действиях, а затем с корпусом Дворницкого отступил в Галицию. Вернувшись вскоре в Польшу, Высоцкий участвовал в обороне Варшавы я раненый был взят в плен (6 сентября 1831 г.). Приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами в Сибири. Здесь за участие в заговоре 1837 года получил 1 000 палок (пять его сопроцессников засечено на смерть). В 1857 г. вернулся в Польшу и жил под Варшавой.

3 Муравьев-Апостол, Матвей Иванович (1793-1886)-русский военный и политический деятель, сын посланника в Испании; учился в Политехнической школе в Париже; участник

Отечественной войны, отставной подполковник, один из основателей "Союза Спасения" и "Союза Благоденствия", член "Южного Общества"; принимал участие в восстании Черниговского полка; приговорен к смертной казни, замененной за раскаяние каторгой на 20 лет, сокращенной до 15 лет; каторга, в конце концов, заменена была ссылкой в Вилюйск; в 1829 г. переведен в Бухтарминскую крепость, а в 1836 г. в Ялуторовск Тобольской губ.; здесь вместе с И. Д. Якушкиным основал ланкастерскую школу. Амнистией 1836 г. восстановлен в прежних правах; в 1857 г. поселился в д. Зыковой Московской губ., с 1860 г. в Москве. Оставил воспоминания, напечатанные в "Русской Старине", 1886 г.

4 Якушкин, Иван Дмитриевич (1793-1857)-русский политический деятель, отставной капитан, один из основателей "Союза Слоения" и "Союза Благоденствия", затем член "Северного Общества"; в 1817 г. задумал убить Александра I; в восстании 14 декабря не мог принять участия, так как находился не в Петербурге. На допросах держался стойко и никого не выдавал. Приговорен к смертной казни, за-

мененной 20-летней каторгой, сокращенной до 15 лет. В 1832 г. вышел на поселение в Ялutorовск, где жил до амнистии 1856 г., занимаясь педагогической деятельностью. После амнистии вернулся в Россию и умер в Москве. Оставил записки, многократно переиздававшиеся (полное издание вышло в 1926 году).

5 Лунин, Михаил Сергеевич (1783-1845) - русский политический деятель, служил в кавалергардском полку, участвовал в Отечественной войне, после которой вышел в отставку и уехал в Париж, где, между прочим, познакомился с Сен-Симоном; здесь же перешел в католичество, по возвращении в Россию вступил вновь на военную службу, был подполковником л.-гв. Гродненского гусарского полка; один из основателей "Союза Спасения", член "Союза Благоденствия" и "Северного Общества"; проживая в Варшаве, перешел в "Южное Общество". Приговорен к 20 годам каторги; в 1836 г. вышел на поселение в село Урик вблизи Иркутска. Вследствие перехваченных писем его к сестре, которые признаны были преступными и направленными против правительства, был снова арестован и

отправлен в Акатуйский рудник, где и умер.

5а Вот что сам Муравьев выставлял одним из мотивов помилования поляков в письме своем к шефу [жандармов Орлову от 3 августа 1850 г. из Иркутска (цит. соч. Барсукова, том II. стр. 62); "Облегчая участь этих преступников, сближая их с родиною переводом во внутренние губернии, правительство в то же время избегнет чрезмерного уже накопления поляков в Восточной Сибири, где но (малочисленности населения распространение польского духа, более или менее, до всегда враждебного России, может быть от них ощутительно, тогда как во [внутренних губерниях при многочисленности народонаселения дух этот никакого влияния от 150 лиц иметь не может, и сами они скорее обрусуют". Что это говорилось не только перед всемогущим шефом жандармов, для того чтобы выпросить у него облегчение участи политических жертв самодержавия, а всерьез и искренно, видно из письма того же Муравьева, уже удалившегося на покой и теперь действительно имевшего основания дуться на правительство, к своему пестуну и преемнику М. С. Кор-

сакову, которого он обучал правительственной мудрости. В этом интимном письме от 19/31 октября 1861 г. из-за границы (I. С. I, стр. 630-631) Муравьев в предвидении нового наплыва ссыльных поляков советует Корсакову не допускать их в свой район: "Советую тебе оградить Восточную Сибирь от этого нового нашествия иноплеменных. Польская аристократия и ксендзы безусловно враждебны России,.. а конечно их-то и будет больше всего в числе ссыльных. Все они довольно образованы, и, как несчастные, скоро получают большое влияние в народе, а этого-то влияния я и боюсь для Восточной Сибири... В 1850 году а самой [секретной переписке моей с графом Орловым я просил в виде помилования перевести всех ссыльных поляков из Сибири во внутренние губернии или по крайней мере в Западную Сибирь; там изложены тоже и причины, .о которых я здесь говорю... По-моему это весьма важно потому, что распространение в этой отдаленной стране ненависти к России в народе чрезвычайно опасно; довольно уже и того, что толкуют привилегированные сословия в Сибири, т. е. купцы, почетные

граждане и чиновники... Я сам убедился, как много польских понятий распространилось не только в Забайкальской области, но и в Иркутске и в окрестных селениях и заводах, где наиболее пребывали поляки. Я знаю много коренных сибиряков, которые гораздо более расположены к Польше, чем к России". И этого человека наивные люди вроде П. Кропоткина (в "Записках революционера") пытались представить в виде оппозиционера, вдобавок чуть ли не мечтавшего об отделении Сибири от Российской империи!

6 См. выше комментарий 10 к No 605. Эта выдержка из конфиденциального письма Муравьева-Амурского к шефу жандармов от 18 мая 1858 г. могла быть сообщена Бакунину только самим Муравьевым, который явным образом участвовал в сочинении писем к Герцену.

7 В этой оценке Бакунин в значительной мере прав: дело петрашевцев, само по себе довольно невинное, было сознательно раздуто жандармами, провокатором Липранди, шпионом Антонелли и пр. Но это не имеет никакого отношения к трактуемой им теме, а в осо-

бенности к параллели между царским сатрапом Муравьевым и революционером Петрашевским, чего революционер Бакунин не понимал, а главное не чувствовал.

8 Здесь клевета на Петрашевского прикрывается словечком "говорят". Кто, где, когда, что говорит, - неизвестно. А между тем с какою злобою Бакунин отзывается о немецких журналистах, "еврейчиках", как он выражается, которые в своей "грязной" полемике прибегают по отношению к своим противникам к таким, недопустимым приемам, как "говорят", "слышно" и т. п., и применяют их к таким людям, как например М. А. Бакунин! См. в дальнейших томах "Исповедание веры русского демократа-социалиста", письма к А. Ришару и т. п.

9 Здесь Бакунин увлекся и нечаянно раскрыл свои карты, сопоставив доносы в Третье Отделение с "доносами" в "Колокол", т. е. жалобами безвластных и задавленных обывателей на произвол всемогущих царских сатрапов вроде Муравьева.

10 Ольдекоп, Карл Карлович (род. в 1810)-русский политический деятель; немец, дворя-

нин; окончил, юнкерскую школу, поручик, чиновник особых поручений при Государственном Банке; был арестован по делу петрашевцев в апреле 1849 г. как посетитель "пятниц", но в июле того же года освобожден. В 1860 г. был советником губернского суда в Иркутске и за свое судебское мнение по делу иркутской дуэли подвергся преследованию.

11 Если Бакунин всерьез хотел, чтобы эти разглагольствования, оправдывающие насилия сатрапа над бесправными политическими ссыльными, были напечатаны в "Колоколе" да еще за его подписью, то надо только удивляться силе его увлечения любовью к Муравьеву и ненавистью к сотоварищам по ссылке, лучше его понимавшим характер сибирского диктатора и его позиции. Более верного способа опозорить себя навеки, чем опубликование этого "Ответа", у Бакунина не было. Но к счастью для него Герцен был слишком умен и политически разборчив, чтобы печатать такой скандальный документ. В разговоре с доктором Белоголовым Герцен признал, что поведение в деле Муравьева - Петрашевского заставило в его глазах сильно

потускнеть образ революционера Бакунина. А ведь Герцен, стоявший на буржуазной позиции, не мог еще заметить и как следует оценить с классовой точки зрения выраженные в этой переписке взгляды Бакунина на колониальные захваты, надругательства над свободой и жизнью населения, превращаемого в казачье сословие, на признание умеренно-дворянской программы (которую принимал тогда сам Герцен) и т. п.

12 Итак после долгих и увертливых рассуждений Бакунин принужден признать, что Корсаков, действовавший здесь явно в духе и несомненно по желанию Муравьева, выслал Петрашевского из Иркутска за то, что тот позволил себе пригрозить жалобой на незаконные действия местной власти в "Колокол"! Это-последний штрих, убивающий все до тех пор приводившиеся хитросплетения Бакунина, впрочем ни для кого не убедительные и слишком наивные.

13 Вот что говорится в известной брошюре Энгельса - Лафарга "Альянс социалистической демократии", выпущенной в Лондоне в 1873 году и направленной против работы Ба-

кунина в Интернационале: "В то время в Сибири находился Петрашевский, глава и организатор заговора 1849 года. Бакунин вступил с ним в явно враждебные отношения и всячески старался повредить ему, что ему легко было сделать благодаря своему родству с тамошним царским наместником. Это гонение на Петрашевского дало Бакунину новые права на милости со стороны начальства. Темное дело, возбуждившее большой шум в Сибири и в России, положило конец борьбе между обоими ссыльными. Когда поведение одного из либеральничавших высших чиновников сделалось предметом критических толков, то в результате в окружения генерал-губернатора разразилась буря, закончившаяся дуэлью и смертью одного из дуэлянтов. Все это дело настолько пропитано было личными интригами и мошенническими махинациями, что все население было им возмущено и обвиняло высших чиновников в том, что они сознательно убили павшую во время дуэли жертву, - молодого приятеля Петрашевского. Агитация приняла такие размеры, что правительство боялось народного возмущения. Ба-

кунин принял сторону высших чиновников, в том числе и Муравьева. Он использовал свое влияние для того, чтобы добиться высылки Петрашевского в более отдаленную местность и выступил на защиту его гонителей в длинном письме, написанном им в качестве очевидца и посланном Герцену. Последний, напечатав его в "Колоколе", выбросил все содержащиеся в нем нападки на Петрашевского, но рукописная копия, сделанная с этой корреспонденции во время ее нахождения в Санкт-Петербурге, циркулировала там и ознакомила публику с оригинальным текстом".

Составлявший эту часть брошюры Н. И. Утин, основывавшийся главным образом на слухах (материалы по этому делу тогда не были еще опубликованы), несколько сгустил краски, но, в общем, изложил дело довольно точно. Разумеется, высылка Петрашевского из Иркутска не была результатом домогательств Бакунина: Муравьев и Корсаков не нуждались в его советах, чтобы расправиться с неугодным ссылкой.

№ 612.-Письмо А. И. Герцену.

8 декабря 1860 [года]. Иркутск.

Друг Герцен! Записка твоя застала меня, когда я кончал прилагаемый ответ в "Колокол". Говорить о моей глубокой, тревожной радости при виде твоего драгоценного почерка было бы лишним. Но она ободрила меня еще и в другом отношении, возбуждая во мне надежду, что слова мои найдут в тебе веру. Это- мое третье письмо к тебе: первое по крайней мере в 20 листов до тебя не дошло, второе листов в 12 взял с собою твой знакомый ***** тому назад три недели (См. выше письмо от 7 ноября 1860 года (№ 610)). Надеюсь, что оно дойдет до тебя, если не прежде, то по крайней мере вместе с этим; оно не кончено, но конец пришлю скоро, благо нашел дорогу к тебе. Все три письма имеют главным предметом Муравьева Амурского, на которого ты с некоторого времени по какому-то странному ослеплению стал нападать жестоко и несправедливо. А между тем, не говоря уже о том, что твои нападения лишены всякого основания и совершенно противны истине, Муравьев, повторяю тебе в третий раз, единственный человек между всеми пользующи-

мися силой и властью в России, которого без малейшей натяжки и в полном смысле этого слова мы можем и должны безусловно назвать нашим.¹ Он - наш по чувству, по мыслям, по всем прошедшим делам, по стремлениям, желаниям и твердым намерениям. Каким же образом ты не узнал его? Ведь право стыдно, Герцен. Если б ты знал, как любит он "Колокол"² и как прискорбен ему всякий промах, компрометирующий его, как симпатично уважает тебя, и как ему горько было услышать твои незаслуженные обвинения, клеветы, раздавшиеся именно в то время, когда восстала против него со всех сторон зависть и подлая интрига под предводительством нашего Philippe Egalite, самого вел. кн. Константина Николаевича 3. "Своя своих не познаша", - вот его слова о тебе.

Теперь он оставляет Сибирь и службу, едет за границу и непременно хочет увидеться с тобою⁴. Ты познакомишься с ним и скажешь, что это-человек, полный во всех отношениях: и сердцем и умом и характером и энергиею. Он крепко наш и лучший и сильнейший из нас; в нем-будущность России. Он решился

оставить на время службу, несмотря на то, что ему хотят предложить министерство внутренних дел. Он твердо решился не принимать ничего, пока не изменится радикально правительственная система, пока не примется его программа. Программа же в немногих словах следующая: 1. Полное и безусловное освобождение крестьян с землею. 2. Публичное судопроизводство с судом присяжных и подчинение последнему всех служебных чинов по административным грехам, от малого до велика. 3. Образование народа на самых широких основаниях. 4. Народное самоуправление с уничтожением бюрократии и с возможною децентрализациею России, а в Петербурге не конституция и не парламент, а железная диктатура в видах освобождения славян, начиная с воссоединенной Польши, и борьбы на смерть с Австриею и с Турциею. 5. Вот вся программа серьезного государственного человека, доказавшего, что он умеет исполнять свои замыслы. Я отвечаю вам за искренность Муравьева, потому что знаю его как своего лучшего друга. Каково же мне, вашему другу, другу вашего "Колокола", честь и

влияние которого в России, поверьте, мне не менее дороги, чем вам самим, видеть, как, обманутые, ослепленные, вы проповедуете ложь и клевету, нападая на единственного человека между всеми в России, стоящего, чтобы мы стояли за него горю!

Теперь послушай, Герцен. Если ты мне поверишь, в таком случае не печатай моего ответа в "Колокол": ты сумеешь и без него дать Муравьеву полное удовлетворение так, как именно ты должен дать такому человеку, как Муравьев, *sans rcticences et sans equivoques* ("Без умолчаний и без виляний"), соблюдая при том осторожность, чтобы не слишком компрометировать его перед правительством. Но если ты не поверишь мне или поверишь только вполовину, так что в душе твоей будут оставаться сомнения, тогда именем всего того, что нас связывало и связывает, я требую от тебя, чтобы ты напечатал без выпусков весь мой ответ, и если это покажется необходимым, пожалуй, хоть и за моей подписью. Есть случаи, когда осторожность и все другие соображения должны итти к чорту. Напечатание ответа моего будет сопряжено, я

знаю, с большими неудобствами. Во-первых, оно может еще на несколько лет приковать меня к Сибири; во-вторых преждевременно компрометирует Муравьева перед правительством и нас всех в лице Петрашевского перед русскою публикою; наконец сильно компрометирует "Колокол", так грубо, так нелепо, так самоубийственно ошибающийся. А все-таки я требую напечатания, если в своем сердце и в своем уме ты не найдешь другого средства дать Муравьеву полное удовлетворение. Во всяком деле, как в деле чести, один поступок той или другой стороны ведет за собою необходимо неприятные, часто тяжелые последствия для обеих сторон, но от этих последствий ни та, ни другая сторона не имеют права отказаться. Ты напечатал нападение, печатай же и ответ или сознайся громко, что ты был подло обманут и непростительным образом ошибся. Вот чего я жду от твоей справедливости, от твоего благородства, наконец, от твоей преданности общему делу. Ты-наш судья, Герцен, это-правда, но вместе с тем вспомни, что и мы-твой судьи: между нами солидарность взаимной ответственности, кото-

рой ни ты, ни мы разорвать не можем.

Но довольно об этом частном случае, поговорим вообще о положении "Колокола" 6. Со всех сторон слышно, что в последнее время "Колокол" много утратил влияния. Одна из причин такого падения заключается без сомнения в ложных корреспонденциях: двух-трех таких промахов, как в отношении Муравьева и Вос[точной] Сибири, достаточно, чтоб убить ваше издание. Вы должны соблюдать большую осторожность в выборе ваших корреспондентов. Говорят, что Россия оттаивает, но под льдом всегда много навоза, а навоз воняет. Вполне русская жизнь, вполне русские мелкие интриги и страсти, вполне родная вонючая грязь, отстой подлых интересов и мелкого, но неумолимого тщеславия - пошлость, зависть, ненависть, пустота и сухость мертвого сердца и великодушные фразы, мелкие дела и громкие слова, - все это теперь просится наружу и, так как другого свободного органа кроме вашего до сих пор еще нет, все это стремится в "Колокол". А скрыться под маскою либерализма и демократизма ныне не мудрено⁷. Кто не знаком с благородными словами и

фразами! Они стали так дешевы, так безопасны и безвредны, так часто кстати и некстати слышатся во всех углах даже в Сибири, что право произносить их самому как-то становится стыдно. Казенный либерализм, казенный демократизм, - все слова, слова да слова, а за ними такая гнусная, мелочная действительность, что становится тошно. Слова в России действуют на меня как рвотное: чем эффектнее и сильнее, тем тошнее. Верить должно только тому, в ком есть залог, что слово у него перейдет в дело; в отношении же других я поступил бы так: чем краснее кто сказал слово, тем выше построил бы я для него виселицу. Многие ли из ваших корреспондентов способны, готовы к благородному делу, к которому, кажется, обязывают их великодушные фразы? А вы их слушаете. Вы взяли на себя трудную, почти неисполнимую обязанность: в Лондоне судить лица, действующие в России. Пока действовали все люди, вам знакомые, времен николаевских, Клейнмихели, Орловы, Закрепские, Панины⁸ etc. etc., вам было легко, но теперь выступают на арену люди, вам очень мало или совсем неизвест-

ные. Вы должны их судить по данным, присланным вам из России. Кто вам поручится за верность данных? Не должны ли же вы иметь несколько единомыслящих людей в России, знающих край я одаренных практическим талантом и смыслом, в добросовестности и в справедливости которых вы были бы уверены как в своих собственных и которые бы проверяли и укрепляли своим свидетельством все известия, вам посылаемые? Иначе вы будете всегда обмануты и потеряете всякую силу в России. А таких людей ведь не легко найти между пишущей братъею, даже между остатками наших бывших кружков: большая часть из них окоченели, помертвели и живут и действуют и болтают как мертвые между мертвыми.

Странное явление представляет ныне русская публичная жизнь, официальная и неофициальная! Это-царство теней, в котором подобия живых людей двигаются, говорят, кажется мыслят и действуют, а между тем не живут. Есть в них риторика всех страстей, нет страсти, нет действительности, ни общего преобладающего характера, ни харак-

теров. Все - литература, писание да болтание, а ни капли жизни и дела; нет ни к чему действительного интереса. И говорить даже ни с кем не хочется, потому что наперед знаешь, что из слов не выйдет дела. Литературе теперь лафа, это- ее царство. Панаевы⁹ торжествуют и пишущая братия бьет себя страстно в пустую грудь, а грудь издает громкий звон, потому что в ней нет сердца; в головах полированные засушники с готовыми категориями и словами, а не живой производительный мозг; в мышцах нет силы, а в жилах нет крови - все тени, красноречивые, пустозвонные тени, и сам между ними становишься тенью. Они ведут теперь мелочную торговлю с помощью небольшого капитала, собранного Станкевичем, Белинским, тобою, Грановским, они спят, бредят вслух, размахивая руками, и только тогда пробуждаются к чувству действительности, когда затронуто их лицо, их тщеславие, единственная действительная страсть между так называемыми людьми порядочными точно так же, как карманная страсть исключительно преобладает во всех прочих слоях русской публики 10. От теней

ли ждать чудес? А между тем Россия может быть спасена только чудесами ума, страсти да воли. Я ничего не жду от известных в литературе имен, верю же в спящую силу народа, верю в среднее сословие, - не в купечество, оно гнилее даже дворянства, - но в фактическое, официально непризнанное среднее сословие, образующееся постоянно из отпускных людей, приказчиков, мещан, поповских детей, - в них сохранились еще и русский сметливый ум и русская удалая предприимчивость; верю также, что в самом дворянском сословии кроется много("На этих словах оканчивается первый лист письма. Затем второй, другого формата, но нумерованный "2"-начинается, как напечатано далее, представляя в начале вариант окончания первого листа". (Примечание М. Драгоманова.) наполненный тщеславным самообольщением. Странное зрелище представляет ныне русская публичная жизнь, официальная и неофициальная! При Николае можно было предположить, что она заключает в себе много невыясненных тайн, много сдержанных, спертых сил. Теперь она открыта, и что же мы видим? Это - цар-

ство теней, в котором подобия живых людей говорят, двигаются, кажется мыслят и действуют, а между тем не живут. Есть в них риторика всех страстей, нет страсти, нет действительности, нет ни характера, ни характеров. Все литература, многописание, многоболтание, но ни капли жизни и дела. Нет ни к чему действительного интереса, кроме [как] к себе, так что и сам между ними становишься тенью, и даже говорить ни с кем не хочется, потому что чувствуешь, что никому нет ни до чего дела, и знаешь наперед, что из слов никогда не выйдет дела. Литературе теперь лафа, это-ее царство. Панаевы торжествуют, и пишущая братия бьет себя страстно в пустую грудь, и грудь издает громкие звуки, потому что в ней нет сердца. В головах полированные засушники с готовыми категориями и словами, а не живой производительный мозг; нет силы в мышцах, нет крови в жилах-все тени, красноречивые, пустословные тени. Теперь они ведут мелочную торговлю с помощью небольшого капитала, собранного Белинским, тобою, Грановским, они спят, бредят вслух, размахивая руками, и только тогда

пробуждаются к чувству действительности, когда затронута их лицо; их тщеславие, единственная действительная страсть между людьми, называющимися порядочными, точно так же, как карманная страсть преобладает во всех прочих слоях русской публики.

От теней ли ждатель чудес? А между тем Россия может быть спасена только чудесами ума, страсти, воли. Страшна будет русская революция, а между тем поневоле ее призываешь, ибо она одна в состоянии будет пробудить нас из этой губительной летаргии к действительным страстям и к действительным интересам. Она вызовет и создаст, может быть, живых людей, большая же часть нынешних известных людей годна только под топор. Таково мое убеждение. Я спрашиваю даже: много ли уцелело из наших? Деятельность утомляет, сжигает людей, но русская обыденная пошлость их стирает и стаптывает. Тургенев (Иван Сергеевич.), Кавелин, Корш — живые ли люди? Ваших прочих друзей и знакомых я не знаю, жизнь сохранилась ли в них? Мне обещают, что в нынешнюю весну я получу позволение ехать в Россию; буду искать лю-

дей: для меня это-интерес первостепенный.

Здесь кроме Муравьева я узнал еще одного человека, это - молодого генерала Николая Павловича Игнатьева 12, сына Санкт-Петербургского генерал-губернатора и, если я не ошибаюсь, твоего знакомого, Герцен. Он возвращается теперь из Китая, где он наделал чудес. С 19 казаками, в виду английского и французского посланников лорда Ельгина (Эльджин.) и барона Gros¹³ с их армиями, он сумел сыграть самую блистательную, первую роль и извлечь для России наибольшие выгоды, несравненно большие, чем сами французы и англичане. О трактате, им заключенном, вы узнаете из газет, но о чем не услышите, это - о беспримерном варварстве английских, особливо же французских войск в Китае. Первые довольствовались большею частью грабежом и состоят притом по преимуществу из сипаев, но вторые, чистые французы, по всей дороге до Пекина насильствовали женщин и потом топили, убивали их, отрезывали у них ноги. Этим воспользовались русская сметливость и русская дисциплина: во главе 19 казаков Игнатьев явился как спаситель Китая, и

теперь мы стали уже совершенно крепкою ногою на Тихом океане. Но возвратимся к Игнатьеву. Это-человек молодой, лет тридцати, вполне симпатичный и по высказываемым мыслям и чувствам, по всему существу своему, смелый, решительный, энергичный и в высшей степени способный. Он честолюбив, но благородно-горячий патриот, требующий в России реформ демократических и со-вне политики славянской, одним словом - с легкими различиями того же, чего требует Муравьев. Они сошлись и будут действовать заодно. Вот с такими-то людьми нехудо бы вам было войти в постоянные сношения; они не резонерствуют, мало пишут, но зато много знают, и редкая вещь в России - много делают¹⁴.

Теперь что скажу вам о себе, друзья?

Я намерен вскоре послать вам подробный журнал моих *faits et gestes* ("Дел и поступков") со времени нашей последней разлуки в Avenue Marigny ("Авеню Маринки", улица в Париже, на которой жил в 1847-48 годах А. И. Герцен.), а теперь окажу только несколько слов о своем настоящем положении. Просидев год в Саксонии, сначала в Дрездене, потом

в Konigstein (Кенигштейн - город и крепость в Саксонии.), около года в Праге, около пяти месяцев в Ольмюце, все в цепях, а в Ольмюце и прикованный к стене, я был перевезен в Россию. В Германии и Австрии мои ответы на допросы были весьма коротки: "Принципы вы мои знаете, я их не таил и высказывал громко; я желал единства демократизированной Германии, освобождения славян, разрушения всех насильственно сплоченных царств, прежде всего разрушения Австрийской империи; я взят с оружием в руках--довольно вам данных, чтобы судить меня. Больше же ни на какие вопросы я вам отвечать не стану" 15.

В 1851 году в мае я был перевезен в Россию, прямо в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин, где я просидел 3 года. Месяца два по моему прибытию, явился ко мне граф Орлов от имени государя: "Государь прислал меня к вам и приказал вам оказать: "скажи ему, чтоб он написал мне, как духовный сын пишет к духовному отцу". Хотите вы писать?" Я подумал немного и размыслил, что перед *jurí* (Жюри, суд присяжных.), при открытом судопроизводстве я должен бы был выдер-

жать роль до конца, но что в четырех стенах, во власти медведя, я мог без стыда смягчить формы, и потому потребовал месяц времени, согласился и написал в самом деле род исповеди, нечто вроде *Dichtung und Wahrheit* ("Вымысел и правда"); действия мои были впрочем так открыты, что мне скрывать было нечего. Поблагодарив государя в приличных выражениях за снисходительное внимание, я прибавил: "Государь, вы хотите, чтоб я вам написал свою исповедь: хорошо, я напишу ее; но вам известно, что на духу никто не должен каяться в чужих грехах. После моего кораблекрушения у меня осталось только одно сокровище: честь и сознание, что я не изменил никому из доверившихся мне, - и потому я никого называть не стану". После этого, а *quelques exceptions pres* ("За немногими изъятиями"), я рассказал Николаю всю свою жизнь за границею, со всеми замыслами, впечатлениями и чувствами, причем не обошлось для него без многих поучительных замечаний насчет его внутренней и внешней политики. Письмо мое, рассчитанное во-первых, на ясность моего по-видимому безвыходного положения, с

другой же - на энергический нрав Николая, было написано очень твердо и смело и именно потому ему очень понравилось. За что я ему действительно благодарен, это [за то], что он по получении его ни о чем более меня не допрашивал¹⁶.

Просидев три года в Петропавловской [крепости], я при начале войны в 1854 году был перевезен в Шлиссельбург, где просидел еще три года. У меня открылась цинготная [болезнь] и повыпали все зубы. Страшная вещь - пожизненное заключение: влачить жизнь без цели, без надежды, без интереса; каждый день говорить себе: "сегодня я поглупел, а завтра буду еще глупее"; с страшною зубною болью, продолжавшеюся по неделям и возвращавшеюся по крайней мере по два раза в месяц, не спать ни дней, ни ночей; что бы ни делал, что бы ни читал, даже во время сна чувствовать какое-то беспокойное ворочание в сердце и в печени с *sentiment fixe*: ("Постоянное чувство".) я раб, я мертвец, я труп! Однако я не упадал духом. Если бы во мне оставалась религия, то она окончательно рушилась бы в крепости. Я одного только желал: не прими-

ряться, не резиньироваться, не измениться, не унизиться до того, чтобы искать утешения в каком бы то ни было обмане 17, сохранить до конца в целости святое чувство бунта.

Николай умер, я стал живее надеяться. Наступила коронация, амнистия. Александр Николаевич собственноручно вычеркнул меня из поданного ему списка, и когда спустя месяц мать моя молила его о моем прощении, он ей сказал: "Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra, il ne pourra jamais etre libre" 18 ("Сударыня, доколе сын Ваш будет в живых, он свободен не будет"). После чего я заключил с приехавшим ко мне братом Алексеем условие, по которому я обязывался ждать терпеливо еще месяц, по прошествии которого, если б я не получил свободы, он обещал привезти мне яду. Но прошел месяц, - я получил объявление, что могу выбрать между крепостью или ссылкой на поселение в Сибирь. Разумеется, я выбрал последнее. Не легко досталось моим освобождение меня из крепости. Государь с упорством барана отбил несколько приступов; раз вышел он к кн. Горчакову (министру иностр[анных] дел) с письмом в руках

(именно тем письмом, которое в 1851 г[оду] я написал Николаю) и сказал: "mais je ne vois pas le moindre repentir dans cotte lettre" (Но я не усматриваю в этом письме ни малейшего раскаяния.)-дурак хотел repentir! (Раскаяние19.). Наконец в марте 1857 года я вышел из Шлиссельбурга, пробыл неделю в 3-ем Отделении и по высочайшему соизволению сутки у своих в деревне, а в апреле был привезен в Томск. Там прожил я около двух лет, познакомился с милым польским семейством, отец которого Ксаверий Васильевич Квятковский служит по золотопромышленности. В версте от города, на даче или, как говорится в Сибири, на заимке Астангово жили они в маленьком домике тихо и по-старосветски. Туда стал я ходить всякий день и предложил учить французскому языку и другому двух дочерей, сдружился с моею женою, приобрел ее полную доверенность; я полюбил ее страстно, она меня также полюбила, - таким образом я женился я вот уже два года женат и вполне счастлив. Хорошо жить не для себя, а для другого, особенно если этот другой - милая женщина. Я отдался ей весь, она же разделяет и

сердцем и мыслью все мои стремления. Она - полька, но не католичка по убеждению, поэтому свободна также и от политического фанатизма: она-славянская патриотка. Ген.-губ. Западной Сибири Гасфорд без моего ведома выхлопотал мне высочайшее соизволение на вступление в гражданскую службу,- первый шаг к освобождению из Сибири, но я не мог решиться воспользоваться им: мне казалось, что надев кокарду, я потеряю свою чистоту и невинность. Хлопотал же я о переселении в Восточную Сибирь и насилу выхлопотал; боялись для меня симпатии Муравьева, который приезжал в Томск отыскать меня и явно, публично высказал мне свое уважение. Долго не соглашались, наконец согласились²⁰. В марте 1859 г [ода] я переселился в Иркутск, вступил в службу только что образовавшейся Амурской компании; ездил в следующее лето по целому Забайкалью, а в начале 1860 года оставил компанию, убедившись, что в ней прока не будет. Теперь ищу службу по золотопромышленным делам у Бенардаки; до сих пор еще дела мои не увенчались полным успехом, а хотелось бы обойтись без помощи

братьев. Они не богаты; к тому [же], не ожидая петербургского решения, они фактически освободили своих крестьян с землею и производят все работы наемным трудом, что сопряжено с большою тратою капитала. Как бы то ни было, живу я здесь в обстоятельствах довольно стесненных, но надеюсь, что дела мои скоро поправятся.

Пора в Россию. До сих пор все старания Муравьева выхлопотать мне право возвращения были безуспешны. Тимашев и Долгоруков (У Драгоманова напечатано Долгорукий.), основываясь на каких-то сибирских, доносах, считают меня человеком опасным и неисправимым²¹. Впрочем Муравьев уверен, что ему удастся освободить меня ныне весною. Теперь я сильно надеюсь на успех, и ехать в Россию стало для меня действительно необходимою. Я не рожден для спокойствия, отдышал поневоле столько лет, пора опять за дело. Деятельность моя в Сибири ограничилась пропагандою между поляками, - пропагандою "прочем довольно успешною: мне удалось убедить лучших и сильнейших из них в невозможности для поляков оторвать свою

жизнь от русской жизни, а потому и в необходимости примирения с Россией; удалось убедить также и Муравьева в необходимости децентрализации Империи и в разумности, в спасительности славянской федеративной политики. Теперь надо в Россию, чтобы искать людей; вновь познакомиться со старыми и открыть новых, чтобы ознакомиться живее с самою Россией и постараться угадать, чего от нее ожидать можно, [чего] (Это слово вставлено видимо по смыслу М. Драгомановым.) нельзя. Странно будет, если внутреннее движение, возбужденное крестьянским вопросом, вместе с внешним, порожденным невидимому Наполеоном, в сущности же - далеко не умершею революциею, которой Наполеон-только один из органов 22, странно, говорю я, если все это вместе не расшатает Россию. Будем надеяться, пока есть возможность надеяться, а до тех пор, друзья, прощайте.

Преданный Вам

М. Бакунин.

С будущим письмом пришлю письмо к другу Рейхелю и приложу мой портрет.

Вы без сомнения захотите ответить мне. В

таком случае, прошу вас, присылайте ваши письма через верных путешественников в Петербург или на имя Николая Павловича Игнатьева или...

Но 612. - Напечатано в "Письмах" Бакунина Драгомановым (стр. 63- 74). Оригинал хранится в семейном архиве Герценов в Лозанне.

Это письмо является ответом на какую-то записку Герцена, полученную Бакуниным в начале декабря 1860 г. в Иркутске. Совершенно очевидно, что записка не стоит ни в какой связи с письмом Бакунина от 7-15 ноября, которое Герцен никак не мог получить до писания упомянутой записки (от Иркутска до Лондона письму требовалось не меньше двух месяцев, да обратно столько же). Вернее всего, что благодаря массовому возвращению ссыльных поляков на родину установились надежные связи с Восточной Сибирью, а Герцену через своих польских друзей ничего не стоило переправить Бакунину записку. К этому его могли побудить рассказы возвратившихся ссыльных поляков о житье-бытье Бакунина в Сибири, дошедшие до Герцена, а может быть и переданный ему через них по-

клон Бакунина. Как бы то ни было, но для нас ясно, что Бакунин получил от Герцена весточку раньше, чем тот письмо от него (если не считать записочку от лета 1858 г., напечатанную нами под No 604).

1 Итак здесь Бакунин во-первых устанавливает тождество между своею тогдашнею программю и умеренно-дворянскою программю Герцена-Огарева, а во-вторых - между своею программю и программю Муравьева, которая даже и от умеренного герценовского либерализма далеко отстояла. Все это не свидетельствует в пользу ясности и революционности тогдашних политических взглядов Бакунина и представляет огромный шаг назад в сравнении с тем, что он говорил в 1848-1849 гг.

2 А между тем по признанию самого Бакунина только за обещание пожаловаться в "Колокол" Петрашевский был выслан из Иркутска в глухое захолустье, которое Бакунин изображает в виде рая.

Филипп Эгалитэ (Равенство) - революционная кличка герцога Орлеанского, Луи Филиппа Жозефа (1747-1793); он заигрывал с духом

времени, приспособляясь к буржуазному характеру новой Франции; при дворе его ненавидели, а Мария Антуанета была его смертельным врагом; во время революции он примкнул к ней против абсолютизма; двор выслал его за это в Англию; вскоре после его возвращения оттуда король Луи XVI был низложен, и престол стал вакантным. Герцог Орлеанский объявил себе сторонником крайней левой, был избран членом Конвента, переменил имя герцога Орлеанского на Филипп-Равенство, голосовал за казнь короля и т. п. Повидимому втайне он стремился к захвату вакантного королевского престола и возбудил подозрение искренних демократов. Измена генерала Дюмурье окончательно его погубила; преданный суду революционного трибунала, он был осужден и гильотинирован в тот же день.

3 Константин Николаевич (1827-1892) - великий князь, второй сын Николая I; в 1849 г. участвовал в венгерском походе, в 1850 г. назначен членом Гос. Совета, в 1852 г. товарищем морского министра, в 1853 г. управляющим морским министерством. Разыгрывал

либерала и видимо мечтал таким путем достигнуть престола (поэтому Бакунин и сравнивает его с Филиппом Эгалитэ). Официальный журнал министерства "Морской сборник" сделался при нем чуть ли не либеральным органом (здесь Завалишин и печатал свои статьи против Муравьева Амурского). Стоял за освобождение крестьян при удовлетворении интересов помещиков, участвовал в отмене телесных наказаний, смягчении цензуры, в издании закона о всеобщей воинской повинности и пр.; по существу все это означало стремление к объединению дворянства с крупной буржуазии для упрочения монархии. Действительную цену своего либерализма он показал своею двойственной и демагогическою политикою в Польше, куда в 1862 г. был послан в качестве наместника. В 1865 г. был председателем Гос. Совета, но не пользовался влиянием, так как большинство правящего класса стояло за безусловную реакцию. Со вступлением на престол Александра III был как "либерал" устранен от дел и прожил последние годы в своем крымском имении в стороне от политики.

4 По-видимому это была попытка снискать благоволение Герцена, к которому впрочем заезжали тогда на поклон многие сановники. Но это обещание Муравьевым исполнено не было; насколько известно, он у Герцена не побывал (да и с Бакуниным, как читатель узнает в шестом томе настоящего издания, встретился за границею весьма холодно).

5 Эта программа дворянского авантюризма далеко отстает даже от программ, выставлявшихся тогда умеренными либеральными группами, не говоря уже о действительных революционерах вроде кружка Чернышевского, о котором Бакунин вообще не упоминает, а если, как увидим ниже, я упоминает, не называя его, то в отрицательном духе. И эту программу Бакунин считал своею и притом самую передовую из тогда существовавших! Невелики же были тогда его политические требования.

6 Но пообещав перейти к другой теме, Бакунин все-таки снова заговаривает о Муравьеве и повторяет свои аргументы в его пользу.

7 Только к Муравьеву Амурскому Бакунин

не применил этого золотого правила, а оно спасло бы его от многих ошибок.

Любопытно, что Муравьев около того же времени дает оценку "Колоколу" приблизительно в тех же выражениях. Так в письме к М. С. Корсакову от 30 апреля/12 мая 1861 г. (цит. соч. Барсукова, том I, стр. 629) отставной сановник пишет: "Герцен в глазах моих совершенно себя уронил своей неосновательностью и диктаторскими своими приговорами; то и другое вместе стало уже смешно: у него, как видно, нет никакой цели; и хотя изредка являются дельные статьи, полезные тем, что государь прочтет то, чего другим путем узнать не может, но эти дельные статьи затемняются множеством клеветы, и всякое доверие к нему исчезает".

8 Клейнмихель, Петр Андреевич (1793-1869)-русский государственный деятель реакционного направления, сын павловского холопа и любимца, служил в гвардии, в 1812 т. был адъютантом Аракчеева, который в 1816 г. произвел его в полковники и сделал его в 1817 г. начальником штаба поселенных войск; на этом посту Клейнмихель проявил

страшный произвол и зверскую жестокость, за что все время повышался в чинах: в 1842 г. член Гос. Совета, с 1842 по 1855 главноуправляющий, а затем министр путей сообщения и публичных зданий. Отличался расточительностью при возведении казенных сооружений, а также взяточничеством и бесчеловечным отношением к рабочим. В 1855 г. уволен с оставлением членом Гос. Совета.

Орлов, Алексей Федорович, граф и князь (1786-1861)-русский военный и государственный деятель, внебрачный сын Ф. Г. Орлова, одного из убийц Петра III; во время восстания декабристов, будучи командиром л.-гв. конного полка, выказал верность Николаю и повел, хотя неудачно, своих солдат в атаку на инсургентов. С тех пор сделался приближенным Николая I, возведен в графское достоинство; в турецкую войну командовал кавалерийскою дивизиею, в 1833 г. был полномочным послом при султани, в 1835 г. членом Гос. Совета. После смерти А. Бенкендорфа в 1844 г. назначен шефом жандармов и главным начальником III Отделения и оставался во главе политической полиции до 1856 г. На этом посту про-

явил все свои таланты душителя. В 1856 г. был представителем России на Парижском конгрессе, а по заключении мира назначен председателем Гос. Совета и Комитета министров, получив княжеский титул.

Закревский, Арсений Андреевич, граф (1783-1865)-русский военный и полицейский деятель; из захудалой дворянской семьи, выдвинулся благодаря близости к гр. Н. М. Каменскому; принимал участие в финляндской, турецкой и Отечественной войнах. В 1823 г. ген.-губ. Финляндии, в 1828 г. член Гос. Совета и министр внутренних дел. После холеры 1831 г. ушел в отставку, но в 1848 г. в разгар реакции снова призван к власти, назначен членом Гос. Совета и московским генерал-губернатором. На этом посту объявил войну всем проявлениям общественной самодеятельности и довел полицейский террор до крайних размеров. Ярый крепостник, никак не мог приспособиться к условиям первых лет нового царствования и в 1859 г. вышел в отставку.

Панин, Виктор Никитич, граф (1801-1874)-русский государственный деятель реакцион-

ного направления; служил по министерству иностранных дел, а затем в министерстве юстиции. В 1839 г. назначен управляющим министерством юстиции, а в 1841 г. министром юстиции; на этом посту оставался до 1862 г., развив в судах взяточничество и беззаконие до крайних размеров. С 1860 г. был председателем редакционных комиссий, в каковых старался посильно проводить политику крепостнической партии. Однако полностью приостановить крестьянскую реформу его партии и ему не удалось: им пришлось пойти на компромисс и ограничиться посильным ухудшением освобождения крепостных. В 1864-1867 гг. был главноуправляющим 2-го Отделения с. е. и. в. канцелярии.

9 Панаев, Иван Иванович (1 81 2-1 862) - русский писатель и публицист, учился в благородном пансионе при Петербургском университете; до 1845 г. состоял на службе, с 1847 г. начал издавать вместе с Н. А. Некрасовым журнал "Современник". Литературная деятельность его началась с 1834 г.; он писал рассказы, стихи, публицистические фельетоны. Был одно время близок к В. Белинскому. Оста-

вил воспоминания об эпохе 40-50-х годов. Главное его право на память потомства - издание радикального "Современника".

10 Здесь Бакунин повидимому говорит о кружке "Современника", на что наводит упоминание имени Панаева, который вместе с Некрасовым был издателем этого радикального журнала. Великий дипломат Бакунин, дабы тем вернее заполучить Герцена на свою сторону в деле обеления Муравьева, льстит своему приятелю и повторяет по существу содержание его статьи "Very dangerous!!!", напечатанной в No 44 "Колокола" от 1 июня 1859 г. и направленной против радикального кружка "Современника" (через несколько лет Бакунин впрочем высказался иначе и признал в учениках Чернышевского истинных революционеров). Более того, можно предполагать, что в момент писания данного письма Бакунин уже был знаком и со второю статьею Герцена против кружка "Современника", напечатанной под заглавием "Лишние люди и желчевики" в No 83 "Колокола" от 15 октября 1860 г. Это видно как по времени, так и по двум замечаниям: 1) о тщеславии неназываемых им

писателей, в данном случае Чернышевского, беседу с которым передает в означенной статье Герцен, и 2) о карманной страсти публики, в которой можно усмотреть намек на Некрасова, выходкою, против которого как против мошенника и вора и кончается эта статья Герцена.

11 Корш, Евгений Федорович (1810-1867)- журналист и переводчик; по окончании университета служил по министерству внутренних дел; с 1835 по 1841 г. был библиотекарем университета, с 1842 по 1848 г. редактором ("издателем") "Московских Ведомостей". В 30-х и 40-х годах он был членом московского литературного кружка, к которому в разные времена примыкали В. Белинский, А. Герцен, Т. Грановский; всегда был умеренным либералом обывательского типа; постепенно с оставшимися в России членами кружка "западников" вроде Грановского, Щепкина, Кетчера и т. п. все более правел, пока не приблизился к консерваторам типа Каткова 50-х годов. В 1858-1859 гг. издавал журнал "Атеней". С 1862 по 1892 г. был библиотекарем Публичного и Румянцевского музеев. Известен более

всего своими переводами.

12 Игнатъев, Николай Павлович, граф (1832-1908)-русский государственный деятель; происходя из чиновной семьи, быстро сделал карьеру: в 27 лет был уже генералом; учился в Пажеском корпусе и Академии генерального штаба, но рано оставил военную службу для дипломатической. Пробыв около года военным агентом в Лондоне, был назначен начальником военно-политической миссии в Хиву и Бухару, а в 1859 г. послан в Китай для проведения ратификации Айгуйского договора Китаем. В 1864 г. назначен посланником в Константинополь, где проводил политику угроз и застращивания; в своих публичных заявлениях выступал в роли воинствующего панслависта в казенно-захватническом духе: был одним из провокаторов русско-турецкой войны 1877 г., показавшей банкротство игнатъевской политики. В 1879-1880гг. был временно нижегородским генерал-губернатором, в 1881 г. министром государственных имуществ, а затем министром внутренних дел, призванным положить конец революционному движению. На этом посту подготовил пе-

реход от политики вынужденного лицемерия царизма к политике открытой реакции, от Лорис-Меликова к Д. Толстому, для какой цели не постеснялся извлечь из старого славянофильского арсенала идею Земского Собора для парализования конституционных требований либеральной части русского общества, но и от этой мысли быстро отказался, когда увидел, что и она вызывает враждебное отношение сторонников полной реакции. Он же явился организатором еврейских погромов на юге для борьбы с революционным движением-орудие, которым широко воспользовалось самодержавие впоследствии. При нем введено было Положение об усиленной и чрезвычайной охране, действовавшее с 1881 по 1917 г. После 1882 г. он уже не играл видной политической роли.

13 Эльджин Джемс Брюс, граф (1811-1863)-английский государственный деятель; был членом палаты общин, в 1842 г. губернатором Ямайки, в 1846 г. губернатором Канады, в 1857 г. послан был в Китай. Узнав о восстании сипаев, Эльджин направил свой эскорт в Индию, сам же захватил Кантон и принудил ки-

тайцев подписать Тяньцзинский трактат. По возвращении в Англию был в 1859 г. назначен начальником почтового ведомства, но в 1860 г. вернулся в Китай, чтобы прекратить нарушение Тяньцзинского трактата. При произведенном европейскими войсками разгроме Китая он захватил огромную часть добычи из разграбленного летнего дворца Богдыхана. В 1862 г. назначен генерал-губернатором Индии.

Гро, Жан Батист Луи, барон (1793-1870)-французский дипломат; в дипломатическом ведомстве начал работать с 1823 г.; получал различные миссии: в Египет, Мексику, Боготу, Лаплату, Англию, Афины. Посланный в 1857 г. в Китай, подписал в 1858 г. Тяньцзинский трактат, а затем в Иеддо торговый договор с Японией. В 1859 г. сенатор; затем посылается для заключения мира с Китаем после войны 1860 г.; в 1862- 1863 гг. был послом в Англии.

14 В примечании к этому месту Драгоманов ("Письма" М. А. Бакунина, стр. 70), ссылаясь на рассказ А. Н. Муравьева, известного путешественника в Иерусалим, помещенный в "Русской Старине" 1882, том XII, стр. 644-646,

напоминает, что гр. Игнатъев, будучи в то время директором азиатского департамента в м-ве внутренних дел, принимал активное участие в навязывании М. Н. Муравьева Александру 11, не любившему его, на роль диктатора в Вильне. Эта протекция вешателю по словам Драгоманова доказывает, что уже в 1863 г. Игнатъев отказался от своих взглядов 1861 г. По нашему мнению у него никогда и не было никаких прогрессивных взглядов, а их ему навязал Бакунин, которому достаточно было пары фраз в панславистском духе (а на них Игнатъев был мастер) для того, чтобы зачислить их автора по своему ведомству ("наши").

15 Это изложение несовсем точно: на самом деле Бакунин как в Саксонии, так и в Австрии давал показания более подробные, временами даже детальные, занимающие многие десятки страниц. Но по существу он излагает дело верно: его показания носят приблизительно такой характер, и если иногда он показывал подробнее, то лишь для того, чтобы выгородить кого-либо из сопроцессников или запутать следователей, но никогда не для

того, чтобы предать кого-нибудь или облегчить собственную участь (хотя и не полностью, показания эти опубликованы в томе II "Материалов для биографии Бакунина"; некоторые изложены в книге Чайхана: фотоснимки с саксонских показаний имеются в Институте Маркса, Энгельса, Ленина). Даже в "Исповеди", как мы знаем, он старался никого не называть, чтобы не дать жандармам материала, а если кое-где приводит имена, то обыкновенно таких людей, которые уже были осуждены или находились вне пределов досягаемости вследствие отъезда в Америку и т. п.

16 И это место довольно близко соответствует действительности. См. общие замечания в комментарии к "Исповеди" (№ 547).

17 Здесь Бакунин явно имеет в виду распространившиеся было одно время слухи, будто он в крепости стал христианином и петистом. См. выше комментарии к № 548.

18 О факте личного свидания матери Бакунина с Александром II ничего неизвестно. Здесь какая-то путаница. См. комментарий к № 574 в связи с новым прощением Бакуниной об освобождении сына.

19 Здесь Бакунин излагает факты совершенно неточно и сознательно путает даты, что впрочем вполне понятно, так как ему было чрезвычайно неприятно сообщать друзьям действительные условия своего выхода из тюрьмы. Первая и основная неточность его рассказа заключается в том, что он пытается убедить своих друзей, будто освобождение его из крепости произошло вследствие хлопот его родных, тогда как на самом деле все эти хлопоты оставались безрезультатными до тех пор, пока царизм не вырвал у него заявления о раскаянии. Неточно изложен и инцидент с умыслом на самоубийство. Мы знаем, что в одной из записок, тайком переданных Бакуниным родным на свидании в феврале 1854 г. (см. Но 566) он просил у Татьяны и Павла доставить ему средства покончить с собою в случае неудачи их хлопот об его освобождении; но срок ожидания там не указан (об этом мог быть впрочем разговор на личном свидании). Указание Бакунина относится по-видимому не к этому обстоятельству, а ко времени его последнего свидания с Алексеем, имевшего место в конце ноября 1856 года: но ведь

освободили-то Бакунина не через месяц после этого разговора, а через три (в марте 1857 г.). Равным образом рассказ этот не может относиться к свиданиям с Алексеем в январе 1856 г. и в августе того же года, хотя казалось бы, что слова Бакунина о первом свидании после неудачи прошения, поданного матерью в марте 1855 г., указывали бы на свидание в январе 1856 г. Словом тут у Бакунина одна неточность следует за другой.

20 И по этому пункту, до сих пор не разъясненному, Бакунин выражается нарочито туманно. Кто согласился, как, когда, при каких условиях, неизвестно.

21 Таких доносов в "Деле" о Бакунине не имеется, а потому мы думаем, что предположение его насчет роли доносов в его оставлении в ссылке ошибочно. Уже после побега Бакунина Долгоруков отправил 24 ноября 1861 г. отношение провинившимся сибирским чиновникам, в котором писал, что царь "тем менее мог ожидать снисходительности к Бакунину, что поведение его в Сибири не соответствовало той милости, которая была ему дарована освобождением из крепости, о чем

неоднократно было мною сообщаемо графу Муравьеву-Амурскому и вследствие чего повторные ходатайства графа об облегчении его участи не были удовлетворяемы". На какие провинности Бакунина намекает Долгоруков, решительно непонятно. Напротив, как мы видели, отзывы о Бакунине давались сибирскими чиновниками самые благоприятные. Поэтому приходится допустить, что признак нераскаянности жандармы усматривали именно в попытках Бакунина вырваться так скоро из ссылки. Догадывались ли жандармы, что Бакунин добивается свободы для продолжения революционной деятельности, мы не знаем, но это возможно. Из текста письма видно, что Бакунин надеялся вскоре добиться с помощью Муравьева права возвращения в Россию, чтобы там "искать людей". Вряд ли ему удалось бы долго оставаться там на почве той умеренно-путаной программы, которую он излагает в письмах ж Герцену.

22 Речь идет об императоре французов Наполеоне III и о том брожении, какое вызвано было в Европе и в частности во Франции его вмешательством в национальный конфликт

между Пьемонтом и Австрией. Со времени австро-французской войны 1859 года в Европе начинается политическое оживление, охватившее почти все страны и докатившееся даже до России.

№ 613. - Письмо М. Н. Каткову.

2-го января 1861 [года]. Иркутск.

Мой милый друг,

Сегодня встал и первый раз с постели после трехнедельной болезни, горячки и рожи, - и чувствую еще большую слабость и в руках и в голове; а потому извини, если почерк мой будет хуже обыкновенного, и если не найдешь в самом письме строгой логичной последовательности. А между тем я хочу поговорить с тобою о предмете для меня весьма серьезном, т. е. о моем будущем. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский, старания которого [в] мою пользу оставались до сих пор тщетными, говорит теперь с уверенностью об успехе, так что, если ожидания [исполнятся], то в мае или в начале июня мне можно будет ех[ать в] Россию.

15-го января.

Тщетны же были старания потому, что кн.

Долгорукий (В. А. Долгоруков.), судя по дон[о]с[ам], [получен]ным им против меня из Сибири, не находит во мне и капли раскаяния

1. я, разумеется, не буду, надеюсь однако, что сила Муравьева возьмет свое. Пора мне [ехать, здесь] делать мне нечего. Искал я дела у Бенардаки по Амурским делам (разумеется, не то [откупно]му), но служба по частным делам мне не только что не удалась и не принесла никакой пользы, но вовлекла меня а долги и совершенно расстроила мои фи[нанс]ы; два года получал я жалование без дела, и, не получив окончательно никакого дела, считаю себя обязанным возратить Бенардаки все двухгодовое жалование, около 5.000 руб., дабы не сказали потом, что Бакунин как родственник генерал-губернатора Муравьева жил у откупщика Бенардаки на пенсии.

2 Расплатятся с ним братья и вычтут эти деньги из части моей в общем имении; при нынешних обстоятельствах, когда все помещичьи имения расстроились и без сомнения упали в цене, им это будет не легко; но что ж делать, честь прежде всего. Заплатив эти деньги, они без сомнения не будут в со-

стоянии прислать мне что-либо в нынешний год. А именно в нынешний год мне деньги будут необходимы для того, чтобы, расплатившись с некоторыми долгами, выбраться из Сибири.

Думал я, думал и наконец решился прибегнуть к твоей личной дружбе и к политической симпатии твоих друзей, - к кому ж и прибегать в крайних случаях как не к политическим друзьям, если такое выражение имеет уже смысл, стало возможно в России? Залогом уплаты должны служить остаток моей небольшой части в имении братьев и моя будущая деятельность. Ты, кажется, не потерял веру в последнюю, да и я чувствую себя вправе о ней говорить, потому что сознаю в себе еще много силы и охоты на дело 3. Сумма же мне нужна довольно значительная: 4.000 р. сер., пожалуй хоть и не вдруг, но по частям, как будет можно, с тем однако же, чтобы к концу мая собрались все 4.000. Я решился на такую просьбу, потому что не вижу для себя другого исхода; в случае невозможности с вашей стороны исполнить ее, мне придется остаться в Сибири. Если она исполнима, то

посылай деньги, а также и письма на имя иркутского гражданского губернатора Петра Александровича Извольского, моего большого приятеля 4, с коротеньким письмом к нему с просьбой передать деньги и письма Михаиле Александровичу без фамилии. Письма ко мне не должны, разумеется, заключать в себе ничего слишком вольного. Если же просьба моя неисполнима, то напиши прямо и просто, так же, как и я пишу тебе теперь, [и] будь уверен, что принужденный отказ твой не возбудит в душе моей ни тени сомнения насчет твоей дружбы. Только прошу тебя, чтобы в никаком случае не было огласки, [и чтобы] даже братья мои ничего не знали; они решились бы на чрезмерные жертвы, вредные для благосостояния всего семейства, [а я] именно не хочу этих жертв.

Теперь, кажется, об этом предмете довольно. Буду с тобою браниться.

Скажи ради бога, за что ты так полюбил Австрию? Может ли и должен ли русский радоваться тому, что австрийское правительство, отъявленный, коренной, необходимый враг России, поступает умно, что Австрия хо-

чет стать славянской, пожалуй, хоть федеративною державою?5 Но если бы это сбылось, что было бы с Россией? Разве ты не признаешь, что жизненный для России вопрос с Польшею не иначе разрешиться может как в славянском море? Или ты полагаешь, что Польша останется раздроблена? Это невозможно, она воссоединится и соберется вновь в одно целое под сенью славянской Австрии против России, она оттянет одну да другою Литву, Белоруссию, У[к]раину, всю Малороссию. Что же останется России? Изменив своему коренному, фактическому демократическому характеру, также бежать, наконец, под феодальное покровительство Габсбургско-Лотарингского дома и лордов Готского альманаха? Нет, милый друг, я крепко стою за Россию, она, наперекор своей рабски-патриархальной неподвижности и нынешней тупости ее правителя и правителей, она должна сделаться средоточием славянского возрождения, она должна раздробиться на административно-самостоятельные части, органически связанные друг с другом, и возродиться в русской, славянской федерации. Или по твоему

должны быть два славянских мира один-западный, другой-восточный? Да это неестественно: один съест непременно другой. Итак пускай же Россия ест Австрию, - ведь право и глоток-то небольшой: лотарин[|г]цев с принцессою Софиєю, [м]оєю старою приятельницею, включительно, да сотни две онемеченных лордов6. Ты надеешься на их ум, а я рассчитываю на их [глу]пость, на их неисправимую, исторически, физиологически [необходимую] глупость. Они способны порождать только тени да приз [раки]; живой действительности от мертвецов не жди. [Мы же хоть] и спим, гадко, грязно, постыдно спим, да мы-[Илья Муро]мец или пожалуй хоть Ванюшка-дурачок: в нас [есть] чудотворная сила. Напрасно, мне кажется, также [ты] нападаешь так жестоко на Людвига-Наполеона (Луи Бонапарт, император французов Наполеон III), он без сомнения - каналья, мерзавец, но умен, очень умен, и наконец не в его добродетелях дело, а в его положении, которое погоняет его и погонит наконец туда, куда и сам не хочет. Он *volens volens* (Волей-неволей.) - будильник Европы и может про себя сказать, как Мефи-

стофель в "Фаусте":

Ich bin ein Teil von jener Kraft,
Die stets das böse will und stets das gute
schafft.

("Я... той силы часть и вид,
Что вечно хочет ада и век добро творит".
Гете - "Фауст", перевод Фета.)
Пожалуйста не ругай же его так беспощадно
и вспомни слова Саваофа:

Ich habe Deines Gleichen nie gehasst...
Des Menschen Thatigkeit kann allzuleicht
erschaffen.

Er liebt sich bald die unbedingte Ruh;
Drum geb ich gern ihm den Gesellen zu,
Der reizt und wirkt und muss als Teufel
schaffen.

("Не гнал я вас от моего лица.
Слаб человек, на труд идет не смело,
Сейчас готов лелеять плоть свою;
Вот я ему сопутника даю,
Который бы как черт дразнил его на дело".
Гете - "Фауст". Пролог на небе, перевод Фета.)

Граф Муравьев-Амурский оставляет совсем
Сибирь. Блистательный трактат, заключен-

ный в Пекине молодцом Игнатьевым, увенчал его дело, и ему в Сибири делать более нечего. Его мало знают в России. Он - необыкновенный человек и умом и энергиею и сердцем. Он принадлежит к разряду - редкому и весьма немногочисленному в России - людей делающих. Умей он лучше выбирать своих исполнителей, он был бы человек гениальный. Но выборы его были большею частью несчастны, и доверенные его часто его компрометировали 7. Он - человек страстный и потому способный к увлечениям, к ошибкам, но этот недостаток вознаграждается огромным, быстрым, метким умом и в высшей степени благородным сердцем, которые в большей части случаев исправляют ошибки его страстного нрава, впрочем уж очень утомившегося. Он - человек будущности России. Я очень желал бы, чтобы вы с ним познакомились; сходи к нему и окажи, что ты пришел по моей просьбе. Только предупреждаю тебя, что он ненавидит англичан, кам[еру] лордов-он более демократ, чем либерал по [при]нципу, впрочем либеральный демократ, поборник [децентрализации и самостоятель-

ного общинного [самоуправления, враг бюрократии. Узнай его по крайней мере как человека несомненно исторического, если еще не в настоящем, то в будущем и, надеюсь, в близком будущем. Ты увидишь у него полковника Кукеля 8, который вероятно и понесет к тебе мое письмо, человека очень способного, очень ловкого, но несомненно принадлежащего к худому и вредному разряду поляков - фальшивый, нервозно-чувствительный, гладкий, холодный, он как змея обвил бедного льва Муравьева - а впрочем он может передать тебе много интересного о Вост[очной] Сибири, об Амуре. Слушай его, но верь только тому, что тебе покажется вероятно.

Остается мне крепко обнять тебя, пожелать скорее с тобой увидеться и просить о скорейшем ответе через губернатора Извольского.

Твой неизменный

М. Бакунин.

Но 613.-См. общие замечания к Но 605. Оригинал письма находится в б. Пушкинском Доме Академии Наук СССР. Именно к содержанию этого письма относятся злобно-издева-

тельские замечания Каткова, приведенные нами в комментарии к No 605.

1 См. комментарий 2 к No 600, общий комментарий ж No 600 и комментарий 21 к

No 612. Напоминаем, что в "Деле" о Бакуине никаких доносов на него из Сибири не имеется (это конечно не значит, чтобы их вообще не было, так как они могут находиться в других "делах", хотя это и маловероятно). Мы все же склонны думать, что здесь играли роль не доносы, а систематические просьбы Бакунина и его покровителей о возвращении ему свободы. Жандармы и царь в первую, голову усматривали в этом признак нераскаянности.

2 В переписке, возникшей впоследствии по поводу побега Бакунина, тогдашний ген.-губ. Восточной Сибири Корсаков сообщал, что Бакунин служил у золотопромышленника Бенардахи, но, получая жалованье в течение целого года, ровно ничего не делал, "что имело весьма неприличный вид". В конце концов от отказался от этого места (еще в бытность Муравьева в Иркутске), причем братья его выдали Бенардаки вексель на всю заплаченную

Бакунину сумму.

Это письмо Корсакова от 17 сентября 1861 г. находится в части IV "Дела" о Бакунине, лл. 2-3.

3 Обращение к политической солидарности Каткова и его друзей является с одной стороны выражением "святой простоты" Бакунина, но с другой - и его рассчитанного лукавства. Но уловить с помощью таких приемов можно было не такого тертого сквалыжника, как Катков. И нетрудно себе представить, как должен был хохотать редактор "Русского Вестника", когда Бакунин апеллировал к его свидетельству в пользу веры в его "будущую деятельность". Это Катков-то, знавший, что Бакунин в течение двух лет не мог или не захотел прислать ему ни одной статьи о Сибири, несмотря на выраженное им самим желание и на приглашение Каткова писать такие статьи! А ведь здесь речь шла о такой именно деятельности, которая приносит заработок. И под залог этой будущей деятельности Бакунин просил у Каткова не более не менее как 4 000 рублей.

Кстати весьма вероятно, что Бакунин,

знавший, как видно из конца письма, что Муравьев оставляет Сибирь, уже в это время подумывал о побеге и хотел составить себе запасной капитал на такой случай.

Дальнейшие рассуждения Бакунина (на счет Австрии и пр.) во многом являются выражением даже не дворянского либерализма, а казенного патриотизма. Правда все это написано для Каткова и в подкрепление просьбы о 4000 рублей, но все же невольно возникает мысль, что, влияя в Сибири на Муравьева, Игнатьева и т. п., Бакунин незаметно сам заражался от них их взглядами.

4 Извольский, Петр Александрович (1816-1888)-чиновник, служил по министерству внутренних дел с 1836. С декабря 1856 был советником и начальником отдела Главного Управления Восточной Сибири. С июля 1860 был и. д. иркутского гражданского губернатора, а с начала 1861 иркутским гражданским губернатором. В последующее время был губернатором екатеринославским и курским. Чем заслужил большую дружбу Бакунина, неизвестно, разве тем, что давал ему займы.

5 После поражения Австрии в войне с

Францией в 1859 г. монархия, потерявшая Ломбардию, утратившая всякий вес в Германии, дошедшая до финансового банкротства, принуждена была для своего спасения пойти на уступки и смягчить реакцию, царившую в стране с 1849 года. В рядах командующего класса боролись две тенденции, осуществление каждой из которых должно было по расчету ее носителей способствовать сохранению максимальной доли их привилегий и по возможности оставить старую систему в целости. "Централисты", опиравшиеся на немецкую буржуазию Австрии и выражавшие ее интересы, стремились к созданию централизованного государства, в котором австрийский капитал подчинял бы себе остальные нацменовские капиталы дунайской монархии. "Федералисты", желавшие снова использовать националистические стремления буржуазии славянских народностей Австрии, готовы были на словах надевать эти национальные буржуазные группы всяческими формальными правами, дабы не допустить образования Объединенного революционного движения и распылить оппози-

цию. Сначала победило федералистское большинство, за которым стояли правящие группы таких наций, как мадьяры, чехи, хорваты, поляки и пр.: 20 октября 1860 г. император издал диплом, согласно которому все областные сеймы получали законодательную власть. Но когда в ответ на это немецкая буржуазия Австрии стала угрожать финансовым кризисом, а венгерцы поспешили использовать диплом для возобновления борьбы за полную автономию, правительство пошло на попятный и примкнуло к унитарной точке зрения: патент 26 февраля 1861 г. создал под именем рейхсрата общеимперский парламент (затея, из которой впрочем ничего не получилось вследствие сопротивления венгров и итальянцев, сразу объявивших рейхсрату бойкот). Но в тот момент, когда Бакунин писал свое письмо, казалось торжествовала еще федералистская точка зрения, и пылкие панслависты мечтали уже о превращении Австрии в своего рода западную славянскую федерацию. Опасение Бакунина, что хотя бы относительная свобода, предоставленная славянам в Австрии, будет действовать разлагающим обра-

зом на российскую деспотию, равно подавляющую все подвластные ей народы, отчасти оправдалось впоследствии, когда Австрия сделалась в известном смысле центром притяжения для российских поляков, украинцев и т. п. Но не революционеру было об этом печалиться!

6 София, австрийская эрцгерцогиня (род. в 1805) - дочь баварского короля Максимилиана Иосифа; в 1824 г. вышла замуж за австрийского эрцгерцога Оранца Карла: от этого брака родился между прочим Франц Иосиф (р. 1830 и с 1848 г. сделавшийся австрийским императором). Стояла во главе ряда благотворительных обществ. Считая полоумного Фердинанда недостойным носить корону и желая доставить ее своему сыну, она стояла в оппозиции к Меттерниху, имела свою партию при дворе и разыгрывала роль сторонницы либеральных реформ. Слова Бакунина о ней можно толковать таким образом, что по его мнению она сделала что-то для облегчения его участи во время его сидения в австрийских тюрьмах (а начале 50-х годов).

7 В этих словах можно усмотреть уже тача-

ло разочарования в Муравьеве. Правда Бакунин сдает позиции не сразу, пытаясь взвалить ответственность на неудачных помощников, но это-начало критического отношения к недавнему герою, которое на этом первом шаге остановиться не могло.

8 Кукель, Болеслав Казимирович (1829-1869)-генерал-майор польского происхождения; из дворян Виленской губернии; по окончании Главного Инженерного училища в 1850 г. был назначен на службу в Сибирь; здесь был [помощником Муравьева-Амурского; в 1862 г. был губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. Во время проживания Бакунина в Иркутске был с ним в хороших отношениях, и после его побега помогал его жене. На этом основании Бакунин возвел его чуть-ли не в единомышленники и стал писать ему из-за границы крайне неосторожные письма (см. том V настоящего издания). Эти письма попали в руки жандармов, и по распоряжению Александра II Кукель был временно отрешен от службы и над ним назначено расследование. Из следствия Кукель вышел

оправданным.

№614.-Письмо к Д. Е. Бенардаки.

(14 января 1861 года).

Милостивый государь,

Димитрий Егорович,

Более полугода ждал я ответа на письма, в которых я так подробно и, кажется, так ясно изложил Вам и свое положение и свои желания, и наконец вместо всякого ответа услышал от Михаила Семеновича Корсакова, что Вы не считали нужным поручить мне какое-либо дело, и смотрели на деньги, полученные и получаемые мною из Вашей кассы, как на нечто вроде даровой пенсии или подарка. Признаюсь, милостивый государь, такое известие сильно меня встревожило и оскорбило. Никогда в жизни никто не смел думать обо мне, чтобы я был способен к темным услугам, чтобы я согласился принять от, кого бы то ни было подаяние и быть чьим бы то ни было пенсионером. Что же дало Вам право думать о мне так низко?

Я знаю по слухам, а теперь и по собственному опыту, что Вы те читаете большей части писем. Вами получаемых; иначе и не могло

бы произойти между нами такого странного недоразумения. Но на сей раз уверен, что Вы сделаете для меня исключение. Вы оскорбили мою честь и должны сознаться в ошибке, без сомнения невольной, но, тем не менее, требующей полного удовлетворения.

Позвольте, милостивый государь Димитрий Егорович, изобразить Вам в третий и в четвертый раз весь ход моих отношений с Вами. В начале 1859-го года, рекомендованный Вам А. М. Княжевичем и М. С. Корсаковым, я был снисходительно принят Вами служащим в Амурскую комп[анию], оставил же ее в конце ноября того же года не по капризу, а по необходимости, вследствие убеждения, что при ложном и пагубном направлении, данном ей ее сибирским главноуправляющим, я не мог принести в ней ни малейшей пользы. Об этом я имел честь неоднократно доносить правлению компании продолжение лета 1859-го года, а Вам писал лично через Ю. А. Волкова в мае прошедшего года. В доказательство же, что правление компании было довольно моими посильными стараниями, прилагаю благодарность, мною от него полу-

ченную и подписанную Вашим собственным именем.1

Оставив службу Амурской К^о в конце ноября, я хотел уж писать Вам и просить Вас о другом назначении, но был удержан Волковым, который мне тогда объявил, что он ожидает из Петербурга полномочия на управление всеми делами К^о. Он изъявил намерение дать ей направление совсем иное и уговорил меня в ней остаться, обещая в ней место и занятие, при которых, принося действительную пользу Компании, я мог бы я вполне обеспечить свое семейное существование. В таких надеждах или, лучше сказать, в такой уверенности прожил я, ничего не делая и не предпринимая, до отъезда Волкова в Петербург. Между тем мои финансы, уже расстроенные, вполне истощились, и я стал брать у Юрия Александровича (Волков) деньги не в подарок, а заимообразно, в счет будущего жалования. Я брал их совершенно спокойно во-первых потому, что считал будущность свою крепко обеспеченною, а во-вторых потому, что знал, что в самом крайнем случае буду всегда в состоянии выплатить долг мой из части в име-

нии братьев, мне принадлежащей. С уверенностью ждал я возвращения Волкова из Петербурга; встретившись с ним в Томске, в марте прошедшего года, я узнал от него, что Вы мало интересуетесь Амурскою Комп., и что вследствие его рекомендации Вы, лестно отзываясь о мне, будто бы даже оказали: "такого человека жаль оставлять в Амурской комп., мы найдем для него и другое занятие". Вслед за Волковым я поехал по его приглашению к нему в Красноярск, где и прожил с ним полтора месяца в Вашем доме, ожидая решения моей участи. Много мы с ним толковали, много было сделано разных предположений, но ни одно не состоялось, и, наконец, перед самым его отъездом положено было, что я отправлюсь в Иркутск в звании чиновника особых поручений по всем Вашим делам кроме откупных и буду получать впредь до Вашего окончательного решения 150 рубл. месячного содержания, с обещанием, что я по приезде Волкова в Петербург получу от вас определенное назначение и жалование, сообразное той пользы, которой Вы от меня ожидать будете.

2. Вместе с ним я отправил к Вам письмо, в

котором так ясно, так определенно высказал Вам, милостивый государь Димитрий Егорович, свои ожидания и твердое намерение ни минуты не оставаться в Вашей службе, если не найдется в ней для меня настоящего дела, что недоразумений на этот счет быть не могло. К тому же Волков, с которым я говорил так много, обещал мне дополнить письмо это своими пояснениями, которые, я в том уверен, не клонились к моему бесчестью. Наконец я присовокупил к письму краткую записку о деньгах, взятых мною из вашей кассы, с просьбой дать мне год срока для их уплаты, в случае если служба моя Вам не понадобится. Каким же образом могли Вы подумать, что я соглашусь жить у Вас на пенсии и брать у Вас деньги даром? К счастью я сохранил оригинал этой записки и посылаю Вам ее ныне вторично.

Долго я ждал Вашего ответа. Положение мое было нестерпимо, но я сносил его единственно только потому, что, полагаясь на уверения Волкова, ждал каждый час, каждую минуту, что Вам угодно будет наконец поручить мне настоящее дело. Не дождавшись ничего

ни от Вас, ни от Волкова, я писал еще раз в августе; письмо это взялся передать Вам в собственные руки г-н Зыбин, отправленный отсюда курьером. Сомневаюсь, чтоб Вы его читали, так резко я высказал в нем обидную невыносимость своего положения, прибавив, что если Вам, богатому человеку, ничего не стоит бросить две-три тысячи в год, то мне, человеку, дорожающему своей честью, не приходится принимать ни одной копейки даром.

Наконец получил я от Волкова первое письмо от 13-го августа; а нем извещал он меня о том, что вследствие разговора Александра Максимовича Княжевича с Вами я должен получить от Вас письмо "весьма удовлетворительного свойства". В сентябре писал он мне еще раз: он говорил с Вами, сам читал Вам мое письмо и уверял меня, что "дело мое устроено". Наконец получил я от него же третье письмо, в котором он пишет следующее:

"Димитрий Егорович теперь за границую, но по приезде его оттуда Вы непременно получите письмо от него, я за это ручаюсь. До сих пор я сделал, что мог, но мог немного, те-

перь будет лучше. Ваше дело, кажется, прочно устроено".

Обманутый этими уверениями, я решился ждать до приезда Михаила Семеновича Корсакова, который, уезжая из Иркутска, обещал мне поговорить с Вами. Он возвратился, и я узнал от него, что Вы изволите смотреть на деньги, полученные и получаемые мною, как на подарок или как на даровую пенсию, жертвуемую в пользу не знаю кого и чего 3. Из уважения к себе и не желая вас оскорблять, милостивый государь Димитрий Егорович, не стану входить в дальнейшее разбирательство; не могу впрочем не заметить, что если б Вам было угодно прочесть мои письма, то Вы не позволили бы себе судить о мне так низко. Пожалуй Вы не виноваты: Вы-человек очень сильный, очень важный, очень богатый, привыкший с пренебрежением смотреть на людей безденежных. Меня Вы не знаете, на чтение же писем человека, Вам совершенно чуждого, у Вас не достало ни времени, ни охоты, и Вы судили о мне по множеству других прибегающих к Вашей щедроте под разными благовидными предложениями. Гораздо более виню я

Юрия Александровича Волкова, с которым я говорил так много, так определенно, так ясно, и который не умел объяснить Вам, что я не принадлежу к разряду продажных людей, берущих деньги за дела нечистые или даром.

Мне ж остается одно: убедившись, что Вы не находите выгодным для себя поручить мне настоящее дело, я должен немедленно оставить Вашу службу и возвратить Вам сполна все суммы, много от вас полученные. Из прилагаемой записки видно, что я был должен Вам по 1-е мая 1860-го года три тысячи триста семьдесят пять рублей (3.375 руб. сер.). Прибавив к ним тысячу восемьсот руб. (1 800 руб. сер.), взятых мною за службу у Вас без всякого дела от 1 марта 1860 года по 1-е марта 1861-го года 4, получим пять тысяч сто семьдесят пять рублей (5.1 75 руб. сер.), даром мною от Вас полученных, которые и считаю себя обязанным возвратить Вам как можно скорее. Брату как естественному представителю моей чести и моих обязательств я поручил к Вам явиться и привести мое дело в совершенную ясность. Я потерял драгоценный год в ожидании дела, обещанного мне Вашим именем:

надеюсь, что Вы не откажете мне в годовом
сроке для уплаты Вам моего долга 5.

С истинным почтением честь имею быть,
Милостивый государь,

Димитрий Егорович,
Вашим покорным слугою
М. Бакунин.

11 января 1861 [года]. Г[оро]д Иркутск.

Р. S. Прошу прощения за чернильные пят-
на. Переписать письма не успею.

Приложение.

Копия записки, посланной мною через г-
на Волкова г-ну Бенардаки 1 мая 1860 года из
г[оро]да Красноярска.

В Амурскую компанию я вступил 1 марта
1859 года. А. В. Белоголовый положил мне жа-
лованья в год 1.000 руб[лей] серебром], а на
время, проводимое мною вне Иркутска, по де-
лам к[омпании], содержания 50 руб. сер. в ме-
сяц. Кроме того я получил от него на подъем
из Томска в Иркутск 700 руб. сер., из которых
350 руб. на счет компании, а 350 руб. заимооб-
разно с вычетом из моего жалования.

Приехав в Иркутск в половине марта, я до
1-го июня оставался без всякого дела. А. В. Бе-

ЛОГОЛОВЫЙ видимо затруднялся мною, не зная, кажется, как и куда меня поместить, и я поневоле должен был смотреть на получаемое мною жалование как на даровую пенсию; а между тем он требовал, чтобы я заключил с ним контракт на три года на этих невозможных для меня условиях, бедных в финансовом отношении, обидных в нравственном.

Опасаясь на первую пору показаться требовательным и неблагодарным, не имея с другой стороны возможности согласиться на требования Андрея Васильевича и наконец не желая брать дарового жалования, я по собственному движению письменно сделал следующее предложение; считать мою службу не с марта, а с 1 июня, а 250 руб. сер., взятые мною за март, апрель и май, считать за деньги, данные мне займы, равно как и все 700 руб., полученные мною на подъем из Томска, если я не заключу с компанией контракта на следующий год на каких бы то ни было условиях, таким образом, что если контракт между нами заключен будет, я останусь должен компании всего только 350 руб. сер., если же мы напротив разойдемся, то буду должен ей

950 руб.

Контракта я не заключил и не считаю себя способным продолжать службу в Амурской компании, а потому по совести считаю себя должным компании 950 руб. сер.

Затем за шесть месяцев от 1 июня по 1 декабря 1859 года, проведенных мною в Забайкалье по делам компании, я получил жалованья 500 р[ублей] и 300 р[ублей] содержания, итого 800 р. сер[ебром]. После чего перестал получать или требовать что-либо от компании.

Ю. А. Волков, войдя в мое финансовое положение, дал мне от Вашего имени заимообразно и в разные времена 2.425 руб. сер.

Я желал бы, милостивый государь Димитрий Егорович, чтобы Вам угодно было принять 950 руб., должныя мною Амурской Комп[ании], также на себя; таким образом я был бы Вам должен всего три тысячи триста семьдесят пять рублей (3.375 р. с.) и просил бы Вас вычитать их постепенно из жалования, которое Вам угодно будет мне назначить, если Вы удержите меня в своей службе, в противном же случае дать мне год срока для их

уплаты. М. Бакунин,

№ 614.-Напечатано в "Былом" 1925, № 3/31, стр. 27-31. Оригинал находится в Прямухинском архиве, хранящемся в б. Пушкинском Доме.

Совершенно очевидно, что известный откупщик Бенардаки, соглашаясь принять к себе на службу М. Бакунина, полагал таким образом дать своеобразную взятку генерал-губернатору Восточной Сибири, где он производил свои разнообразные операции. В сущности Бакунин должен был скоро это заметить, да, судя по его же письму, он это и заметил. Но вместо того чтобы сразу порвать недопустимые отношения, он предпочел тянуть их в течение двух лет, продолжая получать от подозрительного дельца жалованье, брать у него займы в надежде на будущие блага весьма сомнительного свойства и писать ему письма, остававшиеся без ответа. Здесь лишний раз сказалось неуважение Бакунина к людям, которое порою, как в данном случае, оборачивалось неуважением к самому себе и больно било по нему самому.

Встает естественный вопрос: почему Баку-

нин, в течение двух лет мирившийся с неловким для него положением, вдруг сообразил, что дольше продолжать так невозможно, и что дело идет о его чести, как он сам выражается? Нам кажется, что ответ на этот вопрос подсказывается хронологией событий. В январе 1861 года для Бакунина окончательно выяснилось, что Н. Н. Муравьев в Сибири больше не остается, и что в его, Бакунина, жизни в Иркутске наступает резкий перелом. С одной стороны перед ним встал вопрос о необходимости готовиться к побегу, а с другой - так или иначе ликвидировать свои отношения с Бенардаки, ибо ясно было, что с отъездом Муравьева откупщик не только не станет впредь давать родственнику его ни гроша, но пожалуй потребует возврата прежде выплаченных сумм. По-видимому эти соображения и побудили Бакунина предпринять три шага: а) написать данное письмо Бенардаки; б) написать приведенное под № 576 письмо к Каткову с просьбой о четырех тысячах рублей; в) написать недошедшее до нас письмо к брату Николаю, вероятно тоже в январе 1861 г., как об этом можно судить по

письму к тому же Николаю от 1 февраля 1861 г. (см. No 616). По сообщению М. С. Корсакова, приведенному нами выше (см. комментарий 2 к No 613), братья Бакунины позже выдали откупщику вексель на всю забранную у него М. Бакуниным сумму.

Бенардаки, Дмитрий Егорович (1799-1870)-известный в 40 - 60-х годах откупщик, из дворян Екатеринославской губернии. Оставив по "неприятности" военную службу (вероятно проворовался) в гусарском полку в 1823 году, с капиталом в 30-40 тысяч начал спекулировать хлебом и разжился; принял участие в откупах, скупал земли, приобретал заводы, в течение 15 лет нажил такое состояние, которое давало ему полмиллиона рублей дохода. Он владел 620000 десятин земли и 10000 крепостных крестьян. Был приятелем М. П. Погодина, усматривавшего в нем образец российской сметливости и честности (sic!), и Гоголя, который воспользовался некоторыми его чертами для образа Костанжогло (и может быть откупщика Муразова). См. Барсуков-"Жизнь и труды М. П. Погодина", V, стр. 300-302; R. Ermerin-"Annuaire de la noblesse de Russie", том

III, Спб. 1900, стр. 88-89.

1 О каких "посильных стараниях" своих в пользу Амурской компании говорит здесь Бакунин, неясно: о письменных ли указаниях его на неправильное ведение дел компании или о своих разъездах по поручению компании по Забайкальской области. И какая могла быть ему от компании благодарность, если по собственному признанию он на службе ей ничего не делал?

2 Это место интересно в тон отношении, что из него мы узнаем о поездке в Западную Сибирь, совершенную Бакуниным в 1860 г.: в марте он был в Томске, в апреле-мае в Красноярске, а позже вернулся в Иркутск, где мы встречаем его в августе. Только по дате письма к Анненкову от 5 февраля 1860 (см. выше под No 608) можно догадаться о какой-то поездке Бакунина на запад, но это письмо до сих пор не было известно и публикуется нами впервые. По каким делам он совершал эту поездку, неизвестно. Во всяком случае она показывает, какими вольностями он пользовался благодаря покровительству Муравьева.

3 Возможно и даже вероятно, что, переда-

вая Бакунину это бесстыдное и циничное заявление откупщика, М. Корсаков не удержался от указания или намека, что ныне, с отъездом Муравьева, следовало бы в данный вопрос внести ясность. Это тоже могло толкнуть Бакунина на объяснение с Бенардаки. Во всяком случае, даже без всяких прибавлений со стороны Корсакова такое объяснение после столь открытого заявления становилось абсолютно необходимым и неотложным. А Корсаков имел право на присовокупление некоторых замечаний по сему поводу, ибо с отъездом Муравьева он становился во главе администрации В. Сибири, и хотя он в данный момент еще не был родственником Бакунина (он сделался им декоре после того), но все же продолжение выдачи "пенсии" откупщиком политическому ссыльному, близкому и к новому генерал-губернатору, не могло быть приятным и для него.

4 Письмо писано 14 января 1861 г., а говорится в нем о суммах, забранных до 1 марта того же года: это показывает, что Бакунин забирал деньги даже вперед на несколько месяцев. По его же подсчету выходит, что он "без

всякого дела" набрал у Бенардаки за два года свыше 5 000 рублей. После этого он не должен был особенно удивляться, когда циничный откупщик дал ему понять через нового генерал-губернатора, что он, в сущности, давал ему "пенсию" или проще говоря взятку как родственнику главы края.

5 Замечательно, что и теперь Бакунин продолжал дипломатничать. Как видно из письма его к брату Николаю от 1 февраля 1861 г. (см. ниже No 616), он в глубине души вовсе не хотел рвать с Бенардаки, а напротив надеялся, что это письмо может даже послужить к выяснению и упрочению их взаимоотношений. Только полною непрактичностью Бакунина, его непониманием действительных условий можно объяснить эти надежды и хитрости.

No615. - Письмо к Н. С. Корсаковой.

[Начало февраля 1861 года. Иркутск.]

.....(начало и конец письма срезаны)

...Я не имею удовольствия быть с Вами знакомым лично и все-таки, зная дружбу Вашу к моему семейству, решаюсь прибегнуть к Вам с всепокорнейшею просьбою. Будьте добры,

передайте или перешлите прилагаемое письмо к брату Николаю¹ кому-либо из сестер или из братьев, только пожалуйста не по почте и как можно скорее. Письмо неудобочитаемое и по содержанию своему для меня очень важное. Кроме того я писал брату с Климгенбергом², который вероятно не застал брата в Петербурге. Если можно, возьмите письмо мое у Клингенберга и отошлите также не по почте в Прямухино. А если увидите кого-нибудь из моих, скажите им, что стыдно лениться: вот уж ровно год, как я не получаю от них ни строчки. Видите ли, Наталья Семеновна, как худо иметь репутацию доброй и симпатичной (Начало и конец письма срезаны.).

P. S. Еще одно слово: пользуясь Вашим добрым приглашением, переданным мне в прошедшем году, я через курьеров буду постоянно пересылать Вам [мои письма в Прямухино с просьбою только не посылать их туда по почте, а, сколько возможно, с доверенными людьми. Матушка, братья и сестры вероятно также будут посылать Вам свои письма ко мне, которые Вам будет легко доставлять ко мне через курьеров или, если письма совер-

шенно невинного содержания, даже по почте, только с двойным конвертом и с внешним адресом на имя Михаила Семеновича (Отрезана верхняя часть первой и второй страниц письма.), который очень добр для меня. Неправда ли, Вы не вознегодуете на меня за смелость, с которою я к Вам обращаюсь? Вы-друг моих родных и друзей, и я обращаюсь к Вам как к лицу родному.

Прошу Вас, передайте мой почтительный поклон тетушке, равно как и всему семейству Вашему, а Александра Семеновича (Корсакова.) поблагодарите особенно за участие, которое он во мне принял.

№ 615.-Напечатано в "Былом" 1925, № 3/31. Оригинал находится в Прямухинском архиве, хранящемся в б. Пушкинском Доме. Письмо повреждено.

Адресатка письма - Наталья Семеновна Корсакова - сестра М. С. Корсакова, сменившего Муравьева на посту генерал-губернатора Восточной Сибири. Она вскоре вышла замуж за Павла Бакунина и сделалась членом прямухинской семьи. Это-по-видимому первое письмо к ней Бакунина, постоянною корре-

спонденткою которого она сделалась, в следующем году после побега его из Сибири.

1 См. No 616.

2 Речь идет о письме, предшествовавшем No 616 и написанном вероятно одновременно с письмом к Бенардаки, т. е. в середине января. На это письмо имеется ссылка в No 616. Оно говорило о том или ином соглашении с Бенардаки. По-видимому оно пропало; во всяком случае в Прямухинском архиве его нет.

No 616.-Письмо брату Николаю.

1-го февраля 1861 [года]. Иркутск.

Любезный брат! Пишу тебе вероятно в последний раз до получения от тебя ответа на мои письма, которые хочу дополнить следующими замечаниями: лучше всего было бы, разумеется, если б, возвратив мне права, мне просто и без всяких ограничений позволили ехать в Россию; к этому должно стремиться всеми силами. Но если они уж считают меня до такой степени человеком опасным, что в избежание моего постоянного пребывания в России готовы отказать мне во всем, тогда можно сказать им, что я прошу только шести-или даже четырехмесячного отпуска с тем,

чтобы, повидавшись с матушкой и с вами, ехать обратно в Сибирь. Разумеется, что нужно, чтоб у меня были в Сибири дело и средства к существованию. Мне кажется, что хорошо бы было, если б маменька обратилась [с] прямою просьбою к государю; одна старость ее дает ей на это право. Наконец, если вы убедитесь в решительной невозможности выхлопотать мне позволение теперь ехать в Россию, - но только в случае решительной невозможности, - то пусть мне возвратят права без права возвращения в Россию на первое время; такое решение было объявлено на днях полит[ическому] преступнику Веберу, представленному Муравьевым к полному освобождению. Через это он хоть в Сибири сделался человеком свободным, равноправным со всеми, а я ведь до сих пор связан по рукам и по ногам. Я предвижу все возможные случаи, предоставляя вам полную свободу действовать, как вам покажется лучше. Вспомните только, что вы никогда не найдете более удобного времени, и что если вам не удастся освободить меня теперь, то вероятно никогда не удастся. От вас, от вашего умения,

от вашей веры в успех, - ведь на свете нет ничего невозможного, - и от вашей энергии зависит теперь вопрос:

увидимся ли мы на этом свете или нет? В Сибири я не сгнию, это верно; только отказавшись от правильного планетного течения, мне придется опять сделаться кометою. А не хотелось, да и не легко - с женою очень будет трудно, один бы я не задумался. Но с нею я не расстанусь, прежде ж чем предпринять что-нибудь с нею вместе, надо 10 раз подумать. Обдумав дело, я решился подождать еще немного, пожалуй еще год, но никак уж не более, если увижу действительную и на чем-нибудь определенном основанную надежду на скорое освобождение. От вас же жду во всяком случае полной искренности и правды. Вы поступили бы очень худо, если б вздумали обмануть меня насчет моего положения. Так позволено поступать врагам, а не вам, - а малейшей нелепости, недобросовестности, противуречия с вашей стороны будет достаточно, чтоб подвинуть меня на самые головоломные предприятия. Я стал ко всему и ко всем недоверчив, я меня обмануть, убаюкать будет

трудно, а если б и удалось, то я никогда не прощу обмана. Я обращаюсь к вам на прежних основаниях, хотя редко что не изменяется в жизни, сужу о вас по себе и верю в вас как в себя; но если вы изменились, если я вам надоел, скажите откровенно, жаловаться я не стану, требую от вас только во всем безусловной правды 1.

Я просил тебя, Николай, если это возможно без ущерба для моей чести, не разрывать моих отношений с Бенардаки, напротив определить, укрепить и устроить мои деловые с ним отношения, не скромничая, не донкишотничая и соблюдая по возможности мои выгоды. Тут представляются два возможные случая: или мне дадут позволение ехать в Россию или нет. В первом случае он должен знать, что я поеду в мае, и вероятно не откажется дать мне средства ехать в Россию, как делает это для всех служащих по его делам. Во втором же я б желал, чтобы он мне дал поручение на Амур до Николаевска; он узнал бы от меня без сомнения всю истину насчет того, что делается и что можно сделать и предпринять в этом крае, а правда в делах, правда за

6.000 и за 10.000 верст драгоценна.2 Во всяком случае я не возьму менее 3.000 руб. сер. жалования при его полном содержании, как это делается в Сибири, и чувствую себя способным принести ему пользы и на 6.000 р. жалования. Говорить нечего, что я не соглашусь остаться в его службе, если он мне не даст настоящего дела и не сознает своей ошибки.

Если вы найдете необходимым разорвать мои отношения с Бенардаки, не худо бы было, если бы Вы рекомендовали меня другому петербургскому или московскому капиталисту. Но в этом отношении на вас надежда плоха, то ли было бы дело, если б я сам мог побывать в Москве или в Петербурге.

Прощайте, братья, простите сухой тон моего письма, но что делать, на душе сухо, а все-таки я вас горячо люблю и по-прежнему в вас верю. Маменька, благословите нас, будем надеяться, что скоро свидимся.

Ваш

М. Бакунин.

Еще одно слово. Если меня не освободят, если разорвутся мои отношения с Бенардаки, и вы не найдете для меня другого дела, тогда

необходимо будет продать мою часть имения, заплатить мои долги и выслать мне остальное, какое бы оно ни было. Другого выхода я не вижу³. Я живу теперь в долг, и кроме этого мне нужно заплатить еще 600 р. долга. Тесно и плохо и мало надежды, и все-таки я не теряю ни веры, ни духа.

Буду до конца бороться.

Но 616.-Напечатано в "Былом" No 3/31. Оригинал находится в 8 Прямухинском архиве, хранящемся в б. Пушкинском Доме.

1 Мы видим здесь последнюю попытку Бакунина легальным путем вернуть себе свободу, причем он определенно дает понять родным, что в случае неуспеха он намеревается бежать (это намерение, как мы узнаем из следующего тома, привело его родных в ужас). Как и из тюремной камеры, так и из глубины сибирской ссылки неутомимый Бакунин лично руководит хлопотами и толкает вялых родных, которые в сущности ничего так не боялись, как появления неутомонного бунтаря в России или даже в Прямухине. Разумеется, такой "правды" Бакунин от братьев не услышал; только впоследствии он сам о ней

догадался и ясно высказал это родным в письмах из Лондона.

Результатом этого нажима Бакунина было новое прощение старухи-матери на имя царя от 20 апреля 1861 года. В нем В. Бакунина, ссылаясь на свою старость и близкую смерть, просила в последний раз "дозволить сыну (ее) Михаилу, ныне уже не пылкому молодому человеку, а семьянину", возвратиться в отчий дом и провести с матерью те немногие дни, какие ей еще осталось прожить. 26 апреля Долгоруков доложил прошение царю, который положил на прощании резолюцию: "помоему, невозможно", после чего шеф жандармов прибавил от себя: "оставить без последствий" ("Дело" о Бакунине, ч. III, л. 89). Таким образом для Бакунина побег становился лишь вопросом времени.

2 Это место показывает, что Бакунин не только надеялся на возможность своего легального возвращения в Россию, но и на возможность для него мирного занятия делами. О том же говорят и следующие ниже слова об установлении связи между ним и какими-нибудь московскими или петербургскими капи-

галистами: ясно, что Бакунин надеялся найти у них службу. С другой стороны привлекает внимание его желание получить от Бенардаки командировку на Амур вплоть до Николаевска: это-примерно тот самый путь, каким он позже и осуществил свой побег. Понимать ли это место в том смысле, что Бакунин на всякий случай готовил себе удобные условия побега, который был для него одним из выходов в случае полного закрытия второго? Мы думаем, что это именно так.

3 Оять-таки это говорит о подготовке средств для побега. Не полагаясь вполне на Каткова, Бакунин хотел обеспечить себя нужными деньгами и с другой стороны. Но родные на ликвидацию причитающейся ему части имения не пошли. Только через 15 лет Бакунин с трудом добился выделения своей доли общего имения. Об этом см. в последнем томе настоящего издания.

Но 617. - Докладная записка.

13 мая [1861 года]. [Иркутск].

Докладная записка политического преступника Михаила Александровича Бакунина
13 мая 1861-го года.

Его Высокопревосходительству господину генерал-губернатору Восточной Сибири.

На основании высочайшего повеления отправлен был я в 1857 г[оду] в Сибирь на поселение и прибыв в том же году в апреле месяце в Томскую губернию, причислен на поселение к Нелюбинской волости Томского округа, но проживал по болезни в г. Томске. В 1858 году по ходатайству г. генерал-губернатора Западной Сибири всемилостивейше разрешено мне вступить в гражданскую службу в Сибири по примеру других политических преступников канцелярским служителем четвертого разряда.

Желая воспользоваться этою монаршею милостью, а равно и поправить расстроенное здоровье переменою по совету медиков климата, я прибыл с этой целью с разрешения томского губернского начальства в 1859 г [оду] в г[ород] Иркутск,¹ но по болезни и до настоящего времени не могу поступить на службу. Между тем во все время нахождения в Сибири не пользовался пособием, отпускаемым ежегодно на основании высочайшего по сему предмету положения всем политиче-

ским преступникам, хотя и встречаю крайнюю нужду в средствах к жизни. Докладывая об этом Вашему Высокопревосходительству, я осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою предоставить мне право пользоваться наравне с прочими политическими преступниками пособием от казны и вместе с тем сделать распоряжение об удовлетворении меня этим пособием за все время нахождения в Сибири, если можно ныне же, из здешнего казначейства.

Михаил Бакунин.

№ 617.- Печатается впервые. Документ этот находится в "Деле". Записка написана писарским щеголеватым почерком и только подписана М. Бакуниным.

После разрыва с Бенардаки, ввиду неполучения средств от родных и отсутствия заработков, Бакунин очутился в тяжелом положении, тем более тяжелом, что ему теперь требовались средства не только на организацию твердо решенного побега, но и на оставление хоть каких-нибудь денег покидаемой в Иркутске жене. В таком положении он и придумал такой исход, как истребование от казны

причитавшегося ему пособия как политическому ссыльному за четыре года его пребывания в Сибири. Но попытка оказалась неудачной: он пропустил все сроки. Корсаков счел возможным выдать ему просимое пособие только за 1860 год. Так и было сделано, причем с Бакунина было взыскано 90 копеек за употребление негербовой бумаги для прошения.

1 Это место приподнимает отчасти завесу над вопросом о том, каким путем Бакунину удалось добиться переезда в Иркутск из Томска. Оказывается, что для этого пущен был в ход трюк с заключением медиков о необходимости перемены местожительства в интересах потрясенного здоровья. Но кто разрешил свыше принять во внимание заявление медиков, остается неясным. Сам Озерский вряд ли взял на себя смелость самостоятельно разрешить такой вопрос.

Сканировала и составила Нина Дотан ldnknigi.narod.ru ldnleon@yandex.ru

Корректировал Леон Дотан (06. 2001)

М. А. БАКУНИН

МОСКВА-1935

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

1828-1876

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРИМЕЧАНИЯМИ

Ю. М. СТЕКЛОВА

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

В ТЮРЬМАХ И ССЫЛКЕ

1849-1861

общее для всего тома No 4: "Исповедь" ,

письма

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Адельт, шлиссельбургский узник

Адрианов, А. В.

Аккорт, Иосиф

Александр см. Бакунин, Александр Александрович

Александр см. Дьяков, Александр Николаевич.

Александр I Павлович

Александр II Николаевич

Александр III

Александрина см. Бакунина, Александра Александровна.

Алибо, Луи

Ален

Альбер

Альбрехт, австрийский эрцгерцог

"Альянс Социальных Революционеров"

Ампер

"Амур", газета

Андржейкович, Юлий

Анненков, иркутский чиновник

Анненков, Павел Васильевич

Автонелли, Петр Дмитриевич, шпион

Антонов см. Вебер, Гилярий Антонович

Араго, Франсуа

Араго, Эммануил

Араго, Этьен

Аракчеев, Алексей Андреевич, граф

Арбейтер, пражский домовладелец

Аренд, Леопольд

Арндт, Эрнст Мориц

Арним, Беттина, фон

Арнольд, Эммануил

Асташев, золотопромышленник

"Аугсбургская Всеобщая Газета", немецкая

газета

Ауэрбах, Бертольд

Ауэрсперг

Б

Байер, Фридрих
Байш, баронесса
Бакунин, Александр Александрович
Бакунин, Александр Михайлович (отец)
Бакунин, Алексей Александрович, брат М.
А. Бакунина
Бакунин, Алексей Александрович, сын
Александра Александровича
Бакунина и Елизаветы Васильевны
Бакунин, Илья Александрович
Бакунин, Михаил Александрович
Бакунин, Михаил Михайлович, сенатор
Бакунин, Николай Александрович
Бакунин, Павел Александрович
Бакунина, Авдотья см. Бакунина, Евдокия
Михайловна
Бакунина, Александра Александровна
Бакунина, Анна Петровна
Бакунина, Антония Ксаверьевна.
Бакунина, Варвара Александровна стар-
шая, мать
Бакунина, Варвара Александровна млад-
шая, сестра
Бакунина, Варвара Михайловна, тетя.
Бакунина, Евдокия (Авдотья) Михайловна

Бакунина, Екатерина Михайловна
Бакунина, Елизавета Васильевна
Бакунина, Любовь Александровна
Бакунина, Прасковья Михайловна
Бакунина, Софья Александровна
Бакунина, Татьяна Александровна
Бакунины, братья, сестры
Бакунины, кузины
Бакунины родители
Бальби, Адриан
Бардаков см. Бородуков
Барро, Одилон
Барсуков, Иван Платонович
Барсуков, Николай Платонович
Барятинский Александр Иванович, князь
Басаргин, Николай Васильевич
Бассериан, Фридрих Даниель
Бастна, Фридерик .
Бастид, Жюль
Батванн
Бауэр, Эдвин
Бауэры, братья.
Бах, австрийский министр
Безобразов, Владимир Павлович
Безобразов, Михаил Николаевич

Безобразова, Марья Николаевна
Безобразова, Хиона Николаевна
Безобразовы

Бейст, Фридрих Фердинанд, граф
Бекер, доктор .

Бекк, саксонский министр

Беккер, Август

Беклемишев, Ф. М.

Белинский, Виссарион Григорьевич

Беллини, Винченцо

Белоголовый, А. А.

Белоголовый, Андрей Васильевич

Белоголовый, Николай Андреевич, доктор

Бенардаки, Дмитрий Егорович

Бенеш, пастор

Бенкендорф, Александр Христофорович

Бер, Альфред.

Беранже, Пьер Жан

Березовский.

Бернайс, Лазарус

Бернацкий, Алоизий

Берне, Людвиг

Бернштейн, Генрих

Бертэны

Бестужев, Михаил Александрович

Бестужев, Николай Александрович
Бесчастный см. Бечаснов
Бетхер, Федор Карл
Бетховен
Бечаснов (Бесчастный), Владимир Александрович
Бидерман, Карл
Бисмарк, Отто
Бистром, Карл Иванович, генерал
Блан, Луи
Бланки, Огюст
Блудек, Бедрж
Блудов, Дмитрий Николаевич
Блюм, Роберт
Блюмен, фон, генерал
Блюменталь, полковник.
Блюнчи, Иосиф Каспар, профессор
"Богемия", газета
Богарне, Евгений
Богосов, Саркис
Богучарский, Василий Яковлевич
Богуш, галицийский помещик
Бодев
Бодуэн
Бокэ, Жан Батист

Бонапарт см. Наполеон I.
Бонопарт, Луи см. Луи Бонопарт
Борн, Стефан
Борнштедт, Адальберт
Боровой, А.
Бородуков
Бородукова, Мария Николаевна
Боррош
Борхерт, гувернер
Боткин, Василий Петрович
Бояркова см. Полторацкая, М. Ф.
Брагинский, Марк Абрамович
Бранигк
Браун, саксонский министр
Браунер, Франц Август
Брейнль, австрийский исправник
Бржозовский, Карл
Бройзем, фон
Бруна, Эдуард, доктор
Брут, Марк Юний
Бунзен
Б. У.Ф., барон
Бурбоны
Бурцев, Василий Львович
Буссениус, книготорговец

Буташевич-Петрашевский, М. В. см. Петрашевский, Михаил Васильевич.

Бухгейм, Лев Эдуардович

Бюлов-Куммеров

Бюше, Филипп Жозеф

В

Вавен, Алексис

Вавра, Винцент

Вагнер, Рихард

Валуев, Петр Александрович, граф

Вальдек, Бенедикт

Валькер

Варнгаген фон Энзе, Карл Август

Васильчиков, Илларион Васильевич

Вебер, Гилярий Антонович

Вейтлинг, Вильгельм

"Век", французская газета

Велепольский, Александр

"Венская газета"

Венцель

Вердер, Карл

Вержбицкий, Корвин

Вернер, "папаша"

Верон, доктор

Вертэй (Вертель)

Вессенберг, Иоанн Филипп
Ввардо, Луи
Виганд, Otto
Виде, Александр
Виктор-Амедей
Виланд, Кристоф Мартин
Вильгельм I
Виндишгрец, Альфред Фердинанд
Виноградская, Елизавета Васильевна см.
Бакунина Е. В.
Винтер, полицейский
Вислицениус, проповедник
Виттиг, Лео
Воейкова, Мария
Волков, Юрий Александрович
Волозский, Луи Франсуа Мишель
Вольтер
Вольф Вольф
Вильгельм В., доносчик
Ворцель, Станислав
"Вперед" ("Форвертс"), немецкая газета
"Время" ("Тан"), французская газета
"Всеобщая (Аугсбургская) Газета", см. "Аугсбургская Всеобщая Газета". "Всеобщая Одерская Газета"

Вульф, Гавриил Петрович
Вульф, Иван
Вурмбранд,
Вильгельм, граф
Вуттке, Генрих
Высоцкий, Иосиф, генерал
Высоцкий, Петр
Г
Гааг, Луиза Ивановна
Габихт, министр Дессау
Габсбурги
Гавличек, Карл
Гавличек, Франц
Гай
Гамбуцци, Карло
Гаммер, ассессор
Ганка, Вацлав
Гарибальди, Джузеппе
Гарнье Гасфорд
Густав Христианович
Гауч, Вильгельм
Гегг, Аманд
Гегель, Георг
Гейбнер, Отто Леонгард
Геймбергер (Лассогурский)

Гейне, Генрих
Гейнце, Александр Кларус
Гекзамер, Адольф
Геккер, Фридрих Карл
Гельд, саксонский министр
Гельмут, полицейский надзиратель
Гельтман, Виктор
Генрих IV
Гентц, Фридрих
Гервег, Георг
Гервег, Эмма
Гергей, Артур
Герман, Бертольд Иванович
Герцен, Александр Иванович
Геркен, Наталья Александровна, его жена
Герцен, Николай, его сын
Герцены
Гершензон, Михаил Осипович
Гёте, Вольфганг
Гефнер, Леопольд
Гизо Франсуа
Гика, Александр, господарь Валахии
Гика, Василий
Гиргль, Франц
Гиршель, Б. Глаголевский, Степан Василье-

вич см. Серафим.

"Глобус", газета

Глоссы, Карл

Глюк, Кристоф Вилибальд

Глюммер, фон, Бодо

Гоголь, Николай Васильевич

Гок, фон, следователь

Голембиовский

Головачева-Панаева, Авдотья Яковлевна

Головин, Иван

Гольдман, "тентархист"

Горбунов, П. А. Горчаков, Александр Михайлович, канцлер

Гофман

Гофман, Эрнст Теодор Амедей

Гохсфельд, издатель

Грановский, Тимофей Николаевич

Грибоедов, Александр Сергеевич

Гро, Жан-Батист Луи

Гросман-Рощин

Грунер, саксонский депутат

Грюнберг, профессор

Гумбольдт, Александр

Гурбам см. Урбан.

Гусс, Иоанн

Гуцков, Карл

Гюго, Виктор

Гюйо, Ив

Д

Дантон, Жорж Жак

Дверницкий, Иосиф, генерал

Делагарди, графиня

Делонкль, Франсуа

Дембинский, Генрих, генерал

Дембиньский, Тадеуш

Демулен, Камилл

Дестер (дЭстер), Карл Людвиг Иоганн

Дефрис, американский шкипер

Дзялынский, граф

Долгоруков, Василий Андреевич, щef жан-дармов

Домбаль

Домбровский, Ян-Гонорий

Дон-Кихот

Достоевский, Федор Михайлович

Драгоманов, Михаил Петрович

Дрейфус, Луи

"Дрезденская Газета"

Дубельт, Леонтий Васильевич

Дунин-Борковский, Лешек

Дуранте, Франческо
Дьяков, Александр Николаевич
Дьяков, Валериан Николаевич
Дьяков, Николай Николаевич
Дьякова, Варвара Александровна см. Баку-
нина В. А. младшая
Дювержье де Горан, Проспер
Дюдеван, Аврора см. Жорж Занд
Дюмурье, генерал
Дюпра, Паскаль
Дюрье, Ксавье
Дютак, А.
Дюшатель, Шарль, граф
Е
Евгения, мадемуазель
Евреинов, Б. А.
Екатерина I
Екатерина II
Елагин, Н. А.
Елачич, Иосиф
Елена Павловна, в. кн.
Елизавета Петровна, императрица
Ермолов, Алексей Петрович, генерал
Ж
Жако, домовладелец

Жижка, Ян

Жирардэн, Эмиль

Жозефина, французская императрица

Жорж Занд

Жоттран, Люсьен Леопольд

Жуков, табачный фабрикант

Жукова, Марья Семеновна

Журд

"Journal des Debats", французская газета

"Журнал Польского Демократического Товарищества"

З

Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфенович

Завалишин, Дмитрий Иринархович

Завалишин, Ипполит Иринархович

Завалишины, братья

Завиша, польский эмигрант

Загоскин, М. В.

Зайченко, майор

Закревский, Арсений Андреевич

Залеский, Константин

Залеский, Мартин

Замойский, Андрей

Замойский, Владислав, граф

Замойский, Здзислав

Занд см. Жорж Занд,

Зандер, Энно

Запольский, генерал

Зеебек

Зигмунд, Густав, брат Эммы Зигмунд-Гервег

Зигмунд, Эмма - см. Гервег Эмма.

Зинтенис, пастор

Зольгер, Рейнгольд

Зыбин, чиновник

И

Иванушка дурачок

Игнатьев, Николай Павлович

Иек(к)ель, саксонский демократ

Иел(л)ачич см. Елачич.

"Известия Славянской Липы", газета

Извольский, Петр Александрович

"Иллирийские Новины", газета

Иисус Христос

Ильинский, Л.

Илья Муромец

Интернационал Первый

Иоанн, австрийский эрцгерцог

Иоганна см. Пескантини, Иоганна

Иордан, Иван Петр
Йорик
Иосиф II
Иречек, Иосиф
Иречек, Константин
Иринарх, епископ
К
Кавелин, Константин Дмитриевич
Кавеньяк, Годфруа
Кавеньяк, Жан-Батист
Кавеньяк, Эжен, генерал
Кавур, Камилло Бензо, граф
Казимирский, Яков Дмитриевич
Каменский, Николай Михайлович, граф
Кампелик
Кантемир
Капелюш, Федор Давидович
Карганов, Александр Александрович
Карл X.
Карпов
Каррель, Арман
Кастильоне, австрийский генерал
Катенька см. Полторацкая, Екатерина
Алексеевна
Катенька см. Ушакова, Екатерина Петров-

на

Катя, Катенька см. Бакунина, Екатерина Михайловна

Катков, Михаил Никифорович

Квятковская, Антония Ксаверьевна см. Бакунина, А. К.

Квятковская, Софья Ксаверьевна (Зося)

Квятковская Юлия Ксаверьевна

Квятковская Юлия Михайловна

Квятковский Александр Ксаверьевич

Квятковский, Ксаверий Васильевич

Квятковский, Ян Ксаверьевич

Кейль, Эрнст

Кельсиев, Василий Иванович

Кемпе, австрийский министр

Кеппе, дессауский министр

Керстен, Курт

Кетчер, Николай Христофорович

Кёхли, Герман

К-ин, М. И.

Киндерман

Кинкель, Готфрид

Кинэ, Эдгар

Кирилов, П. С.

Киселев, Николай Дмитриевич

Киселев, Павел Дмитриевич
Клара
Клейнберг, австрийский генерал
Клейнерт, Павел
Клейнмихель, Петр Андреевич
Клингенберг
Кнедльганс-Либлинский, Ян
Княжевич, Александр Максимович
Княжевич, Владислав Максимович
Княжевичи
Ковалевский, Е. П.
Кованько, Михаил Михайлович
Козьмин, Борис Павлович
Колесников, В. П.
Кол(л)ар, Ян
Коловрат, граф
"Колокола
"Combat" французская газета
Копарский, Симон
Консидеран, Виктор
Констан, Бенжамен
Константин Николаевич, в. кн.
Константин Павлович, в. кн.
"Конституционалист" ("Le Constitutionnel"),
французская газета

Корменен, Луи Мари
Корнилов, Александр Алексеевич
Корсаков, Александр Семенович
Корсаков, Михаил Семенович
Корсаков, комендант Петропавловской
крепости

Корсакова, Наталья Семеновна

Корсаковы

Корф, Модест Андреевич

Корш, Евгений Федорович

Корш, Марья Федоровна

Коссидьер, Марк

Костюшко, Фаддей (Тадеуш-Андрей)

Косцельский, Владислав

Котта, И.

Коханский, счетчик Варшавского банка

Копт

Кошут, Людвиг

Краевский, счетчик Варшавского банка

Краевский, Генрих

Кромвель, Оливер

Кропоткин, Петр Алексеевич

Крузенштерн, Иван Федорович

Крыжановский, Александр

Крылов, Иван Андреевич

Ку

Кубалов, Б

Кудлих, Ганс

Кудрявцев, Петр Николаевич

Кукель, Болеслав Казимирович

Кукулевич, Иван

Куракин, Алексей Борисович, князь

"Courrier Francais" см. "Французский Курьер".

Куфштейн, граф

Кухаржевский, Ян

Кювье

Кюльветтер

Кюрнбергер, Фердинанд

Кюстин, де, маркиз

Кюхельбекер, Вильгельм Карлович

Л

Лавров, доктор

Лавров, священник

Лагранж

Лазарь евангельский

Лакруа

Лаланд

Ламарк, Максим, генерал

Ламартин, Альфонс.

Ламберг, австрийский генерал
Ламеннэ, Фелиситэ Робер
Лапгер, Федор Федорович
Лапиньский, Феофил
Лаплас
Латур, Теодор
Лафайет, Мари Жозеф
Лафарг, Поль
Ледрю-Ролен
Ледуховский, Ян, граф
Лейхтенбергская, Мария Николаевна
Лейхтенбергский, Максимилиан, герцог
Лелевель, Иоахим
Лемке, Михаил Константинович
Леммель, банкир
Ленин, Владимир Ильич
Леопольд I.
Лепарский, Станислав Романович
Лермонтов, Михаил Васильевич
Леру, Пьер
Либельт, Карл
Лиза см. Виноградская, Елизавета Васи-
льевна.
Лимановский, Болеслав
Линдеман, редактор "Дрезденской Газеты"

Линденберг, Матильда см. Рейхель, Матильда

Липранди, Иван Петрович

Липский, Войцех

Лобкович, Иосиф, жнззь

Ломоносов

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович

Лошакова, Александра Ивановна

Луи XVI см. Людовик XVI.

Луи Блан см. Блан, Лун.

Луи Бонапарт (см. также Наполеон III)

Луи Филипп

Лукасинский, Валериан

Лукашевич, Леслав

Лунин, Михаил Сергеевич

Львов, Александр Сергеевич

Львов, Федор Николаевич

Львова, Марья Карповна

Львова, Марья Сергеевна

Любаша см. Бакунина, Любовь Александровна.

Люблинер, Людвиг

Любомирский, Юрий, князь

Людвиг-Филипп см. Луи Филипп.

Людовик XVI

Людовик XVII

Людовик XVIII

Лямс, Петр, сектант

М

Мазаннелло

Майзель, К. Л.. дрезденский гласный

Майков, Валериан Николаевич

Майков, Алексей Никифорович

Мак-Магон, французский маршал

Максимилиан-Иосиф - король баварский

Малый, Якуб

Мамиани де ла Ровере, Теренций

Мандерштерн, генерал

Марат, Жан Поль

Мари, математик

Мария Александровна, жена Александра II

Мария Антуанетта

Мария Николаевна, в. кн., см. Лейхтенберг-
ская, Мария Николаевна.

Мария Теревия

Маркс, Карл

Маркс, Френсис

Марраст, Арман

Мартин, Карл Август

Марчелло, Бенедикт

Маткевич, Ф. , врач
Мауна
Маццини, Джузеппе
"Маяк", немецкий журнал
Медем, граф, русский посланник в Вене
Медведев, жандармский офицер
Медокс, Роман Михайлович
Мейен, Эдуард
Мейендорф, Петр Казимирович
Мейербер, Джакомо
Мейзенбуг, Мальвида
Мейнель, Курт
Меллинэ, Франсуа Эме, генерал
Мельгунов, Николай Александрович
Мельгунов, С. П.
Мельгунова, Софья Карловна
Менцель, пражский ремесленник
Меньшиков, Александр Данилович
Мерк, дрезденский повстанец
Мерод, Филипп Феликс, граф
Мерославский, Людвиг
Меррюо, Шарль
Меттерних, Клемент Венцеслав Лотар
Мефистофель
Мехедэ

Мехмет-Али
Миковец, Фердинанд Братислав
Милнус, хозяин отеля
Милорадов, Алимпий
Мильде
Милютин, Борис Алексеевич
Милютин, Дмитрий Алексеевич
Милютин, Николай Алексеевич
Миних, Бурхард Христофор Антонович,
граф.
Минквиц, дрезденский гласный
Минутоли, Юлий
Минье, Франсуа Огюст Мари
Мирабо
"Мирная Демократия", французский жур-
нал
Михаил Павлович, в. кн.
Мицкевич, Адам
Мишле, Жюль
М. М.-402
Мневский, Теофил
Моле, Луи Матье
Молчанов, товарищ председателя иркут-
ского губернского суда
Монж

Монталамбер, Шарль, граф

Монтэнь

Морачевский, Андрей

Мордвиновы

"Morning Advertiser" (The), газета

"Московские Ведомости"

Муравьев, Андрей Николаевич

Муравьев, Михаил Николаевич, вешатель

Муравьев, Николай Назарович

Муравьев, Николай Николаевич, Амурс-
ский

Муравьев, Николай Николаевич Карский

Муравьев, Сергей Николаевич

Муравьев-Апостол, Матвей Иванович

Муравьев-Апостол, Сергей Иванович

Муравьевы

Мытельский, граф

Мюллер-Стрюбинг, Герман

Н

Набоков, Иван Александрович, генерал

Набокова, Екатерина Ивановна

Налепинский, шлиссельбургский узник

Наполеон I

Наполеон III (см. Луи Бонапарт).

Наполеон принц

"Narodny Noviny", чешская газета
"Националь" ("Le National"), французская
газета
Науман, дрезденский обыватель
"Национальное Обозрение", французский
журнал
Невельский, Геннадий Иванович
Неглинский, Леонард
"Независимое Обозрение", французский
журнал
Ней, маршал
Нейберт, регистратор
Неклюдов, иркутский чиновник
Некрасов, Николай Алексеевич
Немезида
"Немецкнй Вестник из Швейцарии", жур-
нал
"Немецко-Франпузский Ежегодник", жур-
нал
Нессельроде, Карл Васильевич, граф
Неттлау, Макс
Нечаев, Сергей Геннадиевич
Николаевский, Б.
Николай Александрович, цесаревич
Николай I Павлович

Николай II Александрович

Ниндель, Юлия

"Новая Рейнская Газета

Новицкий, П.

Ностиц, Альберт, граф

НЬЮТОН

О

Оберлендер, саксонский министр

Облеухов, Александр Никанорович

"Oblanske Noviny" ("Гражданские известия"), чешская газета

Оборский, полковник

Огарев, Николай Платонович

Огарева, Н. А., см. Тучкова-Огарева, Н. А.

Озерские

Озерский, Александр Дмитриевич

Ольга Ивановна

Ольдекоп, Карл Карлович

Омар, халиф

Оппенгейм, Генрих Бернгард

Оргельмейстер

Орест

Орлеанский, герцог

Орлов, Алексей Федорович

Орлов, Федор Григорьевич

Орсини, Феличе
Отверженный, Н.
Оттендорфер, Освальд
Отто I. Франц, адвокат

П

Павел, апостол

Павел I

Палацкий, Франтишек

Пальмерстон

Панаев, Иван Иванович

Панаева, А. Я. см. Головачова-Панаева, А. Я.

Панин, Виктор Никитич

"Парижское Обозрение", французский жур-

нал

Паскевич-Эриванский, Иван Федорович

Пассек, Вадим Васильевич

Пасеек, Диомид Васильевич

Патрубан

Паулина

Пауль, Франтишек

Пеленков, И. И.

"Пентархия"

Пене, Гуильельмо

Перль, К. Ф., полицейский

Перовский, Лев Алексеевич, граф

Перре, Луи
Пескантини, Иоганна
Пескантини, Паоло-Федерико
Пестель, Павел
Петр I Алексеевич
Петр II
Петр III
Петрарка
Пестрашевский, Михаил Васильевич
"Peuple" (Le), французская газета
Пиа, Феликс
Пиллерсдорф, Франи Ксаверий
Погодин, Михаил Петрович
Поджио, Александр Викторович
Подлипский, Иосиф
"Под суд", приложение к "Колоколу"
Полонский, Вяч.
Полторацкая, Екатерина Алексеевна
Полторацкая, Екатерина Ивановна
(ур. Набокова)
Полторацкая, Марья Федоровна
Полторацкие
Полторацкий, Александр Маркович
Полторацкий, Алексей Павлович
Полторацкий, Петр Александрович

Полторацкий, Петр Алексеевич
Полуденская, Марья Ивановна
Полуденский, Александр Петрович
Поль де Кок
"Польский Демократ", журнал
"Польское Демократическое Товарищество"
"Поляк", польский журнал
"Полярная Звезда", журнал
Понинский, Станислав, граф
Понятовский, Иосиф, князь
Пониссе
Попов, С. С.
Порпора, Николо
"Порт(о)фолио"
"Порядок", французская газета
Потанин, Григорий Николаевич
Потоцкий, Адам
"Prager Zeitung", газета
"Пражский Вечерний Листок"
Прейс, Карл
"Пресса" ("La Presse"), французская газета
Прованский, граф
Прудон, Пьер Жозеф
Пуассон
Пугачев, Емельян

Пуркинъе, Ян

Путткамер

Путятин, Ефим Васильевич, граф,

Пушкин, Александр Сергеевич.

Пуцин, Иван Иванович

Пуцина, Елизавета Ивановна Пуцины

Пфицнер, Иосиф

Пыпин, Александр Николаевич

Р

Равальяк, Франсуа

Раговин, Евгений

Радецкий, Иосиф Венцель

Радзивил, Карл Станислав

Раевский, Владимир Федосеевич

Ралли, Замфир

"Раппель", французская газета

Растуль де Монжо, А.

Ратч, Василий Федорович

Рафаэль

"Revue des deux Mondes", французский жур-

нал

"Revue de Paris" см. "Парижское Обозре-
ние".

Ревякин, Василий

Рейхель

Рейхель, отец последующего
Рейхель, Адольф
Рейхель, Иетта, его первая жена
Рейхель, Марья Каспаровна (урожденная
Эрн), его вторая жена
Рейхель, Матильда, его
сестра (в замужестве Линденберг)
Рейхель, Мориц, его сын
Рейхенбах, Эдуард
Рек(к)ель, Карл Август
"Реформа", немецкая газета
"Реформа", французская газета
Рибентроп
Ривуар, учитель
Ригер, Франц Ладислав
Риттиг, Ганс
Рихтер, Герман Эбергард Фридрих
Ришар, Альбер
Робер, Киприан
Роберт Карлович, воспитанник В. А. Баку-
ниной-Дьяковой
Робеспьер, Максимилиан
Робинзон
Ровинский, Павел Аполлонович
Рогая, Шарль Алея Габриель
Розенталь, Иосиф-Антон Иосифович

Романовы, династия
Ромашов, Иван, шлиссельбургскнк узник
Ромеры, братья
Ронге, Иоанн
Россини, Джоакино
Ростопчин, Федор Васильевич
Рохов, прусский посол
Руге, Арнольд
Рудольф
Руперт (Рауперт), поляк
Рупшерт, доктор
"Русский Вестник", журнал
Руссо, Жан Жак
Рылеев, Кондратий
С
Сабина, Карл
Саваоф
Савинков, Борис
Сажин, Михаил Петрович
Сазонов, Николай Иванович
Сазонова, Мария Ивановна см. Полуден-
ская, Мария Ивановна.
Сатин, Николай Михайлович
Саша (сестра), см. Бакунина, Александра
Александровна.

Саша см. Дьяков, Александр Николаевич
Северин, французская писательница
Семашко, Иосиф, епископ
Семевский, Василий Иванович
Семеньский, Лукиян
Сен-Симон
Сент-Юрюж, Виктор Амедей, маркиз
Серафим, петербургский митрополит
Сервантес
Серж, Виктор
Сидоров, А.
"Siccle" (Le) см. "Век".
Сима, сестра
Симон, Жюль
Сиркур, Адольф
Скржинецкий, Ян Сигизмунд
Скуржевские, графы
Скуржевский, Арно
Скуржевский, Илиодор
"Славянская Липа.
"Славянский Юг", газета
Сладковский, Карл
"Словак", журнал
Смит, Адам
Смолка, Франтишек

"Современник", журнал

Сократ

София Габсбургская, эрцгерцогиня

Сперанский, Михаил Михайлович

Спешнев, Николай Александрович

Срезневский, Всеволод Измаилович

Стадион, граф

Стаматович, Павел

Станек, Вацлав

Станкевич, Николай Владимирович

Станко-Враз

Сторожевко, А., генерал

Страка, Адольф

Страка, Густав

Страка, братья

Струве, Амаид Иоаннович

Струве, Густав

Суварин, Борис

"Судебная Газета", французская

Сульт, французский маршал

Сухозанет, Иван Онуфриевич

Т

"Таймс", газета

Тайяндье, Рене

"Тан" см. "Время".

Тассо, Торквато
Телеки, Ладислав
Тик, Людвиг
Тимашев, Александр Егорович
Тобиан, полковник
Тоболка
Товянский, Андрей
Тодт, Карл Готлиб
Толстой, Григорий Михайлович
Толстой, Дмитрий Андреевич
Толстой, Лев Николаевич
Толстой, Яков
Толь, Феликс Густавович (также Эмануил)
Томашск
Томск, Вацлав Владивой
Тони
Траугут, Ромуальд
Трентовсккй, Бронислав Фердинанд
"Трибуна", французская газета
Трипольский, помещик
Троцкий I, Иоанникий Осипович, комендант Шлиссельбургской крепости
Троян
Тун, Иосиф Матвей, граф
Тун, Лео, граф

Туранский, Марцел
Тургенев, Александр Иванович
Тургенев, Иван Сергеевич
Тургенев, Николай Иванович
Тучков, Алексей Алексеевич
Тучкова-Огарева, Наталья Алексеевна
Тучковы
Тширнер см. Чирнер
Тышкевич, Винцент
Тьер, Адольф
У
Ульрих, проповедник
Ульяна Андреевна, няня Бакунина
Унковский, Алексей Михайлович
Урбан, Иосиф Милослав
Уркарт, Давид
Утин, Николай Исакович
Ушакова, Анна Петровна см, Бакунина, А.

П.

Ушакова, Екатерина Петровна
"Фаланга", французский журнал
"Фаланстер", французский журнал
Фаленберг, Петр Иванович
Фауст
Фейербах, Людвиг

Фелькер, Ф. А.

Фердинанд, австрийский император

Фет, поэт

Фигнер, Вера Николаевна

Фикельмон, Карл Людвиг, граф

Филипп Эгалите см. Орлеанский, герцог

Фишер, купец

Флокон, Фердинанд

Фогель, Роман

Фоллены

Фома, "постол

"Форвертс", газета см. "Вперед"

Фортуна, табачный фабрикант

Фотий, архимандрит

Фохт, Вильям

Фохт, Карл

Фохт, Луиза, старшая, мать

Фохты

Фоше, Леон

Франц, Иосиф, аудитор

Франц II

Франц-Иосиф, австрийский император

Франц-Карл, австрийский эрцгерцог

Францев, В. А.

Франциск III, герцог Лотарингский

"Франция", газета

"Французский Курьер", газета

Фребели

Фребель, Карл

Фребель, Юлий

Фрейлиграт

Фрейнд

Фридрих II Великий

Фридрих-Вильгельм III

Фридрих Вильгельм IV

Фрич, Иосиф Вацлав

Фролов, Николай Григорьевич

Фролова, жена предыдущего

Фурье, Шарль

Х

Хемницер

Херасков

Хлюстина, Анастасия, по мужу

Сиркур

Хоецкий, Эдмунд

Христос см. Иисус Христос.

Ц

Цах, Франьо

Цезарь, Юлий

"Централизация" Польского Демократиче-

ского Товарищества Цешковский, Август

Циммер, Карл

Цыбульский, Адальберт

Цыцурин, Федор

Ч

Чарторыйский, Адам

Чевкин, Константин Владимирович

Чейхан, Вацлав

Челяковский, Ф. Л.

Черносвитов, Рафаил Александрович

Чернышев, Александр Иванович

Чернышевский, Николай Гаврилович

Чесновская, графиня

Чех, Генрих Людвиг

"Чех", журнал

Чешская Матица

"Ceska Ucela", журнал

Чирнер, Самуил Эрдман

Чшинский, саксонский министр

Ш

Шамболь, Франсуа Адольф

Шамиль

Шафарик, Павел Иосиф

Шварцбург-Рудольштадтский, принц

Шварценберг, князь, австрийский

ми-

нистр

"Швед", псевдоним

"Швейцарский Республиканец", газета

Шевченко, Тарас

Шевырев, С. П.

Шекспир, Вильям

Шеллинг, Фридрих Вильгельм

Шельхер (или Шельпе), Виктор

Шеля, Якуб

Шене, жандарм

Шестунов, М. И.

Шиллер, Фридрих

Шинке, В.

Шкультерый, Иван

Шлиппенбах, Альберт

Шлиппенбах, Елизавета Альбертовна

Шлоссер, Фридрих

Шлюттер, депутат Франкфуртского сейма

Шопен, Фридрих

Шнайде, Францишек

Шпарфельд, Эдуард

Шрамм, Карл

Шрамм, Рудольф

Шредер, русский посол в Саксонии

Шрек, книготорговец

Штальшмидт
Штейн, Лоренц
Штейн, Юлий
Штефан
Штибер, Вильгельм
Штиблер, Карл Вильгельм
Штирнер, Макс
Штольцман, Карл
Штрайх, С. Я.
Штрандман, Р.
Штраус, Давид
Штробах
Штур, Людвиг
Шузелька, Ян
Шульц, генерал
Шуман, Генрих
Шурц, Карл
Шютце, Людвиг, жандарм
Щ
Щеголев, Павел Елисеевич
Щеголев, Петр Павлович
Щепкин Михаил Семенович
Э
Эдмонд, Шарль см. Хоецкий, Эдмунд
Эйлер

Эйхенбаум, В.
Элизар, Жюль (см. также Бакунин М. А.)
Эльджин, Джеме Брюс
Элькер, саксонский демократ
Эмбер, Жак
Эмма, фрейлен
Энгельман
Энгельс, Фридрих
Эразм
Эрбе
Эренберг, Густав
Эренрейх, портной
Эрмерен, Р.
Эри, Марья Каспаровна см. Рейхель. М. К.
Эрн, Наталья
Эрнст, аудитор
Ю
Юм, Давид.
Я
Ядринцев, Николай Михайлович
Языкова, Елизавета Петровна
Якоби, Иоганн
Якушкин, Иван Дмитриевич
Янечек, Бернард
Ярош

Ясенский, Бруно
Яффе, Надежда